45

Индекс 70544

РУССКАЯ ИДЕЯ, ТАЙНЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И ТЕМНЫЕ МИРОВЫЕ СИЛЫ
на страницах «Молодой гвардии»

Все аспекты жизни России — экономика, внутренняя и внешняя политика, военные конфликты, перспективы развития страны, тайны предательской перестройки, очищенная от лжи правда истории и современности — как всегда, в «Молодой гвардии» и нигде больше.

Журнал готовит к публикации во второй половине 1993 года следующие произведения:

Юрий БОНДАРЕВ. **Победители.** Роман.

Николай КУЗЬМИН. **Сколько стоит подвиг!** Повесть о трагедии жизни Юрия Домбровского.

Анатолий БАЮКАНСКИЙ. **Вернуть шпагу.** Остросюжетный исторический роман о трагической судьбе русского офицера, отважного путешественника, ученого-подвижника Ивана Прилуцкого.

Иван СТАДНЮК. **Меч над Москвой.** Роман о разгроме в 1941 году советских армий в «вяземском котле».

Юрий СЕРГЕЕВ. **Княжий остров.** Книга 2-я.

Князь М. Д. ЖЕВАХОВ. **С. А. Нилус: Подлинные тайны «Протоколов сионских мудрецов».**

Николай КОНЯЕВ. **Шутка Семена Злотникова: восемь расстрелянных, двести арестованных.**

Надежда ВЕСЕЛОВСКАЯ, Иван ШЕВЦОВ, Евгений ЧЕРНОВ, Геннадий ШИМАНОВ, Ирина ВОЛЬНОВА — современная проза.



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ



И. В. СТАЛИН

(К 40-летию со дня смерти)

Репродукция с картины Ф. Решетникова

ПОДПИСНАЯ ЛИСТОВКА «МГ»-93

Эту листовку, дорогой читатель, дай прочитать друзьям, знакомым, руководителям предприятий и местных Советов; передай в руки каждому, кому дорога судьба Отечества.

В 1993 году на наших страницах **РУССКАЯ ИДЕЯ, ТАЙНЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И ТЕМНЫЕ МИРОВЫЕ СИЛЫ.**

Все аспекты жизни России — экономика, внутренняя и внешняя политика, военные конфликты, перспективы развития страны, тайны предательской перестройки, очищенная от лжи правда истории и современности — как всегда, в «Молодой гвардии» и нигде больше.

Журнал готовит к публикации во второй половине 1993 года следующие произведения:

Юрий БОНДАРЕВ. **Победители.** Роман.

Николай КУЗЬМИН. **Сколько стоит подвиг!** Повесть о трагедии жизни Юрия Домбровского.

Анатолий БАЮКАНСКИЙ. **Вернуть шпагу.** Остросюжетный исторический роман о трагической судьбе русского офицера, отважного путешественника, ученого-подвижника Ивана Прилуцкого.

Иван СТАДНЮК. **Меч над Москвой.** Роман о разгроме в 1941 году советских армий в «вяземском котле».

Юрий СЕРГЕЕВ. **Княжий остров.** Книга 2-я.

Князь М. Д. ЖЕВАХОВ. **С. А. Нилус: Подлинные тайны «Протоколов сионских мудрецов».**

Николай КОНЯЕВ. **Шутка Семена Злотникова: восемь расстрелянных, двести арестованных.**

Надежда ВЕСЕЛОВСКАЯ, Иван ШЕВЦОВ, Евгений ЧЕРНОВ, Геннадий ШИМАНОВ, Ирина ВОЛЬНОВА — современная проза.

НОВИНКА В ЖУРНАЛЕ:

С июля 1993 года в каждый номер журнала «Молодая гвардия» будет включаться Приложение из уникальных (раритетных) книг, неизвестных и недоступных широкому читателю из-за астрономически баснословных цен на черном рынке; книг, упорно замалчиваемых демократами всех мастей и оттенков; некоторые из наших изданий не имеют аналогов ни в отечественном, ни в зарубежном книгоиздании.

В связи с этим объем журнала, естественно, увеличится.

Читатели, своевременно оформившие подписку на «МГ» на второе полугодие 1993 г., познакомятся со следующими книгами:

Юрий МИРОЛЮБОВ. **О князе Кие, основателе Киевской Руси.**

Анатолий ИВАНОВ. **Ермак.** Историческая хроника.

Сергей МАКСИМОВ. **Каторга.**

В. Н. ИЛЬИН. **Преподобный Серафим Саровский.**

Жизнеописания знаменитых русских разбойников (Кудеяр, по преданиям — родной брат Ивана Грозного, Василий Чумак, Соловей Васильевич (Журавлиная Лапка), Ванька Крест, Ульяна, Обские пираты и другие).

Для сравнения: стоимость подобных изданий на черном рынке — от нескольких сотен до нескольких тысяч рублей за отдельную книгу.

Подписка на второе полугодие 1993 г. проводится с 1 марта по 30 апреля с. г. Цена по каталогу на месяц — 262 рубля, на три месяца — 786 рублей, на полгода — 1572 рубля.

Стоимость объявленных книг Приложения входит в подписную цену журнала.

Торопись, дорогой читатель, приобрести уникальное издание. Москвичи могут подписаться непосредственно в редакции «МГ» (метро «Дмитровская», ул. Новодмитровская, д. 5а, 8-й этаж).

«Молодая гвардия» — современный патриотический журнал, открыто отстаивающий сегодня **Русскую идею** в смутное для России время.

Опыт дальних и ближних пращуров, святые чаяния отцов и дедов, ревнителей державного могущества, славянского единения — тот целительный, незамутненный тысячелетиями источник, к которому зовет «Молодая гвардия».

Созидание могущественного государства, способного объединить и защитить все народы Отчизны, утверждение светоносности России, беспощадное обличение русофобии, сионизма, лжедемократии, предательства русских национальных интересов, укрепление державы словом и делом и сердцем каждого патриота нашей Родины — цель, которой посвящает себя «Молодая гвардия».

Соотечественники! Друзья! Единомышленники! Крепите сплочением наше правое дело!

Выписывайте и читайте верный патриотической идее России журнал «Молодая гвардия». Распространяйте и пропагандируйте «Молодую гвардию»!

Распространением нашего журнала за рубежом занимается Акционерное общество «Международная книга» через своих контрагентов в соответствующих странах. Адреса фирм-агентов вы можете узнать в АО «Международная книга»: Россия, 117049, г. Москва, Большая Якиманка, 39;

телефоны: (095) 238-49-67, 238-49-30, 238-40-77;

телефакс: (095) 230-21-17, 238-46-34;

телекс 411160.

Подписная цена годового комплекта нашего журнала на 1993 г. составляет 79,00 долларов США.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал **70544** (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Количество комплектов

на 19____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ____________ (почтовый индекс) ____________ (адрес)

Кому ____________ (фамилия, инициалы)

- - - - - - - - - - - - - - - - - - - -

ПВ | место | литер

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на ~~газету~~ журнал **70544** (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Стоимость	подписки	____руб.____коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	____руб.____коп.	

на 19____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ____________ (почтовый индекс) ____________ (адрес)

Кому ____________ (фамилия, инициалы)

ПАТРИОТЫ, НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ!



1993
3

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

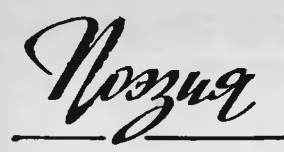
Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

«Молодая гвардия», 1993, № 3, 1—256

НАШ АДРЕС:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, телефоны редакции для справок: 285-88-58, 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15, отдел поэзии — 285-88-40, отдел очерка и публицистики — 285-80-26, отдел критики — 285-80-14, отдел распространения, реализации и пропаганды — 285-80-16.



Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

МАТЕРИНСКИЙ ОГОНЬ

Порою в женщине чужой,
Уже не молодой и грузной,
Мне померещится твой грустный,
До боли милый облик твой,
Твоя усталая походка,
Доверчивый к прохожим взгляд...
И поплывет назад,
Назад
Моих воспоминаний лодка.

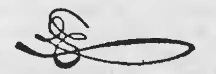
И я увижу дикий сад
И в балке высохшую грушу,
Как будто загляну я в душу,
Где наступил уж листопад...

О мама,
Совесть дней моих!
Печаль твою не потревожу,
А радость, может, приумножу,
Хотя б на миг,
Всего на миг —
Тебя обрадую удачей,
Свою запрятав глубже боль,
В которой и к тебе любовь,
И к прошлому...
О нем ли плачу?
И, понимая все,
Ты вдруг
Светло и грустно улыбнешься,

К моим ладоням прикоснешься
Всем милосердьем добрых рук.

И я уйду,
Храним тобой,
Твоей молитвой материнской...
О, пусть дымок над хатой низкой
Летит и над моей судьбой,
Меня от бед и лет храня!
Еще скрепляет дело Слово,
То, родовое, как основа,
От материнского Огня!..

Москва



ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ИГО

СТРОКИ ИЗ ТРАГИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ РОССИИ *

КАК УТВЕРЖДАЮТ

РАДИО «СВОБОДА»: Около десятка бразильских коммунистов провели демонстрацию протеста против Михаила Горбачева в Рио-де-Жанейро, где он выступал перед ведущими бизнесменами Бразилии. Демонстранты называли его предателем социализма и врагом народа.

«Труд», 9 декабря 1992 г.

ЛИТОВСКОЕ РАДИО: Политическая жизнь в Риге взбудоражена акциями национал-радикалов. Члены национальной гвардии захватили ключи от бывшего Дома офицеров Советской Армии. Одновременно гвардейцы устроили погром у выставочной стены в центре города, избив двух русских художников. Во многих местах расклеены плакаты с призывами к депортации русских.

«Труд», 11 декабря 1992 г.

КОРОТКО ОТОВСЮДУ

Опасения многих постоянных жителей Латвии, что они могут быть лишены гражданства в этой республике, представляются вполне обоснованными, говорится в докладе миссии ООН, побывавшей в Латвии. Миссия ООН выступила за предоставление гражданства большинству жителей Латвии.

«Труд», 9 декабря 1992 г.

В Эстонии идеологизируется история. Означает это, что прошлое становится предметом подражания. Прошлое повторяется в современном варианте.

Напоминаем читателям: в распоряжении «ЛР» есть документы о тех преступлениях, которые были совершены фашистскими эстонскими организациями на территории Эстонии. Без малого тысячи листов документов постранично свидетельствуют о геноциде, который велся на территории Эстонии по отношению к евреям, привезенным из Европы (физическое уничтожение), русским военнопленным и собственно эстонцам. В 83 лагерях под Таллинном в Клоога и в Калеви-Лиива, в лагерях Эреди и Кивыли под Кохтла-Ярве, а также в Нарве, Вильянди и Выру, в самом Таллинне. «Евреев больше в Эстонии нет» — строка из справки «СД» за 1942 год.

* Начало см. в № 11, 12, 1992; № 1, 2, 1993.

В 1992 году на территории Эстонской республики много месяцев подряд проходили слеты, сборы и научные конференции к 50-летию СС «Эстония», преступной организации, осужденной Нюрнбергским процессом. Эстонской общественности предлагалось рассматривать СС «Эстония» во второй мировой войне как героическое прошлое «Вафен-СС» — «СС-оружие».

Одновременно с академическим осмыслением роли СС во второй мировой войне Институтом истории Академии наук Эстонии и Тартуским университетом в ноябре прошлого года и в июле этого года уничтожались еврейские могилы на кладбище в Тарту. И все это — при массовом правовом и социальном геноциде русскоязычного населения на территории Эстонии...

Правительство Эстонии молчаливо попустительствует многочисленным юбилеям профашистских организаций, но законодательно лишает общечеловеческих прав неэстонское население республики. Таким образом, антирусская идеология нового эстонского правительства приобрела официальный статус. Взамен живых евреев расправляются с мертвыми, а взамен лагерей для русских военнопленных созданы русские гетто с незримым социальным забором отчуждения от всех социальных и нравственных прав — вплоть до локаутов крупных предприятий, где в основном трудятся русские.

Платон АФАНАСЬЕВ, писатель, член правления Международного информационного центра по правам человека. «Евреев больше в Эстонии нет». (Министерству иностранных дел Российской Федерации было отказано в заботе о русском населении Эстонии.) — «Литературная Россия», 18 декабря 1992 г.

Издательство «Зидлер»... на все лады расхваливает книгу Сони Марголиной под названием «Конец вранью», в которой рассказывается о «России и евреях в XX веке». Основной ее тезис гласит: евреям в России пора прекратить изображать из себя простых гонимых, они стали активными действующими лицами, ибо были в числе руководителей при создании советской системы. ...Книга написана русской еврейкой, проживающей в Берлине...

Фолкер УЛЬРИХ («Цайт», Гамбург). Виновны жертвы? — «За рубежом», № 31, 1992 г.

Как известно, жители города на Неве в самые тяжелые годы блокады разбивали огородные хозяйства прямо в центре. Сохранились фотографии овощных грядок у стен Исаакиевского собора. Надобность в этих городских огородах отпала сразу же, как только отогнали врага от стен города. Но в наше время потребность в городских огородах вновь возникла со всей остротой и очевидностью...

Дмитрий СТРУЖЕНЦОВ. В Петербурге будут сажать. Капусту. — «Труд», 8 декабря 1992 г.

...За девять месяцев, как сообщил Госкомстат России, продуктов питания произведено на 22 процента меньше, чем за тот же

период прошлого года. Ходовых товаров — мяса, колбасных и кондитерских изделий, крупы, чая в торговлю поступило на 24—32 процента меньше, растительного масла — на 19, маргарина — на 12 процентов. Не лучше положение и со свекольным сахаром, его выпуск сократился на 18 процентов.

Предприятия, перерабатывающие молоко, отдавали предпочтение дорогостоящему маслу (подняв его производство на 0,9 процента) — за счет цельного молока, которого выпущено наполовину меньше. Молочных консервов убавилось на 19 процентов. Вдвое сократился выпуск сухих молочных смесей, для детей на треть — фруктовых соков...

Беспокоят данные о заготовке картофеля: за девять месяцев заложено на хранение миллион тонн — половина прошлогоднего...

Цены же росли вовсю... Дорожают и непродовольственные товары...

Напомним: средняя зарплата в народном хозяйстве в октябре составила около 10 тысяч рублей.

Голод и в эту зиму нам не грозит, заверили руководители наши, выступая на VII съезде народных депутатов. Дай-то Бог!

Владимир НАУМОВ. Голод, говорят, не грозит. — «Труд», 8 декабря 1992 г.

...Нужны ли России дети? Один на один, лицом к лицу оказались наши беззащитные мальчишки и девчонки с несметной ратью Президента и его правительства. На стороне детей лишь мамы да бабушки, которые пытаются при высоких ценах (а от начала года они подскочили уже на 2 тысячи процентов), при низкой зарплате, а иногда и вообще ее не имея, накормить, одеть, обуть, воспитать. На стороне Бориса Николаевича и Егора Тимуровича с их славной командой армия послушных мэров, префектов, глав администраций.

Из-за недостаточности питания, изменений в его структуре резко возросла заболеваемость туберкулезом. Только за последние десять месяцев в девять раз она увеличилась в Якутии, на Чукотке, а в стране нет лекарств. Медобслуживание становится недосягаемым. Вкладывать средства в Север неоправданно — так считает Егор Тимурович. И потому не спешат на Камчатку пароходы с товарами и продуктами. На дворе декабрь, а в Корякский автономный округ завезено менее половины угля. Критическая ситуация с дизтопливом. Голодные в холодных квартирах, в детсадах, школах, без света — такая перспектива перед детьми Севера. Нет горячей воды, нет мыла, порошок стиральный стоит уже 500 рублей. Нужно ли удивляться тому, что появились сообщения из Хабаровского края о чесотке. О форме 20, как научно обзывают забытых нами с гражданской войны вшей.

Медленно, но неуклонно падает... рождаемость в моем родном округе. Зато показатель детской смертности резко возрос и составляет 35,2, в то время как в среднем по России колеблется от 18 до 20.

Страшно, что дети не только умирают, они и погибают. Погибают от энергично насаждаемого предприимчивыми дельцами пьянства... Кто придет к нам на смену через 20—30 лет? Для кого проводится эта реформа, от которой ни Президент, ни прави-

тельство не намерены отступать ни на шаг?.. Что не для наших детей — это ясно.

«Российский бизнес нуждается в сильном покровительстве», — услышали мы из доклада Президента. Борис Николаевич, в сильном покровителе нуждаются наши ребятишки, в большей части как раз от российских бизнесменов, сколотивших и сколачивающих свое состояние, в том числе и на детях...

Н. СОЛОДЯКОВА. Нужны ли России дети? — «Советская Россия», 5 декабря 1992 г.

ГОЛОСА

РАДИО «СВОБОДА».

Вести с бурно проходящего Съезда народных депутатов России. История президентского проекта постановления Съезда о стабилизационном периоде получила неожиданное продолжение. Проект потряс многих излишней жестокостью и безапелляционностью. Из Москвы — Михаил Соколов:

— Координатор фракции «Радикальные демократы» Сергей Юшенков сообщил: Президент отозвал проект постановления Съезда о правовом обеспечении стабилизационного периода.

Как заявил Юшенков, на заседании совета фракций представители различных депутатских групп оценили президентский проект как неприемлемый. Известный депутат, знаток античности, даже не захотел комментировать проект, а просто покрутил пальцем у виска.

Заказчиком проекта был экс-госсекретарь Геннадий Бурбулис, исполнителем — заместитель начальника государственно-правового управления Президента России Руслан Орехов. Но заказчик окончательного текста не видел, и вообще Бурбулис недоумевает, каким загадочным лицом проект был поднесен Ельцину и потом предложен Съезду... В аппарате Ельцина давно происходят странные вещи, и вопрос о том, где и как рождаются тексты, с которыми Президент выходит на публику, приобретает глобальный политический характер.

Оценив предложенный доклад как абсолютно беспомощный, близкий к правительству депутат сообщил, что в период подготовки Съезда правительственная команда была фактически отлучена от подготовки доклада. У нее не взяли заранее подготовленные тексты...

«ГОЛОС АМЕРИКИ».

Согласно опросам, население России относится к экономическим реформам с меньшим энтузиазмом, чем утверждают Президент Ельцин и временный глава правительства Егор Гайдар. Наш корреспондент Марк Хопкинс сообщает из Москвы:

— Один из недавних опросов 1100 взрослых москвичей показал, что личная популярность Президента Ельцина снижается. На вопрос, следует ли ему оставаться в должности, положительно ответили 57 процентов опрошенных. В прошлом году, вскоре после путча, на этот вопрос положительно ответили 91 процент москвичей. По другому опросу, проведенному в сельских районах, политику Ельцина по реорганизации колхозов поддерживают лишь 30 процентов, 44 процента не согласны.

Тот же обзор показывает, что от 40 до 50 процентов жителей городов и деревень одобряют решительную поддержку государственной промышленности и торговли.

Общий вывод социологов звучит так: продолжения реформ хочет незначительное большинство граждан России, при этом Президент Ельцин и глава правительства Гайдар не пользуются поддержкой подавляющего большинства населения.

«Советская Россия», 5 декабря 1992 г.

— Мы довольны тем, что не прошел Егор Гайдар. Этим довольны мы, этим доволен съезд, и, я думаю, этим довольны избиратели. Но называть это нашей победой я бы не стал. Мы не выдвигали кандидатуру Черномырдина. Мы не знаем, какова на самом деле его политическая позиция, какова его программа. Да и о составе будущего правительства пока ничего не известно. То есть — большой знак вопроса. Я бы расценил это как элемент компромисса. Впрочем, думаю, прошла бы любая представленная президентом кандидатура — кроме Гайдара.

Из интервью одного из лидеров блока «Российское единство», сопредседателя Фронта национального спасения Ильи КОНСТАНТИНОВА П. Емелину. «Ставка на практиков». — «Литературная Россия», 18 декабря 1992 г.

ГОСКОМСТАТ РОССИИ С ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕТ

Какое наследство получает В. Черномырдин

Госкомстат России привел данные о производстве важнейших видов продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления в январе—октябре 1992 года. Многие из них красноречивее любых слов говорят о том, какое наследство досталось после «шоковой терапии» новому премьер-министру В. Черномырдину.

	Октябрь 1992 г.	Октябрь 1992 в % к октябрю 1991 г.
Нефть, включая газовый конденсат, млн. тонн	31	83
Первичная переработка нефти, млн. тонн	20,6	86
Топочный мазут, млн. тонн	7,5	86
Сталь, млн. тонн	5,2	84
Готовый прокат черных металлов, млн. тонн	3,8	86
Стальные трубы, млн. тонн	0,7	81
Металлорежущие станки, тыс. штук	3,3	68
Кузнечно-прессовые машины, тыс. штук	1,0	58
Экскаваторы, тыс. штук	0,9	53

Краны башенные грузоподъемностью 8 тонн и выше, штук	74	36
Минеральные удобрения, млн. тонн	788	69
Синтетические красители, тыс. тонн	1,8	46
Пиломатериал, млн. куб. м	2,6	65
Бумага, тыс. тонн	278	69
Картон, тыс. тонн	136	64
Цемент, млн. тонн	4,8	75
Ткани, млн. кв. м		
хлопчатобумажные	179	38
шерстяные	22,3	65
шелковые	61,2	74
Чулочно-носочные изделия, млн. пар	54,6	83
в том числе для детей	15,3	62
Трикотажные изделия, млн. штук	32,4	55
в том числе для детей	12,3	43
Обувь, млн. пар	15,2	55
в том числе детская до 24-го размера включительно	4,7	37
Тетради школьные, млн. штук	85,6	44
Цельномолочная продукция, млн. тонн	695	48
Соль пищевая (добыча), тыс. тонн	300	57

«Советская Россия», 17 декабря 1992 г.

ХРОНИКА РАЗРУХИ

Почти на две тысячи километров — от Находки до Белогорска — растянулись брошенные на станциях Дальневосточной и Забайкальской железных дорог поезда. Стоят эшелоны с углем, комбикормами, продовольствием и другими грузами. Забиты составами подступы к портам Ванино, Восточный, Находка.

Поставлен на прикол весь автомобильный парк одного из крупнейших в дальневосточном регионе строительного объединения «Северовостокэнергострой» в Комсомольске-на-Амуре. Не работают также экскаваторы, бульдозеры, другая мощная техника.

Со вчерашнего дня в Петербурге в полтора раза увеличены цены на хлебобулочные изделия. Это решение городская мэрия приняла под давлением внешних обстоятельств. В первую очередь из-за резкого повышения стоимости муки.

«Советская Россия», 17 декабря 1992 г. (ИТАР — ТАСС).

Три осиновых кола вбили у печально известных Вискулей в Беловежской Пуще 29-летний резьбошлифовщик Минского автозавода Александр Картель и двое молодых брестчан.

Обращаясь к трем «героям» беловежского сговора, представители общественности заявили: «Пусть эти осиновые колья послужат серьезным предостережением. Все-таки придется отвечать за разрушение того, что вами не создавалось».

Александр ГОЛОВЕНКО, Олег СТЕПАНЕНКО. Осиновые колья в Вискулях. — «Правда», 8 декабря 1992 г.

— Мир сегодня напуган возможным объединением преступных групп России с их зарубежными «коллегами». Реально ли это?

— Да. На территории России в прошедшем году уже изобличены 943 организованные преступные группы. Из них межгосударственные связи имела 91 группа и межрегиональные — 180.

МВД России располагает оперативной информацией еще примерно более чем о двух тысячах преступных формирований различной степени организованности, действующих на территории республики. Число их активных участников достигает 15 тысяч. Каждая третья из них имеет противоправные зарубежные связи. Но международная организованная преступность представляет повышенную опасность не только для других стран, а прежде всего для экономического и финансового состояния России, нанося наиболее ощутимый материальный ущерб...

Из беседы В. Горленко и И. Царева с министром внутренних дел России генерал-полковником Виктором ЕРИНЫМ. «Прогноз покоя не сулит». — «Труд», 1 декабря 1992 г.

Итальянская мафия и преступные группы из бывшего СССР в ходе встречи на территории Чехословакии, состоявшейся, как стало сейчас известно, несколько недель назад, условились о сотрудничестве. Они договорились создать мировую подпольную организацию для сбыта наркотиков и ядерных материалов.

Коротко отовсюду. — «Труд», 2 декабря 1992 г.

Министр культуры России Евгений Сидоров объявил, что Россия вернет Нидерландам сотни полотен, украденных нацистами в 1940 году, положив тем самым конец их поискам, продолжающимся четыре десятилетия.

Выступая по голландскому телевидению, Сидоров впервые официально подтвердил, что полотна находятся в России. Он сказал, что Москва намеревается вернуть Нидерландам целое собрание, состоящее из картин Рембрандта, Рубенса, Тициана и Дюрера...

Шедевры вернутся домой («Интернэшнл геральд трибюн», Париж). — «За рубежом», № 31, 1992 г.

...Для восстановления... советских потерь (по последним статистическим данным, речь идет о 461 588 предметах искусства из 73 музеев, замков и дворцов) не хватает информации. Конечно, можно сравнить списки потерь, составленные музеями, и списки «изъятий», составлявшиеся оккупантами, но это и многое другое требует большого терпения, а часто связано и с тем, хотят или не хотят сделать демонстративный жест доброй воли. Правда, российский министр культуры Сидоров стимулирует интерес

немцев, предлагая участвовать в восстановлении российских памятников архитектуры, разрушенных во время войны.

Директор Бременской картинной галереи Зальцман собственными глазами уже видел в Эрмитаже часть вывезенных из Бремена сокровищ. Вместе с тем... он намерен предпринять новые усилия по розыску предметов искусства в Москве, Баку и Киеве.

И по крайней мере в Москве он может ссылаться на решения недавно созданной государственной комиссии, занимающейся вопросами трофейных ценностей. Она уже освободила все музеи от «обета молчания» относительно того, какие трофейные предметы искусства хранятся в их запасниках.

«Биг мама» сдавала багаж...» — «За рубежом», № 31, 1992 г.

ИЗ ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ

Иван УХАНОВ

В РОССИИ ОПЯТЬ ОКАЯННЫЕ ДНИ

Приехал в родное село. После ужина дед зовет отдохнуть у телевизора и со вздохом, каким-то разоренным голосом жалуется:

— Что ни фильм, то драки да убийства; знай себе дерутся да убивают.

— Вам показывают не наши фильмы, а западные.

— А где же наши?! Да ить и на западе разве не люди живут? Все уши прожужжали про ихнию цивилизацию, с намеком, чтоб мы с них сглядывали да учились, как нам жить надобно... Во, во, гляди-кось, опять на экране мордобой и смертоубийство! Да-а, выходит, как люди наши по-ихнему начнут вот так друг дружку лупцевать до смерти, то и у нас наступит цивилизация? О, Господи, спаси и помилуй... Избавь нас от этакой сатанины...

* * *

Почти каждодневно «Радио России» транслирует задорные частушки, народные песни — записи многолетней давности, преподнося их как современные: слушайте, мол, как ликует и поет «освобожденный» от тоталитаризма народ.

Эти радиомошенники, похоже, и впредь намерены действовать, как тот анекдотический мужик, который давал своей корове солому, но дабы внушить ей, что она ест желанное сено, надевал ей на глаза зеленые очки. Но доколь?!

Дурачить можно долго, но не вечно.

* * *

Недавно позвонила корреспондентка из еженедельника «Коммерсантъ» и задала мне, председателю бюро Творческого объединения московских прозаиков, вопрос: «Как писатели ощущают на себе ход реформ?»

— Если реформы, — отвечаю ей, — продолжатся в таком же ключе, то люди искусства начнут потихоньку вымирать. Понимаете, нас ограбили и просят не возмущаться, а терпеть и приветствовать ход реформ...

— Спасибо, — прервала меня корреспондентка, поняв, что для беседы о ельцинско-гайдаровских реформах следует подыскать другого человека — такого, который бы с восторгом и умилением рассказывал о строящейся для него виселице.

* * *

Неистово кляня большевиков как зодчих коммунистического тоталитаризма, «демократы»-перестройщики с такой же неистовостью бросились защищать, реабилитировать самых матерых и кровожадных из них — Троцкого, Бухарина и других «пламенных революционеров», на совести которых кровь миллионов невинных жертв.

Горбачев впервые, пожалуй, не соврал, заявив, что «перестройка — это продолжение Революции, начатой Великим Октябрем».

Что так, то так: будь жив Лев Троцкий, «демократы» немедля поставили бы его вместо Бориса Ельцина.

* * *

В беседе с одной женщиной, возмущенной дикими ценами на продукты питания, я попытался назвать причины такой дороговизны. Она замотала головой: «Вы опять про политику, а я не желаю вникать в политику, мне лишь бы в гастрономе что-нибудь купить для ребенка...»

Наивная! Не хочет понять: какая в стране политика, такое и питание у народа.

* * *

Один из главарей фашистской Германии в канун войны против СССР сказал известные всему миру слова: «Русские должны умереть, чтобы жили мы».

Теперь по отношению к русским Запад придерживается тех же задач и намерений. Только не излагает их, а конкретно осуществляет...

В 1985 году во многих городах страны вдруг ввели талоны на масло, сначала выдавали по одному килограмму, потом — по 200 граммов на человека в месяц. А теперь цены на сей же продукт подскочили на недосягаемую для многих людей высоту. Так куда же подевалось наше масло? Может, сократилось его производство? Наоборот, в сравнении с 1975 годом оно даже возросло на треть. В целом наша страна производит 21,4 процента мирового объема сливочного масла при 5 процентах мирового населения. На одного человека у нас должно бы приходиться на 26 процентов масла больше, чем в зажиточной Англии, где понятия не имеют о дефиците на этот самый ходовой продукт питания.

В чем же дело? Статистика отвечает: в 1985 году дефицит масла в США и Западной Европе составил 166,4 тысячи тонн, в Со-

ветском Союзе же, несмотря на рост производства масла, его начали продавать по талонам. В 1990—1991 годы загранице не хватило уже 595 тысяч тонн масла, и в СССР оно исчезло. Мяса тоже нет. Уже в 1988 году в нашей стране мясопродуктов было потреблено на 668 тысяч тонн меньше, чем произведено, остальное отправлено на покрытие образовавшегося к началу 1985 года дефицита мяса на мировом рынке. В 1991 году из СССР было вывезено 3 миллиона 396 тысяч тонн мяса, и многим советским гражданам пришлось стать вегетарианцами.

Та же картина с сахаром, зерном, овощами. Заглянешь в статистику — и бессонницей обеспечен. Мародерский беспредел оглушает: экспорт в руках наших правителей сделался орудием тотального разграбления государства. Не в дом, а из дома тащат они народное добро, призывая нас терпеть, не мешая им выворачивать наши карманы. Но во имя чего терпеть?!

* * *

Года два назад побывал у приятеля на подмосковной даче. Запомнились веселый перестук молотков, аромат сосновой стружки, пресный запах бетона, музыка, песни...

Недавно снова навестил то садоводческое товарищество. День стоял теплый, солнечный, но вокруг — почти ни души. Дядя Вася, сторож, лишь руками разводил:

— Дорога сюда теперь многим не по карману: разок приехал — отдай за бензин полтыщи. Зарастают участки. Как осваивать, строиться, если цена куба вагонки с восьмидесяти рублей при Брежневе до двенадцати тысяч подпрыгнула при Ельцине? Навоз в тридцать раз подорожал. Это ж конец света!

Подумав, добавил:

— Москвичи к тому ж боятся на выходные дни квартиры без пригляду оставлять — повальные кражи и грабежи, слышь. И здесь на дачах нет отбоя от хулиганья...

Осенью мне пришлось побывать на отчетно-выборном собрании членов того самого садоводческого товарищества. Разные обсуждались проблемы, в том числе и «вопрос о нарушителях Устава». Председатель правления доложил, что гражданка такая-то давно не платит за участок, что ему надоело с ней миндальничать, а потому общим голосованием нужно решить ее судьбу.

«Нарушительнице» дали слово. Сутуловатая, негородского вида старуха в изношенном пуховом платке на плечах, нервно приглаживая простоволосую седую голову, стала защищаться:

— Так я же платила, сперва пятьсот рублей, потом восемьсот...

— То были вступительные взносы, мамаша. Три года тому... А за подводку электричества вы не уплатили, а все по шесть тысяч отдали.

— А зачем оно мне, электричество? Кто ж на земле по ночам работает? Мне, сынок, и божьего белого дня хватает. У меня будочка фанерная да грядки. Лучок там, морква, клубника, калинка, малина...

— Но вы же находитесь в садоводческом товариществе. Здесь у нас все общее — плата за воду, свет. Почему кто-то должен платить за вас?.. Если не в силах содержать участок, сдайте его. Нам завтра же за него двести тысяч дадут и на месте вашей фанерной фазенды дом-сруб или кирпичный особняк поставят, сад прекрасный разведут... вместо вашей калинки-малинки. Поймите, земля не должна пустовать.

— А разве ж у меня она пустошна, разве я плохо землю роблю? Да я на ней, матушке-кормилице, полста годов оттрудилась! Это вот только последние пятнадцать лет своей жизни в городе я, к вам сюда на асфальт занесло. Сын позвал, а сам на Север завербовался. И землю я получше вас знаю, чую...

— Ну, знаете, это все лирика, — прервал возбужденную старуху председатель. — А мы люди дела и должны поступать в интересах дела. Вас не раз предупреждали, а потому позвольте задать вам последний вопрос: «Сможете ли вы до двадцатого ноября (это срок, отпущенный нам на приватизацию участков) внести шесть тысяч за электроэнергию, двести рублей — за приватизацию, шестьсот рублей — за минувший год и пять тысяч рублей — за 1993 год? Сможете?»

— Господи, люди!.. Что с вами? Креста, что ль, на вас нет? Где ж мне такие тыщи взять? Откедова и зачем? Ведь прежде завсегда по семьдесят рублей год оплачивали, а теперь пошто такие тыщи?! Что ж это вы убиваете меня?..

— Итак, господа, — подытожил председатель, поморщившись. — Как видите, гражданка Виксова не может на равных оплачивать наши общие расходы, то есть и впредь будет систематически нарушать наш Устав. А посему разрешите поставить вопрос на голосование. Кто за то, чтобы гражданку Виксову из нашего товарищества исключить, прошу поднять руки... Раз, два, три...

Много рук поднялось. Некоторые поднимались тяжело, неуверенно, нехотя. Никто не хотел зверепть. Но, увы, многие вынужденно подчинились волчьему закону Рынка.

* * *

Длиннющая очередь в коридоре нотариальной конторы. Хмурые, молчаливые люди. Но вот слышится разговор. Молодой, с усиками человек в кожаной куртке беседует с женщиной преклонных лет.

— Вы мне конкретно поясните, в чем вы были несвободны и какую свободу получили теперь? — спрашивает она.

— Прежде при заполнении анкет я должен был в графе «партийность» поставить либо член КПСС, либо член ВЛКСМ. Теперь я освобожден от этой обязаловки.

— Но кому стало легче от этого?

— Понимаю, вам нужны конкретные улучшения жизни, а их нет; хлеб стоит столько, колбаса — столько. А вы не от пуза отсчет ведите!

— Но и от пуза тоже надо бы вести. Колбаса копченая, кстати сказать, до двух тысяч рублей за килограмм поднялась.

— Согласен, дороговато, — развел руками парень. — Зато я возьму за двести рублей сто граммов этой колбасы и всю съем. Всю! Поняли!.. А прежде набивали холодильники дешевой колбасой. а потом выкидывали ее, заплесневелую, в мусоропровод. Теперь милое дело: что купил, то и съел.

— Хлеб в сто пятьдесят раз подорожал. Это тоже благо, милое дело?

— Теперь горбушку вместо шайбы ребятня во дворах не гоняет!

— Ох, опять, значит, сие нам во благо. — Женщина раздумчиво покачала головой, потом цепко, с какой-то подозрительностью уставилась на парня, словно сомневаясь, в своем ли тот уме. Помолчав, спросила:

— Вы женаты?

— Да.

— Теперь по пять тысяч рублей берут за роды, — вроде бы некстати напомнила женщина.

— Ну и что? Пять тысяч отдал, зато своего ребенка получил. Сво-е-го!

— А прежде-то разве чужих роженицам подкидывали?

— Сам читал в «Московском комсомольце» о маразме в наших роддомах: то уронят младенца, то бирки перепутают. Теперь так: заплатил — получи. Милое дело.

— А что же рожать-то перестали?

— Поумнели. Прежде мы жили, чтобы «жила бы страна родная и нету других забот», — тихонько пропел парень. — А теперь сами хотим для себя пожить.

— Без детей решили обходиться? Неужели вы не думаете о ребенке?

— О проблемах размножения пусть демографы думают. А для меня главное — свобода!

— Свобода от чего?

— От всего, что мешает человеку быть человеком! — отчеканил парень.

— Значит, мы тут все стоящие папаши, мамаши вроде бы уж и не человеки, поскольку детей имеем? — с грустинкой улыбнулась женщина.

Парень промолчал в ответ, брезгливо оглядел тесное помещение конторы, куда его загнала случайная нужда.

— Ну, ладно. Коль ты такой гордый, то от всего, пожалуй, освободишься, окромя... смерти, — заметила одна старушка. — Да, сынок, хотим жить с локоток, а живем с ноготок... Вот ездила я той веделью Дарью Емельяновну хоронить. Тут недалече, в поселке. Не из чего, оказалось, гроб сделать. Горбыльков сырых кое-как настругали...

— А вы знаете, бабушка, почем сейчас куб хорошего теса? Восемь тысяч! — голосом судьи урезонил парень. — А за шпунтованную «сороковку» мы недавно для нашего кафе десять тысяч уплатили.

— Но при чем тут Дарьи Емельяновна? Она полвека овощеводству отдала, не покладая рук страну кормила, а шесть ровных досок себе на гроб не заработала.

— Может, и заработала, но... если здраво рассудить, какая ей разница, в каком гробу лежать? Да ее хоть в хрустальный клади, чего изменишь?.. А вот, к примеру, для нашего кафе-казино нужен был отличный пиломатериал. Мы для людей уют, красоту создаем, чтобы приятно зайти, посидеть вечером. Ну а с деревом сейчас жуткий дефицит. Значит, и расходовать его надо с умом.

Помолчав, парень добавил поучающе:

— И вообще, все эти претензии должны соответствовать возможностям каждого из нас. Один так живет, другой иначе — все должно быть по средствам... Вот у нас недавно тоже хоронили. Замдиректора коммерческого банка. Гроб в девятнадцать

тысяч обошелся. Дорого? Но зато это же был, — парень прищелкнул пальцами, — это же был не гроб, а белый «мерседес»!

В тесном людном помещении нотариальной конторы стало тихо. Видя, что люди отводят от него глаза, парень вынул из кармана пачку дорогих сигарет, небрежно кинул одну из них в рот и вышел на крыльцо.

* * *

Сегодня едва ли не каждый из нас чувствует себя в положении человека, которого вынудили выкинуть из дома мебель, а новой взамен не дали; вот он и сидит теперь на полу в опустевшей квартире и, неприкаянно озирая оголившиеся углы своего жилья и своей души, разочаровавшись во многом, пытается все же понять, что с нами происходит... Где предел творящемуся в стране беспределу? До какого срока и во имя чего выживать? Куда идем, круша на пути созданное своими же руками?!

* * *

В командировке, в Оренбурге, встретился с давним знакомым. Молодой инженер, кандидат технических наук, автор многих умнейших конструкторских решений. Когда-то и о нем очерк напечатал в областной газете «Южный Урал».

И вот сидим в его доме на городской окраине и беседуем. Мой знакомый рассказывает о том, что развел кур, бройлерных цыплят, соорудил для них сарайчик, получил и освоил земельный участок под огород и уже нарыл осенью четыре мешка картошки... Два часа беседуем о механике и способах выживания, и ни слова не слышу о том, о чем мы говорили с Андреем (так зовут его) пять лет тому назад. С азартом Андрей рассказывал мне о технических новшествах, внедренных им в производство, делился планами, мечтал... Теперь конструкторские мозги его целиком заняты другим. Цыплята, куры, картошка... Ну а как же завод, знаменитый на всю страну машиностроительный завод имени В. П. Чкалова, своей продукцией участвовавший в создании космических ракет?

— Ушел я с завода. Вернее сказать, сократили меня... Теперь в киоске коммерческом автозапчасти продаю... А что делать? У меня семья, ребенок...

Потрясенный, я с недоумением смотрел на крупный, с просторными залысинами лоб Андрея, на его бледные, нервные руки творца.

— И вы что ж... сами их делаете... эти запчасти для автомобилей? — с одиозной наивностью спросил я не подумавши.

— Нет. Достаем. Посредник у нас есть такой. Где-то со складов умыкивает, платит мзду, а те еще кому-то там платят. Короче, все это добывается, выносится, по словам Райкина, «через заднее крыльцо» магазинов, заводов, складов... А мы лишь перепродаем. Этакая цепочка взаимостимулированного воровства. Поначалу я, правда, пробовал в этот киоск железный что-то свое, сделанное своими руками, приносить. В деревне у деда взял два старых чайника, самовар, привез, отлудил, почистил и продал. Но где теперь наберешься этих ржавых чайников?..

«Боже мой! — едва не воскликнул я. — Талантливый инженер,

надежда славного завода, прямой участник создания космической техники, теперь — старьевщик, лудит, клепает ржавую утварь и, чтобы спастись от голода, продает ее!..»

Это мое горестное удивление Андрей прочитал по моим глазам и, помолчав, продолжил:

— Увы, старик. Не только я один такой... оказался ненужным. Многие очень способные специалисты вынуждены были уйти с завода, забыть, что они инженеры. Еще вчера создавали уникальную технику, нынче делают деньги. Я осуждал уличных торгашей, ненавидел их киоски-клоповники, вагончики-лавки, заполонившие улицы города. А теперь сам попал... Понимаешь, само правительство создало этот абсурд, когда инженеру не выгодно мыслить, писателю — творить, строителю — строить. Правительственные преступники решили — из общества сделать стадо, социально расслоив его на незаслуженно богатых и на незаслуженно бедных, проще говоря — на грабителей и ограбленных. Вторая их задача — тотально разрушить экономику, индустрию нашу путем вытеснения, увода из промышленности лучших кадров с последующим размыванием профессиональной их пригодности, то есть полным их уничтожением. Вот я, к примеру, как инженер уже уничтожен. Меня оторвали от любимого дела, пользы от меня народу сейчас нет никакой.

— Но почему бы не создать коммерческую фирму по изготовлению сложных каких-нибудь конструкций, скажем, для автоматизации труда фермеров?

— Ну, во-первых, создавать КАКИЕ-НИБУДЬ конструкции я не хочу. Принципиально не желаю заниматься абы чем ради добычи денег. Меня государство не этому учило, дипломировало, тратилось, а я, видите ли, должен плюнуть на это, в том числе и на свое призвание, опыт, мечты... Во-вторых, все эти суетливо плодящиеся ныне коммерческие структуры замешены на торгашестве. Их цель — не производить, а перепродавать созданное кем-то. Но, пойми, если перепродавать один утюг, то он будет без конца дорожать, пока не будет произведено еще несколько утюгов. Это же ребенку ясно. Но Ельцин с Гайдаром якобы не понимают... Конечно, сейчас создаются и такие коммерческие фирмы, которые что-то производят. Но таких — единицы. Они быстро разоряются, не выдержав диких налогов. Правительство их сразу же удушает, как бы увещевая: «Не создавайте ничего, не умничайте! Ваших мозгов должно хватать лишь считать деньги. А мыслить и создавать для вас будут там — за рубежом».

И в-третьих: правительство задумало окончательно разрушить нравственные устои нашего общества.

Андрей закурил и, глядя на слезящееся оконное стекло, спокойно продолжал:

— Ведь чем торгуют в бесчисленных коммерческих киосках и магазинах? Водкой вином, сигаретами и разной бижутерией. Нигде не встретить, чтобы кооператор продавал товар, созданный своими руками. Но главное — поглядите, кто они, эти торговцы? Самые молодые, здоровые, красивые — цвет нации! И все они брошены в распыл. Изъяты из производственных сфер. Вчера они творили, создавали материальные и духовные ценности. Сегодня они — никто, пена, короста на исхудавшем теле народа, амбициозная никчемность, пустота! По-гайдаровски же они — посредники, которые-де насытят рынок товарами.

И не они виноваты в своем паразитирующем посредничестве, не их киоски надо бы поджигать. Они лишь продукт преступной деятельности нынешнего правительства. Уберите это правительство, и я завтра же вернусь на родной завод и займусь своим любимым, полезным государству, делом. А мое место торговца в киоске пусть займут Ельцин и Гайдар. Пусть торгуют ворованными запчастями и ржавыми чайниками. А не Родиной! Как сейчас.

* * *

У моих молодых соседей родился сын. Заглянул поздравить счастливую пару. Кормящая мать купала младенца, цветы у меня приняла свекровь, седеющая уже женщина.

— Ох, Галя-то у меня бедовая... вот чего учудила, взяла да и родила. В такое время! — словно оправдываясь, причитала женщина. — Но оно бы ничего... Сама-то я в такое же смурное время родила Петю. Зимой сорок второго. Под немцем тогда кряхтели в Россошках... И теперь будто под оккупантом: не жизнь — одни страхи: нынче цел, а завтра одному Богу известно. Но оно ничего бы, если б не мародерство такое... Пошла я в «Детский мир» за подарочком для внучка. Эх-ма, теперь это не магазин, а музей! Гляди, но купить не моги. Зимний комбинезончик на малыша семь тыщ стоит, шапочка вязаная вот с ладошку — две тыщи, коляска детская — две с половиной... Одежа и игрушки на полках — все импортные, наших, российских, не видно. А откуда их взять, коль фабрики и заводы свои сломали?.. А бывало, зайдешь в «Детский мир» — и глаза разбегутся! Теперь не знаю, ох, не мыслю, как они эту крохотульку растить будут.

— Как все, так и мы. Проживем, — с грустной бодростью сказала молодая мать, словно извиняясь за горестные вздохи и причитания свекрови. — Сама-то даже в оккупации родила, а теперь не война же.

— Теперь-то хуже, чем война. Тогда мы хоть знали, где свой, а где враг. Теперь и супостата вроде нет иноземного, но и жизни нет, хода ей никакого не видится, нет ни загляда, ни приплода... Вот ездила я весной в родные края. Три года не была в Россошках. За это время там только три бабы родили... А на сельском погосте зато семнадцать новых бугорков-могил прибавилось. Такого вымирания людей в нашей деревеньке даже при оккупантах не случалось...

* * *

Суд над КПСС, к которому гневно призывали «демократы», долго откладывался, затем шел с нудными затяжками и накладками — это потому, что скамья подсудимых долго ждала, но так и не дождалась главных виновников — главарей КПСС — Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина, организаторов и подстрекателей расправы над (о, небывалый в истории случай!) партией, которой они же и руководили.

* * *

Все чаще слышишь грозное упование: «Терпение народа вот-вот кончится и тогда поднимется, восстанет он, великий наш

народ!» Некоторые же прямо вещают о русском бунте, бессмысленном и беспощадном...

А я все более убеждаюсь, что никакого бунта не будет, потому как народ русский поднимался лишь тогда, когда его поднимали: то ли Дмитрий Донской, то ли Минин с Пожарским, то ли Пугачев Емельян... В обычности же своей народ наш по-медвежьи смирен, добр и застенчив, предпочитает жить табунным чувством, надеясь при этом либо на хорошего царя, либо на мудрого поводыря-предводителя, либо на Бога. На всех, кроме самого себя.

А теперь, послышь, ни на кого уж не надеется и никому не верит. Оболваненный, оболганный и запуганный, он не внемлет даже голодному желудку своему. И при этом все же ждет чего-то, чуда какого-то... команды сверху. Приучен к командам! Скажут: выйди на площадь. Выйдет. Скажут: надо умереть с голоду — послушно начнет вымирать миллионами, как это было в 1921-м и 1933-м годах; скажут ему: отступать некуда — позади Москва, и он безропотно начнет бросаться под гусеницы чужеземных танков...

Заметил же Эдуард Лимонов в недавнем интервью, что «большевикам, и вчерашним, и нынешним, очень везет на народ. Такой он терпеливый, наш русский народ, что безмолвно выносит все проводимые над ним эксперименты».

И вот теперь, когда жизнь опять стала невыносимой, когда Отечество в смертельной опасности, народ по-прежнему безмолвствует, косясь глазом в телевизор. А телевизор-то теперь ельцинско-полторанинский: лжет без продыха, ибо ни один пункт своей рыночной программы «демократы» не выполнили, хотя все сроки прошли, и обещать еще что-то просто подло. Но они обещают, телевизор продолжает врать, призывая вконец одураченный народ терпеть, терпеть, до последнего вздоха терпеть.

Тем не менее народ начинает прозревать, понимать происки этой сатанинской прессы, продажного радиотелевидения, но все же не может окончательно освободиться от их всеохватного и неослабного наркоза.

И тут не обольщаться бы патриотам, выдавая желаемое за действительное, не восторгаться бы великими потенциями великого народа, а с горьким мужеством признать наконец, что народ тяжело болен, находится в невменяемом состоянии. И для выздоровления ему нужны не только сладкие, но и горькие лекарства, жесткие слова.

Вместо бесконечных умилений великим русским народом пора сказать ему суровое и нелицеприятное: коль ты такой великий, умей защитить себя, сплотись и объединясь. Как это умеют эстонцы, латыши, абхазцы, приднестровцы... Поучись у них ринговой собранности, умению консолидироваться и постоять за себя. Причем не в экстремальной обстановке, а ежедневно, ежечасно. Русские же свою отвагу, стойкость, единение, патриотизм проявляют, увы, лишь в урочный час, когда история выводит их на поле Куликово, на Бородино, на Сталинградскую битву, то есть когда решается вопрос «быть или не быть».

Эта беспечность в нынешнее жесткое время может стоить русским жизни.

* * *

«Я штурмовал Зимний дворец!» — говорилось и писалось прежде.

«Я защищал Белый дом!» — говорится и пишется теперь.

Но ведь документально доказано, что Зимний не штурмовали, в него вошли без единого выстрела.

Никто не нападал и на «Белый дом» в августе 1991-го. Значит, и защищать его не было необходимости.

Была лишь необходимость лжи.

Сиониствующим комиссарам и верной их служанке-прессе выгодно было в 1917-м кричать на весь мир о своей огромной победе над царизмом — этим они упрочали авторитет своей, весьма легко доставшейся им власти.

С таким же громким бесстыдством сегодня они кричат об августовской революции, о своей новой победе над... Советской властью, победившей в 1917-м царизм.

* * *

При вчерашней «железной диктатуре тоталитаризма» Ельцин — один из руководителей партии и государства — свободно, без какой-либо охраны разгуливал по московским улицам, захаживал в магазины, на рынки, беседуя с людьми. Был свободным человеком свободной страны!

С «победой» демократии и свободы Ельцин укрылся в бронированном заграничном автомобиле, окружив себя целым батальоном вооруженных охранников.

Что ж, в истории всегда так и было: как только в той или иной стране устанавливался антинародный, то есть оккупационный режим, то правители с трусливой озабоченностью окружали себя многочисленной охраной. И она, охрана эта, увеличивалась в прямой зависимости от состояния Власти: падал авторитет Власти — увеличивалась охрана.

* * *

Недавно, находясь в Ленинграде, то бишь в Санкт-Петербурге, вышел на Невский проспект и не узнал его. Вернее сказать, кто-то очень постарался, чтобы не узнать этой знаменитой, говоря словами Н. В. Гоголя, всеобщей коммуникации Петербурга, то есть места встреч, знакомств, смотрин, свиданий, уникальнейших достопримечательностей великого города. «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блестит эта улица — красавица нашей столицы?!» — восторгался Николай Васильевич 157 лет тому назад в известной своей повести, в конце которой он, правда, советовал не во всем доверяться красоте и блеску Невского проспекта, где в сумерках и по ночам приоткрывается темная изнанка столичной жизни.

А каков он, Невский проспект, сегодня? Пройдитесь, поглядите на донельзя обезображенный лик этой некогда восхитительной «жемчужины Петербурга». И дело даже не в оскорбляющей загаженности, замусоренности тротуаров, бордюров, переходов, не в тесной сутолоке «торговых точек» разномастных спекулянтов... Поражает, обескураживает другое — почти все названия магазинов, кафе, баров, лотков, киосков и прочих заведений значатся

на английском языке. Оторопело оглядываешь эти таблички, вывески, пульсирующие неоновыми вспышками рекламные щиты и стенды. Они сбивают, путают привычные ориентиры, уверяя тебя, что ты ошибся адресом...

В институте я изучал немецкий язык, а потому, чтобы не блуждать, не теребить прохожих расспросами, взял у приятеля англо-русский словарь-разговорник и негодующе продолжил свое путешествие по Невскому проспекту.

* * *

«Спекуляция — это нормальная форма становления рыночной экономики», — заявил Егор Гайдар на сессии Верховного Совета РФ 6 октября 1992 года.

Это равносильно сказать:

«Проституция — норма поведения девушки, готовящейся к семейной жизни».

Свои правительственные сентенции, постановления и распоряжения Гайдар адресовал гражданам общества, кому угодно, только не себе лично, не своим близким и родным людям.

Ну, а если все люди, абсолютно все, в том числе жена и дети Гайдара, а также жены и дети членов нынешнего правительства все-таки последуют поучениям Гайдара и поголовно займутся спекуляцией и проституцией, если для каждого нормой жизни станет гайдаровский лозунг: «Кто не работает, тот ест»?

* * *

Курс на перестройку народ встретил с одобрительным вздохом: наконец-то!.. Но вскоре заметил, что в капитанской рубке, особенно возле компаса, идет какая-то толкотня. Сюда тянутся руки разных лоцманов, которые пытаются подложить под компас железку.

Дальше — больше. В народе нарастала тревога: корабль плывет совсем в противоположную сторону, его несет прямо на рифы! А рулевой улыбался, горячо заверяя всех, что все идет как надо.

И вот — кораблекрушение, катастрофа!

Шесть лет лгал, изворачивался, лицемерил, со всех трибун клялся приверженности социалистическому выбору, всячески скрывая от народа, что цель перестройки — капитализация страны.

— Если бы Горбачев в начале перестройки открыл свои планы, то его объявили бы преступником и упрятали за решетку, — со знанием дела пояснил мне один «демократ».

Так это не поздно, в самый раз сделать теперь, когда тайное стало явным.

* * *

За годы перестройки и рыночных реформ не создано ни одного произведения искусства, которое стало бы народной песней, такой, например, как «Катюша», таким кинофильмом, как «Чапаев».

Это и понятно: искусство и народ процветают вместе.

И наоборот. Что и происходит теперь: в России опять окаянные дни.

●

Поэзия

В наше политизированное время, когда даже носительницы извечного женского начала — поэтессы пишут насыщенные общественными вопросами и горькими нынешними переживаниями стихи, кажется безнадежным делом предлагать для публикации любовную лирику. За всеобщими спорами о катаклизмах перестройки в стране, похоже, совсем позабыли, что мы — люди, что общественные отношения строятся в конце концов на личностных, что никакие революции и контрреволюции, путчи и антипутчи не могут отменить основы жизни — соединения двух начал, женского и мужского, а значит, и любви. Другое дело, чистое это чувство в грязное наше время часто проституируется. Но тем более нужно заставить сиять настоящую, не искаженную никакой временной аберрацией простую человеческую любовь. Поэтому автор и рискнул предложить журналу и читателям стихи о любви и ни о чем больше.

Александр ИГОШЕВ

ТАКАЯ РАЗНОЛИКАЯ ЛЮБОВЬ

БЕРЕЗА

Разбойный посвист, плач да слезы.
Поутру встали —
тишь и мгла.
На взгорье юная береза
стоит, как девушка, бела.

С нагих ветвей ее покатых
дождь не успел на землю стечь.
Желта листва
на травах смятых,
как платье, сорванное с плеч.

А ветер, записной повеса,
натешился, умчался вдаль.
Вяз-однолюб
с опушки леса
готов с ней разделить печаль.

Он очарован.
Он дивится:
не счесть других берез в лесу.
А он глядит не наглядится
на девичью ее красу.

Он ей в уме слагает речи,
готовый век с ней вековать,
чтоб только
гладить белы плечи
да белы руки целовать.

ЧАРЫ

Никуда от тебя мне не деться.
И хоть осень взошла на крыльцо,
я гляжу —
не могу наглядеться
на твое колдовское лицо.

Чарам нет ни конца, ни предела.
Смех твой льется,
свободно звеня.
И какое до прошлого дело —
что там было с другой у меня.

И тебе, разведенной средь многих,
я о прошлом забыть помогу...
Ветер-баловень
кинул под ноги
золотую, из листьев, пургу.

Золоты и луга, и заплоты.
Глянешь — можно и впрямь очуметь.
Одного я боюсь —
позолоты,
вдруг под нею окажется медь.

ПУСТЬ ОСЕНЬ И БЛИЗКА

Всему свои приходят сроки.
Еще красивая вполне,
и ты
бываешь одинока,
грустишь с собой наедине.

И с горечью, уже усталой, —
жалей о прошлом, не жалей, —
вздыхаешь:
сколько там осталось
в твоем запасе летних дней?

Ты ждешь с тревогой увяданья.
Не жди. Пусть осень и близка,
в ней есть свое очарованье,
есть радости,
и есть тоска.

На время быстрое не сетуй,
за днем грядущим не следи.
По крайней мере,
бабье лето —
не позади, а впереди.

В ЧАС ПЕЧАЛИ

Наступило время расставанья.
Но тебя ни в чем не укорю.
Не «прощай»,
а только «до свиданья»
в час печали
с грустью говорю.
Видно, так устроены мы странно:
прошлое отрезав, как ножом,
память о минувшем,
словно рану,
в неспокойном сердце бережем.

А ТЕПЕРЬ?..

Были в жизни моей чудеса.
Помню, только что кончилось лето.
Вы пришли,
и наполнили светом
даль осеннюю ваши глаза.
Взмах руки —
и река голуба,
и дымком растворилась остуда,
и поля, в озарении чуда,
в рост пустили под зиму хлеба.
У далекой опушки лесной
загустели медвяно покосы, —
словно в сказке,
замшелая осень
обернулась нежданно весной...
Чудо, где ты?
Приди, отзовись.
Облик дальний, явись из тумана,
чтоб хоть прелестью светлой обмана
скрасить в старость бегущую жизнь.
Сколько было сначала всего —
увлечений, страстей, потрясений.
А теперь?
Плачет дождик осенний.
Я стою и смотрю. Никого.

Москва

Михаил АЛЕКСЕЕВ

МОЙ СТАЛИНГРАД

РОМАН

АБГАНЕРОВО

Может быть, нам следовало укрыться в каком-нибудь овражке, заросшем кустарником, дождаться ночи и потом уж, под ее покровом, продолжать движение: днем немецкие самолеты, будучи полными хозяевами в небе, бомбили и расстреливали не только скопления наших войск, но гонялись и за малыми группами солдат и даже за одиночками. «Где же наши-то истребители, знаменитые «ишачки», где они? — спрашивали мы сами себя и не находили ответа. — Неужели ни одного не осталось?» Но вот видим — один остался. Прижимаясь чуть ли не к самой земле, краснозвездный куцеватый истребитель улепетывал что было духу от самолета, напоминающего злую осу с ярко-желтым ободком на его фюзеляже. Расстояние между ними быстро сокращалось, «мессер» уже выпускал очередь за очередью, но они пролетали выше цели, потому, видно, что немец боялся пикировать под острым углом (с такой высоты он легко мог врезаться в землю), но продолжал преследовать.

Очень скоро самолеты исчезли, растворились у горизонта в зыбком мареве. Но «мессершмитта» мы вскоре увидели вновь, когда он возвращался назад со своей одиночной, «свободной», охоты. И то, что она была успешной для гитлеровского аса, мы убедились через какой-нибудь час, когда увидели обломки «ишачка» и рядом с ним останки летчика. Тело было разорвано на куски и раскидано вокруг обломков: глаза мои не могли оторваться от сапога (такие мастерили солдаты-умельцы для своих щеголей, молодых лейтенантов, из брезентовых плащ-накидок), валявшегося отдельно рядом с разрушенной кабиной: из него торчал кровавый обрубок ноги. Увидели мы и голову летчика, она лежала в стороне. Я все же успел рассмотреть: из-под шлема пилота виднелись нос и глаза, до предела расширенные в предсмертный час да так и застывшие навеки. Надо было бы попытаться собрать по кусочку этого летчика, выкопать хотя бы небольшую ямку да и похоронить, но мы не нашли в себе силы сделать это. Боязнь самим быть настигнутыми врагом здесь, на открытом поле, подстегивала и гнала нас на восток.

Теперь не один я шел в одних голенищах — совершенно босым вышагивал Усман Хальфин. Оставался в сапогах Гужавин, и только потому, что сапоги у него были трофейные, немецкие, сшитые из толстенной воловьей кожи, окованные железом и на каблуках и на носах. Где и когда он их раздобыл, никто, кроме него, не знал. Гужавин несколько раз предлагал их поочередно то мне, то Хальфину, но мы отказывались. В конце концов он решил последовать нашему примеру: снял сапоги. Сделать это было проще простого — достаточно тряхнуть ногой, и сапог с широченным раструбом голенища улетит далеко в сторону. Сержант, конечно же, не бросил эти мастодонты, попиравшие чужую для них землю, а засунул в свой большой вещевой мешок: еще пригодятся.

— А я думал, что ты их выкинешь к чертовой матери, — мрачно пробормотал Николай Светличный. Истощенный до крайности, он совсем уж походил на мумию, но миномет свой никому не передавал, катил и катил его сам, как бы назло всем остальным. Если кто-то, сжалившись над ним, пытался подхватить другой конец рукоятки, Светличный резким движением плеча отталкивал непрошеного помощника, буркнув: «Обойдусь без тебя». Отчего он был таким злым, никто из нас понять не мог, пока он сам не объяснил, сказав: «Вот вы болтаете о том о сем, а никто не вспомнил ни о Николае Фокине, ни о Кольке Сараеве, ни о Степане Романове, ни о младших наших лейтенантах Дмитрии Зотове и Михаиле Лобанове... эх, вы!» — лицо его еще больше потемнело, вроде бы обуглилось.

— Помним мы о них. Не ты один! — рассердился Гужавин.

А я, чувствуя, что Светличный вот-вот упадет и тогда уж не встанет, вырвал коляску из его рук и передал другому минометчику, а ему приказал переобуться, для чего пришлось задержать и всех остальных.

— Зачем это? — мрачно сказал Николай.

— Снимай, снимай свою кирзу!

Светличный присел, взялся было за сапог, но сладить с ним не сумел: сил для этого уже не осталось. Виновато улыбнулся, развел беспомощно руками: видите, мол, какой я? Что хотите, то и делайте со мной.

Несколько минометчиков одновременно наклонилось над Светличным, начали стаскивать сапоги, но они не поддавались. Ребята дергали, подхватывали каблуки, но лишь причиняли несчастному боль. Сжав зубы, Светличный молча терпел. Но вдруг не выдержал, взмолился:

— Да потише же вы, черти!.. Мочи моей нету... Потише, братцы...

Окончание первой части. Начало в № 2.

Кого-то осенило:

— Давайте голенища разрежем! — И не дожидаясь согласия, извлек из чехла, висевшего у него на ремне, финку.

Но и с разрезанными голенищами сапоги поддались не сразу, они будто присягнули своему владельцу ни за что не расставаться с ним. Тогда Светличный сделал над собой страшное усилие и со стоном, с жуткой матерщиной стащил упрямую обувку. И тут все ахнули: измочаленные портянки окровавились до такой степени, что их можно было выжимать, впрочем, это были уже не портянки, а куски разорванной материи; часть лоскутков прилипла к голенищам изнутри и осталась там, прихватившн с собою и кусочки человеческой кожи. Отлепить остатки портянок от пальцев было совершенно невозможно: они, эти остатки, не прилипли, а вроде бы прикипели; клейкая кровь присохла, как бы сцементировала их. Можно было бы, конечно, смочить их водой, но фляги были пусты, ни в одной из них не оказалось даже самой малой капли. И вообще, лучше бы не произносить вслух это слово: «вода». Я видел, как у всех, точно по команде, заработали языки, отчаянно облизывая запекшиеся, растрескавшиеся до крови губы.

— Оставьте меня туточки, хлопцы! — простонал Светличный, испуганно посмотрев на нас. Казалось, он ужаснулся собственным словам.

— За такие слова тебе бы, Коля, по морде надо дать! — Гужавин прямо-таки навис всей своей коренастой фигурой над сидящим на земле бойцом. — Это за кого же ты нас принимаешь?! А ну-ка давай свои лапы! — Сержант встал на колени, быстро расстегнул свои шаровары и принялся собственной мочой поливать ссохшееся тряпье, приговаривая при этом: — Жечь, драть будет страшно. Но это только одну минуту, а потом свет увидишь! — он говорил очень убедительно. И, видимо, поэтому Светличный молчал, покорно отдавшись во власть необыкновенного лекаря. Убедившись, что «заговорил» бойца и что клочки портянок, кажется, достаточно отопрели от его «примочки», Гужавин несколькими осторожными рывками правой и левой руки сдернул их с ног, да так искусно, что Светличный «и ахнуть не успел». Пользователь между тем командовал:

— Сиди и не рыпайся! Покроплю чуток и раны. Как-нибудь выдавлю еще несколько капель. Так что сиди!

Кто-то из бойцов предложил свои услуги:

— Давайте я...

Но Гужавин решительно отверг:

— Нет уж. Лекарства нельзя смешивать. Кто знает, какое оно у тебя. Ты уж, Ваня, побереги для себя. За свое-то я ручаюсь. В детстве не раз таким-то образом исцелял себя. Сковырнешь, бывало, палец на ноге, поссышь на него — и все. А ты уж, Николай, потерпи еще маненько, ну, самую малость. Я сейчас...

— Полечил бы и меня, товарищ сержант!

— И меня!

— И меня! — просили минометчики.

— Не могу, ребята. На всех «лекарства» не хватит. Дайте с одним управиться.

Завершив процедуру, Гужавин вернулся к своему вещевому мешку (не в пример нам, он не оставил его в повозке, а прихватил с собой), порылся в нем, отыскал запасные портянки. Ловко и быстро, как свои собственные, перебинтовал ими «обработанные» ноги Светличного. Страшно довольный собою, торжественно заключил:

— Теперь тебе, хохленок, цены не будет. Мы еще с тобой повоюем, дадим прикурить фрицам!.. Да, Микола, кстати... не наскребешь ли в своем кармане на закрутку? Без курева уши вянут. Заместо гонорара. Как-никак, а я все-таки трудился, врачевал твои боевые раны... Ну, да ладно. Потом закурим. А сейчас садись в свою инвалидную коляску — прокатим тебя с ветерком!

— Что вы? Я сам...

— У самого у тебя ничего не получится. Покамест. Ну, как твои ноженьки?

— Дерет, проклятая...

— Отлично! — подхватил радостно Гужавин. — Так и должно быть! — Сержант, кажется, уже совершенно вошел в роль доктора.

Повеселел Светличный. Да что Светличный — все мы повеселели, приободрились. Послышался даже хохоток, правда, очень робкий. Оживление, впрочем, было недолгим. Ему помешала «рама», которую мы не видели с самого утра. И вот теперь она опять припожаловала. Разбежавшись по сторонам и попрятавшись в высоченных верблюжьих колючках, мы ждали, когда она сбросит бомбы. Но «рама» сбросила нечто другое. И когда убралась не спеша, мы поднялись и увидели над собой белые хлопья, удивительно похожие на снежные, только крупнее. Было странно видеть эту картину в самом конце лета, в этой степи в чудовищную жару. Вся земля вокруг сделалась белой, какою бывает она после первого, всегда неожиданного, снега. Но «снег», что выпал сейчас, был особого рода. Он не освежал, не веселил душу, не одевал природу в ослепительно белые, праздничные одежды, не радовал нас, как радуют человека касающиеся его лица первые невесомые снежинки, чуть-чуть щекочущие нос, опушающие ресницы. Было совершенно безветренно, и листовки недвижно лежали на земле, на бурых высохших и хрустящих под ногами травах, некоторые успели приземлиться на наши головы и плечи. Минометчики, подхватив их, собрались было прочесть, но я строго за-

претил им делать это, вспомнив, что за чтение и особенно за хранение вражеских листовок можно угодить под трибунал. Впрочем, я вовсе не был уверен в том, что кто-то уже не прочел и не сунул себе в карман одну из них. Решив, что мне, политработнику, по должности полагается знакомиться с вражеской пропагандой, я подхватил бумажку, умудрившуюся зацепиться за большую красную, отороченную золотом, звезду на рукаве моей гимнастерки. Слов в ней было немного. Безвестный гитлеровский сочинитель брал сразу же быка за рога, призывая советского солдата:

Бей жида-политрука:
Морда просит кирпича.

Другую листовку, такого же размера, я поднял с земли. Она была еще лаконичнее:

Рус, Волга — буль, буль!

Ну, тут все ясно: собираются утопить нас в нашей же Волге-матушке. А ежели ты не хочешь быть утопленным, ниже приводились слова, которые откроют тебе дорогу в плен. «Руссиш зольдату надобно только поднять руки да крикнуть: «Сталин капут!»

По мере приближения к Сталинграду листовок сбрасывалось все больше. Но никто уже не поднимал их... Я не мог оторвать глаз от Гужавина — он шагал так, будто позади и не было пятидесяти километров, пройденных нами за прошлую ночь. Высокий, ладный, он, казалось, не знал усталости, держался прямо и твердо. Я видел, как остальные бойцы старались не отставать от него. И теперь уже не я и не Хальфин шли во главе нашей роты, а сержант Гужавин. Мне стало неловко и, стараясь не хромать, я подтянулся и пошел рядом с ним. На ходу сказал:

— Ну и здоров ты, парень! В кого это?

Прежде чем ответить, Гужавин снял пилотку, отер ею лицо. Как-то просветлев весь, сказал:

— В отца, должно быть. Да в моем роду все такие крепкие! — не удержался, чтобы не похвастаться. И пояснил: — Фамилия-то у нас была другая, товарищ политрук. Никто не помнит, какая уж она там была. Гужавины — это прозвище...

— Откуда оно взялось такое?

— От хомута, пожалуй. Есть такие толстые сыромятные ремни, которые хомут с оглоблями соединяют... Помните, у Некрасова:

Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много —
В последний разок послужи.

— Ах, вон оно что...

— Еще прадедушку моего так прозвали: Ванька Гужавин. За лошадиную силу и выносливость.

— Отец-мать живы? — спросил я, не переставая любоваться этим человеком.

— Мать жива-здорова. Позавчера письмо от нее получил, Кузьмич принес. А батька — не знаю. Недавно и его, пятидесятилетнего, признали и сразу же отправили на фронт. А где воюет — Бог знает. Можа...

— Ну, ну! Ты это брось. А еще Гужавин! На тебя, сержант, это не похоже.

— Да я ничего, вырвалось как-то. Война-то вон какая! А он после первой германской до второй германской даже охотничьего ружья не брал в руки.

— В обоз определят.

— О нет! Вы не знаете моего батьку, товарищ политрук! Он упрям как бык. И гордый сверх всякой меры. Из-за этой самой гордости обязательно попросится на передовую. Жду вот весточки...

— Придет весточка. Вот нам бы только выбраться из этого пекла.

— Да мы уж вроде бы вырвались, товарищ политрук.

Теперь уже не я Гужавина, а он подбадривал меня.

16

Под вечер мы увидели вдали по левую сторону от нас бойцов. Они ходили туда-сюда, наклонялись, что-то поднимали с земли. В бинокль Хальфин скоро рассмотрел, что же там происходит. Радостно заорал:

— На бахчу попали! Похоже, из нашей дивизии. Такие же, как мы, окруженцы. Командиры бегают со своими пистолетами, а поделать ничего не могут. Да разве оторвешь голодных людей от арбузов и дынь?..

Но лучше бы Усману не говорить этих слов! Арбузы и дыни неудержимо повлекли к себе и нас. Ни я, ни Хальфин даже не пытались остановить минометчиков, и не только потому, что это было невозможно, но и потому, что и собственные наши ноги понесли нас к бахче. Заковылял вслед за всеми и Светличный, влача за собой минометную коляску. Добежав, именно добежав, а не дойдя (откуда только силы взялись?!), мы набросились на арбузы. Занявшись делом, мы не обращали никакого внимания ни на тех, кто вышел сюда раньше нас, ни на тех, кто кричал и размахивал револьверами. Но до меня все-таки долетел звонкий, петушиный голосок, исполненный, однако, властной силы: такие голоса бывают только у адъютантов. Лейтенант надрывался:

— Что вы делаете? Вы демаскируете штаб армии! Вас расстрелять мало!.. Сейчас же убирайтесь отсюда! Не то позову автоматчиков!

Окруженец на короткое время оторвал от лица половинку

арбуза, из которой, как из пиалы, потягивал сок, и очень внятно, вполне серьезно посоветовал:

— А пошел бы ты куда подальше!

Слов этих оказалось вполне достаточно, чтобы чистенький лейтенантик моментально исчез; мы и не заметили, как он нырнул в ту же нору, из которой только что вынырнул. А тот, кто указал ему столь непочтительный адрес, совершенно спокойно продолжал поедать арбуз. По щекам солдата, серым от пыли, расползались медленные розовые струйки. Они скатывались и собирались вместе на кончике подбородка, для чего им необходимо было просочиться сквозь щетину, густым частоколом стоявшую на их пути; отсюда они падали на голое пузо, по нему стекали ниже и пропадали где-то под ремнем. Окруженец, всецело отдавшийся наслаждению, не обращал на этот поток никакого внимания. Надо сказать, что все остальные мало чем отличались от него. Лишь после того, как насытились и напились, мы начали знакомиться. Да, все они, как мы и предполагали, были из нашей 29-й «дикой сибирской», но из разных полков. Нам-то хотелось поскорее отыскать своих однополчан, но пока что это не удавалось. Солдат, который сейчас, на наших глазах, отчаянно грубым образом нарушил субординацию, оказался из 128-го стрелкового полка, почти полностью уничтоженного при выходе из окружения в районе Зеты. Там погибли вместе со своими бойцами командир полка капитан Татуркин и комиссар Мулилкин, организовавшие оборону и дравшиеся до последнего часу своей жизни. Мы еще недавно посмеивались над своим правым соседом по Абганерову, называя 128-й полк Татуркин-мулилкиным. И вот теперь его нет...

— А ты-то как оказался рядом с командиром и комиссаром полка? — спросил я дерзкого до безумия бойца.

— А где ж мне еще быть? Я из комендантского взвода. Может, один только и уцелел. Комиссар Мулилкин приказал мне не задерживаться с ними, вынести вот это, — он дотронулся рукой до вещевого мешка, лежавшего рядом. — Уцелел вот. А те полегли. Под гусеницами немецких танков. А иные... сам видел... иные... — тут пехотинец прерывисто вздохнул, выплюнул арбузные семечки, чуть слышно, хриплым, придавленным голосом закончил: — Иные подняли руки, — торопясь, уточнил: — Двое.

— В плен, что ли, сдались?

Боец не ответил.

А я, глядя на него, пытался понять его недавний поступок. Чудом вырвавшись из огненного кольца смерти, он теперь сам себя подводил под роковую черту: ведь оскорбленный адъютант примет со своей стороны определенные меры, нетрудно догадаться, какие именно. Не вытерпел — сказал все-таки бойцу:

— А с адъютантом-то ты, брат, зря связался. Не простит он тебе этого. Боюсь, как бы... — но я не договорил, потому что видел: боец и сам уж понял, какую беду накликал на свою голову. Больше уж ни о чем его не расспрашивал. Не надо было бы оставлять его одного в такую минуту, но мне хотелось все-таки отыскать хоть кого-нибудь из нашего 106-го, а паче того — из полковой минометной роты. Разделившись, мы ходили по бахче как раз с этой целью. Возле неосторожного, рискового солдата задержался лишь Усман Хальфин, чтобы отсыпать ему махорки. Они закурили вместе. О чем-то поговорили, после чего Хальфин догнал меня и тут же сообщил ошеломляющую весть:

— А вы знаете, товарищ политрук, что сделал этот красноармеец? Он спас полк!

— Как это... спас?

— Да он же вынес знамя полка в своем вещевом мешке! Показал его сейчас мне. Вынул из мешка и...

Не дослушав до конца Хальфина, я сорвался с места и побежал туда, где только что сидел проштрафившийся перед адъютантом солдат. Но там его уже не было. На душе сделалось муторно: «Не привел ли в самом деле автоматчиков тот свеженький лейтенантик?» Немного успокоился, вспомнив о спасенном знамени: кусочек кумачовой материи должен спасти теперь не только 128-й полк, но и того, кто вынес его из окружения.

Минометчики продолжали свои поиски. Большею частью встречались из 299-го, занимавшего позиции левее нас и на Дону, под Чиковом, и под Абганеровом. «Неужели и 106-й разделил участь 128-го?» — горькая эта мысль пришла мне в голову, когда я услышал позади себя:

— Товарищ политрук!

Голос до того был знакомый, что я мгновенно оглянулся. Миша Лобанов уже окольцевал мою шею и беззвучно плакал. Не плакал, а трясся весь от едва сдерживаемого рыдания. Дыхание у меня сбилось, сердце замерло. Я прижимал его сильнее и сильнее, как своего младшего братишку, и не чувствовал, как по лицу катились уже мои собственные слезы. Слезы безмерной радости. Гужавин буквально вырвал Лобанова из моих объятий. Его стали передавать минометчики из рук в руки, как драгоценный кубок. Не скоро мы смогли приступить к нему со своими расспросами.

— Да вы погодите! Пойдемте на мои огневые позиции! — сказал Лобанов, спохватившись.

— Куда? — Мне показалось, что я ослышался. — Какие позиции?

— Самые обыкновенные. Сейчас увидите, товарищ политрук. Час тому назад оборудовали. Тут совсем близко. Ви-

дите, свежий противотанковый ров?.. Там мы и установили свои минометы.

— Много ли у тебя их осталось?

— Да все!

— Господи Боже ты мой! Как же тебе это удалось?

— Нам было легче вырываться с маленькими нашими трубами. Мы не стали погружать их в повозки, а несли на себе. Ну и вот — вынесли.

— Это все так. Но сами-то вы как уцелели?

— Не все уцелели, — Миша вздохнул. — Васю Семенова оставили там, — он махнул рукой в сторону запада. — Помните нашего озорного, веселого Василька? Из расчета Бария Велиева. При бомбежке осколок угодил в голову. И ранка-то была капельная, чуть заметная... Это километров тридцать отсюда. — Миша порылся в кармане, вынул из него что-то похожее на спелый желудь. — Тут адрес родителей Василька. Не успел еще написать им. Может, товарищ политрук, вы напишете? У меня что-то духу не хватает.

— Ты бы попросил Зебницкого.

— Да где я его найду? Может, он...

Я не дал ему договорить:

— Ну, ладно. Миша, сообщу.

Я взял из его рук маленькую вещичку и положил ее в свой планшет. Сейчас же вспомнил день, когда всем нам выдали по одной такой штуковине и приказали упрятать в ней до поры до времени листочек с домашним адресом. И как только медальоны были спрятаны в специально предназначенных для них карманчиках с левой стороны брюк, все мы как-то вдруг присмирели. Война, которая в тот момент была еще где-то далеко, ощутимо напомнила о себе. Не знаю, как другие, а я постоянно ощущал какое-то тревожное, пожалуй, даже враждебное чувство к этому самому медальону. И зачем только включили его в обязательную экипировку фронтовика?! Зачем, думалось мне, явно намекать человеку на самое плохое? Он недвусмысленно давал знать, что смерть следует за тобою по пятам. И не большая ли часть окопного люда распрощается с ним уже в первых боях?

Теперь у меня было два медальона: один мой собственный, полученный еще в Акмолинске, второй — Василька Семенова. Сознание того, что именно я должен сообщить незнакомым людям горькую весть, вдруг больно надавило на сердце. Сейчас же вспомнил, что из-под Абганерова мне уже пришлось писать на белом листе бумаги слова, ужаснее которых не бывает (белую ту бумагу народ назовет черной, дав ей и соответствующее имя: «похоронка»). И вот теперь я отправляю ее в далекий степной хуторок, и хата, которая два десятка лет назад огласилась громким криком нового жителя Земли, содрогнется теперь от душераздирающего вопля тех, кто породил его на свет.

— Пойдем же, Миша, показывай свои огневые! — заторопил я, чтобы поскорее избавиться от этих далеко не веселых дум.

17

Противотанковый ров, в котором установил свои минометы Михаил Лобанов, был отрыт совсем недавно, насыпь была свежей, не успела еще утрамбоваться. Он был достаточно широким и глубоким. Не верилось, что откапывали его вручную женщины. В двадцатых числах июля наш эшелон двигался неподалеку, и мы видели разноцветье косынок и платьев, бесконечной линией уходящих от окраины города куда-то далеко в степь. Город этот, лишь месяц назад находившийся в глубоком тылу и не ведавший светомаскировки, вдруг сделался прифронтовым и в спешном порядке опоясывался оборонительными сооружениями, в их числе и вот этим противотанковым рвом, где теперь как-то по-домашнему расположился со своим маленьким «хозяйством» Миша Лобанов, умудрившийся каким-то чудом спасти почти всех своих бойцов и вот эти четыре «самоварные трубы», как, посмеиваясь над Мишей, называли другие командиры лобановские минометы-малютки.

Лобановцы с ликующими криками набросились на нас.

— А где же все-таки ваша первая стрелковая рота? — спросил я Лобанова, когда суматоха улеглась.

— Немного от нее осталось. С десяток наберется — и то хорошо.

— Но где же этот десяток?

— Да я же сказал: в саду Лапшина. Это в пяти-шести километрах от Бекетовки. Там собираются наши. Разве вам никто не сказал об этом?

— Нет. Ну, а ты-то чего тут застрял?

— Для прикрытия! — солидно сообщил Миша, но сейчас же добавил: — Тут мы не одни. Впереди и левее нас заняли оборону вышедшие сюда десантники. К утру будут подтягиваться и наши. Из сада Лапшина. И вам надо спускаться туда. Может, там найдете кого-нибудь из своих минометчиков. Может, Диму Зотова. Он ведь опытный командир. Да я покажу вам дорогу. Вон вдоль той балки и спуститесь прямо к этому саду. Ее, балку эту, Купоросной зовут. Только надо поторопиться. Пока светло...

Лобанов собирался еще что-то сказать, но страшный грохот, прокатившийся по бахче, кинул нас на дно рва, заставил понюхать сталинградскую землицу. Земля! Она и сейчас, как много раз прежде, спасала нас и не меньшее число раз спасет потом и от осколков, и от пуль. Пролежав так

минут десять, дождавшись, когда над нами все стихнет, один за другим стали подниматься: сперва — на колени, потом во весь рост. Какое-то время прятали глаза друг от друга, стыдясь слабости, неизбежно проявляемой в такой ситуации даже отчаянными храбрецами. По ступенькам, вырубленным лопатой на отвесной стенке рва, поднялись наверх и подивились тому, с какой невероятной быстротой вся бахча очистилась от человеческого стада, только что пасшегося там. Куда оно подевалось? Среди истоптанных арбузных и дынных плетей не было видно ни убитых, ни раненых. Как расколотые черепа кровенились повсюду лишь арбузные половинки. Но куда же смотались окруженцы, которых было тут так много и которые, казалось, ни при каких обстоятельствах не расстанутся с бахчой, пока не съедят последний арбуз?

— А чего тут гадать? — спокойно и, как всегда, убедительно сказал Гужавин. — Скатились в балку, под деревья.

— Да в ней же штаб армии!

— Был. А теперь его там нету. Вовремя убрался. Разве вы не слышали урчание убегающих грузовиков и легковушек, товарищ политрук?

— Не слышал. Это ты, сержант, все видишь и слышишь, — заметил я, не переставая любоваться Гужавиным.

— На то человеку глаза и уши дадены, — заключил он уже совершенно серьезно.

Менее чем через час повстречались, наконец, еще с одним из нашей роты. Но встреча эта, хоть и удивила нас в высшей степени, была далеко не радостной. Расставшись с дарованной нам Господом Богом бахчой, мы как-то незаметно, без особого интереса, прошли через какой-то хуторок, в котором едва ли набралось бы с десяток дворов, не позаботившись осведомиться насчет его названия, а зря. Впрочем, кто же мог подумать, что этот безвестный пока что для нас «населенный пункт» оставит отметину не менее глубокую, чем та, которую мы получили под Абганеровом. Запомнился лишь колодец посреди улицы, у которого мы задержались, чтобы уж до конца утолить жажду настоящей родниковой водой, оказавшейся, к нашей радости, такой студеной, что зубы поламывало. Кто-то, поплескивая ее прямо из бадьи себе на обнаженную грудь, радостно отдуваясь, принялся рассуждать:

— Нет, братцы славяне, колодезную воду никакими соками не заменишь. Арбузы... они хоть и сладки, да что толку? После них еще больше пить хочется...

— Ну ты это брось, Андрюха! Я бы еще долго мог терпеть опосля бахчи-то.

Завязался короткий спор.

— Тебе хоть бы что, Коля! Ты у нас, как верблюд, неделю можешь без воды. А для нас, простых человеков, без воды...

— ...и ни туды, и ни сюды! — подхватил Андрюха и захохотал.

Через минуту все как один поснимали гимнастерки и, хохоча, стали обливать друг друга ледяной водой. Не выдержали и мы с Хальфиным, подключились к шумным купальщикам. Из ближних хат появились две девицы с ведрами. Это в значительной степени прибавило веселости. Девчата теперь поливали бойцов из своих ведер, повизгивая от незатейливых знаков внимания. Солдаты старались вырвать из девичьих цепких рук ведра и в свою очередь облить водою их. Прибежали вскоре и другие молодухи. Поднялся дым коромыслом, а коромысла, с которыми пришли девчата по воду, валялись здесь же, совсем забытые. И не узнать было солдатушек моих. Какой-нибудь час назад многие из них едва передвигали ноги. Теперь же они гонялись за девицами как молодые жеребчики. Даже Николай Светличный, оставив в стороне свой миномет, включился в общую веселую кутерьму, в этот неожиданно возникший праздник Ивана Купалы. Было смешно и радостно видеть, как он, прихрамывая, пытается схватить за подол юбки самую озорную. И в тот момент, когда он подхватил-таки краешек ее платья, ему на голову обрушилось полведра воды. Рев и хохот поднялись с новою, невообразимой силой.

Жизнь, увернувшись от смерти, торжествовала.

Всему, однако, приходит конец. Надо было уходить.

— Станови-и-сь! — скомандовал я.

Смех и визг оборвались.

Разочарованные и сейчас же посерьезневшие минометчики пошли от колодца. Понурившие девчата молча глядели им вслед.

Запомнилось еще то, что хуторок прилепился к малюсенькой речушке, которую перехватила узкая плотина, дававшая все-таки речушке этой возможность где-то внизу просачиваться и продолжать свой путь, конечно же, к Волге (куда же еще?) по той самой балке, которую Миша Лобанов назвал Купоросной, — он-то, на правах «старожила» здешних мест, и провел нас через хутор. Перейдя через плотину на противоположную сторону балки, мы невольно остановились, потрясенные открывшимся внизу перед нами зрелищем. Горела Волга. Где-то там, в невидимом нам Сталинграде, взрывались один за другим нефтехранилища...

— Не забудьте — сад Лапшина! — напутствовал Лобанов, оставшийся на плотине, когда мы вышли на указанную им дорогу и построились, как полагается военным людям, готовясь к спуску поближе к огнедышащему дракону. Дорога постепенно забирала вправо и перед входом в Бекетовку выправлялась и прямиком выводила к нарядной бело-голу-

бой церкви. Неожиданно перед нами появился всадник. Гнедой конь был великолепен! Не менее привлекательно выглядел седок. Его гибкое тело мягко пружинило над седлом, и казалось, он сам осознает свою привлекательность и не желает видеть ничего вокруг. Скорее всего он бы и не увидел нас, если б мы не узнали его и не перекрыли ему дорогу.

Да, это был он, наш ротный, лейтенант Виляев.

По логике вещей встреча с командиром роты должна бы обрадовать нас всех, но никто не только не обрадовался, но даже не поздоровался с ним. И лишь теперь я понял, что уже там, на Дону, минометчики догадывались, какая «болесть» так неожиданно посетила их командира и заставила его убраться с передовой в самый критический момент сражения. Впрочем, догадываться-то, может быть, и догадывались, но вслух на этот счет не высказывались: действия начальников подчиненными не обсуждались, строгая дисциплина заставляла держать язык на приколе. Молчали бойцы и сейчас, сумрачно поглядывая на лейтенанта как на постороннего. Он же, не покидая седла, перегнулся, попытался поймать мою руку, но не смог, а то, что услышали от него, повергло всех в состояние, близкое к шоку:

— Михаил, где мой пистолет? Ты его сохранил?

Какое-то время все смотрели на Виляева в полной растерянности, как смотрят на человека, который вдруг, ни с того ни с сего, взял да и рехнулся. В самом деле, какой бы нормальный командир, встретившись с двумя десятками своих бойцов, только что вырвавшихся из объятий смерти, вспомнил в такую минуту об этаком пустяке, как пистолет?! И я не сразу нашелся, что сказать ему в ответ. Чувствовал лишь, как кровь ударила в виски. Непонимающими, полными горечи, обиды и жгучей ненависти глазами смотрел на бравого всадника и... молчал. Не вынес он моего взгляда.

— Ну, я поеду...

— Нет уж, постой! — Я взялся за удила. — Пистолет твой цел. Но ты бы лучше спросил, где твоя рота?.. Видишь, сколько нас осталось? На, гад, возьми свою игрушку! — Я выхватил пистолет из кобуры и запустил им в лейтенанта. Виляев, однако, ловко подцепил его на лету, гикнул, и конь унес нашего ротного так быстро и так далеко, что больше мы его не видели. Ровно через неделю после этой встречи Виляев укатил в Ташкент, получив направление в интендантскую академию. Как ему это удалось, не знаю. Но укатил вот! С войной покончил он счеты задолго до ее окончания. И дезертиром его не назовешь. Заболел, вылечился в медсанбате, с медиками, заблаговременно до окружения, отправился поближе к Волге, тут познакомился с тыловиками дивизии, у тех оказался запрос на одного фронтовика для академии. Все законно.

Горько было думать о том, с каким повышенным вниманием и уважением отнесутся к нему слушатели и преподаватели академии: прибыл-то человек не откуда-нибудь, а из-под самого Сталинграда! Да и сам он не удержится от того, чтобы не выдать себя за настоящего героя, сражавшегося на подступах к Сталинграду, и, можно не сомневаться, будет образцовым слушателем академии и по ее окончании скорее всего останется в ней и сам станет преподавателем. О, каким дисциплинированным и строгим командиром был он там, в казахстанских степях, когда формировалась дивизия! Построит, бывало, роту на заснеженном поле в лютую стужу и ходит молча перед нею, протыкая колючими маленькими глазками каждого бойца, особенно долго сверлил того, кто ненароком шевельнулся в строю после команды «смирно», — так и знай, что этот вне всякой очереди отправится на всю ночь чистить картошку или, того хуже, выскабливать уборную. Ничего не скажешь: любил порядок наш ротный и умел наводить его, так что можно было и теперь не сомневаться, что с этой стороны он будет на виду у начальства и там, в далеком солнечном Ташкенте. А вот те, которые остались тут, скорее всего погибнут под пулями и танковыми гусеницами, как погибли многие из их товарищей под Абганеровом и Зетами, и никто не назовет их героями, хотя именно они-то и были ими, поскольку действительно стояли насмерть в самом будничном, буквальном, прямом смысле страшного этого слова. О каком-то там геройстве, тем более собственном, никто, разумеется, из них не думал да и думать не мог: не до того было. Не думал ни о чем таком и Федор Устимов, о котором мне хотелось бы, забегая на целый месяц вперед, рассказать теперь же, не дожидаясь того дня, а точнее, той ночи, когда повстречался с ним в одном из сталинградских окопов.

18

Уже поговаривали, что дивизию должны сменить, отвести в тыл, дать ей там отдохнуть хотя бы самую малость, пополниться, ну не так чтобы до полного штата, а все-таки пополниться. Как-никак, а она отстояла свой рубеж у Елхов, правда, кровушки и тут пролила много, но отстояла. Сейчас у нее одно название «дивизия», а коли посчитать по «активным штыкам», то, может, чуть поболе батальона наберется. Об этом Федору Устимову не хотелось и думать. От всей их роты остались крохи — с десяток стрелков, да он вот, станковый пулеметчик, да его напарник Иван Нефедов, да старшина Микола Пилипенко, да еще ротный, лейтенант Перегудов. Горше всего, конечно, досталось под Абганеровом, будь оно неладно. Десять дней оборонялись под этой станцией — десять дней в сталинградских степях летом сорок второго! Но об этом потом... А сейчас у Федора Устимо-

ва на уме другое. Кое-что из этого «другого» он поведал мне, когда я ползал по окопам, собирая подписи солдат и офицеров под Клятвою сталинградцев товарищу Сталину — умереть, но город немцам не отдать. О, это был особенный документ: его должны были подписать все до единого участника Сталинградской битвы, от командующего фронтом до рядового включительно, которые были живы на тот момент. Вот с этою-то бумагой я и припожаловал в окоп Устимова. Читать ее он не стал: доверился моим словам. А вот подпись свою выводил не торопясь, тщательно и основательно: сперва подул на свои толстые, красные, остуженные пальцы, потер их хорошенько друг о друга, а потом уж и проставил кривоватые малость, но отчетливые, разборчивые буквы. И лишь после этого поделился тем, чем были заняты его мысли до моего появления. Он тоже слышал, что не нонешней, так завтрашней ночью дивизию должны сменить. Прежние разговоры про то могли бы, кажется, уже научить его кое-чему, тому, например, что лучше б этим слухам не придавать ни малейшего значения, поскольку они на фронте имеют обыкновение не подтверждаться. В самом деле — в какой уж раз беспроволочный окопный телеграф приносит им эту новость! Однако в тот день на передовой происходило нечто такое, что бывает только перед большими и важными событиями. Ежели вы на фронте не новичок, то вы не могли не обратить внимания на такие, к примеру сказать, мелочи: отчего бы это вашему ротному с самого раннего утра понадобилось пройтись по окопам, от одной ячейки к другой, не одному, как обыкновенно, а в сопровождении другого, незнакомого лейтенанта, который не просто выслушивал вашего ротного, но и сам обо всем дотошно расспрашивал солдат, — за какой там шишкой сидит немецкий пулеметчик, откуда постреливает снайперяга ихний и в какие часы; ответы на все записывал в блокнотик; что же касается старшины Миколы Пилипенко, который знает про все на свете, даже про то, о чем не ведает, наверное, сам Верховный, так он прямо-таки проговорился, сказал бойцам, что махорку они получат завтра к утру, и не назначил старших по дележу, чего никогда не забывал делать. После того лейтенанта промелькнули еще какие-то незнакомые и тоже о чем-то долго шушукались с ротным Перегудовым, при этом лицо ротного было бесконечно-счастливым. И это-то выражение лица сказало Устимову вернее всех других примет: и впрямь ночью будут менять.

Федор Устимов не знал, как это делается (его никогда не меняли), и потому-то множество вопросов уже выстроились в длиннейшую, как эта осенняя ночь, очередь перед ним. На нашем участке фронта установилось, как сказали бы в сводке Совинформбюро, относительное затишье. В условиях сталинградских это выглядело так: всю-то ночепьку напролет немцы строчат из всего, что может только стрелять, — из пулеметов, автоматов и даже... из парабеллумов. Потом объявятся ночные бомбардировщики, понавешают «паникадил», озарят тебя в твоем окопе ослепительным, неживым светом, сбросят пяток бомб — встряхнет тебя всего до самых аж кишок, а тебе стрелять пока не велено (откроешь неприятелю нашу огневую точку). Ободришься чуток лишь тогда, когда над самой твоей головою протарахтят родимые «кукурузнички», невидимые впотьмах. А с рассветом прилетит эта стерва с двумя своими сатанинскими хвостами, покрутится-покрутится, сбросит свои бомбочки и едва, кажется, перевалит за свои позиции, слово берет ихний «ванюша» — это они, сволочи, так нарекли шестиствольный миномет, в противовес нашей «катюше». Зарычит он с поганой какой-то, сифилитической хрипотцой, и пойдут скакать у самого твоего бруствера огненные черти вместе с кусками земли, и это не так уж страшно, коли ты знаешь про то рычанье, потому как успеешь спрятать голову за стенкой окопа. А ежели новичок, он ведь может и не знать, кто это там, на немецкой стороне, рыкнул. Из любопытства еще выглянет ненароком, а тут его и накроют осколки...

Это был первый вопрос, который встал перед Федором Устимовым, когда он окончательно уверился в том, что предстоит смена. За первым сейчас же последовало и множество других. Как же это так: он, станковый пулеметчик Устимов, сам оборудовал свой окоп, сам отстоял его от вражеских атак, прогрел, так сказать, своим телом насквозь, а теперь должен уступить его другому солдату, неизвестно кому... А успеет ли он рассказать своему сменщику, где расположились немецкие огневые точки, пулеметы, минометы, артиллерийские батареи...

Какой же толк будет из того сменщика, коли он не будет знать того, что знает он, Федор Устимов? И сколько потом понадобится дней и ночей, чтобы тот сам, собственным своим опытом, до всего дошел, докумекал?! Да и легко ли дадутся ему в руки такие сведения? За них многие товарищи Устимова поплатились жизнью, и то, что сам он пока что жив и невредим, если не считать каких-то там царапин, — это ведь по сталинградским-то боевым будням скорее случайность, чем правило, может, даже простое везение.

— Да ты что, вроде бы и не рад, что тебя сменят? — перебил я Устимова.

— Как же не рад? Рад-радехонек буду, как и все протчие. Уже и вошка вон завелась. В баньку бы... Не мешало б передохнуть с недельку. Да вот ведь... — Солдат замолчал, потерся спиною о стенку окопа (похоже, вошка вновь напомнила о себе), шумно вздохнул. Может быть, в ту минуту он живо представил себе бойца, который завтра по-

ставит свой пулемет на место его, устимовского, «максима». Неожиданная мысль обожгла его, кольнула в самое сердце: «Зачем же «свой пулемет»? Ему могут передать и моего «максимку», в тылу-то мне другой дадут, может, совсем новый?» Не знаю, от этой ли мысли, от другого ли чего, но Федор вздрогнул, руки его сами собой, непроизвольно, скользнули под брезентовую, припорошенную первым снежком накидку и нащупали отполированные рукоятки пулемета. От казахстанских степей донес его сюда Федор Устимов, отец пятерых детей, оставленных в далекой Сибири («как они теперь там?» — думалось ему почти всякую свободную от боевых дел минуту), нянчил его на руках, на горбу своем таскал — плечи так же вот отполированы, как рукоятки, они и теперь ноют от одного только воспоминания о тяжелых железных полукружьях, цепко хватавшихся за выпиравшие ключицы. И вот теперь отдать в руки другому?! Не каждому объяснишь, что у каждого пулемета есть своя душа, свой норов. Чтобы почувствовать это, нужно время.

Но это еще не все. Далеко не все! Завтра эта клятва будет уже в Москве, перед глазами Верховного. А ведь тот, который сменит Устимова, тот этой клятвы священной не подписывал?

— Но он же принимал присягу, — напомнил я пулеметчику.

— Присяга — это одно. А тут — клятва! И не простая, а Сталинградская!.. А вдруг немцы пронюхают каким-то образом про смену дивизии — что тогда?!

— А отдохнуть вот как хочется! — Федор опять заворочался в своем окопе, принялся с еще большим ожесточением тереться спиною о его стенку.

Но ожидаемой смены не случилось ни в ту, ни в другую, ни в какую иную сталинградскую ночь до самого последнего дня страшного побоища. Ну, а Федор Устимов? Вспомнит ли кто-нибудь о нем? А ведь именно он и оказался непреодолимой твердыней на пути к Сталинграду.

19

Наконец мы повернули в сторону сада Лапшина. После Миши Лобанова нам об этом самом саде говорили все встречные, как о Мекке, куда стекались сейчас все страждущие, вырвавшиеся из вражеского кольца. По дороге и по балкам, радиально спускающимся к реке, были кем-то расставлены регулировщики, в задачу которых входило направлять таких вот, как мы, в этот самый сад. Они не спрашивали, из какой мы дивизии — там, мол, разберутся, как разобрались вон с теми, которые приведены в относительный порядок и теперь, в сумерках, торопились туда, откуда

только что спустились мы. По тому, что их нисколько не удивлял наш растрепанный вид, что кого-то мы везли на минометной лафете-коляске, кого-то поддерживали под руку, что за плечами у нас не было противогазных сумок, а на головах — касок, мы поняли, что воинство это, в большей своей части, лишь на полдня раньше вышло оттуда же, откуда выходили теперь мы: их ничем уже не удивишь. Притормаживали движение лишь новички, в новеньких, темно-зеленых гимнастерках, в такого же цвета касках, с новенькими винтовками и карабинами, — эти смотрели на нас точно такими же удивленно-недоумевающими, малость испуганными глазами, какими глядели мы на этом самом месте в двадцатых числах июля на эшелон с разгромленными где-то за Доном частями.

Сад тянулся от дороги километра этак на полтора. С трех сторон был окружен канавой, ну, а восточную его часть оберегала подступавшая вплотную река. Как только мы добрались до него, мы все как бы вдруг обезножели и повалились в канаву, прикрытую с обеих сторон какими-то тощими деревцами. Вокруг сада возвышались стройные пирамидальные тополя, совершенно неожиданные для здешних мест. По всему было видать, что владелец сада понимал толк в красоте и не просто любил природу, но был ее сотворцом, умным, целеустремленным помощником. Помещик ли, богатый ли купец, истинный и самоотверженный ценитель всего прекрасного, из тех, коих было немало на Руси в предреволюционную пору, украсивший берег великой русской реки этим великолепным садом, не знал и не мог знать в свое время, что много лет спустя тут найдут прибежище десятки тысяч защитников Отечества, чтобы собраться с новыми силами и выйти опять на рубеж кровавого единоборства.

Каменный сон придавил нас. Сад Лапшина растворился в этом коротком сне.

В тот же день в тиши своего берлинского кабинета начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер занесет в свой дневник несколько коротких, суховато-лаконичных слов:

«В группе армий «Б» хорошие успехи у 4-й танковой армии». Это у той, что вчера громила нас при выходе из окружения, добавлю я от себя. А на следующий день в том же дневнике появится еще одна запись, столь же короткая и лаконичная, сделанная бестрепетной рукой: «Сталинград: мужскую часть населения уничтожить, женскую — вывезти». Это — из указаний Гитлера, сделанных на совещании

у фельдмаршала Лиса 31 августа 1942 года, в тот самый день, когда мы обливались кровью и пóтом в Сталинградских степях.

1 сентября 1942 года, когда мы выйдем к Елхам, генерал-полковник Гальдер добавит:

«Хорошие успехи под Сталинградом».

А одиннадцатью днями позже в кабинете Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина находились Георгий Константинович Жуков и Александр Михайлович Василевский. Отойди подальше от стола Верховного, когда тот был занят разговором по телефону, один из этих двух обронил короткую фразу: «Надо искать какое-то иное решение». Он произнес эти слова полушепотом, так, чтобы их слышал только его собеседник. Ни тот, ни другой не ожидали, конечно, мгновенной реакции Сталина:

— А какое «иное» решение?

Впоследствии Георгий Константинович напишет:

«Я никогда не думал, что у И. В. Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

— Вот что, — продолжал он, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда... Завтра в 9 часов вечера снова соберемся здесь».

Гальдер же в эти дни продолжает повторять в своем дневнике: «Успехи под Сталинградом».

Никто не знал в это время, что произойдет в Москве в Ставке Верховного Главнокомандующего 13 сентября 1942 года. Знать бы про то немецкому генералу Гальдеру, глядишь, и дрогнула бы рука, отмечающая успехи немцев под Сталинградом.

ЕЛХИ

1

Первое, что я увидел, очнувшись от энергичного и, как мне показалось, довольно бесцеремонного толчка, было улыбающееся лицо Кузьмича. Будь это второе явление Христа народу, я бы, вероятно, удивился менее, чем вот этому склонившемуся надо мною лику моего старшины. Какое-то время мы глядели друг на друга молча: я — оторопел и потерял дар речи; он решил, видимо, дать мне время прийти в себя от неожиданного его появления.

— Во черт... Откуда ты?

— Оттедова, откель и вы, товарищ политрук.

Видя, что без посторонней помощи я не могу подняться, Кузьмич подал мне руки и поставил на ноги, которые тут же пригнулись. Тогда он тотчас же подхватил меня под мышки и забормотал:

— А нуте-ка ножками, ножками, товарищ политрук. Вот та-а-ак! — При этом он радостно смеялся, как смеется счастливый отец, обучая первым шагам своего ребенка. Затем кого-то позвал себе на помощь: — Сероглазка! Где ты там! А ну-ка сюда!

Передо мной появилась девушка, похожая на девочку-подростка. Нисколько не смущаясь, заставила меня опять прилечь, что я и сделал незамедлительно, подчинившись строгому повелительному взгляду. Она склонилась над моими распухшими, покрытыми коркою засохшей крови ногами. Заглянув в ее лицо, я сейчас же догадался, откуда у нее это прозвище: «Сероглазка». У Вали (ее настоящее имя я узнал чуть позже) были бездонные серо-голубые глаза.

«Сероглазка»...

Она принялась промывать мои раны. Они тотчас отозвались жгучей болью, но я не застонал, не вскрикнул, а тихо засмеялся, потому что боль эта вернула меня в детство, то самое, «босоногое», когда ноги мои знать не знали никакой обуви и подошвы их делались похожими на хорошо выделанную бычью кожу и по толщине, и по несокрушимой крепости: они решительно не боялись никаких колючек на земле. А вот от чего больше всего страдали, так это от цыпок: от них уберечься было трудно. Побегаешь, бывало, по луже после летнего проливного дождя или по мелководному болотцу на лесной поляне, не успевшему высохнуть с весеннего разлива, выйдешь затем на солнцепек — кожа твоя на верхней части ступни, в особенности же на икрах, сделается будто шагреневой, начнет быстро стягиваться и трескаться, краснеет при этом будто ошпаренная, а из мелких многочисленных трещин сукровица сочится. Боль нестерпимая! И жаловаться не на кого: сам виноват! Не вытер их досуха перед тем, как подставить под палящие лучи солнца. Терпи теперь, пока мама не смажет сметаной или кислым молоком: боль от этого во сто крат усилится, но будет недолгой, и ты вскоре заснешь счастливым крепким сном.

— Да вы расслабьтесь немножечко. Что вы так напружинились?! — донеслось вдруг до меня, и я очнулся от забытья.

— Ух вы какая! — вырвалось у меня.

— А какая уж есть.

Я невольно подумал о том, как же она решилась взять на себя такую тяжелую ношу. Ведь никто не понуждал ее идти на фронт. Она оказалась здесь по доброй воле. А сколько их таких... И я совсем забыл о своих болях в ногах, раздумывая о нелегких судьбах русских женщин.

2

Скоро к нашему лежбищу решительным шагом подошел человек, которого я тотчас узнал. Это был капитан Баталов. К месту формирования нашей 29-й стрелковой дивизии, в город Акмолинск, он прибыл тогда, когда, кроме номера, в дивизии этой никого и ничего не было. С него, капитана Григория Баталова, по сути и началось ее рождение. Он был направлен сюда на должность заместителя начальника оперативного отдела.

Объявившись здесь первым и увидев, что старше его ни по воинскому званию, ни по должности никого нет, Баталов сразу же взял на себя заботу и команду над всеми. И первое, что он сделал, так это подобрал с помощью местных властей подходящее помещение — деревянный одноэтажный дом, обшитый почерневшими от времени досками; назвал его штабом дивизии и приступил к исполнению своих и не своих обязанностей.

Политрук минометной роты несуществующего пока что 106-го стрелкового полка несуществующей дивизии, я предстал пред строгие очи Баталова чуть ли не самым первым и, наверное, поэтому был задержан им несколько дольше остальных. А приезжали командиры с разных концов страны — кто из военных училищ, кто из госпиталей после излечения. Рядовые же — из Томской, Омской, Новосибирской, Иркутской областей, из Красноярского края и Северного Казахстана. У меня оказалось достаточно времени, чтобы присмотреться к Баталову и запомнить его. Был он высок, а для меня, низкорослого, вообще казался великаном. Глаза светло-голубые, и им, по их небесному цвету, полагалось бы быть мягкими и добрыми, а у Баталова они были необыкновенно суровы, и суровость эту им придавали нависшие над ними густые рыжие брови.

Я представился по всей форме. При этом не только я, но и Баталов встал по стойке «смирно», для чего ему нужно было выйти из-за стола, за которым он сидел, то и дело поднимая трубку телефона, делая какие-то распоряжения и принимая доклады. Светлокудрая голова его почти упиралась в потолок.

— Вольно, — не скомандовал, а сказал он голосом, каким приглашают незнакомого человека присесть. — Расскажите, товарищ младший политрук, откуда прибыли, — и кивнул в сторону единственной табуретки, стоявшей чуть в сторонке от его стола.

Я уселся и коротко рассказал о том, что войну встретил на Украине, в Сумах, хотя сам родом из Саратовщины. Успел немного повоевать в составе отряда Особого назначения, созданного из трех военных училищ — двух артиллерийских

и одного пехотного. В конце сентября сорок первого мое училище сняли с передовой и отправили под Ташкент, в город Чирчик, для подготовки новых командирских кадров.

— Так, говорят, распорядился сам Сталин, — не утерпев, добавил я.

— Ну, а потом?

— Попросился опять на фронт. Послали к вам, в 29-ю.

— Но ее пока нет. Будем создавать с листа, как говорят футбольные тренеры. С тобою, младший политрук, вместе, — и только теперь капитан улыбнулся. И улыбка, будто солнышко, вырвавшись из-за тучки, осветила лицо человека, которому очень уж хотелось быть строгим во всякую минуту. Будто спохватившись, он быстро спрятал ее под насупленными бровями, протянул руку:

— Добро, политрук. Иди к баракам. Там увидишь указатели. Какие отведены вашему 106-му полку, бери под свою ответственность. Туда сейчас отвозят дрова и уголь. Пригляди... — Моя рука была зажата в его ладони. — Ну, а теперь ступай.

Ни команды «кругом!», ни «шагом марш!» не последовало, и то, что под конец этот суровый человек стал обращаться ко мне на «ты», как-то согрело душу. Мне сделалось уютнее в неуютном этом, заснеженном краю.

По дороге к баракам я вдруг вспомнил, что в петлицах темно-серой гимнастерки Баталова я разглядел два малюсеньких танка, тотчас же разбудивших во мне давнюю, не покидавшую меня зависть к летчикам и танкистам. Каким образом, размышлял я, шагая по еще плохо укатанной снежной дороге, он оказался здесь? Баталов — танкист, как же он, за какие грехи угодил теперь в пехоту? В нашей дивизии даже одной танковой роты не предусмотрено штатным расписанием — он-то, оперативник, должен знать про то!

В тот день мне сделалось обидно за Баталова. И вот теперь, тут, под Сталинградом, вторая встреча с ним.

— Командиров прошу ко мне. И вы, товарищ младший политрук, — тоже. Что у вас с ногами? — Подойдя поближе, Баталов пригнулся, чтобы «освидетельствовать» меня. — Ходить-то вы можете?

— Могу, товарищ капитан! — бодро отрапортовал я. — От Абганерова до Сталинграда без малого сто километров отшагал. Так что...

— Добро. Постой, я вроде бы где-то встречал вас?

— Встречали, товарищ капитан. В Акмолинске.

— Ну, может быть, — и, обращаясь уже к нам двоим, ко мне и Хальфину, приказал: — Оставайтесь пока здесь. Через час вам приведу пополнение. Сто семьдесят человек. Поведете их к Елхам.

Этого часа было, конечно же, недостаточно, чтобы подлечить ноги, но все-таки хватило, чтобы старшина роты рассказал нам о своих странствиях по бесчисленным балкам и балочкам, прежде чем одна из них, выпрямившись под конец, вывела к самой Волге. Впрочем, своим спасением эти двое обязаны не только оврагам, но и собственной сообразительности прежде всего. Им было ведомо народное изречение относительно того, что на миру и смерть красна. Но Кузьмич в данных ему обстоятельствах не стал следовать этой пословице. Он решил про себя: как бы ни была красна смерть на миру, но жизнь все-таки краше. И о ней он думал, когда не потянулся вслед за основной массой отступающих, а резко повернул влево, в одну из дочерних балок, которая тоже вела на восток, но не по прямой, а под углом, не забывая при этом по-ужиному извиваться, как бы хитрить, прикрываясь по обоим скатам невысоким, в общем-то чахлым, но довольно густым кустарником, — к ним лошади Кузьмича и Зельмы прижимались так плотно, что не были видны с воздуха даже тогда, когда совсем рассветало. Их не надо было направлять туда с помощью вожжей: умные животные быстро сообразили: под деревцами будет прохладнее да можно еще почесаться о ветви и отпугнуть комаров, оводов, слепней и тьму-тьмущую другой кровожаждущей твари, от которой одним помахиванием куцеватого хвоста не избавишься. Теперь даже сам Кузьмич не мог бы сказать, сколько раз приходилось им перебираться с одной балки на другую, часто под самым носом противника; весьма возможно, что их повозки могли быть приняты немцами за свои.

Как бы там ни было, а мы вышли, пускай нас немного, четвертая часть дивизии или даже менее того, но вышли, сохранив знамена, а значит, и возможность ее возрождения. Ну, а что же с теми, которые не вышли? Мысль о них не покидала, терзала душу всякую минуту, когда приходилось оставаться наедине с собой. Ведь не все же полегли под Зетами?!

Это письмо я получил спустя сорок лет после Сталинградской эпопеи. Его автор Степан Романов. Тот самый, что за день до окружения поздней ночью неожиданно пришел в мою землянку и более часа рассказывал о себе. Держался при этом как на исповеди. Исповедальный тон звучит и в его письме. И чтобы сохранить его, оставлю письмо без какого-либо своего вторжения. Документ стоит того, чтобы выделить его в настоящем повествовании в отдельную, самостоятельную главу, попросившуюся встать здесь вне всякой очереди.

8

«29/VIII наша часть попала в окружение, и мы в ночь на 30/VIII стали выходить в боевом порядке, а наутро оказалось, что наша часть находится в тисках танков противника, в кругу которых курсируют танкетки, сгоняя пленных в кучу. В их числе были наш командир полка майор Чхиквадзе и комиссар полка Горшков, и другие командиры батальонов, рот. Собрали всех в Зетах. В этом лагере выдали брюки, гимнастерки из бумаги и калоши, выдолбленные из дерева. Жили в сарае, где была солома. Во время сна, чтобы не было холодно, зарывались в нее. Солома внизу была мокрая, потому что в нее оправлялись по-легкому, и она горела, поэтому всегда ощущалось тепло. В 4 часа утра с шумом ворота раскрывались, и немец-комендант, стоя с вилами у ворот, что-то кричал на своем языке. Это означало — пулей вылетай первым, а то получишь вилами под бок или по чему попало. После этого выстраивали, выдавали по черпаку баланды, которая изготовлялась из листвы капусты и кормовой свеклы. Затем гнали на работу, на погрузку вагонов, до 2-х часов дня. А в 2 часа гнали обратно в лагерь, выдавали такой же обед, а поздно вечером такой же ужин и грамм 300 хлеба. Так было в Зетах, так и в городе Острогожске, куда нас перегнали. Во время погрузки, если какая-нибудь женщина пыталась что-нибудь дать пленному, то ей грозили, а пленного били палкой. Потом в этом лагере начал свирепствовать тиф. Лагерь закрыли, а нас перевезли в другой, очень большой лагерь, размещенный в кирпичном заводе, где нас держали отдельно на карантине и гоняли почти каждый день в баню холодную, а белье жарили.

В декабре 1942 года нас погрузили в вагоны, заперли и повезли. На улицу не выпускали, хлеба давали через день грамм по 300. Привезли в Сумы. Там нас загнали в большой корпус, около вокзала. Один раз в сутки давали баланды и грамм 150 хлеба. В начале февраля 1943 года из Сум этапом погнали через города Лебедин, Ворожба, Гадяч. Сколько трупов пленных устлали этот путь, могут сказать только жители указанных селений. Шли мы в деревянных калошах, обессиленные, поддерживая друг друга. Который уж не мог совсем идти, садился на дорогу, и немцы тут же его пристреливали. После того, как партизаны в Ворожбе освободили одну группу пленных, немцы стали гнать нас день и ночь в сопровождении танков и автоматчиков. В ночь с 16 на 17 февраля, проходя через Бобрик-Полтавский Гадяческого района, я совсем обессилел и решил отойти от колонны и спрятаться где-нибудь. Все равно, думаю, так и так смерть: упаду — немцы пристрелят, выйду из колонны — немцы увидят, тоже убьют. Но незаметно я проскочил за

забор — и в огород, укрылся за избой. И только сейчас почувствовал, что я уже не в колонне. Слышу шум, крик, стрельбу на улице. Не знаю, что со мной случилось, но я не мог не только двигаться, но даже шевельнуться. Через некоторое время слышу сильный топот прямо ко мне. Ну, думаю, все, сейчас мне конец, немцы увидят и прибьют. Но это были тоже пленные из той же колонны, трое. В противоположной стороне этой хаты, в окне, был свет, и мы решили войти и попросить что-нибудь поесть. Из хаты вышел лет 15 парень и давай нас гнать на улицу; еще подошел старик и говорит: если не уйдете, то через одну хату живет немецкий офицер, сейчас ему скажем. Мы тогда все четверо пошли на огород, а они — за нами, кричат. Мы к соседней клуне, они не отстают. Мы — на улицу. Колонна пленных уже проходила, и мы все перебежали на другую сторону улицы. Я сбросил деревянные калоши, не чувствуя ног, побежал через огород на другую улицу. Когда оглянулся, вижу: за мной бежит еще один из троих пленных. Мы подошли к клуне, зашли в нее — там было сено. Но так хотелось есть, что этого невозможно описать. Но больше обращаться к кому-нибудь не решились. Ноги мокрые ничего не чувствовали. Мы приоткрыли ворота клуни. В этот момент вышла луна из-за тучи, в то же время вышел хозяин этой клуни из дому и окликнул: кто там, не доходя до ворот. Мы ответили: братишка, подойди!.. Оказалось, что этот мальчишка все уже знает: сколько пленных побито в этом селе. Когда мы его спросили, может, у него есть чего покушать, он побежал домой. А мы остались, думая: сейчас вместо кушанья он приведет немца. Но оказалось, что он нам принес чугун ведерный картошки и несколько кусков хлеба. Мы это все моментально съели, живот раздуло, дышать стало трудно, а душа разрывается: есть по-прежнему хочется. Но он нам больше ничего не дал, сказал: пропадете. Этот парень Коля сказал нам, что я к себе в хату не могу пустить, потому что сейчас отступают немцы и размещаются в селе. Если нагрянут, то вас побьют, и нам худо будет. Мы очень были благодарны и за такое угощение и прием, но попросили что-нибудь на ноги. Он принес холста на портянки и кудели, во что мы и обулись, обмотав веревками, и зарылись в сено клуни. Рано утром он нас разбудил, принес большую чашку кулешу и кукурузных лепешек. Мы это быстро съели, обулись в наши «лапти». Пришла хозяйка с соседкой, увидели не людей, а скелеты и долго плакали. Оказалось, отец и брат Коли ушли в Красную Армию. Что с ними сейчас, ни он, ни его мать не знали. Разными закоулками вывели они нас из своего села и указали дорогу на хутор, объяснив, где и у кого там перебыть.

На хуторе этом мы ночевали одну ночь у стариков. Хозяйка прожарила нашу одежду, потому что в ней было жутко сколько вшей.

Из этого хутора мы перешли в соседнее село, где и ночевали 4 ночи, помогая хозяевам то сено на крышу сложить, то дров нарубить.

23/II 1943 г. наши части заняли это село, продвигаясь в направлении Гадяч. Мы с радостью побежали к командиру с просьбой принять нас в часть, изложив свое положение. Но он нам сказал: идите в военкомат, там вас оформят. Мы пришли в военкомат в городе Лебедине I/III 1943 г., где нас, бежавших из плена, набралось 180 человек.

Но немцы уже опять занимали город. Снаряды рвались повсюду. Нам дали направление, назначили старшего, и мы пошли в тыл.

Пришли в город Старый Оскол в конце марта. Здесь стали проходить проверку, кто где служил, как и когда попал в плен, после чего, в конце апреля 1943 г., я был обмундирозан и направлен в 204 сп. 184 стр. дивизии, где служил и участвовал в боях до момента выхода на границу Восточной Пруссии, у реки Шушупа.

18/VIII 1944 года был ранен в левую руку. До 17/XI 1944 г. был в госпитале, вначале прифронтовом, а потом в г. Вильно. 17/XI 1944 г. выписался из госпиталя и зачислен в 558 стрелковый полк 159 стрелковой дивизии командиром 82-миллиметрового миномета. С данной частью участвовал в боях, на подступах Кенигсберга (Калининград). Был ранен 5/II 1945 г. в правую руку выше локтя и левую ногу с повреждением кости коленного сустава. Был эвакуирован в госпиталь г. Тулы, где находился на излечении по 21/VI 45 г.

4 июля 1945 г. прибыл домой. Потом ездил на курортное грязелечение — ст. Яны-Курган, Ташкентской ж. д. После возвращения с курорта, 23/X 1945 г. поступил в Врачсанслужбу ж. д. на должность старшего бухгалтера, где работал в этой должности по 15/XII 1945 г. С 15/XII 1945 г. по 15/XII 1948 г. работал инспектором-ревизором. По моей просьбе, в связи с болезненным состоянием ноги, связанным с постоянными разъездами, был переведен на должность ст. бухгалтера Врачсанслужбы Каз. ж. д., где и работал до настоящего времени, до пенсии.

Награжден:

Памятный знак «Ветеран 72 гвардейской дивизии»;
Медаль: «За победу над Германией»;
Медаль: «60 лет Вооруженных Сил СССР»;
Медаль: «30 лет победы в Великой Отечественной войне»;
Медаль: «25 лет победы в Великой Отечественной войне»;
Медаль: «За освоение целинных земель»;
Медаль: «За боевые заслуги»;

Орден Отечественной войны I степени;
Медаль: «Ветеран труда»;
Орден Славы III степени;
Медаль: «40 лет победы в Великой Отечественной войне»;
Медаль: «Ветеран 64 армии».

Так вот, по-бухгалтерски строго и сухо подводил итог своей жизни один из сотен тысяч солдат, получивших боевое крещение в междуречье Волги и Дона. Трудно сказать, почему Степан Романов перечень своих наград выстроил так, что орден Отечественной войны I степени и медаль «За боевые заслуги» оказались у него чуть ли не в самом конце столбца. Это можно было бы отнести на счет солдатской скромности. Но могло случиться и так, что боевые награды отыскали воина уже спустя много лет после войны и оказались почти последними, полученными им. Я собирался уточнить это у самого Степана, да не успел: о смерти моего фронтового побратима, бойца-сталинградца, узнал от его сына, Владимира Степановича Романова. Теперь уже он, исполняя наказ отца, продолжает писать мне постоянно. И почерк у них оказался одинаковым. Переписка наша продолжается и сейчас, как бы указывая на непрерывную связь времен и поколений. О, сколько раз приглашал меня Степан погостить у него в Целинограде, бывшем Акмолинске, откуда вместе с ним полвека назад отправились, чтобы оказаться в огненной купели Сталинграда! Обещал, конечно, приехать. Но обязательно что-нибудь да мешало. Теперь зовет, и так же настойчиво, его сын, оказавшийся вдруг для меня «чужестранцем», живущим на «чужбине», — не в Акмолинске, не в Целинограде, а в Акмоле (а город-то один и тот же!). Не придется ли на поездку к нему выправлять визу?..

О, дорогой мой Степан! Может, и хорошо, что не дожил ты до нынешних наших дней? Ей-Богу, хорошо!..

Но я умолкаю, чтобы собраться с силами и продолжить мое повествование.

4

Капитан Баталов вернулся быстрее, чем обещал, чему мы отнюдь не обрадовались: к нам только что подкатила наша походная кухня, и Зельма торжествующе размахивал ковшом, как саблей, приглашая к котлу. Вслед за нами устремились к его колеснице и те, которых привел сюда Баталов, а их было что-то около двух сотен. Зельма приготовился к обороне. Выручил повара Баталов. Грозным командирским окриком он заставил вернуться всех на свои места.

— Не до того сейчас!

И как бы в подтверждение его слов прямо над нашими головами, шепелявя и хорхоча как вальдшнеп на тяге, пролетел снаряд и разорвался у переправы. За первым последовали еще три через равные промежутки времени.

— Вот видите, — Баталов неожиданно улыбнулся, — немцы поднялись на гору у Елхов и ждут, когда мы выйдем к ним с хлебом-солью. Надо поторопиться. А этот толстяк, — Баталов указал на Зельму, — поедет вслед за нами и накормит нас своей кашей, когда мы расхлебаем немецкую... там вон, на той горе.

По всему было видно, что большинство из приведенного к нам воинства не только не нюхало пороха, но и в армию-то до нынешних грозных дней не призывалось. Это были восемнадцатилетние и даже семнадцатилетние ребятишки. Я с грустью смотрел на них, потому что все они были удивительно похожи на моего Жамбуршина. Правда, молодежь эта была «разбавлена» десятком пятидесятилетних. Эти, может быть, и воевали в первую германскую, как сказал бы Кузьмич, или в гражданскую. Но то — совсем другие войны были, мало чем похожие на эту. Правда, и тогда пролилось много крови, но не столько же, сколько льется ее теперь. И все-таки эти пятидесятилетние, усатые дяди, по большей части деревенские мужики, взятые прямо с полей в разгар страды, пахнущие спелым колосом, прокопченные не на полях сражений, а на хлебных полях, малость успокаивали, обнадеживали. Баталов привел этот отряд не для кого-нибудь, а для нас с Усманом Хальфиным, поскольку рядом с нами не видно было других командиров. Капитан получил это пополнение прямо у переправы, которая работала теперь круглосуточно чуть южнее сада Лапшина, в километре от того места, где находились сейчас мы, — переправлялись под постоянной бомбежкой. Именно этим и объяснялся ужас, застывший теперь в глазах юнцов. Всех их, молодых и старых, где-то успели все-таки обмундировать, одеть в новенькие, защитного, ярко-зеленого цвета, гимнастерки и брюки, выдать винтовки с примкнутыми к ним трехгранными штыками, зеленые каски и противогазы в зеленых сумках. Словом, были они при полной экипировке.

— Товарищ младший политрук! — Тяжеловатый взгляд Баталова остановился на мне. — Тут у меня сто семьдесят человек. С вашими минометчиками, вижу, будет более двухсот. А это уже батальон. В наших условиях — почти полк, — показалось, что Баталов опять усмехнулся, — назначаю вас его командиром...

— Командиром полка? — вырвалось у меня непроизвольно.

— Пока что батальона, — уточнил Баталов, стерев с лица усмешку. — А вы, — теперь капитан перевел взгляд на Усмана Хальфина, — вы, лейтенант, будете у него заместителем. А сержант... как ваша фамилия?

— Гужавин.

— Вы, сержант Гужавин, будете командовать минометной ротой. В составе этого батальона. Поняли?

— Поняли, — ответил я за всех.

— Ну, а теперь — шагом марш за мной!

— А как же я?.. Куда мне? — испуганно пискнула Сероглазка.

Баталов остановился.

— Как это куда?.. Вы что, воевать пришли или на свидание? Думаете, там не найдется вам работы?.. Становитесь в строй да поскорее!.. Ша-а-гом м-а-а-р-ш! — скомандовал он громко, растягивая слова возможно длиннее.

В какие-нибудь десять-пятнадцать минут сформированный батальон по балке Купоросной двинулся в гору. Под ногами чавкала вода. Это продолжал свою жизнь, подбираясь к Волге, тот ручеек, который просачивался под плотиной хутора Елхи. Мы шли по нему и не знали, что к концу этого дня он из прозрачного, светло-золотистого превратится в кроваво-красный.

Шли по два человека в ряд, поскольку на дне балка Купоросная была узкой, а по мере нашего подъема становилась все уже и уже. К тому же приходилось все время нагибаться, подныривая под ветки деревьев, росших по обе стороны балки.

Позади растянувшейся цепочки шли двое: Николай Светличный, все еще прихрамывая, и Валя-Сероглазка. Она везла вместе с ним его миномет. Никто не придал этому особого значения, потому что медицинская сестра и должна была находиться рядом с больным.

Голова колонны вышла из балки у плотины, у восточной окраины Елхов, когда в самом хуторе уже шел бой. Вдруг один из бойцов оказался перед Баталовым. Я не сразу узнал в нем Василия Зебницкого. Давно не бритый, измученный, весь какой-то серый, с красными, как у кролика, глазами, он изо всех сил кричал, докладывая капитану:

— Немцы... ворвались... час назад. Моя рота пока что... пока удерживает восточную часть хутора... Но нас мало... мало, слышите?.. Очень ма-а-ло! — и, не ожидая указаний, опять побежал к своим бойцам.

К этому моменту уже весь наш отряд поднялся к плотине и сейчас же услышал команду Баталова:

— Батальон, в атаку, за мной! — крупная его фигура отделилась от нас и была уже по правую сторону плотины.

— В цепь... за мной! — это уже кричал я, стараясь догнать Баталова.

Новобранцы рассыпались, но бежали не цепью, а небольшими группами, образовавшимися вокруг «стариков», которые, оказалось, и были командирами отделений, а теперь уже помкомвзводами и даже взводными. Я бежал впереди с поднятой правой рукой, как и полагалось политруку, когда его рота идет в атаку. Пожалел в какую-то минуту, что отдал пистолет лейтенанту Виляеву, — с «личным оружием», пистолетом или револьвером, рука выглядела бы куда воинственнее, чем сейчас. Правда, на широком командирском ремне, с большой пятиконечной звездой на пряжке, по-прежнему висели, справа и слева, две тяжеленных противотанковых гранаты, выданные еще в хуторе Генераловском да так и не употребленные в дело, не востребованные, как бы мы теперь сказали. Они очень мешали бежать, но я не расставался с ними, решив, что скоро и им найдется работа.

Увидев нас, бойцы из роты Василия Зебницкого, с трудом удерживающие восточную окраину Елхов, приободрились и уже вместе с нами побежали по единственной улице, по той самой, по которой мы уходили к балке Купоросной днем раньше. Все до единого, правда, вразнобой, кричали «ура», не столько, может быть, для устрашения немцев, которых пока что не видели, сколько для собственного воодушевления. Когда бежишь и во всю мочь орешь этот боевой клич, когда рядом с тобой бегут и орут то же самое другие, тебе не так страшно, потому что в реве этом ты не слышишь посвиста пуль, стона раненых. «Ура-а-а!» — кричишь ты уже охрипшим, едва слышным даже для тебя голосом, сердце бешено колотится, а ты бежишь, поскольку продолжают бежать и другие. Но вот упал тот, кто оказался впереди тебя, ты споткнулся о него и тоже упал: в таком разе и тебе уже не подняться, земля-спасительница так крепко прижмет тебя к своей груди, что уже не хватит ни физических, ни нравственных сил вырваться из ее материнских объятий. Такое случилось с одним, другим, третьим, а потом уж со всеми нами, когда мы насквозь, единым, что называется, духом «прочесали» хутор, за которым впервые увидели убегающего от нас врага, когда впору бы праздновать победу над ним, но в этот-то час и вступил в дело немецкий шестиствольный. Да не один, а с добрый десяток. Стена огня в одну минуту встала перед нами. По инерции мы какую-то сотню метров бежали вперед, а потом один за другим люди наши стали падать, кто сраженный насмерть осколком мины, кто раненный ею, а кто спасаясь от этих осколков. Я и Зебницкий, помня о своих политруковских обязанностях, пытались поднять бойцов в новую атаку, но это было невозможно, мы знали, что невозможно, но все-таки делали одну попытку за другой — первыми поднимались во весь рост, кричали обычное: «Вперед, за мной!» Иной и поднимется, и пробежит, сделает несколько шагов вслед за нами, но тут же опять упадет на землю. Упали и мы, прижавшись к сухой, прокаленной земле.

— Окапываться! Всем окапываться! — кричал Усман Хальфин, перебегая от одного к другому.

Легко сказать «окапываться», а попробуй это сделать малой саперной лопатой в такой земле, — тут хотя б крохотную ямку выцарапать! Нет, однако, худа без добра: помогли немецкие снаряды, прилетавшие откуда-то издалека и оставлявшие после себя глубокие воронки: ими-то многие и воспользовались.

Минометчиков Гужавин по нашему с Хальфиным распоряжению увел к противотанковому рву, чтобы присоединиться к Михаилу Лобанову. Залегшие на выгоне, мы слышали частые хлопки его пятидесятимиллиметровок справа от нас, слышали и трескучие разрывы малых мин, но не знали, стреляет ли Миша по немцам (в таком случае они должны находиться очень близко от него) или для острастки, ставя заградительный огонь. Как бы там ни было, а малыш действует. Теперь на помощь к нему подойдет Гужавин с семью 82-миллиметровыми минометами: три из них вынесли мы, выйдя из окружения, а четыре вывез на своих повозках неведомыми для нас путями Кузьмич. Вывез и мины к ним — десятка два лотков.

Мы с Хальфиным вынуждены были на какое-то время расстаться со своими минометчиками.

5

Встречаются такие люди, которые будто светятся изнутри. Глаза у них обычно добрые, широко распахнутые. И смотрят они прямо перед собой, потому что им незачем прятаться от людей... Во всем их облике чувствуется какая-то неподдельная доброжелательность ко всем и каждому.

Вот таким в нашей минометной роте был Алексей Грунин. О своем боевом крещении он старался никому не рассказывать. И все мы считали, что Алеша Грунин получил его, как и все мы, у хутора Чикова. Но на самом деле случилось это несколькими днями раньше.

Это случилось тогда, когда дивизию как бы ни с того ни с сего, средп бела дня, сняли с только что занятого ею рубежа на Дону, у хутора Нижне-Яблочного, и она двигалась под непрерывной бомбежкой и под пулеметными очередями немецких самолетов. Только пойдем вперед, чей-то истошный голос вещает: «Во-о-оздух!» Врассыпную бежим в бурьян и лежим там вниз лицом, задыхаясь полынной горечью. По спине гуляют мурашки от грохота рвущихся где-то совсем рядом вражеских бомб и от шепелявой болтовни осколков, шарящих в бурьяне. Продолжалось это всякий раз минут пять, самое большее десять, но не этим ли десяти минутам многие двадцатилетние обязаны первой изморозью на своих висках? Не у всех оказалось достаточно духа, чтобы вынести такое (помните нашего лейтенанта Виляева?).

Грунин и Улыбин были тогда в одном расчете. Как только на горизонте появились «юнкерсы», друзья схватили из повозки свой миномет и побежали в бурьян. И вот тут-то между ними произошла первая и последняя стычка.

— Знаешь что, Иван, мне... понимаешь, надоело все это!.. — задыхаясь от ярости, почти в самое ухо Улыбину вдруг закричал Алексей. — Давай стрелять!

— Да ты с ума сошел! — встревожился Улыбин. — Из чего ты будешь в них стрелять?.. Из миномета, что ли?.. У нас с тобой даже карабина нету.

— Из миномета! Из чего угодно, но лишь бы стрелять! — Грунин с силой рванул из рук товарища миномет, врезал в сухую землю двуногу-лафет. — Подавай мины, слышишь?!

Выстрелили один раз, другой — мины чуть ли не под прямым углом взмыли вверх и, переломившись на верхней точке, упали и разорвались в нескольких шагах от минометчиков. И только после этого Грунин услышал умоляющий голос Улыбина:

— Алеша, дорогой, не надо! Ведь не собьешь, покалечишь своих. Да и выдашь нас... Заметят ведь сверху!

Вся боль, которая скопилась в груди Алексея за эти горькие минуты, выплеснулась вдруг на оробевшего товарища:

— З-за-замолчи!.. — В светлых, до этого всегда ясных и добрых глазах Алексея сейчас отразилась такая мука, что Улыбину стало жутко. Он забыл и про самолеты, и про свой собственный страх, и даже про боль в плече — осколок бомбы приласкался-таки к бойцу. Улыбин кинулся к другу, обнял его, измученно твердя:

— Алеша! Алеша!

— Ах, отстань ты! Не до тебя!

А спустя несколько дней, уже на Аксае у хутора Чикова, когда они, накрывшись одной плащ-палаткой, курили в своем окопе, Улыбин сказал:

— Лучше бы ты, Алексей, прикончил меня тогда. Ведь ты никогда не забудешь про мою трусость там, в бурьянах...

— Чудак ты, Иван. Больше ничего. Ты до того раза был в бою? Нет! То-то, брат, и оно.

— Но ведь и ты не был.

— Сейчас не обо мне речь, — перебил Грунин. — Вот послушай, что я тебе скажу. Если бы я не верил в тебя, может, и того... расстались бы мы с тобой. А я верил. И что же? Разве я не прав? Чей расчет вчерась больше всех румып, мамалыжников энтих, уложил? Наш, первый. А кто наводил? Наводчик. А кто был этим наводчиком? Иван Улыбин — вот кто! Так что ты помалкивай и позабудь о прошлом. А что касаемо меня, то я сразу же и позабыл. Не веришь?

— Верю, — тихо сказал Улыбин.

— То-то и оно, — произнес Грунин, очевидно, любимую им фразу.

Улыбин в темноте отыскал теплую руку товарища и сжал ее в своей ладони.

Расскажи Алеша всю правду о своем боевом крещении, выявились бы кое-какие подробности, не совсем лестные для Улыбина. Вот потому он и молчал...

А через несколько дней пришлось покинуть и обжитые было позиции па Аксае: дивизии приказано отойти к станции Абганерово, куда, двигаясь вдоль железной дороги от Котельников, прорвались немцы. Приказ пришел под вечер: как только смеркнется, выходить, оставив прикрытие.

Два эти слова — «оставив прикрытие», прозвучавшие так обыкновенно и буднично, заключали в себе момент более чем драматический.

Усмана Хальфина, находившегося со своим взводом на правом фланге роты, вызвал к себе на НП командир полка и приказал оставить для прикрытия один расчет. Среди командиров расчетов было немало добровольцев, желающих остаться. Но первым вызвался Грунин. И по справедливости — остался он.

Прикрытие (одна стрелковая рота, два пулеметных расчета, взвод противотанковых пушек, два отделения «пэтээровцев», минометный расчет Грунина) держалось всю ночь и весь следующий день. Это «прикрытие» в десятки или даже сотни раз уступало противнику и по численности, и по боевой мощи. Перед ним была одна-единственная задача: задержать врага хоть на несколько часов «любой ценой».

Оставшиеся в живых — а таких было совсем немного! — могли теперь отходить вслед за основными силами дивизии.

Отходить!

А как это сделают Грунин и Улыбин, когда ушедший ночью их взвод во главе с лейтенантом Усманом Хальфиным затерялся где-то в степи, оторвавшись от остальной роты? Уже перед самым отходом Улыбин получил второе, и притом тяжелое ранение — ему раздробило коленную чашечку правой ноги.

В который раз уже он просил товарища:

— Алеша, родной... оставь меня. Веди ребят. Какой толк погибать всем?.. Слышишь, Алексей?..

— Не слышу.

— Но... Алеша.

— Замолчи, Иван! Ты вот лучше погляди, какую мы для тебя коляску соорудили. Как хорошо, что наш миномет на колесах! Спасибо политруку — это он распорядился передать два таких миномета нашему взводу. Ведь это же последняя конструкция. А ну-ка, давай... вот так... Удобно? Ну, так-то вот.

Они везли товарища всю ночь, ориентируясь по вспышкам немецких ракет. В конце концов идущие вслед им немцы обнаружили минометчиков. Расчету пришлось укрыться в отроге балки и опять обороняться. Все мины были израсходованы. Оставались ручные гранаты, но это уже на крайний случай. Перестали стрелять и немцы: двинулись, знать, стороной дальше на восток.

— Ну, что ж, Иван, двинулись и мы, — губы Грунина, потрескавшиеся, в крови, шевелились с трудом. — Пошли, брат... Сейчас мы подадим тебе твой экипаж.

Но тут Алексею пришлось сделать, может быть, самое печальное открытие в своей жизни: разорвавшейся поблизости миной их миномет был разбит вдребезги.

— Уж не думаете ли вы пронести меня эти двадцать километров?

— Думаем, Ваня, думаем. И не двадцать, а двадцать пять. Да хотя бы сто!

Через несколько дней они появились в боевом охранении полка. Трудно было признать в них двадцатилетних парней. Они здорово постарели. Правда, глаза были все те же: черные, горячие — Улыбина, и светлые, смотрящие, как всегда, прямо перед собой — Алексея Грунина. Улыбина в тот же день отправили в госпиталь, а Грунин — вот он, рядом со мною, под Елхами. Уткнувшись носами в землю, мы нюхали душистый овечий посев, поливаемый осколками снарядов и мин.

6

Наконец, не успевшие закрепиться на занятой ими равнине, немцы вынуждены были оставить ее и скрыться в ближайшей балке. На преследование у нас уже не хватило сил. Они переходили в атаку, пытаясь вернуть утраченное и, главное, все-таки овладеть Елхами, но в тот день им так и не удалось сделать это. А к ночи немцы, казалось, и вовсе угомонились.

Теперь только мы смогли вынести в небольшой овраг за хутором своих раненых, — убитых сносили в общую яму, образовавшуюся от провалившегося погреба во дворе одного дома.

Только теперь среди санитаров я увидел Валю-Сероглазку.

— А почему ты здесь? Почему не ушла с минометчиками в противотанковый ров? — спросил я.

— А я... а я... — пробормотала она невнятно и замолчала.

И тут только я увидел Николая Светличного: он «устранвался» со своим минометом за глухой стеной полуразрушенного дома. Я подошел к нему:

— И ты тут?
— А где же мне быть, товарищ политрук?
— Как где — в своей роте!
— Да ее всю растащили по разным батальонам. А я — к вам. Гужавин разрешил.
— Ну как там у них — у Гужавина с Лобановым?
— Покамест все живы. Гужавин тильки ранитый немного. Та ще двух царапнуло не то пулями, не то осколками, — рассказывал Светличный, перемежая русские слова с украинскими.
Сероглазка молча наблюдала за нами. Но стоило мне взглянуть в ее сторону, она мигом шмыгнула за угол избы.
А ночью случилось следующее.
Не сумевшие подъехать со своими походными кухнями днем, ротные повара решили воспользоваться темнотой. Прямо на передовую в одно и то же время подкатило сразу до пяти кухонь, в их числе оказалась и знакомая нам колесница Зельмы. Гвалт поднялся невообразимый. Отовсюду слышалось:
— Курсак пустой!.. Есть хотим!..
— Да потише вы, черти! — пытался урезонить наших героев прибывший вместе с Зельмой Кузьмич. — Потерпите маленько. Всех накормим.
Шум нарастал. А тут вдруг хлынул такой дождь, какого, может быть, в этих засушливых краях никогда и не было.
Однако и дождь не разогнал бойцов, которые в одну минуту превратились в шумную неуправляемую толпу. На наш ночной галдеж немецкие аировцы* среагировали соответствующим образом: быстро сделали необходимые расчеты и передали их на батареи шестиствольных минометов, укрывшихся в большой балке в одном километре от Елхов. Оттуда ударили сразу из всех стволов.
...До сих пор не могу понять, почему немцы после тех залпов не поднялись в ночную атаку. Худо пришлось бы нам, защитникам Сталинграда. С величайшим трудом организованная оборона наша, можно сказать, более чем наполовину рухнула. Из тех 170 человек, приведенных к нам капитаном Баталовым, осталось не более десятка.
А днем 2 сентября командующий 64-й армией генерал-лейтенант Шумилов, склонившись над столом в одном из ничем не примечательных домов в Бекетовке, заканчивал писать приказ. Губы его беззвучно шептали, следуя за пером, из-под которого ложились на бумагу тяжелые слова:
«1. Противник группами танков с мотопехотой, форсировав речку Червленная на участке Варваровка — Гавриловка — Нариман, стремится прорваться к Сталинграду.
2. Я решил:

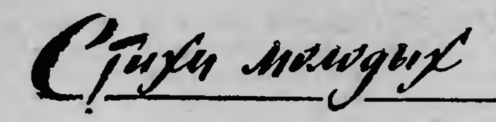
* Артиллерийская инструментальная разведка — АИР.

В течение ночи на 2 сентября вывести войска на заранее подготовленные рубежи Песчанка, Елхи, Ивановка, остановить наступление противника и уничтожить его живую силу и боевую технику, прочно удерживать этот рубеж, не допустив прорыва противника к Волге и Сталинграду.
Разъяснить всем частям и подразделениям, довести до каждого командира и бойца, что указанный рубеж является линией, дальше которой противник не может быть допущен ни в коем случае. Отступать некуда. За нами Волга и Родина. Лучше славная смерть, чем позор отхода».
Немцы главный свой удар готовились нанести силами двух пехотных дивизий при поддержке 90—100 танков на рассвете 3 сентября в направлении как раз хутора Елхи, за которым разыгралась страшная для нас ночная трагедия. Мощным фронтовым ударом неприятелю удалось вклиниться в нашу оборону на стыке 204-й и 29-й, нашей, стало быть, дивизии и овладеть хутором Елхи. Теперь, казалось бы, не отыщется такой силы, которая могла бы остановить немцев и не дать им прорваться к Бекетовке. Но такая сила все-таки нашлась. Ирландская газета «Айриш Таймс» 15 сентября 1942 года писала:
«Нам говорят, времена чудес прошли. Но с военной точки зрения оборона русской армии у Сталинграда относится к области чудес. Согласно всем военным канонам город уже давно должен быть захвачен немцами, но так же, как это случилось с Мадридом во времена гражданской войны в Испании и с Ленинградом двенадцать месяцев тому назад, военные эксперты поставлены в тупик, а человеческий элемент оказался не поддающимся учету».

7

Двое суток Елхи удерживались немцами.
Пятого сентября, когда с помощью подошедших к нам на помощь «катюш» и тяжелых танков мы ворвались в Елхи, то глазам нашим предстала ужасная картина.
Навстречу нам бежала женщина. Она рвала на себе волосы, кричала что-то, указывая на колодец, возле которого несколько дней назад минометчики устраивали праздник Ивана Купалы.
Мы подошли к колодцу.
Колодец до самого верха был забит трупами наших военнопленных.
— И Валя... Сероглазка наша там... Ее... о, Боже мой!..
Мы молчали. Мы ничего не могли сказать... Слово свое мы сказали позже...

●



Наталья АХПАШЕВА

КОВЫЛЬНАЯ ПЕСНЬ

МОНОЛОГ ДРЕВНЕГО ИДОЛА

Здесь проходили караваны
Кочевников.
И каждый год.
Кололи черного барана
И кровью мазали мне рот.
К подножию — лепешку хлеба.
И, освещая темный ров,
Лизали языками небо
Десятки жертвенных костров.
И уходили караваны.
И ветер разносил золу.
И череп черного барана
В густую вглядывался мглу.
Монету бросив на прощанье,
Ты помолчишь передо мной,
Чтоб ощутить поверхность камня
Слегка дрожащею рукой.

Теперь не молятся, не плачут,
Не жаждут жертвенной крови,
Но, как и прежде, ждут удачу
И на охоте и в любви.

* * *

Мнут ковыль половецкие кони.
Теплый пар от раздутых ноздрей.
— Воротись! Не уйдешь от погони! —
Хлещут плетки по крупам коней.

— Воротись! Будешь самый желанный!
Злата, серебра, шелка, парчи?
Воротись, воротись, окаянный!
...Только ворон над степью кричит.

Воют стрелы над шапкой кургана.
Кони в пене и в мыле хрипят.
Даже лучшие вои кагана
Отстают...
Повернули назад.

А беглец по долам, по отрогам,
Для отточенных стрел невредим...
Я заплакала:
— Милый мой, с Богом! —
И к шатрам повернула своим.

* * *

Я стучу колотушкою в бубен —
Чрево Матери Мира бужу.
Танец мой и причудлив, и труден.
Упоение в нем нахожу.

Матерь Мира! Из черного чрева
Отпусти души новых людей.
Подошло время нового сева
После жатвы последних смертей.

Под лохматой звериной личиной
Я танцую вокруг очага.
Матерь! Дай долгожданного сына,
Чтобы нас защитил от врага.

Для меня не закрыта надежда.
Я тревожу основу основ.
У меня на груди под одеждой
Ожерелье из волчьих клыков.

Абакан

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Елена РАСКИНА

* * *

Так призрачно и невесомо,
Проязая золотом листву,
Горели фонари у дома, —
Как не бывает наяву.

Но это было так же близко
И так понятно, как рассвет.

Когда от солнечного диска
Слетает беззаботный свет,

И одиночеством своим
Была наполнена природа,
И наши чувства, словно дым,
Не достигали небосвода.

А рядом, может быть, сильней
Моей души заговорила
И этой ночи, и огней
Непритязательная сила.

Я знала, что душа моя
Не может чувствовать сильнее,
Чем эти мягкие поля
И серебристые аллеи.

Но как им трудно рассказать
О мудрости и о печали!
К молчанью стали вдохновлять
Луной пронизанные дали.

Николаев



Валерий БАРАБАШОВ

ВЫСШАЯ МЕРА

Роман

Дождь не переставал, пришел уже ранний зябкий вечер, зажглись вокруг огни. Прожекторы на крыше Белого дома освещали уныло повисший красный флаг, какие-то люди ходили там, наверху, у самого флагштока, смотрели на стоящих внизу — на тысячи и тысячи возбужденных, приготовившихся к худшему людей. Народу все прибывало, молодые москвичи, одетые по-осеннему, с зонтами в руках, шли к площади у правительственного дома России со всех сторон, подъезжали мощные МАЗы и КрАЗы с бетонными блоками в кузовах, белели в отдалении кареты «скорой помощи». Асланов с Ларисой укрылся под какой-то длинной пленкой, спасающей от непогоды десятки людей; тоненькая эта пленка, по которой, как по крыше, барабанил дождь, удивительным образом окончательно сплотила и объединила людей. Асланов вдруг почувствовал всю серьезность и решительность их намерения, они пришли сюда не ради любопытства и пустого времяпрепровождения и так просто отсюда не уйдут.

— Знаете, Тимур, — говорила Лариса, блестя глазами. — Если танки пойдут на нас, я ведь не уйду, не струшу. Я и сестре так сказала.

— Но, может быть, ничего серьезного и не будет еще, — успокаивал он женщину и улыбался при этом, подбадривал ее взглядом, а у самого вдруг что-то заныло под ложечкой, и холодок пробежал по спине. «Ненормальная, что ли? — подумал он. — Мать двоих детей, молодая баба, а говорит такое...»

Дождь поутих; Асланов с Ларисой прошли к полыхающему неподалеку костру, стали сушиться и греться. На какой-то машине привезли бутерброды и горячий, в термосах, чай. Лариса подала один из доставшихся им бутербродов с колбасой Асланову.

— Ешьте, Тимур. Надо подкрепиться, стоять-то всю ночь.

Окончание. Начало см. в № 1, 2, 1993.

Он совсем не собирался стоять здесь всю ночь, пришел просто полюбопытствовать, посмотреть. Но теперь надо было найти какой-то убедительный повод для своего ухода, что-то сказать Ларисе, чтобы женщина не заподозрила его в трусости. Ведь она, судя по всему, восприняла его появление на баррикадах вполне естественно, отнеслась к нему, офицеру, с большим доверием и, говоря о своей решимости лечь под гусеницы танка, но не пропустить его к Белому дому, наверное, опиралась сейчас и на его моральную и физическую поддержку — кто знает, что именно было в ее романтической голове! Они успели рассказать друг другу о себе: Лариса три года назад развелась с мужем, детей воспитывает одна, и знакомство с офицером, да еще в такой необычной обстановке ей явно импонировало.

Радио снова передало призыв к женщинам — покинуть площадь перед Домом правительства и прилегающим к нему улицам, разойтись. Лариса, прослушав этот призыв, несущийся сквозь мокрую и ветреную ночь, звонко крикнула, точно ее могли услышать там, за белыми высокими стенами:

— Никто отсюда не уйдет! Россия — это мужчины и женщины. И мы будем вместе!

Ларисе шумно аплодировали женщины и девушки, все, кто был поблизости и слышал ее голос. Асланов пожал ее холодную и мокрую руку. Лариса отозвалась на этот его жест, горячо заглянула ему в глаза, и весь ее вид как бы говорил: «Вместе, да?!» Меж тем напряжение на лицах людей росло: сказано было, что готовится штурм, что он вот-вот должен начаться. Кто-то регулярно информировал штаб обороны Белого дома, и информация эта тут же передавалась всей площади. Сообщалось даже о подробностях предстоящего штурма — мол, Дом будет атакован с земли и воздуха специально обученными десантниками.

Эти сообщения заставили Асланова зябко передернуть плечами — пора, наверно, уходить. Чего он, в самом деле, ввязался в эту потасовку за власть? Да, он голосовал за Ельцина, но к чему совать голову в самое пекло? Мало ли как развернутся здесь события. Если танки и бронетранспортеры придут в движение, если появятся над Белым домом вертолеты с десантниками и если начнется перестрелка... Жутко представить, что здесь может быть и что будет с людьми, молодыми этими парнями и девушками, стоящими в оцеплении. И не найдет ли и его, Асланова, шальная пуля? Хоть и находится он сейчас на приличном расстоянии от здания, но что такое сотня метров для пули? Да и в отель «Мир», что за спиной, говорят, проникли уже какие-то вооруженные люди. Нет, пора уходить.

Выбрав момент, Асланов сказал извиняющимся тоном своим новым знакомым:

— Я сейчас, ребята. Надо на пару минут отлучиться.

— Вон, к тем кустикам держи, майор! — похохатывая, сказал бородатый малый, рукой указывая направление.

Однако исполнить свое намерение Асланову не удалось.

— Майор! Минуточку! — окликнули его, и Асланов обернулся. Перед ним стоял молодой стройный мужчина, примерно одних с ним лет. Асланов хорошо рассмотрел его лицо, потому что сверху, с бетонного столба, лился яркий свет уличного фонаря. Асланову показалось, что он уже видел это лицо, где-то оно мелькало в людской толчее, да так оно и было. Молодой этот мужчина привлек его внимание новенькой защитной курткой-штормовкой и добротными кроссовками, испачканными рыжей глиной. Мужчина этот не суетился и трубы на баррикады не таскал, а ходил от группы к группе занятых людей, что-то им говорил и что-то спрашивал. И его все слушались. Асланов едва не лишился дара речи, когда молодой человек назвался Колпаковым, сотрудником Комитета государственной безопасности России, и попросил его пройти с ним. Рука Асланова невольно потянулась к бугорку на кителе — спичечный коробок, предусмотрительно упрятанный в полиэтиленовый пакетик, был на месте.

Страх сковал Асланова. В голове панически метались мысли. «Как и где он «засветился»? В тот момент, когда звонил Кингсли? Выходит, чекисты прослушивают его телефон? Но зачем они выбрали место для ареста здесь, у Белого дома? И в такую ночь?! Тем более странно, что штурмовать Дом правительства России собирается спецназ, те же сотрудники КГБ...»

— Вы связист, так ведь, товарищ майор? — спросил Колпаков, бросив взгляд на погоны Асланова.

— Да... Занимаюсь связью, по долгу службы...

— Вот вы нам и нужны. Идемте.

«Все. Влип», — холодея, подумал Асланов.

— Вы знаете, товарищ Колпаков, я шел... мне бы надо... вон под тот кустик, — криво улыбаясь, заговорил он.

— А... — понимающе улыбнулся Колпаков. — Там, в здании, есть туалеты. Потерпите минутку... Нам сюда, к двадцатому подъезду.

Они подошли к стеклянным дверям, которые охраняли парни в штатском с красными повязками и с автоматами в руках. Колпаков сказал на ходу: «Этот товарищ со мной», — и охранники молча расступились, пропустили их внутрь здания.

— А что, разве не все офицеры КГБ участвуют в этом... — Асланов хотел сказать «путче», но промолчал.

— Не все, — ответил Колпаков. — Далеко не все. Так же, как и армия. Вот вы, например, по эту сторону баррикад, так ведь?

— Так, — отозвался Асланов. — Но... честно говоря... я... как-то не у дел, что ли. Я...

— А вот за этим мы вас и позвали. Мне сказали наши ребята, что какой-то офицер-связист на баррикадах трубы таскает... А связисты нам нужны. Простите, как вас звать-величать? Откуда вы?

Асланов сунул руку в карман кителя, подал Колпакову служебное удостоверение. Тот прочитал, удовлетворенно кивнул:

— То, что надо. Отлично, Тимур Асланович. Связист да еще и научный сотрудник.

— А чем могу... быть полезен?

— Мы, Россия, лишены сейчас связи с внешним миром. Радиопередатчик, правда, работает, но требуется помощь в запуске телепередатчика. Здесь у нас работают специалисты из вашего, кстати, города, но чем быстрее телепередатчик выйдет в эфир, тем лучше. Мир должен знать, что здесь происходит. И как можно скорее. Поэтому мы и просим помочь.

— Я готов, товарищ майор! — кивнул Асланов.

У него отлегло от сердца. Черт возьми, как он переволновался, а если прямо сказать, струсил. Встретил сотрудника госбезопасности в такой час!

Колпаков подозвал одного из охранников волевым, но вежливым жестом:

— Товарищ майор, вот вам сопровождающий, поднимайтесь с ним на крышу, там монтируется аппаратура. Помогите чем сможете.

— Ну что, товарищ майор, поехали? — спросил сопровождающий, окидывая строгим взглядом явно растерянного офицера. — Да вы не переживайте. Там охрана есть, в обиду вас не дадим.

— Да что переживать! — четко сказал Асланов. — Готов послужить России!

— Вот-вот. Ну поехали.

Сначала они поднимались в лифте, потом, очутившись на крыше, оказались в небольшом помещении-надстройке и по лестнице вышли уже на крышу этой надстройки-площадки, к флагштоку. Здесь при свете красных фонарей и лампы-переноски какие-то молодые люди возились с аппаратурой. На крыше было холодно, от ветра и дождя здесь ничто не защищало. Внизу и окрест раскинулась настороженная Москва — огни, огни, океан огней!

— Вот, помощника вам привел, — спокойно сказал сопровождающий.

Асланов присел на корточки; теперь он хорошо видел лица молодых людей, занятых телепередатчиком.

— Москвич? — спросил один из них.

— Нет, я из Города-на-Дону. В командировке в Москве.

Все четверо рассмеялись.

— Вот сюрприз! Надо же где земляка встретили! На крыше Белого дома, — сказал кудрявый парень. — Ну давай знакомиться. Меня зовут Сергей. А вас?.. Тимур. Очень хорошо, Тимур. Давайте включайтесь в работу.

Сергей кратко объяснил задачу, сказал, что этот небольшой телепередатчик они сегодня привезли в Москву заказчикам, вовсе не предполагая, что он пригодится именно здесь, на крыше Белого дома да еще в такое время.

— Ты-то как сюда попал? — переходя на «ты», спросил Асланова Сергей.

— Да как и все, кто внизу, — он глянул на костры вокруг. — Взял да и пришел. Никто не звал.

— Молодец! — одобрил Сергей. — Правильно. Судьба России решается. И нас не звали, не знали, что у нас эта штука есть. Мы сами пришли. Позвонили одному нашему депутату, сказали — можем помочь, знаем, что без телесвязи сидите. Тот: «Не кладите трубку, ребята, я сейчас». Через полминуты слышим: «Приезжайте как можно скорее, ждем!..»

Некоторое время все пятеро молча и сосредоточенно

работали. Оставалось наладить антенну — пошла в ход обыкновенная железная лестница.

— Мы свое дело защищаем, — поторапливая товарищей, говорил Сергей. — Если победят янаевцы, всем нам хана! И фирме нашей, и молодому бизнесу, всему конец. Тут борьба не на жизнь, а на смерть. Или он нас — или мы их, третьего не дано.

— Да, пожалуй, — неуверенно протянул Асланов.

— Он еще сомневается! — строго сказал Сергей. — Вам-то, может, все равно, какая будет власть: и та и другая армию содержать будут. А нам выжить надо. И если нынче будет штурм, то... — Он махнул рукой. Внизу рычали танки, с Садового кольца донеслись звуки автоматных очередей. В надстройке, под самой крышей Белого дома, был телефон, время от времени Сергей спускался к нему и приносил тревожные вести:

— Кажется, они начали наступление. Улица Чайковского перекрыта, они крушат троллейбусы бэтээрами, рвутся сюда, к нам, через Калининский проспект. Уже есть жертвы, кажется, трое или четверо москвичей погибло...

Парни-спецы слушали молча, повернув лица к Садовому кольцу, к темному зданию СЭВ. Затем поочередно обнялись.

— Вот видишь, майор, как дело-то оборачивается, — обнимая Асланова, сказал Сергей. — Ты бы шел, а? Мы теперь сами...

— Ну что ж, если я вам не нужен, — с плохо скрытой радостью пролепетал Асланов. — Там, внизу, на баррикадах... там я нужен...

Он торопливо кивнул и попятился к двери надстройки, к ступеням лестницы. Вызвав лифт, он с нетерпением ждал спасительную кабину, решив немедленно уйти отсюда подальше — пусть дерутся те, кому это нужно; старые большевики за свой социализм, а молодые бизнесмены за свои фирмы и большие деньги. Каждому из них есть что отстаивать. А он, Асланов, вовсе здесь ни при чем. Главное — выждать, сохраниться, а там жизнь все сама расставит по своим местам.

Свет во всем Белом доме вдруг погас, лифт замер где-то поблизости, и Асланов, чертыхнувшись, на ощупь пошел вниз по лестнице, но его через несколько шагов остановил властный окрик:

— Стоять! Ни с места! Стреляю!

Отчетливо клацнул затвор.

— Свои это! Свои! — крикнул в темноту Асланов. — С крыши я, телепередатчик налаживали.

— Стоять! Не шевелиться.

Так они и стояли какое-то время, не видя друг друга в кромешной темноте.

Человек в нескольких шагах от него переминался с ноги на ногу, сопел, чутко прислушивался к тому, что происходило во вверенном ему объекте — коридоре этажа. Говорить с ним было, наверное, бесполезно, и Асланов отдался невеселым своим мыслям — все равно делать было нечего. Он вдруг остро, отчетливо ощутил себя страшно одиноким, никому не нужным человеком. Этим ощущениям способствовали темнота, напряженное ожидание, страх.

Вдруг в коридоре вспыхнул свет, из боковой двери вышел плотный приземистый человек с короткоствольным автоматом в руках и, ни на секунду не спуская с Асланова глаз, спросил, кто он и почему здесь. Асланов объяснил, что он с крыши, где помогал монтировать телепередатчик.

— Ладно, идите, майор. Я, кажется, видел вас там, — сказал приземистый охранник.

Асланов шагнул в лифт, спустился на первый этаж. В вестибюле он столкнулся с Колпаковым и доложил ему, что наверху все в порядке.

— Хорошо, Тимур Асланович, спасибо, — кивнул Колпаков. И проводил майора до двери.

Выйдя из Белого дома, Асланов направился вдоль баррикад к небольшому зданию приемной Верховного Совета, где перемахнул через сетчатый невысокий забор и темным сквером зашагал прочь.

В метро было мирно, тепло и сухо. И даже не верилось, что где-то наверху строят баррикады и решается судьба России. Покачиваясь, Асланов мчался по подземному железнодорожному кольцу, радуясь тому, что все так благополучно для него кончилось и уже через полчаса он будет в гостинице.

«Не искать Кингсли, не звонить ему! — решил Асланов. — Выбросить к чертовой матери эту пленку, забыть о всех этих явках, условных звонках, паролях, жить нормальной человеческой жизнью...»

* * *

С Кингсли Асланов встретился двадцать второго, когда стало ясно, что путч провалился, назначенный комендантский час был отменен, так же, как и чрезвычайное положение. Кингсли позвонил ему утром из телефона-автомата, произнес условную фразу о кооперативе и трубах и услышал радостный ответ:

— Вы ошиблись номером. У вас барахлит аппарат. Позвоните еще раз.

Это означало, что Кингсли все понял и будет ждать сегодня у метро «Спортивная» в восемнадцать часов. Асланову надо будет выйти из метро, обогнуть гостиницу «Юность» и в одном из ближайших переулков сесть в машину. Это будет или знакомая ему «тойота», или «Жигули».

...Все у них вышло лучшим образом: никто не обратил внимания на скромного офицера, проголосовавшего вывернувшим из переулка «Жигулям», прося довезти.

Кингсли первым подал Асланову руку, приветливо улыбнулся:

— Вы есть смелый и сообразительный офицер, Тимур. Приехать Москва такие дни... Хорошо! Это есть правильно, КГБ парализован. Крючков сам себя посадить тюрьма... Ха-ха-ха!

— Я с понедельника тут, — сказал Асланов. — Вам звонил-звонил, но...

— Я немного приболел, Тимур. Сердце. Но мне сказали, что звонили насчет труб. Я все понял. Надо полагать, вы что-то привозить нам? Так срочно?

— Да, срочно. Завтра я уже должен уехать. А привез я вот... — Асланов вынул спичечный коробок. — Здесь микропленка.

Кингсли взял коробок, повертел в руках, потом развернул пакетик.

— Вам удалось снять что-то интересное? Без всяких осложнений?

— Да, Роберт, удалось. Великолепная новая идея моего шефа. Принципиальные схемы для новой РЛС. Еще даже чертежей нет. О схемах этих знают только автор, я и теперь — вы.

— О'кей! — похвалил Кингсли. — Завтра мой друг Майкл давать заключение, господин майор.

— Да, пожалуйста, завтра. Я уезжаю. И завтра же прошу пятьдесят тысяч. Наших, советских.

— Пятьдесят тысяч?! — У Кингсли подпрыгнули вверх кустистые седые брови. — Вы так высоко ценить ваша пленка?! Вы уверен, что...

— Уверен, — перебил Асланов. — Это сногсшибательная техническая идея. И если узнают, что я... Словом, конец мне, Роберт. Крышка. Такое не простят. Тут миллионные выгоды: в систему ПВО страны обязательно будут вноситься коррективы, разрабатываются новые радиолокационные станции, все делается для того, чтобы успешно обнаруживать ваш «Стелс».

— Хорошо, Тимур, не надо горячиться, я вам верить. Но вы говорить, что это пока есть идея, так? Она еще не одобрена ваш институт?

— Она будет принята, Роберт. Я ведь специалист, понимаю, что к чему. А полковника, моего будущего тестя, ждет если не слава, то большое денежное вознаграждение, может быть, повышение по службе.

— Ваш будущий тесть?! — изумился Кингсли. — Интересно. Я сказать об этом Майклу. Он будет доволен.

— Рябоконь мой непосредственный начальник. Он доверяет мне.

— Понятно. И деньги нужны на свадьбу?

— Да. И на машину. Хочу невесту повезти в загс на каком-нибудь вашем «форде». У моего сводного брата такой. Мечтаю об американской машине.

— Возьмите лучше советскую машину, это не так будет бросаться в глаза, майор. А насчет денег... потерпите, за сутки мы получим исчерпывающую экспертизу. Завтра, в это же время, у Киевского вокзала. Сядете в троллейбус, сойдете на Мосфильмовской...

Из Москвы Асланов уезжал вполне счастливым человеком. Снова карманы оттягивали пачки денег. На вокзале он переложил их в «дипломат». Микропленка вызвала у американцев большой интерес, Майкл сказал при встрече, что «это, Тимур, потрясающая идея!». И пообещал, что еще пятьдесят тысяч он получит чуть позже, когда с пленкой ознакомятся непосредственно в Америке. Но уже сейчас ясно, что полковник Рябоконь — выдающийся специалист. «Вам повезло на тестя, майор!»

Асланов при этих словах криво улыбнулся — конечно, повезло, чего там! Вот получит он еще свои деньги — и привет вам, Майкл и Роберт, катитесь вы куда подальше. Надо бы эти деньги получить как можно быстрее, пока

в стране неразбериха, пока обиженный президент шерстит Комитет госбезопасности, пока сами чекисты не знают, что с ними будет завтра. Дорогой подарок путчисты преподнесли не только демократам, но и лично ему, Асланову. Столько дней он в Москве, два раза почти в открытую встречается с иностранцами, и хоть бы намек на чекистский «хвост».

Они прокатились по окраинным московским улицам, поговорили о делах, а потом Асланов вышел из машины, пересел на автобусной остановке в такси, велел отвезти себя сначала на ВДНХ, к гостинице «Космос», а потом уже к вокзалу.

Нет, кажется, следа за ним не было.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Позиция генерала Торопова была недвусмысленной и выглядела вполне понятной и патриотичной: что бы там политики ни говорили, оборона есть оборона, а поэтому институт, который он возглавляет, должен заниматься своим делом, не шарахаться из стороны в сторону и в грязные политические игры не ввязываться.

Торопов, видно, решил, что теперь как раз и пришло то время, когда в стране наступят наконец мир и покой. В первый же день, сразу же после выступления членов ГКЧП, он собрал в малом актовом зале своих заместителей, начальников управлений института, начальников отделов и лабораторий, то есть научное руководство вверенного ему учреждения, и, улыбаясь, сказал:

— Ну что, товарищи офицеры и генералы, кажется, свершилось. В Москве наконец-то проснулись и начинают наводить в стране порядок.

Еще Торопов добавил, что поддерживает решение Государственного Комитета о введении чрезвычайного положения в стране, давно пора — государственные структуры рушатся на глазах. Теперь можно говорить и о закамуфлированном политическом курсе президента Горбачева — курс на развал СССР, на реставрацию капитализма. Простить этого нельзя, рано или поздно Горбачеву придется отвечать за содеянное, в том числе и за развал армии...

Торопов, однако, быстро уловил настроение зала, и улыбка сошла с его лица. В самом деле, надо ли было

показывать радость по поводу события пока что незакрепившегося, не дающего ему, начальнику института, права говорить и действовать в каких-то новых условиях, в которых бы он мог без оглядки на демократов-реформаторов потребовать от своих подчиненных то, что нужно.

Своеобразное совещание-митинг начальствующего состава Торопов заключил словами: «Примем, товарищи, к сведению происшедшее в Москве. Постарайтесь в своих коллективах провести разъяснительную работу, способную нормализовать положение».

Последние эти слова Торопов сказал намеренно, пусть каждый сделает для себя вывод сам, люди образованные.

...Узнав от полковника Рябоконя, что майор Асланов утром прибыл из Москвы, Торопов вызвал его к себе.

Отвечая на многочисленные вопросы, Асланов юлил:

— Товарищ генерал, все четыре дня командировки я проработал в отделе подполковника Шестопалова. Только в первый день я отпросился пораньше, потому что не был еще устроен в гостинице...

— Тимур Асланович, вы — очевидец больших исторических событий, вам можно позавидовать. Так как же вели себя люди, что говорили наши коллеги в заказывающем управлении?.. Не стесняйтесь, Тимур Асланович. Не пришлось ли побывать у Белого дома?

— Был, — ответил Асланов. — Как раз в тот час, когда намечался штурм здания.

— Да?! Вот как! Значит, вас можно считать защитником молодой советской демократии? — весело сказал Торопов.

— Какой я защитник, товарищ генерал. Пришел, посмотрел. Приказа у меня не было, а так, добровольно ввязываться в это дело...

Асланов проглотил комок в горле и продолжал:

— К тому же у меня зонта с собой не было, а в тот вечер такой дождь лил!.. Гм. Зонт, конечно, не главное, товарищ генерал, я понимаю, но я — военный человек, прибыл в Москву по служебным делам, не счел для себя нужным ввязываться в сомнительные дела. Все эти революции, контрреволюции...

Асланов услышал себя со стороны, понял, что откровенно фальшивит, говорит не то, что нужно, — даже нейтрального какого-то сообщения у него не получилось. И себя он выставляет весьма в неблаговидном виде. Так

или иначе, но какой-никакой гражданин в нем должен быть!

— Ну, скажем, тут вы не совсем правы, Тимур Асланович, — мягко возразил Торопов. — Дисциплинированность — вещь, разумеется, в армии необходимая, даже более того... Но в такой ситуации проявить какую-нибудь инициативу не помешало бы. Вот Руцкой генералом стал в одночасье. Проявил инициативу, смелость, находчивость, бросился выручать Горбачева, а мог бы, наверное, отсидеться за спиной российского президента... Ну да ладно, это я так, Тимур Асланович, фантазирую на заданную тему, не в упрек вам, поймите меня правильно. Каждый поступает так, как ему велит совесть.

— Я поехал на «Баррикадную» после восемнадцати ноль-ноль, — отвечал Асланов, решив, что это лучшая для него позиция — прикинуться эдаким нерассуждающим и бесстрастным служакой. — Прошелся по улицам возле Белого дома. Везде народ, шум, гам, военная техника.

— А много было боевой техники возле Белого дома?

— Бронетранспортеры в основном. Я не знаю, сколько их было, не считал... Слышал, что таманцы перешли на сторону Ельцина, вот они-то и охраняли Белый дом. Но зрелище, знаете. На технике — гражданские люди, парни и девушки, цветочки, бантики... Фарс какой-то, а не...

Асланов заколебался между словами «путч» и «переворот», не сообразил сразу, какое же из этих слов хочет услышать от него генерал.

— Слава богу, что хоть так все кончилось, — бесстрастно заключил Торопов. — М-да-а... Хватило все же ума у организаторов путча обойтись без кровопролития. Надо отдать им в этом должное. Но зачем было вводить в мирный город танки?

«Вообще этот путч — глупость, — отпустив Асланова, размышлял Торопов. — Перевороты так не делают. Манная каша на тарелке, а не переворот. Размазали, и все. Ешь теперь, хлебай! Взбудоражили Москву, весь мир, а толку-то?! Дурацкую эту пресс-конференцию организовали с трясущимися руками... Поучились бы у своего президента. Он тихой сапой страну перевернул, да что там страну — весь социалистический лагерь! Авторитет партии к нулю свел, да и похоронил ее, можно сказать, руками Бориса Николаевича. Не горжусь Горбачевым, но поучиться у него есть чему, есть. И нашему Дмитрию Тимофеевичу в том числе. А так, самого себя арестовать, в тюрьму посадить... Тьфу!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Стелла Григорьевна написала председателю кооператива «ПОМОЖЕМ ЖЕНЩИНЕ» жалобу на донора: подчеркнула в заявлении, что Тимур Асланович вел себя в ее доме грубо, унижал ее человеческое достоинство, переступая всякие моральные приличия. Поэтому она расторгает свой договор с кооперативом и требует вернуть ей деньги.

Такой оборот дела Михаила Михайловича совсем не устраивал, он дорожил честью своего предприятия, к тому же ему совсем не хотелось возвращать деньги, и он пообещал женщине во всем разобраться и положение исправить. Тимура Аслановича, наоборот, он знал как дисциплинированного и вежливого сотрудника... Что-то здесь не так.

Стелла Григорьевна, сидящая у его стола, упрямо мотала головой, говорила, что не нуждается больше в услугах кооператива, зачем ей эта нервотрепка и унижения, она постарается сама решить свои интимные проблемы. Будьте добры, верните деньги, или она обратится в суд.

Михаил Михайлович нервно заелозил в своем креслице, взволнованно теребя мягкую бородку. Он знал Стеллу Григорьевну давно, искренне сочувствовал ей в ее женском несчастье и хотел помочь. Деньги с нее он, как и с других женщин, взял вперед, выплатив Асланову аванс. Его даже удивила эта жалоба. Совсем она ни к чему, не вовремя. Видимо, Стелла Григорьевна сама что-нибудь сделала не так. Тимур Асланович тоже ведь человек, к тому же тонкой, легкоранимой натуры, интеллигент.

— Михаил Михайлович, не надо меня воспитывать, — возмущалась Стелла Григорьевна. — Моей вины, считаю, нет. Я вела себя, разумеется, не как любовница — условия договора от меня этого не требуют, а как обычная клиентка, оплатившая услуги. Но услугами этого человека я не хочу пользоваться. Он мне совершенно не подходит. Совершенно, понимаете?! Должна же быть какая-то психологическая совместимость, расположенность друг к другу.

— Но, Стелла Григорьевна, доноров у меня очень мало, всего несколько человек на такой громадный город. А я вам по знакомству, можно сказать, дал лучшего сотрудника. Молод, красив, здоров. Жалоб на него никогда не было, а работает он уже больше полугода. Честно говоря, я просто удивлен вашему заявлению.

— Не знаю, не знаю, — упрямо твердила Стелла Григорьевна. — Для кого-то, может, он и лучший сотрудник, а для меня... Вел себя дерзко, хамил, требовал, чтобы я... Да стыдно говорить, Михаил Михайлович, хоть вы и врач. Он мужчина, он должен был делать свое дело, а не склонять меня к каким-то сексуальным выкрутасам. Насмотрелся, наверное, порнографии! А я вправе требовать нормальных, классических отношений...

— Да нельзя в таких делах ничего требовать, дорогая вы моя! — в отчаянии воскликнул Михаил Михайлович. — Такая деликатная, интимная встреча, все делается по обоюдному желанию, а вы... Вы тоже должны были пойти на какие-то компромиссы, сделать поправку на время. В сексе, в конце концов, все допустимо. И вам надо было поступиться своими принципами, пойти навстречу донору, его пожеланиям. Я уверен, что ничего сверхъестественного от вас он не требовал... Хорошо, Стелла Григорьевна, давайте так поступим: я поговорю с Тимуром Аслановичем, думаю, мне удастся выяснить, что именно...

— Ничего не надо выяснять, Михаил Михайлович! — строго сказала женщина. — Еще чего! У нас с ним отношения не наладятся. Дело в том, что я... Словом, я залепила ему пощечину.

— Вот как?! Гм. Тогда, конечно.

Дальнейший их разговор был вполне мирным, дружеским. Михаил Михайлович обещал направить к ней другого донора...

Простившись с пациенткой, главврач вызвал секретаршу, велел ей послать Асланову открытку.

Получив из кооператива приглашение, Асланов раздраженно швырнул открытку на пол, на кой черт ему нужны какие-то там «премиальные». Деньги у него теперь есть, с кооперативом он больше не собирается иметь никаких дел. И зачем он дал свой домашний адрес?

Покурив, он поднял с пола открытку, еще раз перечитал написанное: «Вам причитается небольшая сумма — премиальные за второй квартал текущего года...»

«Небольшая сумма...» Какая, интересно? Двести, триста рублей? Да, Михаил Михайлович платил неплохо, поддержал его в трудную пору. Теперь, конечно, все это в прошлом, позади. Надо, пожалуй, зайти, сказать, чтобы не ждали больше и не рассчитывали, а то будут и впредь слать какие-нибудь дурацкие бумаги к нему домой. Все кончено!»

Однажды, возвращаясь с работы, Дашуня увидела Асланова: майор быстро шел от остановки куда-то в глубину квартала, к жилым домам, и она невольно последовала за ним, сгорая от любопытства: «Куда так спешит жених, завтрашний муж Елены? В салонный магазин для новобрачных?»

Возле приземистого здания Асланов остановился, озабоченно поглядел по сторонам и нырнул в дверь какого-то полуподвального помещения.

Дашуня шагнула следом, но тут же остановилась, прочитав на двери вывеску: «Экспериментальный медицинский кооператив «ПОМОЖЕМ ЖЕНЩИНЕ».

— Хм! — хмыкнула она. — Интересно, чем это они тут занимаются? Полы, что ли, моют? Или стирают?

Опасаясь лицом к лицу встретиться с Аслановым, она отошла за угол. Минут через пять появился Асланов. Хлопнув дверью, он по ступеням быстро поднялся из полуподвала и зашагал по улице.

«Зачем он приходил сюда? Может, Элен поручение ему какое давала по хозяйственной части?»

Дашуня ощутила в себе прямо-таки охотничий азарт: «Интересно, что он делал в этом кооперативе? И почему она не может стать одной из тех женщин, которым надо помочь?»

Проводив Асланова взглядом, Дашуня по щербатым ступеням спустилась к двери и, открыв ее, очутилась в приемной обычного медпункта: у стен стояли мягкие кресла и журнальный столик, на стенах висели медицинские планшеты, рассказывающие о женских болезнях, о беременности и родах, о здоровом быте молодых матерей...

Дашуня села в одно из кресел рядом с задумчивой женщиной. Спросила вежливо:

— Не скажете, чем и как тут помогают?

— Это... как бы платная женская консультация, — ответила та. — Ну, и еще кое-чего... Не заметили — мужчина сейчас отсюда вышел? В светлом костюме.

— Нет, — соврала Дашуня, а сердце у нее так и замерло: женщина имела в виду Асланова!

— Донор это, — доверительно, вполголоса сказала женщина. — Хоть и не афишируют их, а мы их кое-кого знаем.

— Кровь, что ли, приходил сдавать? — наивно уточнила Дашуня.

— Да какую кровь, глупая! — отмахнулась женщина и, помолчав, спросила: — Ты-то... зачем сюда?

— Да так, по женской линии, разумеется, — торопливо ответила Дашуня. — К врачу.

— А-а... Ну тогда иди вон в регистратуру, тебе там все скажут. Только сначала оплатить надо за прием...

Дашуня поблагодарила женщину, подошла к окошку регистратуры, потолкалась там несколько минут в небольшой очереди и затем шагнула к двери.

«Значит, еще и донор? — выходя из кооператива, растерянно думала она. — Вот это новость так новость! Но... Ленке говорить пока ничего не надо».

Асланов же в это время мчался в такси и в подробностях вспоминал последний разговор с Михаилом Михайловичем.

— Прошу больше не беспокоить меня, не присылать никаких приглашений. Я скоро женюсь, меняю адрес. Вот так.

— Ну что ж, поздравляю, Тимур Асланович, — сказал председатель кооператива. — Если не секрет: не на нашей ли пациентке? Мы были бы рады за новую семью.

— Нет-нет. Не на пациентке. Схожусь с бывшей своей женой, — соврал Асланов. — Сын у нас отбился от рук, вот мы с Людмилой Ивановной и решили заново сойтись.

Асланов получил премиальные, и они тепло распрощались.

Выйдя из кооператива, Асланов взял такси и помчался к Валету. Нашел его в легком подпитии в том же голубом вагончике.

За небольшим, сооруженным из фанерного ящика столом сидели трое — Валет, Зина и еще какой-то человек лет сорока, в расстегнутой на груди клетчатой рубахе.

Завидев офицера, этот человек торопливо сунул бутылку себе под ноги, но Валет остановил его руку:

— Свой это. Поставь на место.

— Понятно, — кивнул человек и радушным жестом пригласил Асланова: — Садись, нальем.

Асланов сел на предложенный ему «стул» — стопку старых покрышек, на которую Зина накинул какую-то тряпицу, взял из рук Валета полный стакан водки, сказал: «Ну, с хорошим вас вечером, мужики!» И, запрокинув голову, выпил почти до дна. Закуски у хозяев вагончика было вдоволь — и лосось в банке, и копченая колбаса, и куски холодной, крупно нарезанной говядины.

— Неплохо живете! — похвалил Асланов.

— Работаем, — лаконично и нехотя отозвался Валет и, поднявшись, закрыл дверь на крючок. Несмотря на довольно позднее время, в гаражах по соседству было еще полно народу, многие, направляясь домой, считали своим долгом заглянуть в вагончик, сказать что-нибудь на прощание Валету и его компаньонам.

Бутылку они скоро прикончили, мужчина в клетчатой рубашке сказал, что у него еще есть дела, надо посмотреть топливный насос, попрощался со всеми за руку и пошел.

— Потом отвезешь нас, — тоном, не терпящим возражений, сказал Валет, и мужчина послушно закивал.

Валет закурил, выжидательно посмотрел на Асланова — с чем, мол, пришел? Что скажешь?

— Деньги есть, — сказал Асланов без обиняков. — Как договорились.

Валет молчал. Курил, глядя в зарешеченное окно вагончика на догоревший уже августовский день. Вечерняя, кроваво-красная заря заняла полнеба, отсвет этой зари падал на лица троих, делая их похожими, неестественно багровыми, словно фотоснимки в фотолаборатории при красном свете фонаря.

— Башли — это хорошо! — пискнул восторженно Зина, но Валет кинул на него гневный осуждающий взгляд, и Зина стушевался, принялся снова жевать, с сожалением глядя на пустую водочную бутылку.

— Значит, говоришь, баба? — спросил Валет, тыкая окурком сигареты в банку с остатками лосося. — Баба это, конечно, легше. Бабу надо хитростью брать. Чем она занимается? Расскажи-ка нам поподробней: где живет, на чем ездит на работу и домой, с кем знается... Вообще

привычки, что ли, подружки там, друзья... Короче, все, что знаешь про нее. Это нужно для дела.

— В Доме офицеров она инструктором, — начал Асланов. — Работает в основном по вечерам — до одиннадцати, до половины двенадцатого, как вечер сложится, мероприятие. Но не каждый день. Работа такая. Вот и поговорить бы с ней... вечером.

Асланов напряженно, в кулак, кашлянул. Он уже представил себе картину: Раиса Петровна в полночь возвращается к себе домой, а в подъезде ее ждут Валет с Зиной... Никого вокруг нет, все уже давно спят или смотрят телевизор, в подъезде Зелинской всегда темно, хулиганье разбивает лампочки. Секунда-другая — и нет больше ненавистной Раисы...

— У подъезда мы говорить не будем, — ровно, с ленцой, протянул Валет. — Ты нас не учи, майор. А то, что баба домой поздно приходит... это хорошо, это удобно. Не надо будет из дома ее выманивать. А на чем она ездит после работы?

— В основном на такси. Во всяком случае, часто. Троллейбусом ей неудобно, пересадки, да и ходят они в такое время редко. Поэтому она и старается поймать тачку.

— Ладно, понятно. Придется именно так с ней и знакомиться. Завтра ты ее нам покажешь, мы подъедем, поглядим. А потом что-нибудь придумаем.

Асланов слушал спокойный, размеренный голос Валета, смотрел на его тяжелые шевелящиеся руки (Валет вертел в пальцах коробок спичек) и никак не мог унять внутреннюю нервную дрожь. Валет заметил это, усмехнулся:

— Не трусь, майор. Все сделаем как надо. Чисто будет. Нам с Зиной идти на «вышку» совсем ни к чему. Походим за твоей бабой, поглядим. А потом «прокатим». «Жигуль» у меня хоть и старый, но троих-четверых увезет... Зина, чего пригорюнился? Эй!

— Да надо бы еще долбануть, — вздохнул тот и подхватил пустую бутылку. — У тебя дома не найдется, хозяин? А?

— Найдется, — отозвался Асланов. — Поедем, я вынесу.

Валет послал Зинку к Генке, мужчине, только что сидевшему с ними, и стал собираться — переоделся в чистое, сполоснул лицо у рукомойника, укрепленного снаружи, на стенке вагончика. Уже совсем стемнело, в гаражах зажглись неоновые фонари.

— Так ты говоришь, ни одна собака про это не знает? — как бы между прочим снова уточнил Валет.

— Нет. Только я и ты с Зиной. — Дрожь понемногу утихла, только левое веко у Асланова еще время от времени дергалось, и он придерживал его пальцем. — Я же говорил тебе.

— Ну, говорил... Мало ли! — Валет закрыл вагончик, прижимая коленом дверь. — Говорить можно все. Но если все благополучно, то и ладушки. К зиме, к холодам и провернем.

— Надо сейчас, Валь! Максимум через две недели! — взмолился Асланов.

— Что так спешишь? Пусть поживет.

— Валь! Я не пришел бы, если б...

— Ладно. Это я так. До зимы, конечно, далеко еще. Надо, значит, надо. Провернем.

Они постояли у вагончика, глядя в высокое звездное небо.

Подкатил наконец Генка на чихающем «Москвиче». Валет с Аслановым забрались на заднее сиденье, и они не спеша, словно крадучись, поехали по слабо освещенной улице. Зина дремал на переднем сиденье, но едва машина остановилась у дома Асланова, поднял голову, напомнил:

— Не забудь бутылку, майор.

Асланов попросил их не торчать у самого подъезда, поднялся к себе, взял из кухонного стола водку и пачку денег. Подержал пачку на ладони, как бы взвешивая.

— Все, хана, — шепнул сам себе, махнул рукой и пошел к двери.

Деньги и водку отдал Валету, поджидавшему его на неосвещенной скамейке. Тот молчком взял пакет, пожал Асланову руку и удалился. Надсадно взвыл мотор «Москвича», хищно сверкнули на прощание тусклые фары, и все стихло. Асланов рванулся было следом — догнать, остановить это старое железное чудовище с его страшными седоками, взять назад деньги, сказать, что он просто сошел с ума, что никого не надо лишать жизни, что бедная эта женщина ни в чем не виновата, а уж если кто и заслуживает высокой кары, то это он сам, Асланов, натворивший кучу бог знает каких подлых дел!.. Но эти

мысли, током ударившие в голову, вскоре улеглись, окончательно обессилив его, лишив остатков воли.

Асланов поежился, пытался сызнова все осмыслить, понять, что же происходит с ним и около него... Да, как холодно вокруг и в груди! Да, да, сегодня кончилось тепло, кончилось лето, кончилось в его жизни что-то главное, что-то безвозвратно ушло теперь, кануло в черное это бездонное небо...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Недели полторы спустя поздним сентябрьским вечером Раиса Зелинская, кутаясь в легкий светлый плащ, вышла из высоких дверей Дома офицеров, направляясь к троллейбусной остановке, где она обычно поджидала такси или частные машины. Моросил дождь, проспект был почти безлюден. Неподалеку стояла со светящимися фарами зеленая «Лада».

Раиса Петровна подошла к машине, спросила в приоткрытое окно шофера, не подвезет ли он ее к Дворцу машиностроителей. Тот кивнул — садись, мол.

— Давно шоферите? — полюбопытствовала Раиса Петровна, обычно она охотно разговаривала с таксистами, со всеми, кто подвозил ее домой.

— Одиннадцать лет езжу... Вот, подзаработаю, новую машину куплю. Хотя... — он вздохнул, — цены сейчас сами знаете какие.

— Да-а, — посочувствовала Раиса Петровна, поудобнее усаживаясь на сиденье, намереваясь продолжить злободневную тему. Но разговор их был прерван — с тротуара им махал какой-то мужичонка в кургузом пиджаке и без зонта, ясно было, что он основательно промок.

— К пивзаводу, шеф, а? — плачуще крикнул мужичок в приспущенное стекло. — Околел уже, подвезите!

— Садись, — великодушно сказал водитель, и мужичок мокрым угрем скользнул на заднее сиденье.

Мужчины заспорили о футбольном матче, который демонстрировался вчера по телевизору. Раиса Петровна футбол не любила, а потому отдалась своим мыслям. Сегодняшний вечер в Доме офицеров особой радости ей не доставил — прошел он как-то скучновато. То ли публика подобралась вялая, то ли она сама не вдохнула в танцы жизнь. Даже Руженов сделал ей вежливое замечание:

что-то у нас сонно нынче, Раиса Петровна? Она и сама это видела. Но что поделаешь? Вечер на вечер не приходится. Да и настроение у людей теперь не такое, как прежде. В магазинах — пустые полки, на улицах повсюду кооперативные киоски, лавки, где идет наглая спекуляция... Для веселья ли нынешнее время? Да и Асланов, ее жених, стал вести себя в последние эти дни как-то странно — весь дерганый, злой. Вернувшись из командировки в Москву, не позвонил и не пришел к ней, она сама отыскала его по телефону, но он отказался прийти на свидание, сославшись на недомогание. Попросил подождать, он сам, дескать, разыщет ее. Но так и не дождалась. Асланов как в воду канул, будто его и не было в городе. Домой она к нему не поехала, не стала досаждать — нужно учитывать настроение мужчины, как бы тут не переборщить. Она ему пока что не жена, до регистрации еще много времени, возьмет Асланов и передумает. Пусть отдохнет, пусть соскучится по ней — придет, никуда не денется. К свадьбе она потихоньку готовилась. Колбасы, шпрот, спиртного уже достала, а Тимуру хоть бы хны! Как будто хлопоты о свадьбе его лично не касаются. Будто не он женится.

«Жигули» между тем избрали какой-то странный маршрут, никогда раньше ее не возили этими мрачными улочками. Да и зачем? Есть же широкие магистральные улицы! Но Раиса Петровна подумала, что водитель сначала хочет завезти этого мужичка к пивзаводу, а уж потом ее, хотя она села в машину первая и имела, следовательно, приоритет.

Они миновали знакомый ей по прежним поездкам радиозавод, пересекли трамвайные рельсы и самый раз повернуть бы направо, к Дворцу машиностроителей, но водитель свернул влево, машина снова запрыгала по неровностям дороги. Раиса Петровна, вдруг встревожившись, спросила, отчего это они выбрали такой маршрут? Водитель спокойно сказал, что «Трудовую перекопали нынче, я делаю объезд». Она удовлетворилась ответом, хотя чувство тревоги не погасло. Через минуту-другую она пожалела, что села в замызганные эти «Жигули». Она глянула на круглые свои ручные часики — двадцать минут первого!

Действительно странно. Никогда она не ездила этими плохо освещенными, незнакомыми ей улицами, никогда не видела этих домов частного сектора. Ну и маршрут

водитель избрал! Потянуло же ее сесть в эту машину!

Откуда было знать Раисе Петровне, что Валет терпеливо ждал ее у Дома офицеров уже несколько дней, что он видел, как она дважды или трижды брала другую машину, и они с Зиной, поджидавшим в условленном месте, у аптеки, уезжали ни с чем. И вот им повезло.

Тускло светящие фары «Жигулей» наконец уперлись в какие-то мокрые железные гаражи, и Раиса Петровна не выдержала, спросила строго:

— Куда вы это меня завезли, уважаемый?

Она повернула гневное лицо к ухмыляющемуся водителю и в ту же секунду почувствовала вдруг на своей шее безжалостную прочную веревку, инстинктивно ухватилась за нее обеими руками, попыталась закричать — да где там! Веревка резала ей горло, душила, лишала сознания, и последние задавленные уже слова, которые все же соскользнули с ее языка, были: «Тимурчик... помоги!..»

Через несколько минут все было кончено. Валет с Зиной втолкнули теплый еще труп женщины в мешок, обмотали его веревками и засунули в багажник. Потом «Жигули» вырулили из гаражного тупика, держа курс на загородное шоссе.

Километрах в пятнадцати от города машина свернула с асфальта на грунтовую дорогу, углубилась в дубовую, мрачную рощу и ползла по раскисшей, в глубоких колдобинах, дороге, которая вела к заброшенному карьеру. Когда-то здесь брали огнеупорную глину, работали мощные шагающие экскаваторы и рычали БелАЗы, а теперь гигантскую выемку заполнили грунтовые и дождевые воды. Бывший карьер превратился в искусственное озеро. Но озеро жило недолго: с нового карьера сюда стали возить вскрышной грунт, засыпать земную рану. В местной газете написали, что со временем на месте карьера будут дачи, но когда это случится, никто не ведал.

Валет хорошо знал эти места, так как в нескольких километрах от карьера была его родная деревня, машину он вел уверенно. Знал он и то, что землю сюда продолжали возить, БелАзы свое дело сделают — труп никто не найдет.

На берегу искусственного озера «Жигули» остановились. Тишина и мрак стояли над этим удаленным от всего жилья местом. Дождь кончился, парной белый туман поднимался от воды.

— Хороша ночка, — негромко сказал Валет. — Как раз для мокрухи.

Они вытащили из багажника туго увязанный мешок и, поднеся его к краю карьера, швырнули в воду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Восьмого сентября 1991 года на стол старшего оперуполномоченного уголовного розыска капитана Хатунцева легло заявление:

НАЧАЛЬНИКУ ЦЕНТРАЛЬНОГО РОВД
полковнику милиции тов. ЧУРСИНУ А. В.

Прошу принять меры к розыску пропавшей без вести Зелинской Раисы Петровны, 1943 года рождения, проживающей по адресу ул. Строительная, дом 13, кв. 78, инструктора гарнизонного Дома офицеров. Р. П. Зелинская в последний раз на работе была 04.09.91 г. Наши поиски ее результатов не дали.

Подполковник Н. Г. Руженов,
начальник гарнизонного Дома офицеров

07.09.91 г.
Город-на-Дону

Капитан Хатунцев поручение своего начальника воспринял без особого энтузиазма. Дело об исчезнувшей гражданке Зелинской его совсем не вдохновляло. Загуляла небось эта самая Зелинская, не предупредив начальника Дома офицеров и соседей по квартире. Возможно, она находится где-нибудь у родни, а подполковник Руженов уже шум поднял.

Что значит «пропала без вести»? Это, извините, надо установить и юридически доказать, а так писать с бухты-барахты... В воскресенье женщина по каким-то причинам не вышла на работу, в понедельник у нее выходной, а во вторник подполковник Руженов уже присылает в райотдел милиции свое заявление и требует незамедлительных поисков. (Мог бы, кстати, и сам прийти, тут до милиции одна остановка, а он прислал заявление нарочным.) Ну, ладно, прислал, значит, прислал, не в этом суть. Начальник райотдела тоже, разумеется, не стал разбирать-

ся, у него есть дела поважнее. Черкнул на уголке заявления: «Поручить капитану Хатунцеву».

Хатунцев еще раз внимательно, хотя и с досадой, прочитал заявление и, подняв телефонную трубку, набрал номер подполковника Руженова.

— А вы дома-то были у нее, товарищ подполковник? Может, человек просто заболел, подняться не может, а вы тарарам устроили?

Руженов ответил, что к Зелинской еще в пятницу послали человека, но никто не открыл.

Хатунцев положил трубку и решил, что придется вскрывать квартиру, следовательно, надо брать у прокурора ордер, искать понятых, ломать дверь.

Капитан заказал машину, и через полчаса был уже в подъезде дома, где проживала Зелинская. Пригласив понятых, он взломал дверь квартиры Раисы Петровны. Мирно урчал холодильник на кухне, светились зелеными цифрами электронные часики на телевизоре, из неплотно прикрытого крана в ванной сочилась струйка воды. На диване, у торшера, лежали раскрытая книга и очки. Хатунцев взял книгу — «Лолита» Владимира Набокова.

Полистав книгу, он положил ее на место и осмотрел внимательно квартиру. Никаких признаков убийства или насилия не обнаруживалось. И тела хозяйки квартиры нет. Значит, надо произвести обыск.

В ванной Хатунцев обнаружил мужской банный халат пятьдесят четвертого размера и электрическую бритву, которой не так давно пользовались. Спросил у женщин-понятых: а что, разве Зелинская замужем? Те ответили, что нет, она одинокая, давно разошлась с мужем, но хаживал к ней один... Как выглядит? Обыкновенно. Усы, правда, небольшие, черные носит...

Хатунцев не стал терзать понятых подробными расспросами. Ясно, что мужчина у Зелинской был, ходил к ней как к себе домой, раз имел тут халат, бритву и тапочки (тапочки были аккуратно положены в одну из ячеек высокой обувной полки). Но мужчина этот, разумеется, мог и не иметь никакого отношения к исчезновению Р. П. Зелинской, но мог, конечно, и иметь. Надо бы установить, кто он.

Размышляя об этом, Хатунцев покопался в письменном столе Раисы Петровны, вороша мотки шерсти, вязальные спицы, патрончики от губной помады, старые чулки, квитанции об уплате за телефон, ножницы с пилкой для

ногтей, шпильки для волос... Маленькую записную книжку Хатунцев, полистав, положил в карман кителя — потом, в служебном кабинете, посмотрит повнимательнее: в книжке были номера телефонов и инициалы. Ни одного имени, а только инициалы. Наверное, у Зелинской была хорошая память.

Хатунцев хотел было уже задвинуть ящик стола, но внимание его привлекла бумажка, засунутая под стопкой плотного белого ватмана. На сложенном вчетверо листке торопливыми большими буквами было написано:

МАЙКЛ ПЕРРОЙ. РОБЕРТ КИНГСЛИ. ФОТОГРАФИРОВАТЬ. ЧТО? ДЕНЬГИ! СТАРАЯ КАЛОША.

— Гм. Что б это значило? — вслух спросил самого себя Хатунцев, и одна из понятых, подвижная седая женщина, тут же подскочила к нему и уставилась в бумажку.

— Рука ее, Раисы, — сказала она, хотя Хатунцев ни о чем не спрашивал. — Я почерк ее видала, она мне как-то просила письмо по пути в почтовый ящик бросить... Я в магазин шла, ну и кинула...

Хатунцев выпроводил женщин в другую комнату, посидел еще немного за письменным столом хозяйки квартиры, размышляя. Ничего интересного в спальне он больше не нашел: в платяном шкафу покоилось аккуратно сложенное белье и вещи женщины, кладовка была занята книгами и посудой, диван сложен и накрыт шерстяным зеленым покрывалом.

Опечатав квартиру, Хатунцев вернулся в служебный кабинет, положил перед собой записную книжку Зелинской и принялся названивать: представлялся и спрашивал, знает ли абонент такую-то, и записывал ответы. Кое-кто из невидимых собеседников отзывался на звонок неохотно, другие что-то мямлили, а третьи и вовсе отказывались от знакомства с Раисой Петровной.

Один из записанных в книжке телефонов принадлежал «Пентагону». Трубку взял какой-то майор Калинников, сказал сердито, что ни о какой Зелинской не слышал и не знает.

Обзвонив в течение дня все номера телефонов, капитан Хатунцев составил для себя внушительный список лиц, с кем надо было встречаться и поговорить.

Потом он допоздна сидел за своим столом, дымя де-

шевыми, без фильтра, сигаретами, и напряженно размышлял: что же все-таки означают эти иностранные имена в записной книжке Зелинской? Причем в соседстве со словами «сфотографировать» и «деньги».

На всякий случай решил позвонить в управление госбезопасности. Лично знакомый ему по делам службы майор госбезопасности Латынин, выслушав его, сказал:

— Ну-ка, ну-ка, еще раз прочитай, Витя!.. Да-а, интересно. Давай-ка завтра утром подъезжай к нам. Посмотрим, что это за ребус.

Тщательно прочитав записку, Латынин сказал:

— По-моему, тут замешаны иностранцы. Любопытно, что в записке упоминается о фотографировании и деньгах. Но какое это имеет отношение к Зелинской? В общем, ты оставь мне записку. Мы ее тут у себя покрутим. Вдруг что и прояснится.

Через два дня Латынин получил на свой запрос шифрограмму следующего содержания:

РОБЕРТ КИНГСЛИ АМЕРИКАНСКИЙ БИЗНЕСМЕН ЗПТ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР СОВМЕСТНОГО СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «ПЕРСОКОМ» ЗПТ ИНЖЕНЕР-ЭЛЕКТРОНЩИК ПО ОБРАЗОВАНИЮ ЗПТ В 1973 ГОДУ ВЫДВОРЯЛСЯ ИЗ ПОЛЬШИ ЗА ШПИОНАЖ ЗПТ БЫЛ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ СОЦСТРАНАХ.

КОЛПАКОВ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Шесть месяцев беременности пошли Катерине на пользу. Она заметно похорошела. В походке ее появилось нечто новое — уверенность и достоинство. Теперь она старалась надевать более просторные платья. Она предупредила директора школы, где работала, что скоро уйдет в декретный отпуск, так что администрации придется, наверное, взять на это время другого преподавателя...

Мать Катерины известие о беременности встретила с радостью, хотя длительное время расспрашивала дочь, кто же отец будущего ребенка. Но так ничего и не добилась. Ладно, решила мать, пусть Катя рожает, ребенок при добром уходе и без отца вырастет. С благоговением ждали женщины пополнения маленькой своей семьи.

Однажды к Катерине наведалась Дашуня.

— Ты одна? — спросила она с порога.

— Одна. Мама ушла в гости.

Дашуня прошла в зал, села в кресло, закинув ногу на ногу, с любопытством рассматривая подругу.

— Ну как ты, Катрин? — спросила с любопытством и плохо скрытой завистью.

— Нормально, — улыбнувшись, сдержанно ответила Катерина. — Как всякая беременная.

Она села в кресло напротив и взялась за отложенное вязанье.

— Решительная ты, Катрин, — вздохнула Дашуня. — Взяла и забеременела. Хоть сказала бы, от кого, а?

— От Христа, — ответила Катерина.

— Ну... все же кто он?

— Мужчина! Две руки, две ноги, посредине — пушка. Я с ним на базе отдыха познакомилась, в «Березке». Помнишь, у нас весенние каникулы были? Ну вот... Он из нашей среды, из учительской. Женатый.

— Не тот ли майор, с которым я тебя однажды в городе видела? Он Ленкин жених.

— Ленкин жених? — недоуменно качнула плечами Катерина. — А-а... А где ты нас видела?

— На улице, дня четыре назад. Вы стояли и беседовали. Я не стала мешать.

— Ну... Нас, кажется, Лена и познакомила, я уже не помню... Встретились, поговорили. А что тут такого?

— Да ничего, конечно, особенного, разговаривать никому не возбраняется... Но... знаешь, где я Ленкиного жениха видела, того майора?

— Где? — Катрин напряглась.

— В кооперативе одном. «Поможем женщине» называется. Ну это, в общем-то, платная женская консультация, но там и доноры есть.

— Что ж тут удивительного? — Катрин не поднимала глаз, лицо ее запылало. — Кровь нужна, значит, и доноры тоже. Что тут непонятного?

— Да какая кровь?! Мне там одна женщина все рассказала, а на майора нашего прямо пальцем показала — вон, говорит, донор пошел. Детишек помогает творить... Я, конечно, не поверила. Мало ли человек зачем пошел, может, у него кто знакомый там, может, действительно кровь сдавал... Что с тобой, Катерина?

— Ты знаешь, я так плохо спала сегодня. И вообще плохо переношу беременность... В жар вот бросило. Я лягу, Даш, ладно, ты не обижайся.
— Конечно, ложись, о чем речь! Давай я помогу тебе.
Катерина улеглась на диване, а Дашуня села рядом, продолжая свой прерванный рассказ.
— Увидела его там и глазам своим не поверила.
— А ты-то зачем туда потащилась?
— Увидела его на улице. Спешит куда-то. Я — следом, — честно призналась Дашуня. — А до этого его с Раисой Петровной видела.
— Кто это?
— Инструкторша из Дома офицеров. Ты же не была тогда на танцах! А мы с Леной ходили... Так вот зашла я в будку телефонную позвонить. И вдруг вижу: Тимур с этой Раисой Петровной беседуют. И вдруг — бац! Это она ему по физиономии. Аж фуражка у него слетела.
— Она его ударила?!
— Да! Вот это, думаю, офицер, вот это жених у Ленки!
— А потом?
— Потом за ними увязалась, почти до самой ее квартиры их проводила.
Катерина с оторопью глядела на Дашуню. То, что Асланов похаживал или похаживает к какой-то Раисе Петровне, ее мало трогало, но то, что Дашуня узнала про кооператив... Вот дылда пронырливая! И кто ее просил. Совать нос...
— Даша, ты Лене ничего не говори, — вяло приказала Катерина. — До свадьбы несколько дней, зачем подружке настроение портить? Все, может, образуется.
— А не лучше ли наоборот? Сказать, предупредить. Поставить майора на место, а то их встречи с той инструкторшей могут продолжаться! Мы же не знаем с тобой, что у них было и что их связывает! Раз женщина среди бела дня бьет мужчину по лицу, то... Ты меня извини, Катерина, но что-то тут не так. Я и с ним хочу поговорить, и Ленке скажу.
— Да не трогай ты их, глупая! Чего тебе, больше всех надо, что ли? Они и без тебя разберутся.
— А чего это ты, подруженька, его защищаешь? — насторожилась Дашуня. — С какой стати?
— Да не защищаю я его, просто понимаю, что не надо нам с тобой лезть в это дело.
— Хорошо, ты не хочешь — не лезь. А я полезу.

Я хочу Ленке добра. И хочу, чтобы ее жених малость поприжал хвост. Хватит, был два раза женат, детишек двое. Теперь у Ленки дети будут.
— А что... Разве Лена уже...
— Вот именно «уже»!.. Она любит его... Нет-нет, Катерина, ты как хочешь, а я скажу. Чтобы все было честно. Пусть Ленка пропесочит его перед свадьбой. — Дашуня вдруг с прищуром уставилась на Катерину. — Ты меня извини, но... У тебя самой-то ничего не было с майором, а? При той встрече он тебя, кажется, поцеловал в щечку...
Катерина рывком поднялась, глаза ее гневно блеснули.
— Вон, дура! — крикнула она. — Как ты смеешь?! Какие пошлости...
— Катя! Кать! — перепуганная Дашуня отступила к двери. — Ты извини, я... Я же просто так спросила, пошутила... Тебе же нельзя волноваться!
— Вон! — повторила Катерина и, заплакав, опустилась на диван.

* * *

Свадьба Елены Рябоконь и Тимура Асланова была скучноватой. Народу в зальчике кафе собралось человек тридцать. Родственников жениха не было: на третью свою свадьбу Асланов решил их не приглашать. Потом съездит с Элен в Свердловск, познакомит ее со своей родней.
Вскоре зазвучали тосты. Все желали молодым любви, счастья и детишек, заставляли смущенную общим вниманием невесту обнимать и целовать жениха. Асланов же при криках «горько» охотно целовал Елену. Выглядел он празднично, хотя на душе у него скребли кошки. Перед самой свадьбой его навестил Валет и сказал, что все в порядке, майор, давай бутылку, выпьем, помянем рабу божью Раису, царство ей небесное.
Бутылка нашлась, целых два ящика водки Асланов заготовил к свадьбе. Молча выпили одну из них. Потом Валет встал, попрощался: «Давай, майор, живи дальше. Если кто еще будет обижать — скажи...»
Первый вальс Асланов танцевал с Элен, потом его пригласила Дашуня.
— Поздравляю, Тимур! — торопливо сказала она.
— Спасибо.

— Вот, года не прошло, а вы с Леной муж и жена.
— Да-а.. Жизнь теперь стремительная, как этот вальс.
— Вы и тогда «Ламбаду» с Раисой Петровной очень лихо отплясывали. В Доме офицеров, помните? — Дашуня почувствовала, что руки Асланова сжали ее, будто тисками.
— Ну... Танцевали, что теперь! Холостяком был.
— А за что она вас по щеке шлепнула, Тимур?
— Меня?!
— Да. У оперного театра.
— Вы спутали с кем-то, Даша.
— Я своими глазами все видела, Тимур. Потом вы поехали ее провожать. До Дворца машиностроителей.
— Вот как?! А вы, значит, следили? — Глаза Асланова налились гневом. — Что вы еще видели, Даша?
— Как вы входили в кооператив «Поможем женщине».
— Да, верно... я туда заходил, — натужно засмеялся Асланов. — У меня там знакомый врач... Какие еще у вас наблюдения... сыщик в юбке?..
Асланов отстранился от Дашуни и вышел в коридор, затем в туалет. Заперся там и закурил.
— Будьте вы все прокляты! — прорычал он и, открыв кран, подставил под холодную струю свое пылающее лицо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Он в самом деле получил «известие». В прошлую пятницу, как это и было условлено с Кингсли, Асланов нашел в обозначенном в инструкции месте контейнер с новым заданием. Недалеко от главпочтамта, между стеной жилого дома и телефонной будкой была засунута грязная рабочая рукавица, в которой был запаянный в полиэтиленовую пленку пакет с толстой пачкой сторублевок и шифрованным, в цифрах, письмом. Кто-то приезжал в Город-на-Дону по заданию Майкла. Связник выполнил поручение американской разведки, ничем не обнаружив себя, не дав знать об этом и самому Асланову. А тот просто пришел в назначенный день и час и вынул контейнер. Впрочем, так и должно было быть — никаких личных встреч при закладках контейнеров не допускается. Хотя в течение всей прошлой недели Асланов должен был у себя в квартире держать условный

сигнал — «Все в порядке». Сигналом этим была постоянно висящая на ручке оконной рамы синяя хозяйственная сумка.
С помощью шифроблокнота он прочитал взятое из тайника письмо.

«Дорогой друг! Мы рады, что вы обрели семью и породнились с нужным нам человеком. Полагаем, что работа ваша будет теперь продвигаться более успешно при наличии, разумеется, продуманного подхода к личности вашего родственника и тем секретам, которыми он располагает.

Переданные вами материалы представляют большой интерес. Благодарны вам за это. На ваш счет в банке положены деньги. Ту сумму, что вы возьмете в контейнере-тайнике, посылаем на мелкие расходы. Надо полагать, свадьба опустошила ваш кошелек. Не огорчайтесь, деньги — дело наживное, при желании их всегда можно заработать.

Дорогой друг! Вы хорошо изложили схему расположения станций, но для наших специалистов лучше было бы иметь саму схему.

Желаем вам успеха, дорогой друг!

Майкл».

Прочитав письмо, Асланов похолодел. Майкл толкает его в самое пекло, требуя добыть карту-схему расположения радиолокационных станций на европейской территории СССР, а главное — алгоритмы взаимодействия этих станций с зенитно-ракетными комплексами. Владея этим, «Стелс» будет чувствовать себя в советском небе весьма уверенно.
Асланов заметался по квартире, напряженно размышляя о том, что делать? Как будто это так просто — заполучить алгоритмы! Святая святых! Это же тайна за семью печатями...
Асланов спрятал шифроблокноты в замаскированный тайник, который он оборудовал в туалете своей квартиры — девятиметровке, где теперь жил с Элен, и закурил, размышляя, как выполнить новое задание Кингсли.
Инструкция агентурных встреч предписывала ему через два с половиной месяца, то есть в конце декабря, передать контейнер с магнитной лентой, положив его в условное место в третьем подъезде девятиэтажного дома, торцом стоящего к кинотеатру «Рубин». Видимо,

Кингсли, когда был в Городе-на-Дону, сам присмотрел почему-то именно этот дом...

«Алгоритмы так просто не возьмешь, придется задружить с программистами, — размышлял Асланов. — А что, если Володю Гулидова привлечь? Приятель все же, на свадьбе нашей был...»

* * *

Программисты института занимали большую светлую комнату на втором этаже.

Войдя к ним, Асланов ощутил знакомый запах разогретых в работе механизмов ЭВМ, услышал шуршание бумажных лент, щелканье печатных устройств компьютеров. Кто-то из офицеров ответил на его приветствие, другие не обратили на Асланова никакого внимания.

Асланов направился в дальний угол комнаты, где, заваленный распечатками, сидел с расстроенным лицом майор Гулидов.

— Третий день мучаемся. То ли я данные неправильные вложил, то ли... Словом, бунтует наша электроника, — со вздохом пожаловался Гулидов. — А у тебя какие проблемы, Тимур?

— Да вот хотел согласовать с тобой алгоритмы нашего приемопередающего устройства.

— А вы уже закончили испытания?

— Закончили. Такие четкие сигналы от аналога «Стелса» стали получать!

— Жаль, что полковника Рябоконя почти никак не поощрили.

— Как будто ты не знаешь, какие у него теперь отношения с начальством. Торопов ему и руки не подает. Это из-за того письма офицеров нашего института в министерство. Помнишь?

— Помню, — усмехнулся майор. — О сокращении вооружений хлопотали. А теперь вот и нас самих хотят сокращать. Я-то со своей специальностью не пропаду. На заводе где-нибудь устроюсь. Квартира у меня есть, теперь мне не страшно.

— Ты-то, может, и устроишься, а мы? — Асланов развел руками. — Хотя я тоже могу куда-нибудь пойти. Не пропаду.

— Так по какому округу тебе нужны алгоритмы?

— Для начала хотелось бы уточнить по европейской части. Это, видимо, регион Московского округа.

— Да, это вот в папке номер один, — подсказал Гулидов и доверительно подал пухлую папку с бумагами. — Посмотри и сразу же верни.

Вернувшись в свою лабораторию, Асланов углубился в работу, анализируя взаимодействие зенитно-ракетных комплексов Московского округа, прикидывая, как впишется в нее новая их радиолокационная станция. Затем, улучив момент, достал микрофотоаппарат и несколько раз щелкнул...

На следующий день к вечеру Асланов отправился в милицию. Какой-то капитан Хатунцев просил в повестке зайти в третью комнату «для дачи свидетельских показаний».

Асланов сразу же сообразил, что этот вызов связан с Раисой Петровной, но паниковать не стал. Елене сказал, что у него болит голова, хочется прогуляться по свежему воздуху.

Разговор с Хатунцевым шел мирно, даже дружелюбно. Капитан задавал Асланову вопросы, на которые у того были готовые ответы. Несколькими днями раньше сюда же вызывали Калпникова, тот на следующий день громогласно рассказывал в лаборатории, мол, у какой-то пропавшей без вести женщины из Дома офицеров оказался в записной книжке номер телефона нашего института.

— Так вы говорите, Тимур Асланович, что с Зелинской не знакомы? Так? — дымя сигаретой, спокойно переспросил Хатунцев. — Но вас ведь видели с нею на танцах.

— Фамилию этой женщины я слышу впервые, — пожал плечами Асланов. — Да, на танцах в Доме офицеров я бывал, но... дай бог памяти... примерно год назад, или около того. Да, в декабре прошлого года. Помню, что звали ее Раиса... отчество запамятовал.

— Петровна, — подсказал следователь.

— Верно, Петровна!.. Ну вот, был я на вечере, танцевал. В том числе и с ней. А что, собственно, случилось?

— Пропал человек, — вздохнул Хатунцев и стряхнул пепел в баночку из-под рыбных консервов. — А дома вы у нее не бывали?

— Н-ет, зачем же? — искренне и даже с долей обиды ответил Асланов. — Между нами говоря... Извините, как вас звать-величать?

— Игорь Сергеевич.

— Так вот, Игорь Сергеевич, между нами, мужчинами, говоря, насколько я помню, женщина эта, Раиса Петровна, была в годах. Не старуха, нет, но и далеко не первой молодости. А я в тот вечер, кстати, познакомился с девушкой, Леной, которая стала теперь моей женой. У нас недавно была свадьба.

— Да, и в курсе. Мне майор Калинников сказал. Да вы не волнуйтесь, Тимур Асланович, — вежливо говорил Хатунцев. — Обычная работа. Пропал человек, я должен его найти. В записной книжке Зелинской — телефон вашей лаборатории, кого-то она знала из офицеров.

— Может, спутала она телефоны, эта женщина?

— Может, и спутала, — согласился Хатунцев.

Он заметил, что Асланов нервничает, хотя стремится скрыть это. Лицо напряжено. И усы! Надо бы показать его женщинам, соседкам Зелинской. Мало ли...

Хатунцев привстал и, подавая руку Асланову, попросил простить за беспокойство. Сказал, что, может быть, еще раз придется пригласить...

— А зачем? — прервал Асланов, прямо глядя на Хатунцева. — По-моему, все ясно.

— Я вам позвоню на службу. Тут рядом ваш «Пентагон», — заскóчите на пару минут. Впрочем, может быть, и не понадобится... Кстати, Тимур Асланович, вы одежду какого размера носите?

— Пятьдесят четвертого.

— Бреетесь электрической бритвой?

— Да, в основном.

— Ну все, Тимур Асланович, извините еще раз. До свидания.

— Всего доброго, Игорь Сергеевич.

Асланов козырнул, четко повернулся и вышел из прокуренного, душного кабинета следователя.

«И все же он что-то знает о том человеке, который ходил к Раисе, — мрачно размышлял Асланов. — Кто-то меня видел с ней, у нее. Скорее всего любознательные старухи соседки. Но я редко ходил к Зелинской в форме...»

...Хатунцев позвонил через день и так же вежливо, с извинениями, попросил зайти «вечерком, после восемнадцати ноль-ноль», и Асланов, источая в телефонную трубку взаимную вежливость, заверил, что придет в назначенное время.

Когда он вошел в кабинет, две пожилые женщины, сидевшие у стены, вцепились в него подслеповатыми глазами. Потом одна из них уверенно сказала:

— Нет, это не он. Тот, который шастал к Раиске, и телом потолще, и росту поменьше. И рожа у ево бандитская, черная. Сама видала!

— Ну и хорошо, Галина Федотовна. Спасибо, что пришли, — с заметным облегчением сказал Хатунцев. — И вам, Светлана Григорьевна.

Женщины покивали и молча вышли.

Следователь улыбнулся Асланову.

— Ну, все теперь, Тимур Асланович. Еще раз простите за беспокойство. Работа.

Они пожали друг другу руки и расстались.

«Гора с плеч. Кажется, пронесло».

* * *

В ближайшее воскресенье, когда Элен уехала к отцу, Асланов вынул из тайника в ванной шифроблокнот и стал сочинять письмо Майклу.

> «Майкл, вы просили меня поинтересоваться большими белыми простынями, которыми можно накрыть всю европейскую часть. Я поинтересовался, и довольно успешно (хотя с товарами в России сейчас очень плохо). Беда в том, что положить снимки в то место, куда вы меня просили, я не могу, так как указанное место реконструируется, там делается ремонт. Сообщите о моих дальнейших действиях. Не забудьте прислать деньги, простыни в России по нынешним временам очень дорого стоят.
>
> Ваш друг».

Асланов не лукавил. Тайник действительно неожиданно был нарушен: в подъезде дома начался ремонт, сколько он продлится — неизвестно.

Письмо Асланов написал через специальную копирку, поверх уже написанного от руки другого текста, в котором содержались одни лишь восторги какого-то Тома, посетившего город. Копирка выглядела обычной папиросной бумагой, использовалась лишь однажды, а потом сжигалась. Что Асланов и сделал. Он вложил письмо в заготовленный конверт с московским адресом, снова закамуфлировал свой тайник в ванной и поехал в центр города.

У главпочтамта опустил письмо в ящик и, оглядевшись по сторонам, зашагал к остановке «Такси».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Город-на-Дону, Управление госбезопасности,
начальнику отдела контрразведки
полковнику Николаеву

ИНТЕРЕСУЮЩИЙ ВАС БИЗНЕСМЕН РОБЕРТ КИНГСЛИ ОТБЫВАЕТ ИЗ МОСКВЫ В ВАШ ГОРОД ТРИДЦАТОГО ОКТЯБРЯ ТЧК ПОЕЗД ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ВАГОН ДЕСЯТЬ

КОЛПАКОВ

Удобно устроившись в двухместном купе скорого поезда «Донские зори», Кингсли пил свежезаваренный чай, размышляя о предстоящих встречах в Городе-на-Дону. «Главное — взять у Асланова материалы и передать ему деньги».

Асланов неплохо поработал. Заполучить алгоритмы взаимодействия советских радиолокационных станций и зенитно-ракетных комплексов — какой еще большей удачи можно желать?!

Настроение у Кингсли было приподнятым. Еще бы! Если его вояж в Город-на-Дону завершится благополучно, то его ждет очень крупная денежная сумма. Хорошие деньги получит и Асланов — он, Роберт, везет ему пятьсот тысяч советских рублей. Везет он и новые инструкции, микропередатчик — не нужно будет посылать открытку, а надо только выйти в эфир в строго определенное время, послать сигнал на спутник.

Чувствовал себя Кингсли спокойно и уверенно. В Город-на-Дону он ездит уже около двух лет, и его там хорошо знают местные специалисты как толкового инженера, и он многих знает. Понятно, что за ним, возможно, следят из местного управления безопасности, но он не дал чекистам за это время пока никакого повода подозревать себя в чем-то. В последние месяцы ему пришлось активизировать деятельность. Кингсли было поручено попытаться организовать легальную группу из местных инженеров, которые предложили бы свои услуги военным

разработчикам радиолокационных станций, во-вторых, выйти на связь с неким майором Аслановым, предложившим свои услуги американской разведке. Понятно, что со стороны русских это могла быть игра, попытка всучить американским специалистам по программе «Стелс» дезинформацию. Но и сам Кингсли, и Майкл, и, вероятно, те, кто стоял над ним, поняли, убедились в том, что майор Асланов — лицо не подставное, за дело он взялся по вполне убедительным, личным мотивам. Модернизированная советская РЛС — штука серьезная, для самолета-невидимки очень опасная. Специалисты, насколько Кингсли понял из скупого рассказа Майкла, весьма обеспокоены этим там, в Штатах. Конечно, хорошим подспорьем в этом деле окажутся советские алгоритмы взаимодействия зенитно-ракетных комплексов, разбросанных по всей территории Советской страны, и если майору Асланову удалось добыть алгоритмы лишь европейской части, то все равно это большая удача — «Стелс» снова будет неуязвим...

* * *

Однажды Элен принесла домой открытку, найденную в почтовом ящике. В открытке поздравляли какую-то Евгению Михайловну с днем рождения. Элен показала открытку мужу, Асланов повертел ее в руках и сказал, что это, видно, ошибка, кто-то спутал адрес.

— Ну, а ты чего сияешь? — спросил он жену. — По лотерее, что ли, выиграла?

— Ага, выиграла! — Элен прижалась к мужу. — У нас скоро маленький будет. Вот послушай, Тимур, как он толкается...

Она взяла руку Асланова, приложила ее к своему животу, и он терпеливо «послушал».

Элен что-то говорила ему о будущем ребенке, о том, что пора уже покупать коляску. Он слушал ее и не слышал — мысли были заняты другим...

Открыткой на имя «Евгении Михайловны» Кингсли предупредил его, что скоро будет в Городе-на-Дону.

* * *

Дашуня, прочитав в «Вечернем курьере» объявление о розыске пропавшей без вести Р. П. Зелинской, недели

полторы раздумывала — идти в милицию или не идти? Да, она видела Асланова и Зелинскую вместе и заподозрила их в связи, видела, как Раиса Петровна ударила капитана по щеке... Но при чем здесь объявление в газете и пропажа инструктора Дома офицеров? Как все это связать?

Наконец Дашуня все же решилась, взяв с капитана Хатунцева слово — не выдавать ее ни при каких обстоятельствах. Если что-то подтвердится — другое дело, а так...

Она подробно рассказала капитану милиции о том, что видела и знала. Хатунцев, покуривая, внимательно слушал ее, уточнял кое-какие детали. Потом вздохнул и огорошил Дашуню новостью:

— Да, мы вызывали уже этого Асланова. И понятых приглашали. Не опознали они его. Он подтвердил, что знает Зелинскую, ходил в свое время на танцы в Дом офицеров, а остальное...

Дашуня смутилась.

— Да я не говорю, что он в чем-то виноват. Поймите меня правильно, он муж моей подруги. Вы дали объявление — я пришла. Если мой рассказ в чем-то поможет... Но, пожалуйста, товарищ капитан, пусть этот разговор останется между нами. Мне так неловко!.. Лене рожать скоро, и если она узнает... Если б, конечно, Зелинская эта не пропадала и вы объявления никакого не давали, я бы не пришла. Что ж я, стукачка какая, что ли?

Хатунцев улыбнулся.

— Нет-нет, вы правильно сделали, что пришли, Дарья Васильевна. Гарантирую вам, что ваш визит ко мне останется в тайне. Спасибо.

Дашуня, пунцовая от стыда, вышла из кабинета.

Проводив гражданку Малюгину, капитан Хатунцев задумчиво выкурил одну за другой две сигареты. Значит, Асланов бывал у Зелинской дома, но тогда почему отрицает это? Почему?

* * *

Воскресный день прошел для Асланова в тревожном ожидании. Как же так, думал он, открытка пришла, но никто не приехал? Странно... И что он теперь должен делать?

Однако на следующее утро на доме номер два по проспекту Коммунаров (это совсем рядом с «Пентагоном») Асланов увидел условный сигнал — небольшой, начерченный мелом крестик. Сердце его вздрогнуло — значит, кто-то приехал!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Кингсли позвонил Асланову в назначенный день. Разговор был короткий, постороннему человеку трудно было что-либо из него понять, но контрразведчики Николаева уловили в нем главное: встреча Кингсли и майора Асланова состоится завтра, в девятнадцать вечера.

В кабинете полковника Николаева шел служебный разговор. Докладывал Латынин:

— Асланов и Кингсли встречались и прежде. Свел их некий Вадим Гладышев, инженер из совместного американско-советского предприятия. Наш «Пентагон» на договорных началах выполняет работу по клавиатурам персональных компьютеров, работа эта разрешена начальником института генералом Тороповым. Майор Асланов с разрешения своего руководства как раз этой клавиатурой и занимался. С Робертом Кингсли они, надо думать, встречались не раз...

— В том-то и дело, — сурово проговорил Николаев. — А мы только теперь заинтересовались этим фактом.

— Кингсли ничем себя не компрометировал, Анатолий Петрович, — возразил Латынин. — И контактов у него раньше с военными учеными не было. Это в последние полгода, когда «Пентагон» стал зарабатывать деньги себе на жизнь, появились совместные предприятия «Аванпост» при самом институте. Двери военного учреждения приоткрылись, ясно, что разведка противника не преминула этим воспользоваться. Более того, предприняла очень хитрые, завуалированные ходы. Я имею в виду «Стелс», Анатолий Петрович.

— Да я понял, — хмуро отозвался Николаев. — Ход, конечно, хороший, ничего не скажешь. Открыто, легально, через подставных субсидированных лиц, предложить совместную разработку секретной тематики... Ха! Сразу и возразить нечего... Инженеры-патриоты занимаются модернизациями существующих радиолокационных станций или изобретают какие-то новые противодействия «Стелсу», а господин Кингсли преспокойненько все это берет

на карандаш!.. Ну а что вы увидели в квартире Асланова?

— Полный набор шпионского снаряжения, Анатолий Петрович. Тайник — в ванной комнате, там шифроблокноты, микрофотоаппарат, деньги... Вещественные доказательства налицо. Асланова можно брать.

— Что ж, — вздохнул Николаев, — Кингсли, я думаю, приехал в этот раз не случайно. Возьмем их сегодня обоих. Глаз с них не спускайте!

В ресторане Кингсли с Аслановым выбрали угловой, за колоннами, стол. И едва заказали ужин, как к ним подошли четверо парней, вежливо представились. Кингсли онемело побледнел. Асланов же рванулся со своего стула, но его остановили крепкие, жесткие руки...

* * *

В квартире Рябоконей было тесно от людей. Несколько мужчин стояли с обнаженными головами, женщины тихо переговаривались.

Проталкиваясь сквозь толпу, Дашуня панически спрашивала всех подряд: «Что случилось? Чего вы тут стоите?»

— Да повесилась Лена, руки на себя наложила, господи! — сказала сердобольная женщина. — Как узнала про своего мужа-то. Изверг! А с рожи-то красивый, куды там! Офицер! Тьфу!..

Элен с очень бледным лицом лежала в гостиной на диване. Николай Семенович стоял перед ней на коленях, уткнув голову в подушку. Плечи его вздрагивали.

Дашуня протяжно ахнула, тоже опустилась на колени, гладила безжизненную, холодную руку Элен, теребила ее русые, разметавшиеся по подушке волосы. Говорила, захлебываясь слезами:

— Лена! Лен! Да ты что, родная моя подруженька! Что ж ты наделала?! Зачем? Мало ли мерзавцев на белом свете. Мы бы с тобой выжили, мы бы с тобой помогли маленькому... Господи! Зачем?

Она обняла Николая Семеновича, рыдала, потрясенная.

— Когда это случилось, Николай Семенович? Я же с ней утром разговаривала по телефону. Она сказала, что собирается на работу, все нормально...

— В обеденный перерыв я тоже позвонил ей в издательство, мне ответили, что Лена что-то занемогла, отпросилась... Тогда я поехал домой, сюда. А она висит в коридоре, в прихожей. У меня там перекладина, вроде турничка... Записку вот... оставила.

Рябоконь трясущейся рукой протянул Дашуне четвертушку белого листа, на нем — знакомый почерк Элен:

«ПРОСТИ МЕНЯ, ПАПА.

Твоя дочь».

По осунувшемуся, резко постаревшему лицу Рябоконя текли слезы. Он неотрывно смотрел на Элен и глухо, бессильно шептал:

— Бог ты мой! За что? За что меня так наказали? Зачем ты это сделала, доченька? Для чего мне теперь жить? Ни мамы нет, ни тебя...

Кто-то из женщин дал трясущейся от нервного озноба Дашуне воды, накрыл труп Элен простыней.

* * *

Вскоре после того, как в «Пентагоне» узнали о преступлениях Асланова, а Рябоконь похоронил дочь, в институт из Москвы приехала военная комиссия Генерального штаба во главе с генерал-майором Жучковым. Особенно тяжелой критике подвергся полковник Рябоконь — и за утерю бдительности, и за чрезмерное доверие по отношению к своим подчиненным, и за неправомерное расширение связей с иностранцами. Да, рынок есть рынок, и военный институт должен сам себя кормить и зарабатывать средства на существование, но нельзя же при этом переходить грани...

Жучков в своем выступлении подытожил: генерал Торопов не справляется со служебными обязанностями, в институте ослаблена воспитательная работа среди офицеров, майор Асланов нанес громадный вред государству, который выражается в сотнях миллионов рублей. В институте не понимают происшедших в стране перемен, живут старым политическим багажом, интересы демократической России офицерам чужды. И это потому, считал Жучков, что во главе мощного военно-научного учреждения стоит человек консервативных взглядов, поддержавший в свое время государственных преступников

из ГКЧП, третировавший прогрессивно мыслящих ученых...

Вскоре пришел приказ: начальником института был назначен доктор технических наук генерал-майор Грушис, а генерал-лейтенант Торопов этим же приказом увольнялся со службы — в отставку.

Полковнику Рябоконю объявили выговор «за допущенную халатность», перевели на другую работу, а отдел радиолокационных станций расформировали — наработки по модернизации РЛС передали другому институту. «Стелс» пока что мог летать спокойно...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Наверное, кто-то специально позаботился о том, чтобы в камеру смертников, «одиночку», не доносилось никаких звуков, чтобы любая связь с внешним миром была прервана. Камера — в полуподвальном помещении следственного изолятора, единственное ее окно забрано толстыми стальными прутьями и непрозрачными квадратами стеклоблоков, оно — высоко, не дотянуться, да и какой смысл тянуться, все равно через него ничего не увидишь.

Рассветает в камере часам к восьми. Тогда гаснет электрический свет под потолком, глаза Асланова какое-то время привыкают к полумраку, постепенно он начинает различать шероховатые серые стены камеры, нацарапанные кем-то из предшественников последние слова — послания на волю, типа: «Как жил, так и подохнешь», или: «Не бойся — все там будем», крашеный, но потертый бесчисленными шагами приговоренных бетонный пол. После туалета и утреннего приема пищи Асланов обычно садился в угол, у двери, поджимал ноги и смотрел вверх, наблюдая, как очень медленно, незаметно, светлел прямоугольник окна, старался угадать, какая именно погода нынче за стенами тюрьмы. Солнечный день за минувшую эту неделю после приговора был лишь однажды, в камере стало как-то празднично, она не выглядела мрачной и убогой, тесной, меньше раздражал дурной запах параши.

Первые две ночи после приговора (дело Асланова рассматривала Военная коллегия Верховного суда России) он не спал, его трясло в диком нервном ознобе, он сидел на этом же самом месте, у двери, обхватив себя руками

и сунув клацающий рот в поднятые колени. Так было теплее. Конечно, все здесь, в тюрьме, знали, **к т о** сидит в этой камере. Асланов ловил на себе и сочувственные, и вполне равнодушные взгляды; с ним почти не разговаривали, не заговаривал и он: слова — любые! — были уже ни к чему, они ничего не значили и ничего бы, наверное, не смогли изменить в его судьбе.

На третьи сутки он наконец уснул тяжелым глубоким сном, но под утро его грубо разбудили, повели каким-то длинным мрачным коридором трое могучих охранников, и он безмолвно и послушно, в наручниках, шел между ними — наголо стриженный, в темной тюремной робе, понурый и безмолвный. Ему сказали, что его переводят в другую камеру, в той, прежней, все ж таки холодно, простудится еще. Асланов равнодушно слушал эти слова, ему было все равно, в какой камере сидеть, идти под пулю с насморком или без него. Он, правда, усомнился в искренности слов охранников, объявивших ему о причинах перевода, но ничего не спросил, да ему бы и не ответили. А потому просто шел по коридорам спящей тюрьмы под лязг открываемых и закрываемых дверей-решеток, привычно уже выполняя команды: «Стой...», «Вперед...», «Вправо»...

Они спустились по узким обшарпанным ступеням лестницы вниз, здесь совсем было глухо, и шагов, казалось, не стало слышно, а только стучало в их сбивчивый такт его собственное сердце. Он поверил, что его переводят в другую камеру, в тюрьме подобное случается, у начальства свои соображения, его, вероятно, хотят понадежнее спрятать. Теперь он даже сожалел о той, прежней, камере, там хоть изредка появлялось солнце и вообще присутствовал, жил дневной свет. И чего ради затеяло начальство этот перевод? Боится, что он, Асланов, сбежит? Через массивную стальную дверь со специальными, усиленными запорами?! Или подпилит прутья на окне?

Смешно.

Интересно, где сидят Валет с Зиной? Еще здесь, в Москве, или уже отправлены по этапу? Скорее всего здесь. Прошло ведь всего три дня после чтения приговора, Валета и Зину осудили на большие сроки, но жизнь им сохранили. Роберта Кингсли осудили на восемь лет, бравому американцу кукарекать теперь по советским лагерям долго. Ничего, пусть посидит. Пожил хорошо, богато, пусть похлебает теперь русской баланды... При-

знались во всем Валет с Зиной, показали, где утопили труп Раисы Петровны, рассказали, какие суммы платил им Асланов... Мерзавцы! Они будут жить, а вот он... За что его приговорили к смертной казни? За то, что помогал американской разведке, изменил Родине... Бог ты мой, сколько за эти последние годы было совершено измен его соотечественниками, сколько людей, считай, вся страна изменила сама себе, отказалась от прежних идеалов, стала жить по-другому, продавая и покупая все, что только можно. И он продавал — да, продавал, но в основном свое, собственное, им изобретенное, выношенное. За что же его так сурово наказали? Лишили жизни...

Жизнь... Вот она — в этом гулком каменном коридоре, с подслеповатыми светильниками на гладких крашеных стенах, в ровном спокойном дыхании охранников, идущих по бокам и сзади, их сильные руки у него под мышками, на сгибах локтей. Видно, думают, что он может вдруг рвануться, броситься куда-то в сторону, в глубину этого мрачного длинного коридора... Куда бежать, зачем?.. Да, это уже не жизнь — это последние часы существования. Асланов знал, читал когда-то, что последние мгновения смертников проходят в таких вот коридорах: откуда-то сверху, из потолка, стреляет в стриженую голову автоматический карабин, стоит только миновать глазок фотоэлемента. Но, кажется, его ведут не на казнь, да и не будет же фотопалач стрелять сейчас, когда он окружен со всех сторон охранниками!.. Впрочем, впереди новый узкий тамбур, и этот, справа, верзила, позевывая, сказал лениво: «Вперед...» А в узкий тамбур можно войти только по одному... Неужели здесь?

Асланов, которого по-прежнему трясло, вошел в тамбур, бросив затравленный взгляд на потолок, ища глазами отверстие для карабина, вздрогнул и послушно выполнил новую резкую команду: «Стой!» Ждал, пока охранник слева отпер серую железную дверь какого-то помещения, вошел в него первым. Помещение было небольшим, вчетвером им здесь тесно, и один из охранников остался стоять у двери, насмешливо, с нескрываемой радостью глядя на трясущегося Асланова — уж чего-чего, а сочувствия он к нему не испытывал.

Асланова подвели к стене, где стояло обычное с виду жесткое кресло с кожаными желтыми ремнями. Его усадили, пристегнули этими крепкими ремнями руки и ноги («Леня, фиксируй!» — деловито сказал при этом один из охранников напарнику, и тот умело выполнил несложную работу). Пристегнули и шею, Асланов чувствовал на шее шероховатый твердый ремень. Не шевельнуться теперь, не вырваться. Вот, оказывается, как это делается, вот они, последние минуты жизни!..

И все же он сделал жалкую попытку вырваться из смертных объятий этого железного, с кожаными ремнями кресла.

— Зачем?! Зачем это?! — истерично вскрикнул Асланов, пытаясь хотя бы привстать, но охранники по-прежнему ничего не отвечали на его вопросы — Асланову показалось, что это какие-то тюремные роботы, неживые существа, которые, кроме слов «Вперед», «Стоять», «Пошел», и не знают ничего, да им и не положено знать.

Он застонал, забился в истеричных конвульсиях, догадавшись наконец, что это за кресло, закричал по-звериному, страшно, но бесчувственных охранников это нисколько не тронуло. Они лишь снова проверили фиксацию, глянули на него как на предмет, такой же необходимый в этом помещении, как и само кресло и мокрая швабра в углу, вышли гуськом; щелкнула пружина замка, и в ту же секунду Асланов затылком ощутил сквознячок — сзади, над его головой, открылось какое-то маленькое окошко.

Окошка он не видел, так как не мог повернуть головы, но чувствовал, что оно есть, и там, за стеной, стоит человек — вооруженный человек. Дежурный офицер МВД, который получил приказ привести приговор в исполнение, видел перед собой в узком квадрате этого окошка только стриженый чей-то затылок и напрягшуюся багровую шею. Офицер не знал имени приговоренного и меры его вины, да это его и не интересовало. Туда, по ту сторону стены, приводят тех, кто заслужил исключительную меру наказания.

Офицер просунул в узкое окошко ствол табельного своего оружия — и выстрелил...

Асланов проснулся в холодном поту. Вскочил с узкой и жесткой койки, забегал босой по камере, и взъерошенная его тень заметалась по крашеному полу.

Пересохшие, сведенные судорогой губы исступленно повторяли:

— Жить!.. Жить!.. Жи-и-и-и-ить!..

* * *

ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
господину ЕЛЬЦИНУ Б. Н.

Уважаемый г-н Президент!

Я долго думал над тем, как именно написать Вам это письмо — письмо человека, приговоренного к смертной казни. Сначала я собирался рассказать Вам о себе, о своей жизни офицера, ставшего волей судьбы предателем, потом подумал, что скорее всего у Вас не будет времени и, наверное, желания читать мою исповедь. И я решил быть лаконичным, предельно правдивым, ибо правда — единственное мое оружие и защита.

Я не хочу сказать, что раньше, на предварительном следствии, на заседаниях Военной коллегии Верховного суда России я врал, сообщал судьям заведомо ложные сведения о мотивах моих преступлений, нет. Но у меня сложилось четкое убеждение, что и следователи, и судьи слышали только то, что хотели слышать.

Да, я совершил тягчайшее преступление, изменил Родине, Присяге. Я переступил грань, за которой, по сути, не мог уже быть советским гражданином. Приговор Военной коллегии справедливо отражает тяжесть моего преступления.

Однако теперь, когда я помещен в камеру смертников, меня мучает чувство несправедливости — мотивы моего преступления перед Родиной названы неправильно. И на суде и на следствии я показывал и старался также доказать членам Военной коллегии, что истинными причинами моего преступления были не враждебные отношения к государственному строю, не стремление нанести ущерб обороноспособности нашей страны, но прежде всего тяжелое материальное положение, в котором я оказался. Были, разумеется, субъективные причины этого положения (я дважды развелся, платил алименты), но при всем при том полагаю, я вправе сказать и о низкой оплате труда военного инженера, связанного с наукой, офицера Советской Армии. Если выразиться точнее, то оплата эта неадекватна той отдаче, пользе, которую, считаю, я приносил Родине. И, поверьте на слово, г-н Президент, это мешало жить и спокойно думать о технических проблемах, заставляло меня, офицера, искать пути моральной и материальной компенсации собственного интеллектуального вклада в дело укрепления обороноспособности нашей страны.

Полагаю, что в наше время, когда рыночные отношения занимают все более прочное место во всех сферах экономики, когда во весь голос говорят о правах человека, в том числе и на интеллектуальную собственность, я, как гражданин и научный сотрудник военного института, тоже был вправе задать себе вопрос: а что же моего, лично моего вложено в государственную оборонную копилку и почему я не чувствую во взаимоотношениях с государством взаимного интереса? Более того, почти все годы службы в военном институте меня не оставляло стойкое ощущение несправедливости «научной» системы выжимания пота, вооруженной коммунистической идеей — «раньше думай о Родине, а потом о себе...». Как будто Родина, государство не состоят и из моего «я», а это нечто большее, недоступное моему пониманию и моего «я» туда не включающее. Абсурд! Убежден, что власти правильнее, честнее было бы говорить народу: «Думай в первую очередь о себе, ибо в таком случае мы все будем сильнее и богаче». Имеем же мы на сегодняшний день обратное — крах социализма — и доказывать это мне совершенно не нужно.

Борис Николаевич! Одним из важнейших мотивов своего военного преступления я считаю резкое неприятие политики бывшей теперь правящей партии, КПСС, членом которой я, так же как и Вы, состоял много лет, с идеологией которой боролся доступными мне методами и средствами. Конечно, легко меня сейчас упрекнуть и в этом «двойном предательстве», в двурушничестве и приспособленчестве. Чего проще! Но Вы, г-н Президент, — бывший коммунист и крупный партийный работник, — отлично знаете, как было тяжело выбраться из густых партийных сетей, как сложно было сказать правдивое слово, как непросто переступить грань, отделяющую тебя — зависимого, опутанного мертвыми уже коммунистическими догматами «партийца» — от состояния истинно свободного человека. Да если эту грань предстоит перешагнуть человеку в погонах, офицеру Советской Армии, давшему в свое время Присягу. Как я завидовал лично Вам, г-н Президент, и многим другим мужественным людям, бросившим свои партийные билеты первыми, вызвавшими на себя яростный огонь критики злобных консерваторов, этих цепных псов коммунизма, как я Вам благодарен за те силы, которые Вы дали мне своим поступком — выходом из партии! А затем и Указом о де-

партизации, запрещении деятельности КПСС в государственных структурах, в том числе и у нас, в армии! Это был поистине праздничный для меня день! Такой многолетний груз пал с моей души...

Праздником для меня были и те часы, которые я провел на баррикадах у Белого дома в дни августовского коммунистического путча 19—21 августа 1991 года (свидетели моего участия в сопротивлении этому путчу имеются). Я разделял и поныне разделяю Вашу смелую государственную политику, я желал и желаю, чтобы моя Родина, Россия-мать, была счастливой и независимой страной, чтобы Ваш голос, г-н Президент, слышал весь мир, чтобы о Вашем личном мужестве знало как можно больше людей. И потому я поднялся на крышу Белого дома, помогал коллегам устанавливать там телепередатчик, налаживать связь. Я горжусь Вами, Борис Николаевич, и буду гордиться до самого последнего вздоха своей непутевой жизни!

Да, я виноват перед Родиной и перед Вами лично, г-н Президент. Я был связан с американской разведкой, я передавал ей некоторые сведения оборонного характера. Но к материальным моим интересам примешивался еще один, может быть, и главный: я считал и считаю, что вносил свой вклад в дело всеобщего разоружения. Понимаю, что у Вас, г-н Президент, это заявление может вызвать саркастическую, возможно, даже и брезгливую усмешку, но поверьте, придет время, когда мое «предательство» назовут другими словами. Ведь называли же в свое время инакомыслящих также «предателями Родины», сажали их в тюрьмы, высылали из страны. Они «предавали» идеи, идеологию общественно-политического устройства страны. Я «предал» технические идеи. Но это идеи — гонки вооружений. А я, как и миллионы людей на земле, не желаю этой гонки. Путь для достижения этой цели, который я выбрал, не из достойных, разумеется, но лучшего я не смог найти.

Гонка вооружений, нарастающее военное противостояние двух великих государств в наше время — это нравственный и технический тупик. Создаются горы оружия, которые не могут быть применены, создаются и совершенствуются оборонные, наступательные системы — зачем? Американцы создают свой самолет-невидимку, мы — радиолокационные станции, которые его обнаруживают. И с той и с другой стороны — миллиардные расходы, взлет, высочайший взлет технического интеллекта, война интеллектов, но опять же — зачем? Америка ушла вперед, надо признать за ней право приоритета, по-хорошему ей позавидовать. И только. Америка всегда теперь будет самой сильной и богатой державой, надо это понять и признать. И надо стараться жить с ней в мире и дружбе.

Когда я это понял, я сказал себе: «Асланов, делай все, что можешь, чтобы приостановить гонку за собственной смертью. Пусть даже это тебе станет слишком дорого...»

Мое «предательство» — это своеобразный протест против той системы, в которой не было места здравому смыслу и нормальной человеческой жизни. С юридической, правовой точки зрения — да, я преступник, я должен быть наказан очень сурово, но я еще и человек, живший в определенное время, я — дитя этого времени, его продукт. А «детям» так сложно во всем разобраться...

Уважаемый г-н Президент! Прошу Вас — будьте великодушны. Сжальтесь надо мной, вероятно, заблудившимся в своих умозаключениях и поступках. Я еще молод и думаю, что буду полезен своему народу. Я много думал, многое пересмотрел в своей прошлой жизни и оцениваю ее по-другому. Жаль, не имею возможности начать все сначала.

Борис Николаевич! Вы — первый наш российский Президент, Вы многое сделали для России и, уверен, еще больше сделаете. Народ всегда будет помнить Вас с благодарностью. И дайте возможность — умоляю Вас! — еще одному человеку долгие годы помнить о Вас и молиться о Вашем здоровье!

На коленях прошу Вас, г-н Президент, сохраните мне жизнь!

Тимур Асланов,
бывший офицер Советской Армии

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Окно домашнего кабинета Торопова — большое, чисто промытое — смотрит на купола нарядной пятиглавой церкви. В солнечную погоду купола сверкают позолотой, радуют глаз.

Сразу после войны церковь взялись восстанавливать, но ремонт шел медленно, и лишь в середине семидесятых годов она стала приобретать свой первозданный вид.

Церковь маячила перед глазами генерала Торопова лет пятнадцать, с тех пор как он поселился в этом доме. Раньше он поглядывал на нее весьма равнодушно, как на принадлежность пейзажа, да и купола ее не вызывали в нем никаких чувств — стоит и стоит себе старинное здание. С малых лет он был неверующим, атеистом, со школьных лет впитал неприятие всего церковного, многотрудная его творческая жизнь, будто скорый поезд, вихрем промчалась и мимо этих куполов, и мимо всего того, что связано с Богом. Торопов жил другими интересами, он создавал оружие, с помощью которого уничтожают людей. И преуспел в этом. Его труд, его ум и знания были нужны Родине и государству, его ценили и берегли, ему дали возможность реализовать себя — и на рядовых, и на руководящих должностях. Он был профессиональным военным и ученым, чувствовал себя уверенно, надежно. Во всяком случае, возглавлять институт он собирался еще долго, и от этого, Торопов был убежден, была бы польза для всех — для армии и для государства, а также для всех тех, с кем он прослужил здесь многие годы. В Городе-на-Дону знали, что здесь сосредоточены лучшие ученые умы военной науки, что эти умы денно и нощно заботятся об укреплении и процветании армии-защитницы, что напряженный и тщательно оберегаемый труд многочисленных этих полковников и подполковников идет на пользу и благо всему народу, да и всему миру. Ибо лозунг «Хочешь мира, готовься к войне» был хорошо известен каждому, он цементировал политику, он понуждал армии практически всех стран беспрерывно совершенствовать свое вооружение, изощряться в изобретении новых видов оружия. И это тоже было естественно и всем понятно, ибо только сила могла сдержать другую силу. Лучше многих понимал эту аксиому доктор технических наук Торопов, сам эти силы создающий. Но грянул апрель восемьдесят пятого, что-то неуловимо стало меняться в самой атмосфере общечеловеческого житья, заговорили об армиях, о тех самых силах, которые балансировали на грани войны и мира, и Торопов забеспокоился. «Да, расходы на оборону действительно очень велики, их надо уменьшать, но не путем развала армии, огульного охаивания ее авторитета. Преступно разгонять давно сформированные трудовые коллективы военно-промышленного комплекса. Их нужно реформировать, используя для мирных целей. «Оккупанты»! «Дармоеды!» Каких только оскорблений не услышит теперь в свой адрес защитница народа! И сколько сил потратили грязные политиканы, чтобы вбить клин между армией и народом! Сволочи и подонки!»

А в общем-то, политика — не его стезя, в глубине души он ненавидел политиков, потому что они вынудили его, еще не старого и здорового, сидеть теперь дома, смотреть в окно, на эту нарядную церквушку, и философствовать. И разве мог он тогда, в августе девяносто первого года, не поддержать ГКЧП! Эти люди хотели вернуть ему, Торопову, уверенность в завтрашнем дне, и он вполне искренне поделился со своими офицерами радостью — бардак в стране теперь будет прекращен.

Бардак не прекратился и поныне. Вот уже не стало СССР, гибнет Россия, в республиках полыхают костры гражданской войны. И руки боевиков тянутся уже к пусковым кнопкам ракетных установок, к тому самому оружию, которое создавалось и в стенах его, тороповского, института. Это страшно. Ибо людская ненависть не знает границ.

Ольга тихонько вошла в кабинет и спросила, будет ли он обедать. Торопов кивнул и отложил в сторону журнал «Военное обозрение». В журнальной передовице он только что прочитал о том, что американцы заняты разработкой новых вооружений, надо думать, они с ухмылкой воспринимают все, что происходит в России, американцам это на руку. Все! И волюнтаристское решение по уничтожению ракет, принятое Горбачевым и Шеварднадзе, и развал Союза, и расчленение некогда могущественной армии, и кровь на развалинах Степанакерта и на берегах Днестра, и даже увольнение его, Торопова, из армии... Все ж таки он, как начальник института, всегда поддерживал полковника Рябоконя в его работе по созданию радиолокационной станции. Что теперь будет со «Стелсом»? Станет беспрепятственно летать над просторами России. Похоже, что так. Тогда в чем логика так называемой «перестройки»? В чем ее смысл? Хитро, по-предательски парализовать одно государство, разрушить его основы и сдать его, подчинить другому? Тот самый бескровный вариант порабощения, о котором тайно и явно мечтали за океаном?..

Зазвонил телефон. Кто это, интересно, вспомнил о нем, Торопове, кому он еще нужен?

Звонил Кирсанов из Москвы. Торопов сразу узнал его хрипловатый напористый голос: «Приветствую тебя, Сергей Владимирович».

Торопов ответил Кирсанову и сразу вдруг ощутил себя в рабочем кабинете, в генеральском мундире, внутренне подобрался, зная наперед, как именно нужно разговаривать с Генеральным конструктором ракетных систем, Героем Социалистического Труда и член-кором Академии наук: Кирсанов не должен почувствовать его меланхолического настроения.

Кирсанов пока что оставался на своем посту, к его слову еще прислушивались в правительстве, он кое-что еще значил в руководящих кругах военно-промышленного комплекса.

— Я совсем недавно узнал, что тебя сняли, Сергей Владимирович, — говорил Кирсанов. — Почти месяц был я на полигоне, следил только за последними событиями в стране по газетам да по радио. Телевизор смотреть не могу. Теперь они лет двадцать будут талдычить своим слушателям, что в разрухе виноваты большевики, и ни у кого из них не повернется язык честно признать, что при коммунистах намного жили лучше.

— Новая власть, новые песни, — вставил Торопов со вздохом. — Всегда так было.

— И мы покорно и безропотно этой власти подчиняемся, — с иронией сказал Кирсанов.

— Ну, подчиняться теперь тебе, Андрей Васильевич, ты пока что работаешь. А нам, пенсионерам...

— Да брось ты отходную петь! — крикнул Кирсанов. — Тоже мне — генерал! Вон, посмотри на Макашова: на митинги ходит, с народом общается, не забыл, что он русский человек.

— В новые «гэкачеписты» я не гожусь, — невесело хохотнул Торопов.

— А в «гэкачеписты» нас с тобой никто и не зовет. Это как раз то, что не нужно делать. Наивно и недальновидно. И без учета настроений народа. Разум и воля — вот что победит. Просто их нужно объединить... Ладно, агитацией я заниматься не собираюсь. Ты сейчас смят, Сергей, я понимаю.

— Да не смят, — возразил Торопов. — Растерян, может быть. Так все неожиданно получилось. Вызвали вдруг, сказали... Теперь — пенсионер.

— Кому дела сдал?

— Грушису.

— А... Понятно. «Прораб перестройки»! Возился ты с ним, возился и теперь сам не у дел.

— Да, именно так, — согласился Торопов. — Тут, правда, у меня шпионы всякие завелись. Это со «Стелсом» связано. Нашли повод от меня избавиться.

— Понятно. Был бы человек, а статью из Уголовного кодекса подобрать всегда можно.

— Ну, судить меня, надеюсь, не будут.

— Судить нас с тобой народ будет, — вздохнул Кирсанов. — По самой высшей мере. Вообще всех тех, кто у власти стоит. Куда повели, каким путем?! Благо и лучшую жизнь все обещают, а вот реализовать обещания на практике... М-да... Ладно, Сергей Владимирович, не обижайся на меня. Ты знаешь, я человек прямой, что говорю, то и думаю, разночтений нет. Носа не вешай — борьба еще не окончена. На русских многие собирались ездить, да плохо потом все это кончалось. Мы терпим-терпим, а потом...

Они попрощались — два давних соратника, два крупных ученых некогда могущественного Союза, много лет отдавшие укреплению обороноспособности страны, создавшие для нее и ради нее оружие мирового класса. Им было чем гордиться и что вспоминать...

— Никак не дозовусь тебя к столу. — В кабинет вошла жена Ольга.

— Да, я вот поговорил сейчас с хорошим человеком и словно бы наелся. Сейчас не желудок пищу просит, а душа... сосет, изголодалась... — жалуясь, оправдался Торопов.

— А ты не переживай. Все еще образуется, — сказала Ольга и положила руки на плечи мужа.

— Сережа, я все спросить у тебя хочу: а что с этим... как его? С Аслановым? Это тот, который с американцами спутался.

Торопов тяжело вздохнул, взглянул на жену измученным, незнакомым каким-то взглядом и обронил печально:

— Да что... Помиловали мерзавца. Борис Николаевич пожалел... Выпустили из тюрьмы да еще должность в нашем институте дали... повыше прежней.

●



Арсений КОНЕЦКИЙ

СВИДАНИЕ

* * *

Безоглядно влюбленный в удачу,
Как в расцветшее солнце в росе,
Я свидание наше назначу
В стороне от зеркальных шоссе.

Скоростной амальгамой асфальта
Искажается облик и жест,
Только рокот шмелиного альта
Приглушает ревущую жесть.

В соввом княжестве дикого мака
Никогда не визжат тормоза:
Безо всякого вздорного знака
Заглядимся друг другу в глаза.

Оттого и влюблен я в удачу,
В острогрудую летнюю мглу,
Оттого и в бессилии плачу,
Заключенный в медвежьем углу.

Но, минуя пространство, вплотную
Ты мерцаешь в дыханье моем,
И не раз еще в бездну святую
Мы сорвемся вдвоем...

* * *

Я — страсти твоей самозванец:
И взмах одичавших ресниц,
И этот пугливый румянец
Я выбрал из тысячи лиц.

Пускай над безумием торга
В зените кружит пустельга,

Но смята в ладонях восторга
Одежд кружевная фольга.

Шепча перелетную тайну,
Губами к запястью прильну
И ниткой коралловой стану,
Вдоль пальцев плеская волну.

И пальцев взволнованный табор,
Кочуя к двуострию гор,
Свободным твой сделает выбор,
Коварный ведя разговор.

И древних кочевий приметы
Проявятся из темноты:
В бездомные эти рассветы
Мне будешь отчизною — ты...

* * *

На кухоньке с мышами юркими
Вся жизнь моя преобразилась:
В узорной чашечке с окурками
Ночное небо отразилось.

Она вошла, и дверь скрипучая
Не скрипнула — пылинкой лунною
Скользнула в тень звезда летучая,
Как уголек в плиту чугунную.

И с той поры воображение
Все длит и длит молитву эту —
Упрятанное в шелк скольжение
Волшебных ножек по паркету.

Но поцелуями не вымерить
Святую высоту падения,
Когда возможно душу вывернуть
Для нового перерождения...

ЧЕРДАК

Разворошив чердачный мрак худыми чахлыми лучами,
Торчащими из фонаря поверх копченого стекла,
Я унижать себя не стал вкруг-да-окольными речами,
Я обижать тебя не дал ветрам, скулящим из угла.
Ах! этот старенький чердак, содружество жуков и пыли,
Бревенчатый дворец, ларец, хранящий золото колец
Древесных годовых и тех, что пальцы так ласкать любили
На детских локонах твоих... Сухая мята и чебрец

Щемящим запахом густым дурманили медовый вечер,
И серебристый паучок нас вплел в продавленный лежак,
И дотлевающий фитиль нагую тень швырнул за плечи:
Молчи! ни слова о любви, когда понятно все и так.

г. Екатеринбург

Марина РОВНЕР

* * *

Все то же, как будто — на бедра налипшие крошки,
И полдень, тяжелый и круглый, в мирке беспризорном,
Где мокрое яблоко пыль собирает с дорожки,
И солнце взрывает сухие, горячие зерна.

Смоковницы запах все так же густеет на сломе.
И к небу — пока мы стояли — мы не были ближе,
«Жена!» — позовешь ты огромным и медленным словом,
И я этот мир первый раз неумело узнжу.

* * *

Мы с тобой проживаем этот нищий, захлопнутый мир,
Где легко поднимаются к небу лишь ссоры и дети.
Где во здравие и упокой обязателен пир.
И у горя любого найдется дотошный свидетель.

Нас прославят. Забудут. Найдут. И спалят на свече.
И шершавая шкура эпохи начнет осыпаться.
А я буду опять засыпать у тебя на плече,
И ты будешь опять на груди у меня просыпаться.

И мы все проживем. Я ни разу тебе не совру.
И ты будешь писать. А я буду готовить пытаться.
И я буду любить тебя — даже когда я умру.
И мне будет позволено в доме с тобою остаться.

А ты быстро устанешь в чужой, поминальной возне.
И напутаешь все. И чужие за свечи заплатят.
И в углу прикорнешь. И заплачешь тихонько во сне.
И уткнешься лицом в мое старое, теплое платье.

* * *

Сквозь осень, как сквозь сон — наискосок —
Под тонкий звон аллеи медной сбруи,
Пусть с пальцев мне орехов спелый сок
Сотрут сухие листопада струи.

И воздух будет горек и упруг.
Прозрачны дней разыгранные темы.
И запотеет от дыханья рук
Скрипящий влажно шарик хризантемы.

ДОМ

Обернешься с порога — а ты здесь как будто и не был:
Только мусор горит, только жизнь нестерпимо болит,
Только кем-то придумано вязкое, низкое небо
Для голодных старух в бездомных собачьих молитв.

Только выбрано кем-то неверное, тесное время.
Только мертвые молча со стен исподлобья глядят.
Только плачет младенец. Истертое звякает стремя.
И древесные тесные кольца на плахах гудят.

Запылит под колесами прахом тяжелым дорога.
И подкову твою голодранец на счастье возьмет.
Только брось эту землю — с трудом обернешься с порога,
И забвенье вплотную угрюмо к тебе подойдет.

г. Кишинев

Игорь ТЮЛЕНЕВ

СВЕЧА

* * *

По небу белый голубь пролетит —
На древо жизни сядет черный ворон.
Опять земля в огне хмельном горит,
И старый стяг рукой кровавой сорван.

— Мы победим! — я слышу слева крик.
—. Мы победим! — доносит ветер справа...
Мир, на костях стоящий, — невелик,
И призрачен, как верность жен и слава.

* * *

Россия, ты не стала Беловодьем,
Мужицкою счастливою страной.
У тройки-птицы лопнули поводья,
А ямщика увел в овраг конвой.

Итоги твоей вольности плачевны, —
От деревень остался стыд и мрак.
Без Сивки-Бурки, печки и царевны
Не стал умнее на Руси дурак.

* * *

В небо крик, словно крик в полынью,
Не услышит ни рыба, ни птица,
На просторе великом стою —
В Бога верящий сын коммуниста.

Где твои затерялись следы,
Батя! Помню отцовскую порку:
— Ни к кому на поклон не ходи,
Не склоняйся ни к овну, ни к волку.

Вот стою, и кудрями трясет
Тень моя на щите Цареграда:
— За шеломянем русский народ! —
Я скажу, как мой тезка когда-то.

* * *

Есть дочка, мед и молоко,
Краюха хлеба и чернила,
Есть синь небесная, окно,
Чтоб по ночам луна входила.

Есть в небе стая журавлей,
Живая райская водица,
Есть злоба черная людей —
Ей смог бы дьявол подавиться.

Но есть и Господу свеча.
Как яблони, белены храмы,
Где может грешник не спеша
Перекрестить свой лоб хотя бы.

г. Пермь



Ш. РУСАКОВ

ОТ РУСОФОБИИ К ЕВРАЗИЙСТВУ

(Куда ведет гумилевщина?)

В своей публицистике последних лет Л. Н. Гумилев совершенно откровенно подталкивал нас к некой фазе совместимости, начиная, впрочем, совсем издалека: «если мы сумеем — сохранить, сумеем восстановить традицию терпимых, уважительных отношений к формам жизни близких нам народов — все эти народы останутся в пределах этой целостности». О какой целостности идет речь? О «русском супер-этносе», который, помимо «великорусского этноса», включает еще «этносы близких нам народов». В каком смысле близких и насколько близких, не уточняется. Вообще-то внутренняя логика гумилевского определения этноса предполагает, что «пассионарность» * последнего далеко не в последнюю очередь определяется его генетической помехоустойчивостью, а следовательно, и несмешиваемостью (или малосмешиваемостью) при контактах с другими «этносами».

Культурно-религиозным и вообще социальным аспектам межнациональных отношений в «этнической истории» Л. Н. Гумилев особого значения не придавал. О какой же «терпимости» вел он речь? Противоречил ли он здесь сам себе? Отнюдь. Он просто замалчивал в публицистике свои представления о процессе рождения народа, отсылая нас в случае необходимости к своей мистически исходной «смеси» и «пассионарному толчку». Причем деликатно обходил вопрос, в какой роли, «пассионарной» или «субпассионарной», выступает каждый этнос и субэтнос, входящий в новую «смесь». Великорусский «этнос» находится сейчас, по Гумилеву, «в конце фазы надлома — климаксе», после которого даже при благоприятном развитии событий ему может быть обеспечено не более чем несколько столетий спокойного «умирания». Таким образом, родить новый супер-этнос или перевернуть этнические роли в многонациональной «химере» на месте бывшего СССР он, разумеется, «пассионарно» не способен. Но нам, горемычным, не следует забывать, что в «русский(?) супер-этнос» входит (по крайней мере, «в глазах Запада») «все наше множество евразийских народов». А среди «наших» и «близких нам» евразийских народов, проживавших на территории бывшей царской импе-

* «Пассионарность» — термин, придуманный Л. Н. Гумилевым для объяснения процессов этнического развития, положенный в основу его «теории этногенеза».

рии, вполне могут оказаться и весьма «пассионарные» особи, Гумилев для виду поискал и нашел!

«Новая русская этническая целостность» — результат толчка XIII века в «Белоруссии» (?), то есть «в Вильно». Современный нам «еврейский (?) этнос» возник тоже, оказывается, из толчка XIII века в «Белоруссии». Сам Л. Н. Гумилев был уверен, что последний получил свой толчок напрямую, но его ученики допускают, что это был вторичный, половой толчок от литовцев и поляков. Сия деталь, очевидно, достаточно важна. Ведь, как уверяют нас гумилевичи, «когда смотришь на лидеров хасидского движения (духовных предтеч современного сионизма. — Ш. Р.), на их антропологический тип — это типичный белорусский (?) антропологический тип». Что вытекает из приведенных заявлений для уже освоивших азы гумилевщины и пытающихся мыслить логически? Великороссов на тот момент не существовало. Конечно, можно вообразить, что под «Белорусский» космический хлыст попал гостивший в тех местах ограниченный контингент дружественных татаро-монгольских войск. Тогда все становится на свои места, и в зачатии как «Великорусского этноса», так и «новой русской этнической целостности» мы можем обойтись без поляков, литовцев и даже без «еврейского этноса», а лишь силами самых «пассионарных» на тот период среди гумилевских «великороссов» татаро-монголов. Мы даже можем потешить свою «славянскую» гордость и вообразить, что в XIII веке именно «славяне» «пассионарно» оплодотворяли татаро-монголов и угро-финнов, а также «политически и морально» их «покоряли» своими этническими колебаниями. Но посмотрим на процесс в исторической динамике. С позиций сегодняшнего дня, не первостепенно важно, кто, татаро-монголы или «славяне», был «пассионарнее» в «Великорусском этносе» на момент зачатия. Важно то, что «Великорусский этнос» и «еврейский этнос» получили в одном месте и в одно время «пассионарный» толчок. Важно также то, что там, где всякие «славяне», татары и прочие угро-финны быстро растеряли на протяжении восьми веков свою «пассионарность», «гармоничные (!) восточноевропейские евреи» поднялись до положения ведущего и самого «пассионарного» этноса мирового «еврейского супер-этноса»; попутно сделали «русскую революцию» (за что их никак нельзя винить, так как «пассионарность» у них в одном месте так и играла, а «Великорусский этнос» к тому времени и без них уже почти полностью разложился по законам энергетической энтропии); выработали и развили принципы сионизма; внесли решающий вклад в создание государства Израиль; и даже продержали столько лет, сколько нужно было, «химеру СССР», полностью соответствовавшую в глазах новейших теоретиков «химере Хазарского каганата». По Л. Н. Гумилеву, «химерой» обозначается такое государственно-территориальное устройство, когда два этноса, принадлежащих к разным супер-этносам, живут «в одном ареале, как бы пронизывая друг друга».

Встает естественный вопрос, входит ли наш «еврейский этнос», помимо мирового «еврейского супер-этноса», во «все наше множество евразийских народов» или, что то же самое, в «русский супер-этнос»? Судя по всему, просто не может не входить. Тем более что мировой «еврейский супер-этнос» — это что-то не ландшафтное, а «антропогенное» и потому природно-географическому единству не должен слишком мешать. Гумилевичи очень кстати сообщают нам, что «евреи», оказывается, ныне такое же широкое понятие, «как Запад». Тут полезно вспомнить и иные их заявления, позволяющие серьезно усомниться в том, была ли вообще Белая Русь частью Древней Руси, а не творением «пассионарно» разбушевавшихся литовцев, поляков и «евреев» *. Таким образом, «новейшая история» уже практически подобралась к установлению изначального родства «евреев» и «Великороссов». Оговорюсь, что лично мне не попадались тексты, в которых бы Л. Н. Гумилев публично дал ответ на поставленный выше вопрос. Но у нас и у самих «суб-пассионарные» головы хоть немного, но соображают. «Евреи» или хазары **, жившие с нами бок о бок около полутора тысяч лет, составляли накануне революции **третий по величине народ Российской империи** (после Великороссов и Малороссов, но перед Бялороссами). Пошедший после революции бурными темпами процесс превращения Бриллиантов в Стекловых несколько затушевал в массовом сознании реальную картину, но крах «химеры» СССР, видимо, свидетельствует, что попытка принятия «пассионарными» хазарами ритмических колебаний «суб-пассионарных» Великороссов была ошибкой.

Отчасти, впрочем, цель была достигнута. Юдофильский бывший партийный журнал «Новое Время» в номере 3 за 1992 год, несколько нагнетая атмосферу и преувеличивая, сообщал, что если «доля еврейской (?) крови по линии матери достаточна, чтобы быть зачисленным в евреи, — **более половины населения России** может стать объектом притеснений и даже погромов со стороны черносотенных банд». Мы далеки от того, чтобы разделять чисто физиологический («по крови») или, иными словами, чисто гумилевский подход «Нового Времени». Вместе с тем нельзя не заметить, что по крайней мере в миллионах российских семей, говорящих по-русски, дети продолжают воспитываться в традициях, очень сильно отличающихся от тех, которые мы привыкли считать русскими и которые значительно ближе традициям иудаистским.

И вот здесь, согласно общим принципам гумилевщины, возникает возможность для новой и на этот раз «научно обоснованной» попытки создания нового ландшафтного «супер-этноса». «Великорусский этнос» на излете. До максимальных 1200—1500 лет доживать ему, по теории, совсем не обязательно. «Пассионарные евреи» и значительная часть русских, несущих в своей генетике мощный «пассионарный» заряд «жидов — хазар», находятся в приличной (видимо, «законсервированной» антропогенным городским ландшафтом) форме. «Химера» СССР рассыпалась, но жить вместе все

* Если следовать гумилевщине, известные древнегреческим и древнеримским авторам Борусы и Боряне к значительно более позднему наименованию Белая Русь отношения иметь не должны.

** Иудей, или в традиционном русском просторечии — жид, отличается от еврея тем, что, исповедуя (культово или в народных обычаях) так же, как и последний, агрессивно-индивидуалистические постулаты иудаизма, не знает языка государства Израиль — иврита, который и является единственным неабсурдным основанием для национально-языкового определения «еврей». Вместе с тем, жид может знать национальный язык другого жидовского этноса, входящего в мировой «жидовский супер-этнос». Например, жид может прозываться хазарином, если знает в значительной степени утерянный древний хазарский язык. Он может быть просто восточноевропейским жидом, если говорит на искусственном немецко-хазарском диалекте — идиш. А может быть и русским, если говорит только на русском языке и входит в «новую русскую этническую целостность».

равно придется. Правительство Российской Федерации взяло курс на интеграцию с Западом, что по сильно упрощенным, но в целом верным представлениям гумилевичей почти то же, что и интеграция с мировым «еврейским супер-этносом». Израильские фирмы и транснациональный еврейский капитал уже не только прибирают к рукам российскую торговлю и экономику, но и «садятся» на российскую землю. Приобретают, так сказать, «ландшафтный параметр». Теперь главное — не перепутать свои этнические колебания и чужие и начать в создавшемся на просторах России «суб-пассионарном» вакууме «политически и морально покорять» суб-пассионарный элемент своими собственными «еврейскими» «пассионарными» ритмами. А уж «Бейтар» в этом поможет! Конечно, учитывая очевидное несовпадение ритмов, процесс ассимиляции «суб-пассионарных» Великороссов в мировой жидовский супер-этнос может занять очень долгий срок, но никакой «научно обоснованной» альтернативы у Великороссов, делящих с «пассионарным еврейским этносом» одну этногенную территорию, не остается. «Пассионарности» не хватит. Если не проявят рекомендованных Л. Н. Гумилевым «терпимости и уважительного отношения», то окажутся на положении озлобленных и тратящих впустую остатки своей «пассионарности» палестинцев, стреляющих камешками из рогаток по израильским автоматчикам.

В политической жизни современной нам Российской Федерации возникает в лице возрождающегося вольного казачества мощная военно-политическая сила, которая может, по-простому говоря, начхать на «пассионарно-этнические» табели о рангах и испортить «пассионарному» масонству и еврейству все планы. Вот ведь забота на «пассионарные» головы. Даже американское ЦРУ забеспокоилось. Создались, как сказали бы марксисты, общественно-политические предпосылки для появления и пропагандирования гениальных открытий. И тут Л. Н. Гумилев в своих публицистических откровениях роняет, что часть хазар в долине Дона еще в период русско-хазарских вооруженных конфликтов приняла чисто русское наименование «бродники», а потом и вовсе окунулась с головой в русский язык и Православие и превратилась в казаков. Хазарин — Козарин — Козак! На первый взгляд это может даже показаться правдоподобным. Тем более что подобные мнения высказывались еще в прошлом веке. Вслед за первым замешательством, впрочем, возникает жгучее желание установить, в каком этническом родстве с казаками находятся казахи. Может быть, мы сможем тогда вывести происхождение казаков не от иудеев, а от потомков воинов Чингисхана, что субъективно представляется все-таки более почетным. Не отвергая в принципе семантологический метод исследования в исторической науке, следует все же помнить о его малой надежности. Народы заимствуют друг у друга слова, имена, искажая при этом и те и другие. Причем трудно иногда с уверенностью сказать, кто у кого заимствовал и когда произошло заимствование. 2000 или 200 лет назад*. В качестве альтернативной гипотезы про-

* Существуют также способные легко ввести в заблуждение «коллизии» внешних наименований разных народов, произведенные с виду от одного семантического корня, но в разные эпохи. Например, живших в степи Русов называли полянами, а пришедших туда спустя много веков тюрков-кочевников (когда наименование поляне уже стало историческим) назвали весьма похоже — половцы. Впрочем, последних можно «вывести» не только от «поля», но и от их обычного занятия — брать «в полон».

исхождения наименования казак мы можем упомянуть мнение знатока народного фольклора, казацкого историка Ю. П. Миролюбова, который был уверен, что это слово означало (конный) Азар — Озар — Озак или носитель дерзости и славы прародины народа Русь — былинной «земли Озарьской». Во французском языке (вспомним скифские корни галлов) прилагательное «озе» до сих пор означает отважный, дерзновенный, смелый. В русском языке остались слова «озорной, озорничать». Еще один внушительный аргумент дают нам этруски, в не столь уж отдаленном родстве которых с Древней Русью многие историки не сомневаются. Первые императоры Рима — этнические этруски позаботились о том, чтобы их почетный национальный титул «айзар» привился в римской государственности и дал рождение царскому латинскому титулу «цезарь». В общем, значение «дерзкий и славный», мне кажется, лучше ложится в контекст самонаименования наиболее известных в Европе профессиональных воинов, чем национальное имя хазар, в военном отношении себя в истории никак не прославивших и даже постаравшихся забыть собственное имя сразу после разгрома хазарского государства*.

Помимо проведенной семантической гипотезы, существуют и более мощные доказательства подавляюще русского происхождения казачества. Это отнюдь не официозная Православная вера, которую саму по себе легко мог принять после X века любой пришлый народ. Существуют подробные описания повсеместно распространенной среди донского казачества еще в начале нашего века древней, так называемой «языческой» религии Русов — ведийцев, с ее отнюдь не тюркским богом Сварогом. Этой религии как минимум четыре тысячи лет, и я полагаю невероятным, чтобы убежденные иудеи тюркского происхождения — хазары, сумели в эпоху жестокого преследования «язычества» постигнуть существо и сложную обрядность этой передаваемой только среди своих и чуждой им религии и затем с упрямством и дерзостью законных наследников пронести ее под преследованиями власти тысячу лет. Вместе с тем с учетом всего вышеизложенного я не стану в запальчивости отвергать принципиальную возможность ассимиляции казачеством достойных индивидуумов и небольших групп крещеных хазар. Кого только не ассимилировали казаки, так же как и весь русский народ. Надо только не грешить против очевидности и уточнить, что основную массу казаков всегда составляли этниче-

* То, с какой легкостью хазары отказались от этого имени, свидетельствует, что оно было скорее всего не их собственным древним самонаименованием. С учетом традиционной хазарской хитрости и хамелеонства можно предположить, что они сознательно использовали в своей колониальной экспансии очередное «временное» имя и вводили тем самым в замешательство русские племена, принимавшие их поначалу за неизвестных родственников козаров-козаков, то есть за этнически близкие племена. Этому же эффекту могла способствовать и служба некоторых «бродников» в гвардии хазарского хакана. Если же говорить о том, какой собственный семантический след оставили хазары, то можно сослаться на мнение, что хазары подарили русскому языку одно важное слово, а именно Хозяин-Хозарии. То, что хазары прекрасно разбирались в вопросах бизнеса, юго-восточные и южные племена Древней Руси познали на своей шкуре в течение почти двухсотлетней колониальной зависимости от Хазарии. Может быть, именно от этой неприятной ассоциации у части Русского народа устойчиво сохраняется для него же самого вредное предубеждение против предпринимательской хозяйственной деятельности.

ские русские. По преимуществу русской же была и часть предшественников казаков — «бродники», «забродни», «куманцы». Хотя следует помнить, что казаки и бродники — это далеко не одно и то же. В эпоху кочевников-бродников озарьский кодекс рыцарства был уже подзабыт, и казацкий кодекс рыцарства еще не был выработан, и бродники зачастую вели себя как современные западные и отечественные «солдаты удачи». Гвардии хазарского и аварского хаканов, византийских императоров и даже гунна Атиллы были составлены из высокоценимых в древнем мире воинов — Русов. Впрочем, может быть, именно ушедших от хазарского хакана гвардейцев-бродников и имел в виду Гумилев? Нет, непохоже. Совершенно иной смысл он вкладывал, когда писал, что бóльшая часть казаков была потомками крещеных половцев. Здесь уже проглядывает сверхзадача — кто угодно, на выбор: хазары, половцы, но ни в коем случае не Русские! Мало ли кто с кем кочевал и временно союзничал в древнем мире, когда даже «отцы народа» — древнерусские князья вступали в союзнические отношения с заклятыми врагами своего государства только для того, чтобы дотла разорить княжество соперника. Или другой пример: добровольцы советского периода тоже воевали в Испании, Анголе, Египте, но не стали от этого испанцами, ангольцами или египтянами, так же как последние не превратились в русских. Для наиболее рьяных учеников Л. Н. Гумилева, рассматривавшего народы как несоциально-пассионарных зверушек, вряд ли покажутся убедительными аргументы культурно-этнического характера. Но это еще не повод, чтобы мы с вами не задумались над двумя дополнительными вопросами. Каким образом вольные казаки, не только не пачкавшие руки работорговлей (кстати, неизжитой на юге России вплоть до конца прошлого века), но всегда с удвоенной энергией громившие именно работорговцев, могли произойти от главных и самых безжалостных работорговцев Европы — хазар? Почему большевистские хасиды с таким остервенением уничтожали именно донское казачество? Думается, главный ответ на весь комплекс вопросов заключается в том, что советская историческая наука, по вполне понятным причинам, просто не могла качественно исследовать историю хазар. Зато последним удалось качественно замести следы, в том числе и с помощью г-на Гумилева, и теперь можно даже утверждать, что хасиды прибыли к нам с обратной стороны Луны. И г-жа История, по образному выражению Л. Н. Гумилева, их «подхватила».

Собственно «славян» ни древняя, ни даже средневековая история не знает. Этот термин ввел в научный оборот в XVIII веке в Австро-Венгрии историк Иордан Иона Христофер. Обидно стало Христоферу за западных «славян», всем скопом презрительно называвшихся в Европе «склабами». Дело в том, что приблизительно так звучит на многих западноевропейских языках слово «раб». Произошло это, по Христоферу, от «иммиграционно»-акцизных законов древнего мира. Перед тем, как пустить на торги «германского» (то есть европейского, по тогдашней терминологии) «варвара», за него полагалось уплатить в казну сбор и «снять с него» метрические данные. Пленные из различных по происхождению племен и характерных для того времени межэтнических банд-кланов, сбитых наступающими легионерами в район реки Эльбы (Хлабы), на вопрос «откуда?» очень часто отвечали на полабском диалекте древнерусского языка: «з Хлабы». Что трансформировалось латинянами в «с(к)лабы» — «с(к)лавы» и вытеснило в значении «раб» собственное латинское слово «сервус». По загадочным соображениям словен (?) *, Христофер предложил избавить западных «славян» от незаслуженно прилипшего среди всех европейцев только к ним прозвища с(к)лавы (склабы) не путем поиска не столь уж давнего общего межэтнического наименования для этих племен (Русь), или хотя бы введения фонетически совершенно иного термина, а путем легкой (и мало кого в Западной Европе обманувшей) модификации «с(к)лавов» в «славян» **. «Находку» Христофера подхватили германские ученые и, создавая в XIX веке свои теории белой (арийской) расы, занесли «славян» в самых младших братьев старших братьев — «германцев» и средних братьев — «кельтов» ***. Теории эти были антинаучны даже в отношении самих «германцев», потому что закрепляли за ними латинский термин, относившийся ко всем европейским «варварам» вообще и далеко не в первую очередь к племенам, говорившим на персидском диалекте Дойч. Но такие теории были очень удобны для Бисмарка, проводившего объединение Германии и, видимо, не возражавшего против того, чтобы границы его государства были ассоциативно так же широки, как границы обитания европейских «варваров» древнего мира. С частью исторических кельтов, оказавшихся к XIX веку на востоке от рождающейся Германии, немецкие политологи от истории поступили еще ловчее. Кельтские племена моравов, богемов, ляхов и некоторых других попали, по их классификации, в число изначально неполноценных славян. Но абсолютной вершиной коварной исторической эквилибристики со стороны достойных потомков готов было занесение в славяне и Древней Руси, которая упоминалась под своим родовым именем как в Библии, так и в источниках более древних, чем Библия. По наглости это превосходило даже переименования большевистской эпохи и существенно продвигало вперед славное дело автора «норманнской» теории происхождения Руси от шведов-варягов, кенигсбергского ориенталиста Байера. Последний, как известно, по-русски не говорил и даже не читал, но умудрился «изваять» нам историю по изобилующему грубейшими ошибками немецкому

* Следует помнить, что «словене» Австро-Венгрии превратились в «словаков» только в этом веке и не по народной воле, а в результате политических решений, имевших целью в том числе и «не мешать» термину «славяне».

** Мне знакомо очень милое, но, к сожалению, явно умозрительное выведение наименования «славяне» от Земля — Баба — Слава, которую по некоторым вариантам предания древнего ведического культа Русов «взял в жены» Сварог. Если согласиться на такое толкование, то термин «славяне» придется «делить» со всеми индоевропейцами или со всей белой расой, так как в данном контексте он относится к допотопным и сразу-после-потопным временам. Однако перспективы лучезарного единства человечества, когда этот термин вновь пригодится, мы в данной статье не рассматриваем.

*** Если же основывать выводы о сравнительной древности индоевропейских народов на серьезных, объективных фактах и, в частности, на сравнении живых языков с весьма близкими древнему единому языку белой расы Санскритом и Пракритом, то окажется, что старшими народами являются восточные Русы и, в частности, литовцы, белорусы, русские, украинцы. Затем будут следовать потомки центральноевропейских русов и кельтов, затем западноевропейские кельты, и только лишь за ними за всеми придет черед относительно «молодым» языкам — народам Европы, включая и язык — народ Дойч.

переводу «подкорректированной» во времена Владимира Мономаха второй версии ПВЛ («Повести временных лет»).

Значение вопроса о сохранении, изменении и возвращении к самонаименованию должно быть понятно во всем своем масштабе именно нам, на временном интервале лишь одной человеческой жизни прошедшим трансформацию Великороссы — советские — российские. Я не против того, чтобы каждый народ имел возможность добровольно и осознанно менять или корректировать свое самоназвание, но никто не имеет права корректировать задним числом Историю, тем более историю других народов. Для аналитических же выводов в исторической науке очень важны возможные причины или мотивы: 1) добровольного изменения самонаименования, 2) добровольного принятия чужого самонаименования или внешнего по происхождению наименования, 3) искажения или изменения чужого самонаименования.

Упомянутые выше псевдонаучные теории немецких и австрийских ученых загодя и целенаправленно готовили расцвет в XIX веке «пангерманизма». На первый взгляд эти же теории давали не меньший простор для развития идей «панславизма». Соответствующее, довольно, впрочем, хилое движение и в самом деле появилось*, но было изначально обречено. И не только потому, что подменяло выдуманным и введенным в научный оборот (и по ассоциации со «склабами» бесславным) термином «славяне» древнее, многославное и на зависть другим крупным европейским народам незыблемое в тысячелетиях народное имя «Русь». Но главным образом потому, что если термин «германцы» имел хотя бы ту пользу, что способствовал созданию в геополитическом центральноевропейском «вакууме» второго, а затем и третьего Рейха Дойчланд, то термин «славяне» никак не укреплял уже существовавшую на востоке Российскую империю. Более того, низводя «Русь» до наименования лишь одного из «славянских» племен, он объективно сыграл на создание «независимых» буферных «славянских» государств по границе с восточной империей. Не надо закрывать глаза на то, что начавшая идеологически готовиться именно в XIX веке государственность украинского народа (с подброшенным ему австро-венгерским масонством символом государственности — желто-голубым флагом) есть следствие в числе прочего и термина «славяне». Теперешние русские — это далеко не всегда и далеко не вся Русь. Поэтому, возможно, не столь трагично и непоправимо в историческом плане то, что, как и в древнем мире, отдельные племена Руси временно разбредаются и переформировываются для нового витка исторического развития. К исторической трагедии может привести лишь забвение сквозного через тысячелетия межродового самонаименования Русь — Рось и подмена его угодливо подсунутым готами термином «славяне».

Автор не предлагает запрета на создание в будущем новых дополнительных межэтнических наименований на основе объединяющих народы новых общих культурно-языковых ценностей. Но с нынешними «славянами» нас роднит именно Древняя Русь. Если у историков, претендующих на роль патриотов, не хватает духу оперировать в древней истории самонаименованием «Русь» (для обозначения так называемых «славянских» племен), то они, по крайней мере, могут воспользоваться также внешними и искаженными по наименованию, но древними греческими определителями «скифы-киммерийцы», объединявшими, по сути, Древнюю Русь и ее близких соседей и, вероятно, родственников — древних кельтов (сельтов). Предлагать что-либо исправить именно Л. Н. Гумилеву уже поздно, да и делать это было, судя по его крайне болезненной реакции на любую критику, совершенно бесполезно. Особенно, если такая критика каким-то образом задевала взлелеянные им «пассионарные» идейки. В подобных случаях Гумилев превозмогал себя и шел даже против респектабельных норманистских «авторитетов». Так, например, он делал выговор древнему готскому историку Иордану (Иорданесу) за то, что тот отождествлял свой народ (готов) с гетами. Последние, как известно, пришли на Дунай и Балканы в самом конце IV века до нашей эры с Востока. Таким образом, Иордан, прежде всего, мешал своим утверждением красивой ровной линии следа пассионарного хлыста I века нашей эры, которую Гумилев провел от установленной им «пассионарной» родины готов — шведского острова Скандза до Эфиопии. Опять же становилась совсем эфемерной любимая идейка Л. Н. Гумилева о параллельном возникновении и развитии готов и «славян»*. Если подойти к вопросу строго формально, действительно, безоговорочное отождествление готов и гетов выглядит некорректно. Существует немало косвенных исторических данных, заставляющих со всей серьезностью отнестись к предположению ряда историков о том, что геты первоначально были племенем кельтского или даже русского происхождения. Но разве так уж абсурдно утверждение Иордана, означающее, по сути, что пришлый немецкий язык и немецкая культура были возведены и развиты главным образом на базе этническо-физиологического субстрата местного населения, бывшего когда-то древнекельтским или древнерусским? Вот вы попробуйте сказать писателям из «Апреля» и дипломатам из козыревского МИДа, что их «русская литература», их «русский язык» и их «русская политика» никакого отношения к Русскому народу не имеют. Они вам вполне резонно заметят, что, как ни крути, а имеют, и немалое. Особенно в том, что касается политики. Потому хотя бы, что альтернативного МИДа у Русского народа нет. Да и потом, не дрогнула же у Гумилева рука записать татаро-монголов в одну из трех генетических составляющих «Великорусского этноса». Но там татаро-монголы, видимо, очень кстати пришлись под гумилевский «пассионарный» хлыст. Однако под чье все же влияние попали древние геты? По свидетельству Страбона, придя на Балканы, они приняли язык межплеменного объединения Даои, которое после IV века до н. э. римские и греческие авторы называли то Даки, то Даци. Последняя же этническая группа, если судить по некоторым косвенным данным, образовалась в результате осуществленного коварными методами** подчинения местного населения (также в немалой степени состоящего из древних Русов и Кельтов) остатками вспомогательных войск Дария персидского —

* Характерно, что в России одними из первых, если не самыми первыми, идею панславизма подхватили декабристы, которых в большинстве своем можно определить как наивных западников и «наивных масонов».

* Впрочем, даже эта идейка не принадлежит Л. Н. Гумилеву в полной мере. Ее истоки можно найти, например, в откровенно русоуничижительном и норманистском труде академика А. А. Шахматова — «Древнейшие судьбы русского племени», Петроград, 1919.

** В частности, «обезглавливания» местных племен.

«Даи-ши» (в переводе — люди Даи, а в современной транскрипции — «Дойч» или «Дойш»), пришедших с армиями указанного незадачливого завоевателя в район Причерноморья воевать с нашими предками — кочевыми «скифами» в самом конце VI века до нашей эры. Именно от Даи-ши в современном немецком языке насчитывают до нескольких тысяч корней слов древнеперсидского происхождения и именно от них несла все два с половиной тысячелетия видоизменявшаяся немецкая народность свое самонаименование — Дойч.

Но вернемся к значительно в большей степени интересующим нас «славянам». На свой же вопрос, были ли «славяне» до II в. н. э., сам же Гумилев давал потрясающе мутный ответ: «Да, очевидно, были какие-то этносы...» О Русах в этом контексте, разумеется, ни полслова. И здесь Л. Н. Гумилев подтвердил, что не зря он старательно учился у убежденного советского норманиста и хазароведа М. И. Артамонова, который в свое время безо всяких аргументов утверждал, что библейские народы Рос и Русь являются разными народами. Народный историк Миролюбов в сердцах, но, на мой взгляд, несколько наивно воскликнул по этому поводу: «Зачем, спрашивается, эти люди занимаются древним периодом родной истории?»

Затем и занимаются, чтобы Русские люди не могли до конца вспомнить своего бурного, но и славного прошлого и считали свою сегодняшнюю социально и интеллектуально подчиненную долю исторически неизменным состоянием. Л. Н. Гумилев сообщал, что свои дугообразные графики «жизни этносов» он рассчитывал по частоте повторяющихся в исторической хронике событий определенного рода. Метод этот нельзя назвать даже приблизительным, поскольку письменная история древнего мира неполна, зачастую очень неточна и содержит к тому же громадные «глухие» пробелы и очевидные искажения политических конъюнктурщиков всех времен и народов. Что за картину новейшей истории России давал, например, «Учебник Истории КПСС»? Однако ужас состоит в том, что всю последнюю тысячу лет история Русов преподавалась по разной степени искаженности, а то и прямой лживости «учебником истории КПСС». Один только игумен Сильвестр, создавший по указанию Владимира Мономаха «исправленную», вторую версию ПВЛ*, украл у Русского народа (по подсчетам А. А. Куренкова) 214 лет истории, причем истории главным образом блестящей. А. А. Куренков обратил внимание на интереснейшую деталь: в легенде Сильвестра о призвании Русью князей-варягов послы говорят последним ту же фразу, которую, по легендам Видукинда Корвейского, послы бриттов говорили предкам Гиты Гаральдовны (супруги «грека» В. Мономаха), англосаксонским князьям Хенгисту и Хорсу, когда их приглашали править и владеть бриттами. Фразу-проклятие Русского народа: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет...» Вот с тех пор и официозная историческая наука прививала Русским психологию неполноценного

* Оригинальная «Повесть временных лет» инока Нестора (который был коренным Русом — кривичем) была исключена из летописей и летописных сводов (по-нашему, изъята из всех библиотек) волею Владимира Мономаха и приказом митрополита-грека, управлявшего в то время Русской Церковью. Копия ее сохранялась лишь в католической Польше до XVIII века. По цитатам из ПВЛ польских историков дошли до нас ее разрозненные куски.

народа, который может получить порядок и правителей только со стороны.

Казалось бы, и Британия и Россия стали величайшими империями новой и новейшей истории. И даже сохранили родовые свои имена. Не превратились, так сказать, в Великую Англосаксонию и Великую Словено-оботритию. Но и для кельтов-бриттов, и для русов эти возводившиеся целое тысячелетие на лжи и полуправде империи не стали «ласковым домом» их древнего языка, древних верований и народного духа. Можно утешаться лишь тем, что бриттам повезло еще меньше, чем Русам: английский язык — это настолько причудливая лингвистическая смесь «господских» диалектов, что «церковно-славянские» (византийские), культуртрегерские и хасидские забавы над русским языком просто даже неудобно ставить на одну доску. И если нами шинкари и лавочники управляют с новодельных и малореспектабельных «номенклатурных» должностей, то в Британии бывшие антверпенские и амстердамские менялы умудрились переродиться в высшую потомственную аристократию. Разумеется, только твердостью духа наших предков этого не объяснишь: они были у себя дома, на территориях, с которых уходили и на которые возвращались в течение долгих послепотопных тысячелетий.

На мой взгляд, наши предки обрекли нас в нынешнюю эпоху «повсеместного протезирования» именно в силу выделявшего их среди других индоевропейских народов завидного природно-естественного совершенства. В самом деле, и без развитых форм государственности не давались они в руки ни Дария персидского, ни римских легионов, ни византийского воинства. И без повсеместно развитой письменной словесности (литературы*) и без институализированной (жреческой) религии четко и без ошибок передавали из поколения в поколение свой язык и исключительно стройную, диалектически мудрую и, по сути, монотеистическую (Сварог) систему верований своих предков, а также богатейший исторический фольклор, лучшие образцы которого могли бы соперничать с Гомером. Но есть предел, за которым даже тренированное тело, бесстрашный дух и быстрый мозг леопарда ничего не могут сделать против винчестера с лазерным прицелом в руках жирного, трусоватого и, в общем-то, не очень умного пришельца в пробковом шлеме. Для Древней Руси этот специфический момент наступил по редкостно неблагоприятному стечению обстоятельств незадолго до начала так называемого «великого переселения народов»**.

И Русская земля родила выдающегося полководца и государственного деятеля князя Кыя, создавшего хорошо обученное и грамотное войско, установившего мудрые социальные и экономические законы и, наконец, воздвигшего в 430 году Киев — столицу первого известного нам в первом тысячелетии н. э. долговременного государства центральных Русов — «Земли Русской». Вокруг последней успешно пошел процесс объединения Русских племен.

* Предполагать, что ее вообще не было, не приходится, с учетом того, с какой неистовостью христианское духовенство под руководством своих космополитических патриархов истребляло все памятники нашей так называемой «языческой» истории.

** Переселение стало возможным и в силу естественных причин: высыхание связки Метийское болото — Северный Каспий — Аральское море. В результате кочевники пошли волна за волной на и через территории Руси.

В государстве Кыя, продержавшемся почти столетие и добившемся широкого международного признания, последовательно правили четыре князя, но оно пало под ударом не столь уж многочисленных кочевников-аваров. Русские племена опять разбрелись, несмотря на то, что именно ослабевшее после смерти Кыя административно-централистское руководство привело к относительно легкой победе аваров. Как свидетельствуют легенды, самому Кыю было крайне трудно приводить к «протезному» государственному единству свободолюбивые и самостоятельные племена Русов. Кый предусмотрел в своем государстве практически все рычаги государственной власти, но как истинный Рус, видимо, чурался пропаганды. А единственной формой пропаганды в те времена была агрессивная и нетерпимая жреческая религия. Это в корне противоречило веротерпимым принципам древнего учения, под сенью которого у Кыя в государстве мирно соседствовали так называемые «язычники» всех толков и даже арианские христиане.

После первой, не в полной мере удачной попытки создать прочное государство ошибку поняли волыняне, перенявшие эстафету собирания Русских племен и попытавшиеся установить жреческий культ на базе народной системы верований. Но то ли слишком диалектична и естественна была эта вера, чтобы без особых видоизменений превратиться в придаток «протеза» (государства-«протеза»), «религию» (по-латыни означает «связывающая», «обязывающая»), то ли не хватило волынянам настойчивости и формальных знаний, но и этот опыт не удался.

Были и после Кыя, и после волынских князей другие сильные русские князья, но, видимо, именно их русскость мешала им пойти по самому простому пути, пути заимствования чужеродного и готового или по пути создания упрощенной домашней версии оголтелой машины религиозной пропаганды. Не хотели они марать об эту грубость ни свой красивый язык, ни свою гармоничную веру. А научного и литературного потенциала, пригодного для чего-нибудь более рафинированного, из-за очень беспокойных условий жизни и по недомыслию загодя не создавали. Нежелание или неумение реформировать хоть что-то в организации духовной жизни дорого обходилось Русским племенам в вечно бурлящем агрессивном окружении. Случалось, что соседствовавшие древнерусские племена не слишком спешили на помощь друг к другу, в том числе и из-за мелких раздоров и честолюбий своих племенных духовных наставников-«родичей». Западным русским племенам словен, лютичам и ободритам приходилось даже идти на выручку далекому, но словенскому Новгороду и защищать его от находников норманнов. Кстати, в некоторых западных русских и кельтских племенах жречество возникло существенно раньше, чем на территориях северных, центральных и южных Русов. В частности, венды-руги в предхристианскую эпоху уже ввели на острове Рюген * жреческую форму культа, с таким весьма обычным для Западной Европы того периода ритуалом, как казнь врага-агрессора перед идолом божества. Они также записали свой вариант учения руническим письмом. Традиционно русского в этой форме культа было, видимо, не так уж и много, но обитавшим по границам тогдашнего Русского мира ругам приходилось «крутиться» и жить по законам жестокой северной и западной Европы. А жить было

* Географически расположен недалеко от современной Дании

очень тяжело. И потому поднаторевшие в постоянных стычках с переместившимися в центральную Европу готами и другими пришлыми агрессорами отдельные племена западных русов — вендов начали откатываться вместе со своими князьями на восток, где из них часто формировались княжеские дружины. В истории Центральной Руси начался период соперничества коренных (центрально- и южнорусских) князей и пришедших с запада словенско-ободритских князей из т. н. «династии Рюриковичей».

И вот в эту смутную эпоху появился безусловно умный, судя по некоторым поступкам, великодушный, но тщеславный и, похоже, несколько неустойчивый в характере Владимир Великий (младший сын победителя хазар Святослава Храброго), которому судьбой было уготовано умереть мученической смертью от рук заговорщиков-соперников и стать практически последним коренным Русским князем на киевском престоле. Не будем здесь обсуждать его тщеславную женитьбу на византийской царевне Анне *, слишком большую готовность принять византийскую «экономическую помощь» златом в обмен на пролитую русскими воинами кровь и уж тем более приписываемую ему недоброжелателями слишком большую любовь к женскому полу вообще. Не это главное для сомнений в целостности его характера. Главное, что именно он решился (возможно, впрочем, не самостоятельно, а выполняя посмертную волю отца) на последнюю попытку жреческой реформы ведического учения и поставил в Киеве волхвами весьма оторванных от местных корней, но имевших опыт жречества западных ругов и словен. Можно предположить, что именно последние стали себя возвеличивать совершенно неуместными среди центральных Русов кровавыми «литургиями», эпизодически практиковавшимися на Руси лишь в течение нескольких лет реформаторских экспериментов Владимира.

Хуже того: Владимир своей реформой неуклюже извратил многие базисные, мировоззренческие устои древней веры, стремясь, чтобы его новый культ как можно больше внешне напоминал заморские «цивилизованные» религии и, в частности, христианство. Возникает вопрос: не была ли скоропалительная и неуклюжая языческая реформа Владимира иезуитски тонко рассчитанным промежуточным ходом по подготовке «фазы совместимости» с христианством?

Встретив недовольство населения, Владимир резко «рванул» в другую сторону и, порушив самим же установленные идолы **, ввел христианство византийского толка.

Как же трактовал указанные вопросы в своей публицистике Л. Н. Гумилев? Описывая, как вяло приняли на Руси христианство, он относил это к якобы характерной двойственности наших предков. «Христианами становились не инертные, а пассионарные киевляне». Величайший герой русского народа Святослав Храбрый был

* Хотя для себя отметим, когда и в какой невинной форме начался процесс, приведший спустя почти тысячу лет к церемониальному запрету для русских царей жениться на княжнах русского рода.

** Существуют свидетельства, что, по крайней мере, в полукочевой Руси идолы не употреблялись. Русы молились Природе через ее проявления: дубу, роднику, солнцу. Известные же на юге России немногочисленные каменные изваяния вооруженных мужчин на жизненно важных торговых путях и по границам расселения русских племен служили аналогами пограничных столбов.

представлен и вовсе не очень далеким солдафоном, вечно пропадавшим «со своими язычниками» в походах и добровольно оставивший все интеллектуальные дела своей матери, «тайной» христианке Ольге*, сидевшей в Киеве. А под конец прерванной врагами печенегами жизни ему, видите ли, «изменил даже интеллект: он послал в Киев приказ сжечь церкви и обещал по возвращении «изгубить» всех русских христиан». Древнерусские божества, олицетворявшие души умерших предков, были, по Гумилеву, «ужасны и зловредны». Понятно, что выученик норманистов Л. Н. Гумилев даже и не знал, что по древнерусской вере дедом или «чуром» называли из почтения самого Сварога, от которого древние Русы выводили не только свой род, но и свои индивидуальные души. Частицы Сварогова духа отправлялись в мир через них и после их смерти вливались обратно в дух Сварога. Всякая же чертовщина и мистика в верованиях Русов в то время начисто отсутствовала.

Когда Русы снова придут к власти в своей стране и крупные научные коллективы проведут беспристрастное «просеивание» всего массива относящихся к этнической истории фактов, можно будет осторожно приступить к сложному многофакторному математическому моделированию процессов этнической истории. Через какие временные интервалы пройдет линия графика «математической этнии», сказать сейчас, разумеется, трудно. Но уверен, квк были уверены в циклическо-волновом характере всех явлений древние Русы-ведийцы, что это будет очень долгая волна (или синусоида). В отношении содержащего такие ключевые понятия, как Русский язык и Русская Народная культура, математического индекса это будет синусоида, которая протянется из многотысячелетней глубины веков и в бесконечность будущего. Я не верю, что обстоятельствам и мелким коварным народам удастся погасить эту великую и славную волну истории человечества и написать на нас математический некролог, сведя волну синусоиды после смерти последнего Руса к ровной линии оси абсцисс. Протяженность же дополнительных (составляющих) волн, отражающих нематериальные явления, находящиеся где-то на границе природно-духовного и чисто социально-духовного, будет еще больше. Миролюбов, например, полагал, что чувство рода, родства и самопожертвоввния вырабатывалось у наших предков под воздействием каких-то первичных и простейших социально-родовых институтов 50—60 тысяч лет. Так что за нами громада жертвенных предков, и ее не погасить никакой надуманной «пассионарностью» интеллектуалов-иллюзионистов.

Волны у разных явлений имеют, разумеется, различную длительность, и, чем длиннее волна, тем труднее узреть ее проявления в реальной жизни за рябью более мелких волн и посторонних искажений. В мировой экономической науке до сих пор идет жаркое

* С 954 года крещена в арианском толке христианства, то есть задолго до принятия Русью византийского обряда. Христианство не преследовалось и при зарождавшемся «воинственном язычестве» Игоря и Святослава. Ильинская церковь на Подоле в Киеве обслуживала культовые нужды христианизированных западных наемников-варягов и торговцев-хазар. Что касается последних, то христианство могло служить для них удобной «замещающей» религией, поскольку открыто исповедовать иудаизм в самый разгар русско-хазарских войн было вряд ли безопасно. В истории известно множество примеров многовекового использования иудейской диаспорой «внешнего» христнаиства для прикрытия «домашнего» иудаизма.

обсуждение практических аспектов открытой в начале века Н. Д. Кондратьевым длиной волны экономического цикла (около 50 лет). Эмпирические данные говорят за то, что, чем больше общество сознательно вмешивается в экономику, тем с большими искажениями идет эта длинная волна в нашем веке. Гумилевская идея о «смертности» народа на временной дуге в 1200—1500 лет, безусловно, смехотворна для такого комплексного явления, как народ. Потому Гумилев и бегал вполне сознательно от термина «народ», подменяя его ущербным субститутом «этнос». Но если мы не видим положительной ценности в существе системы взглядов Л. Н. Гумилева на этническую историю, должны ли мы также отбрасывать (без дополнительной проверки) даже самые грубые эмпирические подсчеты, якобы указывавшие на существование волны какого-то явления длиною в 1500 лет? Нет, не стоит. Я даже готов предположить, что Гумилев нежданно для себя подтвердил своими подсчетами существование 1500-летней волны, но только не «пассионарного этноса», а этакого государственно-пропагандистского «этатизма», весьма важного инструмента социального единства людей. Если начинать такой отсчет от попытки VI века волынских Русов породнить нарождавшиеся государственные институты со жреческим культом, то нашему текущему «этатизму» вот-вот исполнится максимально 1500 лет. Возможно, что мы находимся уже 80 лет в точке перехода в иную фазу. Я почти уверен, что это именно так.

Подводя итоги воображеной нами волны «этатизма», я бы сказал, что это была неблагоприятная (с минусовым знаком) волна для Русов. Большую ее часть они провели под чужой (или подправленно-чужой) пропагандой и под чужими (или своими-чужечем-чужие) ключевыми деятелями государственного аппарата. Говорить, что в этом нет собственной большой вины Русов, я не стану. Однако то, что Русы все же выжили как общность с особым мировоззрением-духовностью, подтвердило большую прочность, большой потенциал нашего главного социального единства — нашего народа. Никакой опыт не бесполезен, если есть разум и воля сделать из последствий правильные выводы. Свой собственный опыт запоминается надолго. Впереди у нас, возможно, 1500 лет новых государственных общностей и новой устойчивой системы мировоззренческо-морального воспитания. А пока что мы находимся где-то недалеко от загадочной по своим свойствам оси «ноль», где «великое» очень легко перерождается в «смешное» и наоборот. Где не на что как следует опереться и где нельзя следовать в волне набравшей силу инерции. Русы не могут опереться даже на смехотворную генетическую «пассионарность» Л. Н. Гумилева, поскольку объявлены последним «субпассионариями». Можем мы опереться лишь на полученное в детстве воспитание, донесшее до нас сильно искаженные горнилом перехода через «нулевую» революционную точку отзвуки древних духовно-моральных ценностей и обычаев нашего народа, а также на интенсивную и ВЗАИМОВЗЫСКАТЕЛЬНУЮ совместную культурную работу.

Такая работа уже давно идет. Мы живем во время пророков и во время метаний духа. Не все Русы осознают, как ответственно это время и как именно в этот период уязвима их природная доверчивость сильных людей для вкрадчивых попыток духовных представителей других народов подсунуть им чужие ценности и для новой волны «этатизма». Как, например, относиться к Право-

славию, против реставрации которого почему-то не возражают и демократы-космополиты с их транснациональными хозяевами? Повторов и аутентичных копий в истории не бывает, бывает только диалектическое творческое видоизменение. Космополиты прекрасно это осознают. Формальное восстановление Православия в современных условиях для них — в любом случае выигрыш. Либо под руководством впавшего в «экуменическую» ересь высшего церковного руководства Русы пойдут к единству с иудаистами под вселенскую церковь и под мондиалистско-иудаистское правительство, либо «закуклятся» в самоубийственный музейно-церковный консерватизм. С учетом сказанного я все же полагаю, что сторонники истинного Православия (или максимально, в силу возможности, улучшенного нашими предками оригинального христианства) — это тоже истинные Русы, которые ведут сейчас очень важные для нашего народа арьергардные бои внутри церкви, отбивая у «экуменистов»-иудаистов души многих несчастных и страждущих соотечественников, моральная поддержка которым нужна именно сейчас и которым было бы смешно предложить ждать, пока Русы воссоздадут новую веру. Мы не должны уходить, бросая своих людей, свои знамена и даже свои храмы противнику. Все то, что принадлежит лучшим представителям русской религиозной мысли и содержит развитие лучших сторон христианства, видимо, следует взять с собой. И в нашем культурном походе наметанный взгляд и душевная бескомпромиссность Русов — нынешних бойцов за чистоту Православия будет очень важна*. Например, именно с позиций ортодоксального православия В. М. Острецов в «Русском Вестнике»** поставил под сомнение исходную принадлежность к истинно русской культуре такого находящегося вне зоны критики патриотической прессы политико-идеологического течения, как «еврейство», а М. В. Назаров в «Вече»*** показал необоснованность претензий «евразийства» на роль объединителя народов.

Грубо говоря, чего хотят от нас многие так называемые «евразийцы»? Породнить все российские народы? В таком общеабстрактном виде цель выглядит, конечно, неплохо. Но на какой основе они предлагают это делать? Нет, против кого и против чего, понятно, но **на какой позитивной совместной основе!** Сталкиваясь в нашем Диком Поле, кочевники в первую очередь спрашивали друг друга: «кому веруешь?» — и затем ревниво следили, насколько хорошо чужие боги охраняли свои народы. И потом, что понимать под «российскими народами»? Вот космополиты из «Известий» тоже полагают, что европейские Украина и западные Русы («славяне») должны ускоренно дрейфовать на сближение с ЕЭС и повторять судьбу «полабских славян», а историческая миссия Российской Федерации — породниться с «сырьевым» российским Востоком и дрейфовать, соответственно, в противоположную сторону****. А с кем нам в первую очередь плохо потерять родственную связку, с культурно и языково* близкими нам западными и юго-западными Русами или с богатым сырьем Востоком? Потом ведь и Восток — дело тонкое. Кто сказал, что там спят и видят, как бы окончательно породниться с Русами? На Востоке, возможно, народы подотстали с некоторыми элементами так называемой «цивилизованности», но народы там гордые и умные. Сразу подмечающие силу и слабость и уважающие именно силу. Родниться с теми, кто по прекраснодушию дал себя распять и продолжает слушать пророков, представляющих странное смешение кровей и, главное, культур? Нет, будь я, скажем, татарином, десять раз подумал бы. В крайнем случае, из жалости предложил бы Русам принять ислам и хоть немного потренироваться под татарским руководством в национальной собранности. Так что, не нужна нам дружба с Востоком? Почему же, нужна. Нужны добрые союзнические отношения, а в перспективе — посмотрим: может быть, созреют предпосылки и для чего-то большего. Дружбе этой не надо бояться уделить слишком много внимания в литературно-публицистической работе. Но не эту естественную дружбу надо поднимать сейчас на знамя и возводить ее имя в главный лозунг. Наша первичная задача — разобраться с самими собой, со всеми Русами. И те, кто сознательно отвлекает нас от нее — суть не Русы. А то, что Россия раскинулась по Евразийскому континенту, мы и сами знаем. Но никто еще не доказал, что Русы всегда жили только в Европе. Зато имеется достаточно свидетельств обратного.

И все-таки. Почему на роль пророков у нас давно и повсеместно лезут и успешно пролезают «пассионарные» полупришельцы или их недавние потомки? У меня для этого сложился очень простой, чисто гумилевский «бытовой» ответ — меньше стесняются. Все-таки — не свое или не совсем свое, не так жалко. Но и народ русский, конечно, давно и сильно разложен недобровольной необходимостью внимать чужой пропаганде сверху и не встает (уже и пока) горой за своих пророков, и не отворачивается от не совсем своих по духу. Может быть, просто нет своих-то в такой непростой области, как история? Отнюдь. Недостаточно мы изучаем действительно Русских историков-антинорманистов, оказавшихся в результате революции за рубежом, где ни религиозная, ни партийная цензура их достать не могла. Ю. П. Миролюбов, А. А. Куренков и С. Лесной-Парамонов могут сообщить нашей широкой публике много полезного. Впереди долгая, упорная, взаимовзыскательная совместная культурная работа, обходящая крикливых глашатаев индивидуализма или «пассионарного» социал-дарвинизма и держащая путь к воссозданию во всем блеске и славе высшей для нас социальной ценности — Народа Русь. Главная награда на этом пути — не славословие современников, а гордость и мудрость наших далеких потомков Русов. Ясно видеть перед собой перспективную цель необходимо уже сейчас, чтобы не дать себя увлечь в очередной исторический тупик «пассионарным» сиренам.

●

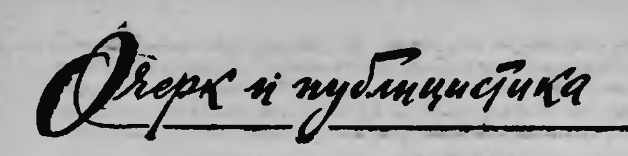
* Так же, как важны будут профессиональные навыки тех Русов, что творили по мере сил и представлявшихся возможностей добро и в рамках административно-коммунистического аппарата.

** «Русский Вестник», 1992, № 23, с. 9.

*** «Вече», 1992, № 46, с. 61—62.

**** Случайно ли на цветной вкладке № 1 журнала «Элементы» (гл. редактор А. Дугин, член редколлегии А. Проханов — оба идеологи современного «евразийства») изображен известный масонский символ — глаз в треугольнике (всевидящее око)? Не новые ли это масонские игры под патриотическим флагом? **(Ред.)**

* Суровым прагматикам следует задуматься над тем, что с точки зрения новейших профессиональных экономических теорий Запада (разумеется, не тех, которые распространяют на потребу «третьему миру» Явлинские и Саксы) основной предпосылкой экономического лидерства государства является широкая и хорошо обустроенная база не в сырье, не в сельском хозяйстве и даже не в промышленности, а именно в сфере информатики и культуры.



Станислав КУЗЬМИН,
профессор Академии МВД

ЛАГЕРНИКИ

(ГУЛАГ без ретуши)

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Главное управление мест заключения в дореволюционной России (ГУМЗ), после революции — Карательный отдел, Центральный карательный отдел, Центральный исправительно-трудовой отдел (ЦИТО). В дальнейшем ГУМЗ, ГУЛАГ, снова ГУМЗ, затем ГУИТУ, ГУИД — все это вывески, при смене которых из карманов налогоплательщиков вытряхивали немало миллионов рублей в надежде угодить новому политическому лидеру или министру внутренних дел.

Но как бы ни изменялись вывески, все равно они будут обозначать системы мест лишения свободы. Сегодня нам с удивительной настойчивостью вдалбливают, что самое зловещее учреждение — ГУЛАГ. Однако, если присмотреться попристальнее, то можно обнаружить в этом понятии всего лишь систему управления местами лишения свободы. Ее первичной ячейкой является исправительно-трудовая колония (ИТК). ГУЛАГ включал в себя отдельные управления, структурно подразделявшиеся на отделения, руководившие лагерными пунктами. Так было на заре зарождения ГУЛАГа, и такой эта система сохранялась до последнего времени, когда и она подверглась перестроечно-разрушительным тенденциям.

ГУЛАГ был, есть и будет независимо от того, кто станет управлять страной. ГУЛАГ будет существовать хотя бы потому, что любой общественный строй не обходится без мест лишения свободы, и от этого атрибута человечество вряд ли когда избавится. Преступность как социальное явление присутствует при всех общественных формациях.

Свергшие Временное правительство революционеры наивно полагали, что при новом общественном строе, исключавшем эксплуатацию человека человеком, преступность канет в вечность. Этого не случилось и случиться не могло. Более того, революция обострила такую разновидность преступности, как политическая. Если раньше в России она отражала интересы отдельных политических течений, то после революции ее питательной средой служили социальные слои, лишившиеся материальных и иных благ, то есть политическая преступность стала опираться на значительно большую социальную базу.

Объективно понять причины репрессий в обществе в конце 20-х и в 30-х годах невозможно в отрыве от происходивших в стране процессов. Обратимся к ним.

Никто не в состоянии опровергнуть тот факт, что в стране имелись группы лиц, непосредственно связанных с Л. Д. Троцким и поддерживавших с ним контакты как лично, так и по переписке. С их помощью за счет государственных средств осуществлялось финансирование троцкистских организаций за рубежом. Никто не в состоянии опровергнуть и того, что Троцкий и троцкисты вели борьбу, нацеленную на свержение существовавшего в СССР строя.

Новоявленная интеллигенция в национальных республиках, слабо подготовленная профессионально и общекультурно ограниченная, вдруг начала сознавать себя элитарной, и это уже перерастало в национальное чванство. Сразу же после революции сначала осторожно, исподволь, а потом все сильнее стала проявляться тенденция к родоплеменному разделению народа. Таким образом появилась питательная среда для проявления протекционизма, круговой поруки, местничества, стремления вести образ жизни баев, ханов феодальных времен. Началась дискредитация русских кадров и их изгнание из республик.

Необдуманные «эксперименты» в области уголовной политики (назначение за совершенное преступление сроков наказания в один месяц, неделю, а то и в один день) способствовали невиданному размаху преступности. Уголовная преступность стала тесно смыкаться с политической, а вместе они сращивались с отдельными представителями правоохранительных органов (в том числе ОГПУ) и партийно-советскими руководителями. По существу, преступность приобретала новый качественный характер, выливалась в терроризм по отношению к тем должностным лицам и гражданам, которые занимали активную жизненную позицию.

«Разгул» нэпа и ослабление государственного политического и финансового контроля за положением в стране привели к появлению и разрастанию преступных группировок, активно действовавших и в отраслях, и на всех уровнях государственного управления. Коррумпированное чиновничество подрывало экономические устои страны, занимаясь приписками и подлогами, срывая выполнение государственных заданий, воруя и спекулируя практически всем, что производилось промышленностью и сельским хозяйством.

Получили распространение и всевозможные внешнеторговые махинации, наносившие огромный ущерб нашей стране. Но эти и им подобные факты и тенденции — лишь экономические последствия ослабления контрольных функций государства в первой половине 20-х годов. Более опасными были последствия политические.

По различным каналам утекала информация, представляющая государственную и партийную тайну, в том числе — о контрре-

волюционной деятельности на территории государства, заказах по линии внешней торговли, сущности важнейших постановлений ЦК по оборонному строительству и т. д.

Националистами велась пропаганда, нацеленная на предоставление республикам права свободного выхода из Союза, что неизбежно приводило, как мы теперь убедились, к распаду государства. Создавались условия для беспрепятственного проникновения зарубежных бандформирований в страну. В СССР перебрасывались оружие, диверсанты, эмиссары иностранных разведок и т. д. Распространялись инструкции по организации вредительства, диверсий, террористических актов. Отмечались случаи перехода на нелегальное положение граждан зарубежных государств, работавших по контрактам в Советском Союзе.

Но особую, долговременную опасность представляло то, что на руководящую работу в органы ОГПУ внедрялись активные участники контрреволюционных организаций и групп, а также лица с уголовным прошлым. Более того, шпионы иностранных государств и контрреволюционеры внедрялись в правоохранительные органы, оборонную промышленность, армию, в обслуживающий персонал лиц, занимавших высокое должностное положение.

Индустриализация, бурное строительство промышленных объектов открыли широкую дорогу для притока иностранных рабочих и специалистов. У разведок капиталистических стран появилась уникальная возможность для сбора стратегической информации и вербовки агентуры из числа советских граждан.

Все вышеизложенное подтверждает наличие деструктивных процессов в стране, дальнейшее развитие которых в преддверии второй мировой войны представляло реальную угрозу существованию нашего государства. Без преодоления этих разрушительных процессов было невозможно добиться стабилизации в стране, сплочения народов для достижения поставленной цели — построения справедливого общества. Поэтому требовалось создание системы, не только изолирующей всевозможных врагов нового строя (хотя именно это являлось ее главным предназначением), но и позволяющей использовать труд изолированных на различных участках экономического строительства, в том числе в труднодоступных, осваиваемых районах.

Система ГУЛАГа развивалась и совершенствовалась по мере усложнения задач социально-экономического созидания и политических обстоятельств. Но, пожалуй, главным фактором, «стимулятором» функционирования ГУЛАГа было то, что наша страна находилась во враждебном окружении: «санитарный кордон» как бы «опоясывал» СССР от Северного Ледовитого океана до отрогов Гиндукуша и сопок Маньчжурии. Враждебность наших соседей усиливалась в связи с успешной ликвидацией троцкистского подполья, басмачества, с постепенным отстранением большевистской гвардии от высших постов в партии и государстве. Независимая, опирающаяся на собственные силы и ресурсы экономическая стратегия советского, «сталинского» государства тоже не могла импонировать Западу и его союзникам, граничащим с СССР «по всем азимутам».

В таких условиях существование ГУЛАГа было логично и необходимо. Ибо оно обуславливалось многочисленными обстоятельствами внутри- и внешнеполитического порядка.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЖИЗНИ ОППОЗИЦИОНЕРОВ

...В один из майских дней 1928 года почтовый ящик, сохранившийся еще со времен царизма, проглотил стопку писем, опущенных краснофлотцем.

Одно из брошенных писем на следующий день транзитом проследует через почтовое отделение и попадет в дом на Лиговке, неподалеку от Московского вокзала. Еще через день оно ляжет на стол начальника секретно-политического отделения Ленинградского ГПУ. В распечатанном конверте находилось зарегистрированное по всем правилам донесение.

Уполномоченному ГПУ по ЛВО
тов. Осипову.

Агентурное донесение

Доношу, что среди краснофлотцев минной школы г. Кронштадта имеется подпольная антисоветская группа, деятельность которой выражается в конспиративных собраниях, распространении подпольных материалов среди краснофлотцев, обработке и вербовке новых членов в свою группу. Она имеет связь с руководителем нелегальной группы в Ленинграде, откуда получает соответствующие материалы и директивы на предмет практической работы среди краснофлотцев. Предположительно в эту группу входят: Выгон А. М., Трофимов Н. И., Фоменко И. К.

Агент «Веселый»

12 мая 1928 г.

Хозяин кабинета внимательно прочитал вынутый из конверта документ, крутнул ручку телефонного аппарата и, услышав голос телефонистки местного коммутатора, попросил соединить с начальником оперативного отделения. Обменявшись дружескими приветствиями, сообщил, что у него есть к нему дело, и попросил зайти. Через несколько минут в кабинет зашел приглашенный. Ознакомившись с текстом документа, заверил: все будет организовано как надо после получения письменного задания. Начиналась «тихая охота» по проверке агентурного донесения с использованием всех сил и средств.

Каждый из взятых в разработку получил кличку, и дальше дело покатилось по накатанной колее. Катер с краснофлотцами, получившими увольнение в город, еще только собирался отчалить от пирса, а уже в городе были готовы его встретить. Постепенно выявились связи подозреваемых, устанавливался характер разговоров и т. д. и т. п.

Однажды Выгон возвращался из увольнения. Не успел пройти и сотни шагов от дома, из которого вышел, навстречу военный патруль. Поприветствовал. Начальник патруля попросил предъявить документы. Пока рассматривал, затормозила легковушка с краснофлотцем за рулем. Предложили сесть в машину. На переднем сиденье уселся командир. Остальные разместились на заднем сиденье. Поехали. Справа остался Московский вокзал. Машина повернула на Невский проспект и вскоре, на удивление, остановилась у ворот знаменитой тюрьмы «Кресты», носившей в ту пору модное название: «Дом предварительного заключения» (ДОПР). Выгон лихорадочно соображал: почему красноармейский патруль и «Кресты»? Тем временем командир вышел из

машины и дернул цепочку двери, за ней что-то звякнуло. Открылось маленькое окошко, затем открылась и сама дверь. В отделе оформления командир вынул из нагрудного кармана гимнастерки сложенный лист бумаги, развернул его и положил на стол. Выполнив миссию, вместе с сопровождавшими красноармейцами все трое повернулись и молча ушли.

Все. Случилось то, о чем предупреждал Трофимов. Конец флотской службы во имя советской власти наступал на третьем году. Сомневаться в этом не приходилось. Началось оформление анкеты арестованного. Ответы на вопросы заняли немного времени. Дали подписать.

Здесь же начался обыск. Сначала предложили все выложить из карманов. На стол легли: увольнительная записка, удостоверение личности, немного денег, кисет с табаком, спички, курительная бумага, ключ от рундучка. Завели в соседнее помещение. Предложили раздеться. Снята роба. Из-за пояса брючного ремня выглядывала стопка листовок. На время раздевание прекратилось. Пересчитали добычу — 20 штук в размер тетрадного листа. Ремень, шнурки ботинок и листовки перекочевали на стол. В анкету арестованного добавились новые сведения в графу особые приметы: «якорь» на правом предплечье и «парусник» на спине. Вернули курительные принадлежности. На остальное составили акт изъятого в двух экземплярах и дали подписать.

Затем Выгона посадили в узкое помещение размером метр на метр, с прибитой к стене доской для сидения, отполированной теми, кому доводилось здесь ждать дальнейшей участи. В потолке горела электролампочка. Глазок в обитой железом двери срабатывал только с той стороны. Позже, в камере, растолковали название помещения — «бокс». Процесс сидения в ожидании неизвестного будущего явно затягивался. В голову приходили разные мысли, сменяя беспорядочно друг друга. Ругать себя было бесполезно. Сам выпросил листовки. Не хотели ведь давать, будто предчувствовали. Не будь их, вытянул бы этот патруль (в том, что это были переодетые гепеушники, сомневаться не приходилось) пустой номер. Как развернутся события на воле? Одно ясно, знали, откуда шел. Что-то там теперь? Время «сидения» шло медленно, перемешиваясь с досадой, горечью и бесполезным самобичеванием. Он еще не знал о том, что во флотском экипаже прошел уже обыск и была изъята запрещенная литература и другие материалы...

В судебном заседании Фоменко Ираклий Кузьмич, Выгон Арон Мейерович, Трофимов Николай Иванович полностью сознались и показали, что действительно являются членами активно действовавшей подпольной троцкистской группы, каких было немало, особенно в бывшей вотчине Л. Д. Троцкого — в армии. Группа регулярно получала и распространяла подпольные материалы и различные документы.

Выгон на вопрос: «Ваше отношение к решению руководящих органов о подпольной работе в настоящее время?» — отвечал: «Решения руководящих партийных органов считаю ошибочными. Подпольная работа вызывается преследованием оппозиционеров, а поэтому ее ведение в настоящее время необходимо в связи с исключением Троцкого и его сторонников из партии». По его мнению, следовало начать с резкого, раз в двадцать, сокращения партийного бюджета, который чудовищно вырос и стал финансовой базой бюрократического самоуправления над партией. Бюджет должен быть подотчетным и подконтрольным.

Впрочем, само заседание много времени не заняло. Подсудимые отделались сравнительно легко и по ст. 58 п. 11 (участие в контрреволюционной организации) получили по три года ссылки.

Существовало два пути попасть туда: по этапу или «под честное слово». Выгон выбрал второй. Через месяц после суда, в выходной день, он прибыл к месту своего нового жительства в заштатный городишко Актюбинск. Дежурный по местному ГПУ, немолодой уже казах, владевший русским языком сравнительно неплохо, неторопливо, со знанием дела выполнил все формальности и сам, чего Выгон меньше всего ожидал, предложил на выбор ряд адресов, по которым можно снять у хозяев угол за сравнительно небольшую плату. Ничего другого не оставалось, как поблагодарить за любезность и выписать на всякий случай несколько адресов, хотя Выгон понимал, что их хозяева наверняка связаны с ГПУ.

В первую же субботу на регистрации Выгон познакомился с административно-ссыльными троцкистами Фрумкиным, Куреневским и Тер-Оганесовым. Два последних жили на окраине города. Преимущество снимаемой ими квартиры заключалось в том, что ГПУ не могло установить наблюдение за домом из-за опасения расшифровать своего агента. Выгону предложили перебраться на эту квартиру. Он дал свое согласие. По дороге всей компанией зашли за его вещами. Выгон поблагодарил хозяев за гостеприимство, извинился за причиненное беспокойство и, забрав вещи, отправился со своими духовными братьями на их квартиру.

Потекли тягучие дни ссылки. На работу устроиться не удавалось. Приходилось жить на пособие, выдаваемое по смете ГПУ. Его едва хватало, чтобы свести концы с концами. Немного помогали родители, отрывая от себя, как знал Выгон, далеко не лишнее. Тем не менее умудрялся ежемесячно откладывать небольшую сумму на черный день и немного денег вносил в общую кассу взаимопомощи ссыльных.

В ссылке Выгон завел обширную переписку, проявляя особый интерес ко всему, что было связано с его кумиром Троцким. Он был в курсе того, что, пока Троцкий находился в ссылке в Алма-Ате, сионистские круги за рубежом и его последователи в стране подняли самый настоящий вой в защиту вождя Октябрьской революции. Выгона познакомили с текстом телеграммы, разосланной отнюдь не рядовым троцкистам: «Сочи. Ивану Никитовичу Смирнову из Актюбинска. Радеку, Смилге, Белобородову, Раковскому, Смирнову, Преображенскому, Огуджава. Протестуем против поднятой травли Троцкого. Политическую линию и шаги Троцкого полностью поддерживаем. Просим Вас протестовать перед партией и рабочим классом. Альперович, Богдасаров, Бронштейн, Васильев, Гвахария, Дюрбин, Кокия, Лежава, Мдинарадзе, Палатников, Петросьян, Попов, Оганесов, Цинцадзе, Куреневский, Панов».

Ссылка Троцкого в Алма-Ату, вне всякого сомнения, была предвестницей его заката на политической арене Союза. Отсюда сразу же среди троцкистской оппозиции усиливается борьба за лидерство. На эту роль явно претендовал Радек. Тому свидетель-

ство — письмо Соломона Иосифовича Фрумкина в Москву для передачи Арону Мейеровичу Выгону. «Здорово, Арон! Посылаю тебе «томские документы». Политическое выступление Радека я оцениваю как желание использовать момент для объединения оппозиции под знаменем его (Радека) течения, т. е. вырвать оппозицию из-под идейного и организационного руководства Л. Д. Поэтому Сталин и ГПУ так снисходительны к этим (Рад.) письмам. Вместе с тем я против преждевременной травли Радека, Трофимова с работы сняли. Во флоте еще взяли на лечение нескольких ребят. г. Соликамск, 25.07.29 г.».

Осуждение действий Радека зафиксировано и в телеграмме, направленной в Енисейск Рафаилову, Рысковскому, Белобородову. «Телеграмму Радека енисейцам рассматриваем как стремление дезорганизовать, расколоть оппозицию. Дадим решительный отпор. Целиком и полностью одобряем политическую линию Троцкого и выступление за границей. Выразителем ленинских идей является Троцкий.

Выгон, Гиршик, Наджарова, Фрумкин. 23.04.1929 года».

Проблема самого Троцкого и троцкизма была не такой уж простой, как это могло показаться на первый взгляд. Существовали различные варианты: не позволить возвращаться из Алма-Аты и тем самым существенно ограничить поле его деятельности, организовать физическое уничтожение любым способом, обставив соответствующим образом, и др. Однако, поскольку Троцкий за рубежом имел мощных покровителей в лице всемирной сионистской организации, разыгрывать эти варианты было чревато серьезными последствиями. Начатый в стране курс на индустриализацию базировался на спланированных торгово-экономических связях, которые могли быть парализованы в один момент финансовыми воротилами Запада. Программа создания в короткий срок мощной индустриальной базы, существенно укрепившей оборонный потенциал страны, не шла ни в какое сравнение с этим угасающим политическим трупом, реанимировать который уже не были в состоянии никакие сионистские потуги. Его историческая миссия в России стремительно приближалась к своему логическому концу. Но пущенные им корни все еще давали молодую поросль подрастающего поколения из числа главным образом студенческой молодежи...

Игра с Троцким не стоила будущего страны, и, надо полагать, не без согласия Сталина ОГПУ в январе 1929 года позволило Троцкому не только беспрепятственно выехать, но и вывезти свой архив, а заодно и награбленные во время революционной бури немалые ценности, принадлежавшие народу. Разумеется, потускневший политический лидер мог снова заблистать в лучах славы и в ореоле коммунистического мученика. Но Сталин прекрасно понимал невозможность для Троцкого повести активную борьбу из-за рубежа против своего гонителя и политического противника, в схватке с которым борьба за власть внутри страны была окончательно проиграна. По крайней мере, со всей очевидностью становилось ясным: чем сильнее он будет пытаться нанести удар по сталинскому режиму, тем большими репрессиями это обернется по отношению к его друзьям, товарищам и выдвиженцам, оставшимся там за опускаемым железным занавесом. Впрочем, без поддержки сильных мира сего из числа всемирной сионистской верхушки сам он многого сделать был не в состоянии, а она, ради удовлетворения его тщеславия, не допустит разгрома еврейского движения в России, оседлавшего к этому времени административно-командную систему, проникшего во все важнейшие сферы государственной и общественной жизни и фактически определявшего не только путь развития страны, но и постепенно извращавшего политику официального лидера государства. Пока еще сохранялась надежда на то, что лидеры этого движения свергнут Сталина и в свои руки возьмут руководство страной. Идеологи и финансовые магнаты сионизма держали Троцкого в узде, давая ему возможность брызгать слюной, но не позволяя укусить.

В ссылке Выгон твердо придерживался инструкции и без тщательной проверки и перепроверки с новыми людьми ни в какие контакты не входил. Такая линия поведения, рекомендованная всем троцкистам, ставила органы ГПУ в затруднительное положение, лишая возможности получать необходимую информацию, выявлять замыслы, планы ссыльных и т. д. Органы нуждались в информации, и они ее добывали различными путями. Пытались и Выгона склонить к отказу от своих идейных убеждений, да не просто отказаться, а опубликовать об этом в печати. Выгон отверг эту сделку, он даже не допускал в мыслях, что кто-то из его товарищей способен пойти на такое. Увы, он очень ошибался!

Некоторые, подав декларацию об отходе от оппозиции, скрывали от остальных этот факт. Они, чтобы доказать властям свою искренность, давали согласие на добровольное освещение вопросов, интересующих органы. Практически они становились агентами, получая соответствующий псевдоним. Возможно, кто-то формально брал на себя обязательства помогать органам ГПУ выявлять врагов всех мастей, так как тем самым избегал продления ссылки. Но многие трудились на этой ниве добросовестно. Жизнь есть жизнь, и иногда приходилось поступаться своими принципами для улучшения собственного положения.

Поддерживать связи ссыльные могли между собой главным образом при помощи переписки, прибегая при этом к различным ухищрениям. Иногда письма отправлялись под чужими фамилиями. Какая наивность! К тому времени частная переписка граждан страны Советов находилась под бдительным контролем территориальных органов ГПУ, потому и ухищрения не всегда срабатывали.

Выгон и Фрумкин во время ссылки развили бурную деятельность, и секретно-оперативный отдел ГПУ, чтобы несколько утихомирить, принял решение о направлении «активистов» из Актюбинска в более отдаленное место, а именно — в Адаевский округ в город Уил. Когда им об этом объявили, то они заявили, что добровольно туда не поедут и их смогут доставить лишь при условии применения к ним физической силы. Строптивцев тут же поместили в арестное помещение и продержали неделю в назидание другим. После того как их выпустили, ГПУ в течение восьми дней вело за ними наружное наблюдение, но потом его пришлось снять, так как сотрудники секретной службы, в свою очередь, обнаружили за ними наблюдение со стороны ссыльных.

Именно это обстоятельство повлияло на принятое Фрумкиным и Выгоном решение совершить побег. Они догадывались, что вок-

зал и все отходящие и приходящие поезда до станции Актюбинск находятся не только под гласным, но и негласным наблюдением. Поэтому сели на поезд на второй от Актюбинска станции, оставив с носом агентов окружного ГПУ.

В пятницу, отметившись в комендатуре, Выгон бежал с места поселения. Запутывая следы, после долгих мытарств, добрался до Оренбурга. В сумерках разыскал нужный адрес. Отдохнул, привел себя в порядок и на следующий день с билетом в кармане и баулом в руке отправился на вокзал. Время рассчитал так, чтобы сесть в вагон минут за 5—7 до отправления. Здесь, на вокзале, жизнь сыграла с ним злую шутку. Когда вошел в здание и направился к противоположной двери, успел заметить стоявшую на пути миловидную женщину, искавшую что-то в сумочке. Выгон находился в двух-трех шагах от нее, когда послышался звон монет, ударившихся о пол и покатившихся в разные стороны. Выгон нагнулся, поставил баул и вместе с несколькими пассажирами стал помогать собирать монеты. Поднял несколько штук и протянул их даме. Она взяла, мило улыбнулась, поблагодарила и пошла к выходу. Выгон повернулся взять баул, но его не оказалось на месте. Растерявшись, он начал оглядываться и не знал, что предпринять. Понял только, баул «увели». Раздался звон колокола, извещавшего о скором отправлении поезда. Выгон направился к выходу на перрон. Успел сделать десятка три шагов и услышал за спиной торопливые шаги и обращение: «Молодой человек, минуточку, тут вора с вашим баулом поймали». Выгон невольно среагировал на обращение. Еще не успел осознать услышанное, как перед ним оказался невзрачный человек и произнес: «Пойдемте, заберете свой баул». Они оказались в центре внимания находившихся рядом пассажиров и провожающих. Выгону ничего не оставалось, как пойти за этим человеком, оказавшимся впоследствии агентом уголовного розыска. Вошли в дежурную комнату милиции при вокзале. В ней находились два милиционера и молодой парень, по всей видимости, задержанный. На столе стоял злосчастный баул. Сопровождавший Выгона сказал: «Вот, привел хозяина баула». Дежурный, судя по повязке на рукаве форменной одежды, спросил у Выгона, его ли это баул. Выгон ответил: вроде бы мой, но таких много... Ему предложили перечислить содержимое баула. Открыли его и стали выкладывать на стол. Все сходилось. Выгон начал торопливо запихивать вещи, но дежурный, прежде чем составлять акт, попросил предъявить документы... Баул остался у дежурного на столе, а Выгон — в камере для задержанных до выяснения личности. На третий день его переправили в ДОПР (Дом предварительного заключения), а по линии ГПУ была послана следующая телеграмма:

«Серия «К»

Почто-телеграмма

Всем охр. отделам, входящим в ПП ОГПУ по КССР

СОО ГПУ

Шекен, Бритсон

А/СС оппозиционер Выгон, бежавший с места ссылки (гор. Актюбинск), установлен и арестован СОО ГПУ в гор. Оренбурге тч. Предлагается розыск его прекратить. 3.06.1929 г.

№ 13/45711

Пом. нач. СОУ ПП ОГПУ *Пом. нач. СО»*

При допросе по факту побега арестованные как один стали обвинять работников ГПУ в том, что они сами их тайно арестовали с целью отправки в город Уил к месту ссылки. Если же действительно Фрумкин и Выгон совершили побег, то им об этом не было известно и в данном случае скрывшиеся действовали самостоятельно.

Не получив необходимых сведений во время первого допроса, арестованных пустили по второму кругу. Они опять повторяли одни и те же фразы. Явно чувствовался сговор. Кое-какую ясность внес во время допроса Гиршик, который оговорился или случайно обронил слова о том, что «они бежали в Москву». После допроса Гиршика сотрудник ГПУ доложил руководству свои соображения о том, что Гиршик, судя по всему, безусловно знал о побеге.

Во время этого ареста и допроса ссыльный Кабаков подтвердил то обстоятельство, что вопрос о побеге Выгоном неоднократно ставился перед отдельными административно-ссыльными. По его заявлению, накануне побега Тер-Оганесов приходил к Кабакову и требовал 65 рублей, которые он должен был кассе взаимопомощи ссыльных, но, кто ведает кассой, он, Кабаков, точно не знает.

По всем данным, следственные материалы косвенно уличали Гиршика и Тер-Оганесова в соучастии в побеге Выгона и Фрумкина. Что касается остальных арестованных, проживавших вместе со скрывавшимися, то они, наверняка зная о побеге, сговорились и давали тождественные показания. Но доказать их соучастие в побеге не представлялось возможным.

Средства, необходимые для побега, по мнению сотрудников ГПУ, скрывшиеся получили у арестованных оппозиционеров, и в этом сомнений не было. Накануне все получили жалованье, но когда каждого из них попросили предъявить имеющиеся в наличии деньги, то у них оказались гроши.

В процессе расследования факта побега удалось по агентурным данным и на основании показаний находившихся на свободе ссыльных установить происшедший в колонии ссыльных раскол на две самостоятельные группы. В первую входили арестованные, а во вторую — находившиеся на свободе. По всему выходило, что если бы вопрос о побеге обсуждался всеми ссыльными, то, несомненно, побег Фрумкина и Выгона не был бы санкционирован, поскольку среди всех ссыльных они не пользовались достаточным авторитетом. Из этого вытекало, что только группа арестованных содействовала их побегу, руководствуясь теми соображениями, что считали посылку в Уил Фрумкина и Выгона суровой репрессией, и они, несомненно, будут арестованы и отправлены насильственно. С Выгоном мы еще встретимся после его осуждения за совершенный побег...

КРЕСТНЫЕ ОТЦЫ ГУЛАГА

Много ходило и ходит всяких легенд об «Архипелаге ГУЛАГ», его многочисленных обитателях и среди них о боге-создателе этой во всех отношениях твердыни — Нафталии Ароновиче Френкеле. Одиозная фигура этого заключенного оказалась редкой находкой для карательных служб ОГПУ. Рослый, здоровен-

ный мужчина в шинели до пят и буденовке, он казался монументом ГУЛАГа. Впрочем, в этом одеянии он проходил недолго и вскоре сменил на великолепное кожаное пальто на меху и такую же шапку. От него веяло незаурядной злой силой, и даже матерые уголовники его сильно побаивались. В 1927 году вовсе не по своей воле оказался он на Соловках. Используя широчайшие возможности нэпа, Френкель в Одессе организовал трест, занимавшийся контрабандой с поистине американским размахом. Связанный с уголовным миром, Френкель не очень считался с еврейской общиной в Одессе, которая стремилась поставить под контроль его прибыльное дело. Зародившийся на этой почве антагонизм между Френкелем и еврейской общиной привел к тому, что им занялась комиссия центрального аппарата ОГПУ во главе с членом коллегии Дерибасом. Последний был потомком французского эмигранта, аристократа и слыл совершенно неподкупным. Благодаря помощи еврейской общины Дерибасу удалось подвести Френкеля под суд. Еще раз их пути сошлись на Дальнем Востоке, где Френкель возглавлял крупнейшее железнодорожное управление ГУЛАГа. Там, не без помощи Френкеля, и исчез Дерибас в 1938 году.

Занимаясь контрабандой в Одессе, Френкель оказывал помощь местному ГПУ, и она не была забыта. Не успел предприимчивый валютчик-миллионер ступить на Соловецкую землю с палубы парохода, как сразу же становится во главе эксплуатационно-коммерческой части УСЛОНа. В считанные месяцы он развернул в Кеми выгодное для хозяйственного отдела ГПУ предприятие по производству кожевенных изделий, которыми бойко торговали фирменные магазины Москвы.

Легенда гласит о том, что однажды, оседлав аэроплан на Соловках, спустился Френкель с поднебесья и предстал перед Отцом народов, а затем, припав ниц к стопам его кавказских сапог, поведал о своей заветной мечте построить под его личным руководством социализм через труд заключенных. И вроде бы Отец народов уронил скупую мужскую слезу на преклоненную голову Френкеля и повелел быть тому, хотя и жалко было посылать заключенных в дикие, пустынные места государства. Но так гласит одна из легенд. А как же было на самом деле? Обратимся к архивным документам, дабы не создать еще одну, может быть, и более правдоподобную легенду. Первоисточником для нас послужит записка Ф. Э. Дзержинского И. С. Уншлихту по поводу применения к преступникам смертной казни. Ее применение для пролетарского государства, считал он, «вредно и даже пагубно». Чем же, по мнению Ф. Э. Дзержинского, следовало заменить ее? В качестве альтернативы им выдвигалась идея усиления репрессивной роли лишения свободы путем неприменения амнистии к лицам, осужденным выше определенного срока, например, пяти лет. И, кстати говоря, многие амнистии за всю историю страны после революции не распространялись на осужденных свыше этих сроков. «Необходимо будет, — писал Ф. Э. Дзержинский, — далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) — лагерей с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной. Мест и пространства у нас достаточно».

Ф. Э. Дзержинский требовал отказаться от преходящего либерального чувства жалости и абстрактной справедливости к преступникам. По его мнению, республика не могла быть жалостливой и не может на них тратить больших средств. Они обязаны своим трудом окупать расходы на свое содержание. Поскольку в условиях безработицы не представлялось возможности занять их трудом по месту совершения преступления или по месту жительства, то он предлагал заселить ими пустынные, бездорожные местности и в качестве таковых называл Печору, Обдорск и другие места.

Практически в конце 20-х годов в сфере борьбы с уголовной и политической преступностью перед ЦК РКП(б) и правительством страны стояли две взаимосвязанные задачи — изолировать преступников от общества и занять каждого из них общественно полезным трудом. Решить их с минимальными затратами на содержание мест лишения свободы можно было посредством изоляции в отдаленных местностях Союза ССР, что совпадало с интересами индустриализации и мерами по ликвидации безработицы. По расчетам, на выдачу пособий по безработице, как отмечалось на XV съезде ВКП(б), в течение ближайших пяти лет предстояло истратить около миллиарда рублей. В условиях начавшейся индустриализации эти средства было выгоднее вложить в развитие промышленности, но как тогда быть с безработными? В ряде выступлений на съезде (Рыков и др.) указывалось на наличие на территории Союза огромных областей, пригодных для переселения туда избыточного населения. Проведение же этой кампании потребует настолько больших средств, что на протяжении ближайших пяти лет не позволит приступить к решению этой задачи.

Но если нет средств для переселения избыточного населения, то следует направить туда осужденных, тем более в таком случае государство, не имевшее от них экономической выгоды и несущее крупные расходы на содержание, получит не только прибыль, но и существенно сократит расходы. Для этого всего лишь нужно было внести изменения в законодательство, подчинив его, как говорил на съезде Р. И. Эйхе, в первую очередь требованиям жизни и жизненной целесообразности.

В 1928 году нарком РКИ РСФСР Н. Янсон в письме И. В. Сталину также высказывал предложение об использовании труда уголовных преступников в освоении отдаленных местностей, на земляных работах крупных строек, а главным образом на заготовках леса, так как экспорт древесины давал необходимую валюту для оплаты закупаемого за рубежом оборудования. В древесине во все более возрастающем объеме нуждались и металлургические заводы.

За законодательством дело не стало. При этом обошлись без бюрократической волокиты. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 года в «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» были внесены необходимые изменения. В новой редакции ст. 13 предусматривала лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР. Несколько ранее, 11 июля 1929 года, СНК СССР принял постановление, которое возложило на ОГПУ СССР задачу развития хозяйственной жизни наименее доступных для освоения и вместе с тем обладающих огромными естествен-

ными богатствами окраин Советского Союза посредством использования труда изолируемых опасных элементов, колонизации ими малонаселенных мест. Организация новых лагерей предусматривалась в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Основные вопросы деятельности этих специфических мест лишения свободы регулировались постановлением СНК СССР от 2 апреля 1930 года. Они предназначались для содержания лиц, осужденных судом или «Особым постановлением ОГПУ» на срок от трех до десяти лет. При ОГПУ СССР было создано Главное управление трудовых лагерей и трудовых поселений, которому подчинялись исправительно-трудовые лагеря.

У истоков формирования Управления лагерей ОГПУ стоял Лазарь Иосифович Коган. В Октябрьскую революцию он шагнул из широко раскрытых ворот Бутырской тюрьмы, где отбывал наказание. Состоял в партии анархистов. Реальная власть оказалась у большевиков, и потому Коган быстро сменил свою идеологическую ориентацию. Написал заявление, в котором утверждал, что идеи Маркса, Энгельса и большевиков обладают притягательной силой и способны помочь отстоять революционные завоевания масс. В июле 1918 года Херсонским комитетом РКП(б) был он принят в партию большевиков. С той поры началось восхождение Когана к вершинам государственной управленческой пирамиды. В Красной Армии прошел путь от политкома батальона до политкома инспекции 9-й армии. Был начальником партийной школы на Кубани. Работа тихая, спокойная, но и не приближающая к власти. А он уже рассмотрел, какую силу набирают органы. Выручили друзья. Выхлопотали ему назначение на пост начальника особого отдела родной 9-й армии. Здесь уже пришлось не идеи Маркса вдалбливать в головы вставшим на первую ступеньку партийной лестницы, а копаться в душах блуждающих в потемках партийных течений красноармейцев. Через некоторое время становится Коган заместителем начальника войск ОГПУ СССР.

А тем временем подоспела стройка века — Беломорско-Балтийский канал. Сам Отец народов был его «крестным». Запахло славой и орденами. Надо только побыстрее построить и отрапортовать. И вовсе неважно, что возведение грандиозного сооружения фактически будет продолжаться до начала Великой Отечественной войны. Строительство канала непосредственно возглавлял Л. И. Коган. Финансовый отдел подчинялся М. О. Сегалю. Охрану заключенных обеспечивал Бродский. Помощником начальника по строительству был уже освобожденный от наказания за успехи на Соловках Н. А. Френкель.

Где же вы были, черноокие цыганки? Отчего не подкараулили Лазаря Иосифовича на улице, не погадали по руке, не раскинули на картах о судьбе его? А поведай, что ему уготовлено, как и подавляющему большинству членов различных оппозиционных политических партий и групп в стране, а заодно и старой большевистской гвардии, — возможно, уплыл бы Коган по своему каналу в северные моря... Увы, не встретились ему цыганки-предсказательницы.

Начальником Главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ СССР являлся Матвей Давидович Берман. Последняя должность — заместитель народного комиссара внутренних

дел Союза ССР, комиссар госбезопасности III ранга *. Вот уж кто шагнул на зависть Когану. А всего-то был уполномоченным ПП ОГПУ в Шахтах. Но, по всей видимости, хорошо ориентировался в обстановке. И вот, закрыв на ключ дверь служебного кабинета, завесив шторы, подбросив для комфорта уголька в печку, расположился Матвей Давидович за столом. И побежали из-под пера, после пометки в правом углу листа бумаги «совершенно секретно», строчки первого спецдонесения об имевшем место «вредительстве» в Шахтах. Теперь там, наверху, узнают, что это он, Берман, стоял у истоков знаменитого шахтинского дела, к которому было привлечено внимание прессы в стране и за рубежом.

Вот только как теперь быть? Процесс признан сфальсифицированным, жертвы реабилитированы. Но вот они, наши парадоксы. Реабилитированы и фальсификаторы — М. Д. Берман, Н. В. Крыленко и др. Представляется, шахтинское дело все еще ждет своего добросовестного исследователя. Возможно, еще раз потребуется расставить точки над «i».

Тем временем далеко шагнул Берман, от простого уполномоченного до начальника Главного управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ СССР (ГУЛАГа). Восхождение стремительное, но и не менее стремительное падение в бездну **.

Заместителем М. Д. Бермана, после окончания строительства Беломорско-Балтийского канала, стал Яков Давидович Рапопорт, недоучившийся студент Дерптского университета, эвакуированного в Воронеж, начальник Воронежского губчека. Водил он дружбу с большевиками, и были ему чужды идеологические шатания. Потому уцелел и при Ежове, и при Берии, но в какой-то мере также пострадал. Прощай, белокаменная столица. Не по своей воле отбыл Яков Рапопорт из ГУЛАГа на должность начальника Волжского исправительно-трудового лагеря ***.

Еще одним заместителем Бермана являлся Семен Григорьевич Фирин (Пупко). Личность далеко не ординарная. В 1916 году призвали его в Витебске в армию. Но за веру, царя и отечество не пожелал он воевать и дезертировал с призывного пункта.

Однако царские сыщики хлеб не даром ели. В 1917 году изловили Фирина, но вместо того, чтобы судить, вновь потащили на призывной пункт. Не учли только накопленного Фириным опыта. И второй раз он дезертировал. Во время гражданской войны доводилось видеть его у границ образовавшихся Прибалтийских

---

* В Велоруссии в 1937—1938 годах орудовал Б. Д. Верман, комиссар безопасности III ранга, брат М. Д. Бермана. Отслужив у Ягоды заместителем начальника иностранного отдела, Б. Берман показал себя в Белоруссии. Он немедленно убирал тех руководителей районных звеньев НКВД, которые выражали сомнение в необходимости арестов всех граждан, на которых писались доносы. Резолюции Берман любил писать толстым зеленым карандашом: такого-то «нужно арестоват и взят сюда» (орфография резолюции сохранена). Этот полуграмотный нарком любил слово «сюда». Под покровительством брата он чувствовал себя неуязвимым и бесконтрольным на своем посту.

** При Берии братья Берманы были репрессированы за контрреволюционную деятельность.

*** После войны в чине генерал-майора занимался восстановлением Беломорско-Балтийского канала, который строил и знал, что к чему. Преодолел волны сталинских репрессий, хотя и без помпы, но благополучно достиг пенсионной гавани.

государств. После ее окончания оказался Фирин за границей и чем занимался — неизвестно. Только в 1930 году встречали его в особом отделе ОГПУ. Можно было видеть его идущим в сторону Красной площади. Поскрипывали ремни на новой кожаной тужурке, а правый бок своим теплом согревал сталь револьвера — символ властных полномочий *.

Первым детищем ГУЛАГа являлось Управление северных лагерей особого назначения ОГПУ, официальная дата рождения — 5 августа 1929 года, место рождения — бывший строгановский дворец в городе Сольвычегодске. В 1930 году в северную группу лагерей входили: Пинюгинский, Устьвымский, Котласский, Архангельский, Сыктывкарский и Ухтинский. Кроме того, в подчинении Управления находилась особая Вайгачская экспедиция (о. Вайгач). По состоянию на 2 октября 1930 года в лагерях числилось осужденных за контрреволюционную деятельность 22 000 человек, в том числе 700 шпионов и 2000 из числа духовенства сектантов, а также 5000 человек, осужденных за политический бандитизм. Перед этими лагерями была поставлена задача: освоить силами заключенных природные богатства северного края (добыча угля в бассейне рек Печора и Воркута, нефти в Ухте и строительство железных и грунтовых дорог, заготовка и вывоз леса). Созданное управление возглавил Август Петрович Шийрон.

По состоянию на 1 января 1930 года уже функционировали лагеря: Северный, Соловецкий, Карело-Муромский, Свирьский и Вишерский. Общая численность заключенных в них составляла 179 тысяч человек. В 1930—1932 годах создается еще ряд лагерей: Сибирский (рук. Биксон), Казитлаг (рук. Израилев), Карагандинский (рук. Шаверский), Дальневосточный (рук. Мартинелли), Байкало-Амурский, Среднеазиатский, Темниковский (рук. Сенкевич), Дмитровский (рук. Фирин, заместитель Кацнельсон), Ахунский, Сызранский. Одним словом, ГУЛАГ начал разрастаться.

Надо отметить, что ГУЛАГ — это не просто машина по переработке человеческого материала. Его функционирование нуждалось в теоретическом обосновании. И теоретики-программисты — тут как тут. Их было много, больших и малых. Всех перечислять долго, но без наиболее заметных не обойтись. Назовем Е. Г. Ширвиндта, одного из первых начальников Главного управления мест заключения РСФСР. Много он публиковался на страницах ведомственной печати в 20-х годах и наверняка создал бы фундаментальный труд по лаговедению. Дружил с троцкистами, и это сыграло решающую роль в его дальнейшей судьбе. В результате получилось по тюремной шутке. Спрашивает у заключенного начальник тюрьмы: «Где проживал до ареста?» Тот отвечает: «Да вот, гражданин начальник, из окна вашего кабинета видно. Через дорогу, напротив тюрьмы. А теперь живу напротив собственного дома». Так и с Ширвиндтом. Руководил тюремной системой и впоследствии сам стал ее узником.

К разработке теоретических основ исправительно-трудовой политики и практики самое непосредственное отношение имел Борис Самуилович Утевский. Вместе с Ширвиндтом они писали первые крупные работы по тюрьмоведению, формировали правовую базу и обосновывали теорию перевоспитания преступников всех категорий. В жизни Утевский был крайне осторожен и ни в каких партиях не состоял. Попади в лагеря, носил бы кличку Хамелеон. Однако нет, не попал. А почему? Да потому, что быстро «перекрасился» и начал громить своих вчерашних единомышленников и их «бредовые тюремные идеи по перевоспитанию заключенных». В 1931 году выступил на заседании в Институте по изучению преступности при Народном комиссариате юстиции РСФСР с докладом: «Исправительно-трудовая политика реконструктивного периода». По его новому мнению, исполнение наказаний в предшествующий период было построено на принципах, воспринятых у либеральной буржуазной пенитенциарной теории, а литература по пенитенциарным вопросам отражала эти либеральные принципы и резко расходилась с марксистскими установками.

Осудив заложенные в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 года такие наиболее важные принципы, как индивидуальный подход к преступнику, прогрессивную систему исполнения наказаний, сформулированную задачу исправления и т. д., он дал ему отрицательную оценку как якобы построенному не на марксистских принципах. В докладе отрицалась возможность перевоспитания осужденных и право на существование исправительно-трудовой педагогики и психологии. Доклад вызвал острейшую дискуссию, и хотя его основные положения не нашли поддержки у выступавших, тем не менее и принятой резолюции осуждалась предшествовавшая исправительно-трудовая политика. Фактически принятая резолюция во многом отходила от основополагающих принципов, сформулированных еще Лениным.

Выступала в качестве тюремного теоретика и жена Г. Г. Ягоды — Ида Авербах, племянница Я. М. Свердлова. Но, изучая ГУЛАГ, видела она все не так, как было на самом деле. И вовсе не рабочие и крестьяне, случайно попавшие на гулаговский материк, перековывали контрреволюционеров и преступников-профессионалов. Наоборот, классово чуждые элементы из числа судимых по пятьдесят восьмой статье обкрадывали их труд на производстве, а уголовники-рецидивисты отбирали заработанную каторжным трудом пайку и все, что приглянулось из личных вещей. И. Авербах принадлежали восторженные дифирамбы о проводимой в лагерях коллективизации посредством создания трудовых коллективов, в которые не допускались контрики и священнослужители, а также раскулаченные.

Успехи ОГПУ в перековке всех и вся нуждались в широкой рекламе. И поплыла по только что открытому Беломорско-Балтийскому каналу имени Сталина (имя присвоено по инициативе Менжинского и Ягоды) большая компания литераторов и журналистов. По пути на остановках встречали их лагерные чины с оркестрами, с хлебом и солью. Заодно вручали журнальные и газетные подшивки с очерками, зарисовками и стихотворениями заключенных — писателей и поэтов, талант которых начал «развиваться» и смог «расцвести» только на благодатной почве вдоль берегов канала и только под руководством чекистов.

После возвращения из поездки лучшие литературные силы были брошены на создание в сжатые сроки первого монументаль-

---

* Вот только не знал он, что каждый прожитый день станет приближать его встречу с Ежовым. Как увидит Фирина Николай Иванович, так сразу не понравится ему ни сам Фирин, ни его биография

ного труда о героях «Белбалтлага». Вскоре вручили Отцу народов великолепное издание в сафьяновом переплете. На обложке красовался бронзовый барельеф И. В. Сталина. Разбежался мгновенно тираж по коридорам ГУЛАГа и ОГПУ, по кабинетам высокопоставленных партийно-советских чиновников. Впоследствии книга вместе со многими из ее авторов была арестована, и до самой своей реабилитации в 1989 году не прикасались к ее страницам читатели.

И. В. Сталину вручил книгу Г. Г. Ягода. Читать фундаментальный труд вождь не стал, но не преминул полистать. Усмехнулся, когда попались на глаза страницы о величайшем эксперименте по перековке профессиональных преступников, бывших кулаков и священнослужителей. О тех, кто отбывал наказание за бытовые преступления, в книге говорилось значительно меньше. Эта категория преступников мало интересовала писателей и журналистов. Главное содержание книги все же составляла тема перековки уголовников. Несколько больше писалось о бывших вредителях, занимавших различные административно-технические должности в лагерях. Почти не уделялось внимания кулакам, хотя их на Беломорканале было не меньше, чем уголовников. Перековка осужденных преподносилась как нечто крупномасштабное в стране и в оптимистических тонах. Особый упор делался на то, что в сознании преступников происходят крупные сдвиги, что они осознают свое преступное прошлое, становятся на путь новой жизни. Старые грехи им прощались, а за активное участие в трудовых процессах они освобождались досрочно. Некоторым выдавались путевки для поступления в высшие и средние учебные заведения, некоторые награждались орденами. Шумиха в центральных газетах и журналах вокруг строительства канала, описание жизни и быта заключенных в розовых красках приводили к тому, что под воздействием средств массовой информации у трудящихся складывалось впечатление, что лагеря чуть ли не кузница ударников и стахановцев, шутя сворачивающих горы. Условия жизни там таковы, что многим свободным гражданам далеко до этого. Тем самым стиралось устрашающее воздействие исправительно-трудовых лагерей как места отбывания наказания.

Вслед за этой книгой началась эпопея восхваления ГУЛАГовской перековки. Фирин тотчас тиснул в «Партиздате» книжицу, хотя и небольшую по объему, назвав ее «Итоги Беломорстроя». Долго находилась она в спецхране и теперь реабилитирована вместе с автором. При желании можно прочесть.

Ида Авербах размахнулась и выдала на-гора в 1936 году объемную монографию под редакцией самого Вышинского «От преступления к труду». Тут же поспел и сборник трудов ученых и практиков ГУЛАГа: «От тюрем к воспитательным учреждениям». Почесали затылки кое-кто из начальников лагерей и не удержались от искушения увековечить имя свое в отечественной литературе, но об этом несколько позже.

Создать систему лагерей не так уж сложно. Гораздо труднее заставить ее функционировать в интересах выполнения поставленной задачи. В первые годы работы лагерей только высший командный состав управлений и отделений комплектовался кадровыми чекистами и вольнонаемными сотрудниками, которые составляли незначительную долю аппарата. В частности, по состоянию на

1 февраля 1931 года штаты Управления УСЕВИТЛАГа насчитывали 542 единицы. Заключенными были укомплектованы 411 должностей. Они выполняли обязанности: начальников лагерных пунктов, командировок, лагерных старост и их помощников; ротных старост и их помощников; комендантов отделений и отдельных зданий; прорабов, мастеров, десятников, нарядчиков; воспитателей, заведующих клубами, театральными труппами и руководителей оркестров; бойцов военизированной и пожарной охраны; работников информационно-следственных частей, учетно-распределительных и культурно-воспитательных отделов, редакций газет; капитанов судов и летчиков; радистов; медицинских работников и т. д. За счет этого создавалась управленческая структура системы ГУЛАГа, охватившая всю массу заключенных.

Вследствие неграмотности и малограмотности многих осужденных на этих должностях практически оказывались лица, судимые по пятьдесят восьмой статье: кулаки, мошенники-рецидивисты и др. Сразу выявились и отрицательные стороны использования труда осужденных на этих работах. Усилилась нелегальная связь заключенных с гражданами за пределами лагерей. От руководителей мест лишения свободы укрывались допущенные осужденными проступки и преступления, что способствовало разложению дисциплины в лагерях. Имели место факты, когда занятые на работе в канцелярии использовали свои возможности для изъятия документов из личных дел, для подделки различных бланков, внесения изменений в срок наказания, разглашали сведения, касающиеся судьбы лишенных свободы, а все это приводило к нежелательным последствиям.

Во многих местах заключения, ввиду отсутствия или недостаточного числа осужденных из бывших работников правоохранительных органов, военнослужащих, администрация оказывалась вынужденной назначать для несения постовой службы, требующей обеспечения оружием, судимых за различные преступления.

Руководство ОГПУ СССР, разве только по наивности, полагало, что попавшие в лагеря рабочие, крестьяне, советские служащие, занимая ключевые посты в управленческом аппарате лагерей разного уровня, помогут администрации организовать работу по перевоспитанию контрреволюционеров, кулаков, профессиональных преступников. Трудно представить, чтобы руководители ГУЛАГа не понимали того обстоятельства, что необходимыми знаниями и практическим опытом решения производственно-хозяйственных задач и работы с людьми обладали как раз специалисты, инженерно-технические работники, отнесенные к классово-враждебным элементам. Привлечь их на свою сторону ОГПУ могло только, пообещав определенные льготы за хорошую работу. Поэтому с первых же дней содержания в ИТЛ специалисты, используемые на производстве, на административно-хозяйственной и воспитательной работе, отбывали наказание в совершенно иных условиях, чем те, кто специальности не имел. Они проживали в отдельных бараках в улучшенных жилищно-бытовых условиях. Им устанавливались персональные оклады, во много раз превышающие суммы премиального вознаграждения за выполнение планового задания, получаемого заключенными на основных работах. Подтверждением тому служит приказ № 105 по Беломорско-Балтийскому ИТЛ, в соответствии с которым устанавливались оклады заключенным-инженерам: Н. Х. Дзерне — 120 руб.;

И. В. Алексееву — 90 рублей. В то же время заключенные, занятые на земляных работах, при выполнении нормы получали премиальное вознаграждение в сумме 10 руб. в месяц, а на работах второй и третьей категории (менее тяжкие) соответственно 7 руб. 50 коп. и 3 рубля.

Специалисты питались в своей столовой для административно-технического персонала. Им предоставлялась возможность вызывать семьи для совместного проживания. Направлялись и командировки в пределах страны. Пользовались другими льготами.

Инженерно-технические работники, специалисты различных отраслей хозяйства, в том числе работавшие в специальных конструкторских и технологических бюро, составляли среди заключенных особую касту со своим укладом жизни.

На нижней ступеньке административно-хозяйственной системы стояли мастера и бригадиры. Именно они под давлением уголовно-бандитствующих элементов обкрадывали труд заключенных на производстве в пользу первых.

Обслуживающий персонал на лагерных пунктах: повара, кладовщики, каптеры, хлеборезчики, заведующие ларьками — в свою очередь, обкрадывая заключенных, подкармливали уголовно-бандитствующие элементы.

Таким образом, правомерно сделать вывод о том, что фактически среди заключенных была создана привилегированная каста, через которую руководители ГУЛАГа проводили свою линию. Необходимость ее создании не вызывает сомнения. Ведь ОГПУ взяло на себя обязанность снять бремя расходов на содержание заключенных посредством перевода лагерей на самоокупаемость.

При таком положении острие карательной политики, направляемое теоретически против контрреволюционных элементов и преступников-профессионалов, на практике оборачивалось прежде всего и главным образом против рабочих и крестьян (как называли их в официальных документах ОГПУ — социально близких советской власти), которые в своем подавляющем большинстве использовались на тяжелых физических работах, но отбывали наказание в значительно худших материально-бытовых условиях, получали за свой каторжный труд мизерное премиальное вознаграждение и первыми умирали от истощения и болезней. И хотя начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей Берман публично призывал заключенных из социально-близкой пролетариату среды помогать «рабоче-крестьянскому правительству» перевоспитывать контрреволюционеров и деклассированных преступников, на практике получалось наоборот.

Идеи Льва Троцкого о трудовой армии находили прямое воплощение в практике ГУЛАГа. Заключенные назывались «каналармейцами», «путеармейцами» и носили обмундирование военного образца. В соответствующем духе издавались и приказы по лагерям. Позволим себе процитировать один из подобных приказов за № 4 от 22 марта 1932 года, подписанный Л. М. Коганом. «Наш план — это приказ на фронте. Кто не верит в возможность его выполнения, тот оппортунист, тот — враг советского строительства. Кто не выполняет плана — тот не исполняет приказа на фронте в боевой обстановке. Кто не выполняет боевых приказов — тот изменник.

Командиры!

Позор прорыва в первой половине марта должен быть смыт мобилизацией всех сил во второй половине марта и апреля. Надо нагнать упущенное.

Каналармейцы! Коллективы! Ударные бригады!

Выполнение заданных вам производственных норм, выполнение планов в целом — ваш долг, ваша обязанность, ваш путь исправления и облегчения условий возвращения в среду вольных рабочих.

Вы обязаны работать больше, лучше и производительнее, чем вольнонаемные рабочие.

Только этим вы сможете искупить свою вину перед пролетариатом Союза, перед Революцией».

На лагерном пункте решение всех хозяйственных и бытовых вопросов заключенных обеспечивали лагерные старосты. В круг обязанностей старосты входили: прием и размещение осужденных в бараках по принципу совместной работы, наблюдение за приготовлением пищи и ее раздачей, отопление и освещение бараков, наблюдение за работой бани и прачечной, поддержание внутреннего порядка и чистоты, проведение утренней и вечерней проверки, организация развода осужденных на работу и т. д. На дневальных по роте возлагались обязанности поддерживать чистоту и порядок на закрепленной территории, обеспечивать сохранность имущества осужденных, отопление помещений и т. п.

Должностные лица из числа осужденных выделялись среди контингента введенными для них знаками различия. Инженеры носили знаки серого цвета с изображением инженерного знака. Административный, технический и воспитательный состав — синего цвета с соответствующими металлическими буквами (Д — десятник, Б — бригадир, В — воспитатель). Стрелки военизированной охраны из осужденных носили установленную для них форму с петлицами и звездами на головном уборе защитного цвета.

Итак, система была создана, заработала на полную мощь, а затем в ее работе появились сбои вследствие ряда объективных и субъективных причин. Во второй половине 1936 года стала она подвластна Н. И. Ежову, который занялся ее «капитальным ремонтом». Однако времени и власти у него хватило только на то, чтобы открутить головы «отцам ГУЛАГа» и перестрелять тех, кто, по его мнению, постоянно вставлял палки в колеса.

Очередную попытку подтянуть гайки в расшатавшейся системе предпринял Л. П. Берия и добился немалого. Но довести дело до конца помешала Великая Отечественная война. В первые послевоенные годы вследствие отмены смертной казни в стране вновь залихорадило ГУЛАГовский материк. К тому времени все нити управления оказались сосредоточенными в руках нового министра внутренних дел С. Круглова. Надо отдать ему должное, он многое сделал для улучшения положения заключенных. К сожалению, дальнейшие его замыслы и идеи разметало политическим штормом, связанным с приходом Н. С. Хрущева. Наведенный при нем на эту систему косметический глянец только более надежно скрыл ее дефекты, не затронув существа. Такой она и дожила до перестроечных процессов в стране и только благодаря новым политическим ветрам, а затем забастовкам, бунтам, захватам заложников привлекла к себе ныне внимание общественности. Что это за система — мы знаем. А вот какой будет?..

АГЕНТ ТРОЦКОГО

После расформирования Карлаговского эшелона, прибывшего на строительство канала Москва — Волга, осужденные из числа военизированной охраны распоряжением начальника Дмитровского ИТЛ, он же заместитель начальника ГУЛАГа, были оставлены для выполнения служебных обязанностей. Эшелоны с заключенными шли непрерывно, и охраны катастрофически ее хватало. Выгон получил назначение в третий лагерный пункт Хлебниковского района, недалеко от Москвы. В Карлаге, как он знал, радиофикация поселков только начиналась. Здесь, на трассе канала, все лагерные пункты были радиофицированы. По вечерам, после рабочего дня, у черной тарелки динамика, уже засиженного полчищами мух, собирались те, кто впервые в жизни встречался с этим чудом. Радиобеседы, лекции тематической направленности, подготавливаемые культурно-воспитательным отделом лагеря, особого интереса не вызывали. Другое дело — ежедневные передачи сводок с трудового фронта о работе бригад, трудовых коллективов. В этих радиообзорах отражалась суровая, многотрудная лагерная жизнь. Иногда в них проскальзывали фамилии знакомых по прежней жизни, по многочисленным пересылкам в этапам.

Больше всего привлекали передачи перед отбоем, после 21 часа. Залихватские частушки в исполнении агитбригад, замешенные для колорита на блатном тюремном жаргоне, непроизвольно врезались в память и на какое-то время становились популярными не только в часы досуга, но и на работе. Тюремный жаргон незаметно пропитывал лексикон лагерников, становился непременной принадлежностью личности каналармейца. Отдельные блатные словечки сами собой вылетались в обыденную разговорную речь, звучали в выступлениях на собраниях, проникали на страницы общелагерных газет, не говоря уже о стенной печати. Несмотря на грозный приказ начальника лагеря «О борьбе с лагерным жаргоном», одолеть его никак не удавалось. Особенно грешили этим выступления агитбригад. Впрочем, удивляться не приходилось. Тридцатипятники (осужденные по ст. 35 УК РСФСР) — воры-профессионалы составляли костяк агитбригады. Это были талантливые самородки, ибо воровская профессия требует незаурядных артистических данных. Именно они оказывались самыми подходящими кандидатами в лагерные артисты. Петь под гитару, плясать, показывать различные фокусы и т. д. для молодого вора — большое удовольствие. Вор любит публику, он не может существовать без нее, потому что только она в состоянии оценить его изобретательность и талант. Отвести душу, развлекая себя и других, — непременный атрибут досуга на воровской малине после удачно провернутого дельца.

Как Выгон знал из рассказов заключенных, в 20-х годах большинство преступников-профессионалов и лиц, совершивших тяжкие преступления, содержались в так называемых тюрьмах строгой изоляции. Сидели они в камерах, не работали, общались между собой, вели поучительные беседы о будущей жизни, почитывали книжки, газеты и журналы, поигрывали в картишки под интерес, наслаждались выступлениями художественной самодеятельности и артистов профессиональных театров. Имели возможность слушать, в отличие от подавляющего большинства рабочих и крестьян в стране, радио, смотреть кинофильмы, внимать лекторам и политбеседчикам. Освобождались досрочно, благодаря извечной тяге нашей к гуманизму по отношению к преступникам, и вновь становились на путь преступлений. Выходит, что освобождение от участия в трудовых процессах никак не побуждало их к отказу от преступного образа жизни. Да и какую жизнь они могли вести, если о труде имели представление по публикациям и фотографиям в газетах?..

Из бесед с заключенными лагпункта Выгон узнал интересный факт из жизни нового лагеря. Оказывается, на Беломорканале еще вовсю кипели завершающие работы, а под Москвой в январе 1933 года зарождалась жизнь на новой великой стройке — канало Москва — Волга. С наступлением лета сюда потянулись железнодорожные составы со «специалистами» Беломорканала.

Прибывшие этапы заключенных сразу же попадали в бытовую неустроенность, под командование ранее судимых, как хорошо знающих «тюремные порядки», сталкивались с хаосом и неразберихой в работе различных частей и служб. Комиссии по обследованию лагерных командировок отмечали вопиющие безобразия, все это добросовестно фиксировали, давали указания, но маленькие чиновники в звеньях огромной системы крутились на «холостом ходу», и все оставалось по-прежнему.

За участие в строительстве Беломорканала 59 516 человек заработали снижение срока наказания. Приближающаяся осень поторапливала с развертыванием фронта работ, и потому у администрации не хватало времени разобраться с теми заключенными, которые посчитали себя незаслуженно обойденными при применении льгот. Правдоискатели-каналармейцы засыпали жалобами различные высокие инстанции, пытаясь добиться справедливости. Разговоры об обмане сбивали темп начатых подготовительных работ, трудовой ритм в целом. Глядя на обманутых героев-каналармейцев, не стремились рвать гужи и другие заключенные.

Наконец высокие инстанции 19 августа в срочном порядке создали специальную комиссию по расследованию жалоб каналармейцев с Беломорстроя. Она сработала оперативно, и уже 9 сентября 1776 заключенным из 1900, написавших жалобы, были снижены сроки наказания. Освободить никого не освободили, хотя многие именно на это надеялись. Оставалось киркой, лопатой и тачкой добывать себе свободу досрочно.

Этим обстоятельством сразу же не преминули воспользоваться некоторые знакомые по лагпункту Выгона из числа тех, кто похитрее и помудрее. Тут же на имя начальника Дмитровского ИТЛ от заключенных стали поступать заявления о том, что, будучи освобожденными за ударную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала, они без всякого на то основания вновь изолированы в лагере. Как указывалось в заявлениях, единственным поводом привлечения их по ст. 58 УК РСФСР послужило наличие уголовных наказаний в прошлом. По указанию Ягоды для расследования обстоятельств осуждения бывших ударников Беломорстроя на места были командированы сотрудники Дмитровского ИТЛ. Проверкой установлено, что 228 человек никогда на этой стройке не работали. В 77 случаях, в нарушение законности, освобожденные подверглись изоляции на основании прежних судимостей. Итоги расследования рассматри-

вались на коллегии ОГПУ под председательством Ягоды, и 77 человек, незаконно изолированные в ИТЛ, были освобождены.

План спрашивали не только с работяг. Низовое начальство тоже находилось под прессом, и некоторые из них вовсю старались выслужиться. На урках отыграться было невозможно, а вот кулаки, священнослужители, «балаболки» (такое прозвище имели осужденные по ст. 58 п. 10 за контрреволюционную агитацию) — категория подходящая. Именно таким был начальник лагерного пункта, где Выгон отбывал свой срок. Он попросту выматывал подчиненных, заставляя работать сверх положенного времени и в полной темноте. Вмешался третий отдел, и за издевательское отношение к заключенным, злоупотребление служебным положением загремел он под суд. На время присмирели и его подчиненные...

В первую же свою поездку в Москву, что в условиях существовавшего в лагере режима было нетрудно, друзья познакомили Выгона с троцкистом Яцеком, входившим в ближайшее окружение И. Е. Смирнова. Последний, как об этом знал Выгон, ранее отбывал ссылку в Сочи. От Яцека он узнал много интересного. Оказывается, Смирнов идейно разоружился, выполнив тем самым одно из условий ОГПУ, без чего возвращение из ссылки было практически невозможным. Яцек оправдывал его поступок тем, что это позволило ему возвратиться к активной деятельности. Еще больше Выгона поразило то обстоятельство, что после возвращения в 1931 году из ссылки ОГПУ не препятствовало его поездке в командировку в Германию. В Берлине, по словам Яцека, его тут же вроде бы сам разыскал сын Троцкого — Лев Львович Седов. Факт, отметил Выгон про себя, прямо-таки удивительный. Можно подумать, что Седов имел в Берлине бюро по контролю за выездом граждан из СССР. Он не стал уточнять это обстоятельство, но выходило: или Седов был заранее информирован точно о времени приезда Смирнова, или он «нашелся» сам. Определенное сомнение вызывал и факт поездки за границу вчерашнего ссыльного. Вне всякого сомнения, кто-то стоял за спиной Смирнова, и этот кто-то санкционировал его поездку.

По словам Яцека, Седов информировал Смирнова о положении дел за границей, а последний информировал Седова о политическом положении в Союзе. Седов в беседе со Смирновым проводил мысль о том, что нужна решительная борьба с руководством страны в лице Сталина путем насильственного его устранения. Правда, видимо из осторожности, Яцек преподносил слова Седова не как политическую директиву о переходе к террору, а всего лишь как личное высказывание Седова — «достаточно безответственного и вообще любителя разглагольствовать».

После возвращения из Берлина Смирнов поделился содержанием беседы с Седовым со своим ближайшим окружением: Сафоновой А. Н. (своей женой и единомышленником), Мрачковским, Тер-Ваганяном, Яцеком. После его возвращения группа Смирнова не только получала бюллетени, издаваемые Троцким в Берлине. Сам Смирнов посылал информационное письмо о положении в СССР Троцкому в 1932 году и в этом же году через Гавена получил ответное письмо от Троцкого. По словам Яцека, в нем он призывал Смирнова действовать решительно, иначе будет поздно. Гавен в устной форме передавал и его указание о том, что единственный способ смены руководства — террор. Впрочем, Яцек преподносил это суждение Троцкого в качестве невинного рассуждения о том, что изменить сложившееся положение можно только таким способом, но это, мол, ни в коем случае не может считаться прямой директивой о переходе к террору. Тут уж прямо как в карточной игре в компании с шулером, подумал про себя Выгон. Не всякий поймет: кто же передергивает карту?

Встреча с Яцеком закончилась тем, что Выгон получил задание искать среди заключенных единомышленников и распространять среди них литературу, которую на первый раз привезет курьер, а затем ее будут в условленный день оставлять в «почтовом ящике». Подобрать для него место входило в задачу Выгона. С тем и расстались.

2 октября 1933 года трассу канала облетела весть о назначении начальником Дмитлага ОГПУ (он же заместитель начальника ГУЛАГа ОГПУ) С. Г. Фирина. Весь вечер по баракам обсасывали эту новость, как мозговую кость. Много о нем не знали, но из житейского опыта понимали: жди перемен. Судя по всему, его назначение ничего хорошего не сулило. «Опять еврей», — говорили заключенные.

Долго ждать не пришлось. Уже на четвертый день Фирин разразился приказом и дотошной инструкцией к его применению: «О нормах довольствия на четвертый квартал 1933 года». Был сей документ не для среднего ума, так как устанавливал 12 норм питания в зависимости от отношения к труду и характера выполняемой работы. Норм двенадцать, а котлов для их приготовления по инструкции предусматривалось всего пять. Вот это была головоломка так головоломка. И так и сяк судили-рядили осужденные и никак не могли прийти к выводу: каким образом в пяти котлах варить 12 норм. Один из острословов предлагал в каждом котле варить по три нормы. Щи, по его мнению, следовало разливать так: по одной норме черпать сверху, по другой снизу, а по третьей предварительно размешав. С кашей дело обстояло еще проще: четверть черпака, половина и полный.

Было еще кое-что не совсем понятное. Норма хлеба для землекопов, вырабатывающих 125% и выше на земляных работах на трассе канала, — 1300 граммов. Те же земляные кубатурные работы — дорожные, рытье ям для столбов, земляные работы на строительстве гражданских сооружений, по грунту, может быть, еще более тяжелые — не нормировались. Было над чем подумать. Одну и ту же землю можно было копать и за 1300, и за 900 граммов.

Через неделю народ стал разбегаться с других видов земляных работ на трассу канала. И ведь пойди откажи в переводе! Сразу же угрозы написать жалобу самому «хозяину» о том, что попахивает саботажем, поскольку в зародыше душат трудовой порыв перейти на самый ответственный участок работы. Вскоре некому стало строить дорогу, рыть ямы и траншеи. Одним словом, думай, Семен Григорьевич, каким таким еще экспериментом вернуть людей на те объекты, которые они посчитали для себя невыгодными.

В последующие годы иначе и не называли Фирина, как великий экспериментатор, потому что с помощью дырок на брючных ремнях пытался он регулировать трудовой энтузиазм осужденных. Что ни месяц, то очередное новшество в нормировании питания. Казалось, вышибание процентов выработки при помощи

куска хлеба было его любимым занятием. Уже через две недели после издания знаменитого приказа № 333, 20 октября, были внесены первые коррективы. Если раньше полагалось по усиленной категории с выработкой до 49% 500 г хлеба, то теперь они получали в качестве добавки еще 100 г. При выработке от 50 до 79% осужденные получали 550 г, и добавили им еще 50 г. Но осужденные, подмечал Выгон, даже неграмотные, прекрасно соображали, что при выработке до 49 и до 79% отныне полагалось 600 г хлеба. И не было им смысла за одну и ту же пайку вытягивать 79%, если и 49 вполне хватало.

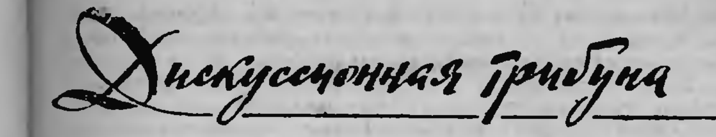
А сколько шуму и громких фраз было произнесено в связи с учреждением премиальных блюд, и как это солидно звучало в приказе по лагерю: «Значительно увеличен отпуск продуктов питания на премблюдо». Когда же дотошные заключенные докопались до сути, то оказалось, что продуктов хватало на изготовление 15 пирожков (с рыбой, крупой, овощами), 5—6 блюд из макарон, 5—6 каш и 10 винегретов. К тому же стоимость муки, овощей, макарон и животных жиров, отпускаемых на эту награду за ударный труд, подлежала удержанию из премиального вознаграждения.

Как и следовало ожидать, через три месяца обнаружилось значительное несоответствие между показателями производства и соотношением процента лагерников, перевыполняющих нормы. Само же нормирование оказалось настолько запутанным «лагерными умельцами», что проверочные комиссии в отделениях с трудом находили концы этой аферы, но, как говорится, время утекло, а незаслуженный усиленный паек был давным-давно съеден.

А уж о зачетах рабочих дней в срок отбытого наказания и говорить не приходилось. Поскольку процедура их начисления представляла из себя кампанию, то тут уже не до проверки результатов работы и поведения каждого. Кто-кто, а руководящий состав из заключенных и обслуживающий персонал — одни сплошные ударники, и зачет им соответствующий.

Однако мечты не всех вдохновляли на трудовые подвиги. Даже в самое благоприятное для работ летнее время, не говоря уже о других временах, хватало увиливающих от трудовых процессов. Что ни день, то 1000—1500 только прямых отказчиков, плевавших на великую стройку. Для выправления положения мощные силы администрации с 21 июля по 1 августа были брошены на выявление злостных саботажников. На пересыльных пунктах распахнулись ворота, проглатывая трехтысячный этап претендентов на дальнейшее отбывание наказания в отдаленных лагерях на островах Северного Ледовитого океана. Только зря потирали начальники руки, провожая взглядом «изгоев». За 20 дней августа среднее число отказывающихся от работы составило 1741 человек, причем во второй декаде произошло увеличение до 2101 человека в день. Наконец до кое-кого дошло, что надо по-человечески поговорить с каждым и постараться понять причину такого неадекватного поведения заключенных: чем больше отправляли, тем больше становилось отказывающихся от работы.

Продолжение следует



ТОТ НЕ ДЕМОКРАТ, КТО НЕ ПРЕДАЕТ РОССИЮ

(ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ)

ЛЕТ СЕМНАДЦАТИ ГОРЕМЫЧНАЯ...

(Кому и зачем нужна безработица)

Молодому читателю, может быть, неизвестно, какие баталии в шестидесятые годы развертывались на страницах газет и журналов по поводу якобы извечного конфликта «отцов» и «детей». Немало юношей и девушек наделало тогда ошибок, выйдя из-под влияния родителей. Однако не об отношениях в семье в буквальном смысле слова стоял тогда вопрос, а об идейно-политическом воспитании молодежи: воспримут или не воспримут «дети» взгляды и политические убеждения, которые создавались тысячелетней историей Руси. Старшие поколения их развили, усовершенствовали, а затем и защитили в Великой Отечественной войне. Младшие же с подачи опытных наставников-интеллектуалов, так и не принявших Октябрьскую революцию и социализм, отрицали все достижения в этой области. Плоды такого воспитания сказались позже, когда «шестидесятники», то есть молодежь шестидесятых годов, заняли в обществе ключевые позиции.

Теперь можно сделать вывод об этих великовозрастных «детях». Не пройдя науки «отцов», они и не могли пойти дальше них в устройстве общественной жизни, а остались где-то позади или сбоку главной линии общественного прогресса. Поэтому их притязания на лучшую жизнь совершенно беспочвенны. Очень точно обрисовал подобную ситуацию один известный философ. «Бессмыслица, — писал он, — что индивиды, образующие общество, сохраняют свою «особенность», что они желают остаться тем, что они есть, требуя в то же время от общества изменения, которое может возникнуть лишь из их собственного изменения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 480).

Поколение «шестидесятников» так и не внесло в нашу жизнь в идейно-политическом плане ничего положительного, зато отрицательного хоть отбавляй. От их «новаций» пахнет тленом, в чем все

мы сейчас убеждаемся на собственном опыте. Их философия социального дарвинизма с необходимостью требует уничтожения слабых путем естественного отбора. Только тогда, по их мнению, общество будет здоровым и сильным. Вот почему проводимые ими реформы носят антигуманный, антинародный характер.

Например, власти, представленные сейчас «шестидесятниками» и их последователями, обещают осчастливить нас многомиллионной безработицей. Социализм, считают они, портит людей, приучая к иждивенчеству. А ведь до революции и в годы нэпа, о которых мещане от интеллигенции, то есть те же «шестидесятнички», так вдохновенно пишут, от безработицы рабочие несказанно страдали, что запечатлелось в песне «Кирпичики»:

Лет семнадцати горемычная
На кирпичный завод нанялась,
За кирпичики, за веселые
Полюбила я этот завод.

Но, как водится, безработица
По заводу ударила вдруг.
Сенька вылетел, а за ним и я
И еще двести семьдесят душ.

Надо сказать, безработица всегда особенно больно бьет по молодежи. Еще не работавшие, они не получают даже пособия по безработице, не говоря уж о столь необходимой им школе трудового воспитания и производственного обучения. Но именно так, возродив безработицу, сторонники «вхождения в рынок» собираются учить нашу молодежь выживанию.

Похоже, сами выжив из ума, шестидесяти- и пятидесятилетние «шестидесятники» все еще призывают к перестройке до победного конца, не уточняя, правда, до чьего конца. А то, что, оболванивая молодежь, они подрывают будущее государства, наверное, они понять действительно не способны. Очень показательно в этом отношении, с какой неимоверной легкостью ведущий телепрограммы «Вести» Юрий Ростов рассуждал, что одно-два поколения будут потерянными. Своих-то троих детей он к «потерянным поколениям» едва ли причисляет. Такова уж их мораль, тех, кто в шестидесятые годы был воспитан на отрицании исторического опыта, на противопоставлении «отцов» и «детей». И вот эти «интеллектуалы» сумели навязать обществу чудовищную, человеконенавистническую мысль о необходимости безработицы, прикрываясь разглагольствованиями о какой-то там демократии, поскольку «демократично» сгинут не они сами и даже не их дети.

Социализм покончил с безработицей, и, чтобы вновь приучить к ней, идеологи (точнее идеолухи) перестройки пытались во что бы то ни стало отыскать безработных в СССР. Безработными же принято называть только тех, кто ищет и не может найти работу из-за отсутствия свободных рабочих мест, а таких у нас до недавнего времени практически не было. Зато в капиталистических странах это уродливое явление сохраняется еще с прошлого века. И вот под аккомпанемент заверений М. С. Горбачева, что отныне благодаря «вхождению в рынок», то есть спекулируя или продавая себя, каждый сможет заработать, сколько захочет, уничтожили социализм в нашей стране и тем самым лишили трудящихся права на труд. И делалось все это вполне осознанно. Еще до перестройки

газета «Правда» опубликовала статью Г. Х. Попова «Заработанный рубль», где советские люди объявлялись бездельниками, а страх потерять работу в качестве стимула к труду ставился выше сознательной трудовой дисциплины. Вот она, философия социального дарвинизма с ослиными ушами в виде поповщины. Ну чем не современный вариант мальтузианской теории народонаселения, оправдывающей безработицу и нищету в цивилизованных странах?

И теперь буржуазных политиков нисколько не прельщает идея всех обеспечить работой. Даже в предвыборных программах они обычно не обещают покончить с безработицей, хотя, казалось бы, безработные могли приносить дополнительную прибыль. Дело в том, что безработица необходима буржуазии, ибо максимум прибыли на капитал получается только тогда, когда налицо незанятое население, когда армия безработных достаточно велика. Эта армия ищущих работу людей создает конкуренцию остальным рабочим, и им приходится соглашаться на худшие условия найма, отдавать больше труда при меньшей заработной плате. Только тогда произведенная рабочими добавленная стоимость распределяется так, как это выгодно капиталистам. В этом и заключается значение безработицы, практическое следствие ее существования. И в этом же суть рынка рабочей силы, а не в чем-нибудь ином. Это действительно бич, вынуждающий работать на хозяина сверх работы на себя. Обходя проблему безработицы и называя полной занятостью зарегистрировавшихся на бирже три процента трудоспособных — без учета тех, кто ищет работу самостоятельно, и тех, кто потерял всякую надежду найти ее, — буржуазные политики защищают интересы своего класса.

Буржуазная пропаганда во всех бедах винит, разумеется, самих рабочих — мол, они плохие работники. Но безработные не люмпены, не нищие, искалеченные условиями капиталистического «рая» физически или духовно. Они не утратили способности и желания трудиться, обладают необходимыми для этого знаниями и умением, но, как и все пролетарии, не имеют средств производства и вынуждены наниматься к капиталистам. Да и могут ли быть ленивыми, нерадивыми миллионы, все, кто хотя бы временно лишился работы или еще не имел ее? И все-таки им не находится работы. Почему? Да потому, что такова рыночная экономика, этот простейший социальный автомат, устроенный по принципу часов-ходиков: без «гири» в виде армии «лишних людей» он не работает. Именно безработица позволяет капиталистам сводить заработную плату к жесткому прожиточному минимуму, а остальную добавленную стоимость присваивать себе: проедать или превращать в капитал — противостоящую рабочему классу чужую собственность. Но об услуге, оказываемой капиталистам безработными, буржуазная пропаганда умалчивает. А у нас вдобавок проводят незаконный всенародный референдум с подкупом за отказ от государственной собственности и за создание безработицы, называемый ваучеризацией.

Конечно, армия безработных не только оказывает давление на остальную часть рабочего класса, но и служит резервом, из которого предприниматели всегда могут навербовать себе работников. Поэтому доля безработных в трудоспособном населении сильно колеблется, но никогда не исчезает полностью. В периоды процветания спрос на рабочие руки велик, и численность безработных сокращается. Пользуясь этим, рабочие выдвигают экономические

требования, которые хозяева зачастую вынуждены удовлетворять. В результате пропорция, в которой добавленная стоимость делится между рабочими и капиталистами, несколько изменяется в пользу трудящихся. Но такое несовместимо с жаждой наживы — единственным стимулом вложения капиталов. Экономический подъем сменяется экономическим кризисом, причем значительную часть рабочих увольняют или переводят на неполную рабочую неделю. Тогда капиталисты, пользуясь растущей безработицей, отнимают у рабочих экономические уступки: снижают заработную плату, увеличивают нагрузку на рабочие места. В результате такого наступления на жизненные права трудящихся увеличивается прибыль на вложенный капитал, что способствует новым инвестициям и подготавливает экономический подъем. Спрос на рабочую силу снова возрастает. Попеременные притягивания и отталкивания рабочей силы капиталом придают развитию экономики циклическую форму. Но это означает периодическое разрушение экономики и тяжелейшие испытания для людей труда. Поэтому-то господам «шестидесятничкам» такая экономика и нравится. Они называют ее, исходя из своей философии социального дарвинизма, социализмом с человеческим лицом, хотя на самом деле у нее звериный оскал.

Итак, капиталистическая экономика благодаря стихийному действию законов рынка движется от кризиса к подъему и от подъема к кризису. Желая стереть в сознании людей разницу между капитализмом и социализмом, внушить людям, что им безразлично, какой общественный строй будет в стране, отцы перестройки утверждают, что у нас экономический кризис. Но подлинный кризис последние годы свирепствует в странах капитала, у нас же не кризис, а преднамеренно осуществленный развал. Просто безголовцы-«шестидесятнички» вздумали «лечить» экономические трудности, с которыми столкнулся социализм в семидесятые годы, имитацией экономического кризиса. Ведь людоедская философия социального дарвинизма утверждает, что, не пройдя через всякого рода потрясения, невозможно добиться лучшей жизни. Но у нас еще есть время одуматься и положить конец этому антинародному, человеконенавистническому курсу.

Как показано выше, причиной безработицы и кризисов является не сама по себе нехватка рабочих мест и инвестиций для их создания, а объективная необходимость поддержания высокой прибыли на капитал, нормальных условий эксплуатации труда капиталом. И уж, конечно, их причина не в изобилии материальных благ, как думают некоторые. Это очень важно уяснить себе, так как наше отношение к кризисам определяет наше отношение к капитализму: ведь в них находят временное разрешение противоречия капитализма.

Во время кризиса происходит заминка в хозяйственных процессах и образуются временно бездействующие рабочая сила, производственные мощности, финансовые средства, товарные массы. Видимость перепроизводства товарной продукции возникает прежде всего из-за снижения покупательной способности рабочего класса, да и других слоев населения, что легко понять из нашей теперешней жизни. Одновременно обостряется конкуренция между капиталистами, что затрудняет взаиморасчеты, пользование кредитом, а то и полностью разрушает сложившиеся хозяйственные связи, о чем мы теперь тоже имеем представление. А никакого избытка

продукции по сравнению с потребностью в ней нет. Большинство населения и многие предприятия испытывают нужду и лишения. Предприниматели в этих условиях расширяют торговлю оружием, стремятся к военным грабежам и захватам, а трудящиеся начинают понимать, что необходима замена рыночной экономики плановой.

Еще раз подчеркну: наше отношение к кризисам есть наше отношение к капитализму. Тем не менее, а может быть, именно поэтому печатные органы КПСС, вообще советские печатные издания, включая учебники политической экономии, десятилетиями тиражировали поверхностные мелкобуржуазные теории экономических кризисов, объясняющие кризисы несоответствием производства и потребления, спроса и предложения, и тем самым навязали людям совершенно ложную идею о якобы неограниченных производственных возможностях капитализма. Подавалась эта антинаучная идея в марксистской упаковке, прикрытая научными положениями об основном противоречии капитализма и проч. Потому-то люди и не разобрались, куда их зовут отцы перестройки, что марксизм систематически подделывается под оппортунизм.

Если же отринуть оппортунизм, то станет ясно, что именно безработица и кризисы своей неизбывностью, неустранимостью показывают бесперспективность капитализма, его антинародную, антигуманную сущность в современных условиях. В этом и состоит принципиальная разница между социализмом, которому по самой его сути безработица не нужна, и капитализмом, который без нее функционировать просто неспособен.

В современной учебной и пропагандистской литературе по политической экономии, как и в научных трудах, экономические кризисы рассматривались главным образом в связи с проблемой реализации произведенного продукта, а не в связи с безработицей. А так, в отрыве одного от другого, ни безработицу, ни экономические кризисы понять невозможно. Научная пропаганда была таким образом фактически подменена агиткой, да еще вдобавок с другой стороны баррикады. За эти «извращения» партии теперь кровью и страданиями расплачивается весь наш народ.

Е. А. СУХАРЕВА,
канд. экон. наук, доцент.
Москва

КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЙ — ЦВЕТ БОГОРОДИЧНЫЙ

«Приидите, верниии, во святую церковь: тамо бо Богородица омофором покрывает люди от всех напастей вражиих».

Минеи, 1-й (14-й) день октября

Год назад сионские мудрецы перестройки, нежданно-негаданно столкнувшись с растущим сопротивлением народов вроде бы разгромленного, полоненного и положенного на лопатки Советского Союза, выбросили в оправдание перед Западом своих очевидных провалов спасительную, по их мнению, соломинку — миф о красно-коричневых, якобы мешающих быстрейшему наступлению эры всеобщего рыночного благоденствия. Услужливая продажная пресса, телевидение, радио в миллионотиражных статьях, репортажах,

сюжетах дружно (в одной ведь упряжке!) заголосили о «кознях красно-коричневых» в потугах создать самый отталкивающий имидж этому цвету.

Но не было еще в истории человеческой примера, когда сатанинские ухищрения лукаво мудрствующих не были бы посрамлены волею Провидения. Потому эти строки обращены не к нынешним лукавым «мудрецам», участь которых предрешена, а к тем гражданам Союза (и России в первую очередь), которые поддались лжи этих оракулов и испугались, как бы тень красно-коричневости хотя бы краем не задела их. Ведь неспроста многие, числящие себя патриотами и государственниками, стали оправдываться перед Лукавым. Коммунисты: мы, мол, красные, но не коричневые. Патриоты же всех мастей стали старательно открещиваться и от розового, и от красного, и от коричневого.

Эти строки писались в преддверии весьма почитаемого на Руси православного праздника — Покрова дня, отмечаемого ежегодно 1 октября (по ныне принятому в миру календарю — 14 октября). Для тех, кто не очень силен в истории Православия и Святой Руси, предшественницы нынешней терзаемой недругами России, привожу краткую справку из энциклопедии («Полный Православный Богословский Энциклопедический Словарь» в 2-х томах, т. 2, стр. 1830): «Покров Пресв. Богородицы (1 октября) — праздник православной церкви. Установлен в память события, бывшего в Константинополе в X веке. В войне с сарацинами городу угрожала опасность, но в этот день (1 окт.) св. Андрей юродивый с учеником своим Епифанием, находясь во Влахернском храме во время всенощного бдения, увидели на воздухе Божию Матерь с сонмом святых, молящуюся и распростершую свой Покров (омофор) над христианами. Ободренные греки отбили сарацинов. В честь Покрова Пр. Богородицы существует акафист; богослужению в этот день присвоено особое «величание».

Почитание святоносного омофора Богородицы в русской православной церкви не ограничивается только днем 1 октября. Так, например, 18 июня (по церковному календарю) отмечается день чудотворной иконы Богородицы, именуемой Боголюбской.

В сочинении С. Снессоревой «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ея икон, чтимых православной церковью» (СПб., 1891), об одеждах (покровах) Богородицы сообщается, в частности, следующее:

«Одежда Ея была всегда чужда роскоши и скромная» (с. 133);

«Усердием князя Василия Голицына часть ризы (из Влахерны) принесена в Россию и хранится в московском Успенском Соборе» (с. 145); «Часть Пояса Богородицы хранится в Грузии, в Зугдидской церкви, куда пожертвовал ее греческий император Роман. По повелению императора Александра I выстроен каменный храм в Зугдиди (в Мингрелии), где доныне святыня хранится перед иконостасом в драгоценном киоте» (с. 147).

Итак, наши предки и Русская Православная Церковь при наступлении лихолетия, смуты, вражеского нашествия всегда уповали как на надежный щит и ограду на святые ризы (покров, омофор) Пресвятой Богородицы и не бывали обмануты в этом. А какого же цвета были эти чудесные и столь почитаемые нашими предками одежды Богородицы?

Оказывается, по всем православным канонам и историческим свидетельствам святоносный Покров (или омофор) Богородицы был

именно красно-коричневого цвета. Приведем несколько свидетельств этому.

Во-первых, главная святыня Русской Православной Церкви — икона Богоматерь Владимирская, ранее находившаяся на самом почетном месте в Успенском соборе Московского Кремля — справа от царских врат. Ныне — в Третьяковской галерее. Омофор писан явно красно-коричневым. Иди и смотри.

Во-вторых, сохранившиеся иконописные подлинники (утвержденные Церковью инструкции для иконописцев) начиная с XV—XVI веков и кончая сводной редакцией XVIII века строго оговаривают цвет ризы Богородицы:

«Пречистая сидит...; верхняя риза багор тмяный, исподь лазорь».

«Над Пречистою омофор, сиречь, покров красен» («Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века», под редакцией Г. Д. Филимонова, Москва, 1876 г., с. 301 и 163).

«Пречистая Богородица сидит... риза на Ней багряна, исподняя лазоревая...»

«Пречистая сидит на коне, ногами по едину страну коня; риза багряная, исподъ лазорь с белил...»

«Пречистая сидит, а перед Нею лежит книга раскрытая,.. верхняя риза багор тмяной, исподъ лазорь».

«Риза Пресвятые Богородици цветом багряная» (то же, но издание 1874 г., с. 222, 225, 301, 378).

Подлинник (по графу А. С. Уварову) в статье о Богоматери: «одежду тмозрачную любила и всегда носила, как свидетельствует и святой покров Ея» («Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 2. Сочинение по археологии и истории искусства. Исторические очерки русской народной словесности и искусства», СПб., 1910, с. 375). Здесь же на с. 419 дается описание иконописного подобия Тихвинской иконы Богородицы: «Риза же темно-багряная...»

«По Большаковскому списку Подлинника XVII века... Икона Рождество Иисуса Христа... «Пречистая лежит у вертепа: риза багор...» («Общие понятия о русской иконописи. Сочинение О. Буслаева», М., 1866, с. 31). Не могу удержаться, чтобы не повторить здесь вслед за О. Буслаевым: «Живопись светская — одна для всего образованного мира; живопись церковная согласуется с преданиями, верованиями и убеждениями народных масс: она по преимуществу живопись национальная. Отказываться от мысли о необходимости поддерживать и усовершенствовать нашу иконопись — значило бы посягать на самые существенные элементы русской народности... Единственное средство спасти русскую церковную живопись от всего пошлого, бессмысленного, расслабленного и смешного — это основательное изучение русской иконописи в ея лучших источниках» (там же, с. 105—106).

В-третьих, примеры из публикаций советского периода.

В изданном в Москве в 1978 году красочном альбоме М. В. Алпатова «Древнерусская живопись» (2-е изд.) обе иконы с именем «Покров» XIV и XV веков изображают Богородицу в одежде именно красно-коричневого цвета.

В музейной экспозиции Успенского собора Московского Кремля имеется икона «Богоматерь. Умиление. XII век, Новгород», которая сопровождена следующим поясняющим текстом: «Икона представляет малораспространенный вариант иконографии... К числу редких особенностей иконы относится изображение одежд Богоматери.

На ней синий мафорий (покрывало, одеяние замужней женщины; по-видимому, синоним с омофором), а не коричневый, что было более распространено в древнерусской живописи». Итак, музейные специалисты здесь тоже подтверждают превалирующий для древнерусской иконописи коричневый цвет одежд Богородицы, говоря об этой иконе как об исключении из правил. И это чистая правда. Но вот другое утверждение, получившее распространение в последние годы, что эта икона с необычным для русской иконописной традиции цветом одежд Богородицы есть икона древнего русского (якобы новгородского) письма, весьма сомнительно. Ведь при изъятии иконы из иконостаса Успенского собора в октябре 1961 года с целью подновления и реставрации на нижнем поле иконы еще читался следующий текст: «Акафистныя Пресвятые Богородицы находящейся в Хиле...ском монастыре Саввы Сербского» (см. сборник «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси», М., 1972, с. 270—271). Так что приписывание иконы русским иконописцам слишком похоже на фантазию на заданную тему — в те годы всячески стремились доказать, что и в среде древних российских богомазов имелись носители «прогресса», «передовых идей», для которых были тесны жесткие каноны православной церкви и установления церковных соборов (выписка музейного текста сделана 14 марта 1992 года). Кроме того, в сборнике «Реставрация и исследования памятников культуры» (Москва, 1975, вып. 1-й) об этой иконе говорится, что она помещалась в южном пристенном иконостасе Успенского собора и «была, вероятно, малопочитаемой» (с. 127 и 134).

В-четвертых, имеются прямые указания на именно красно-коричневый цвет омофора Богородицы и на древнегреческих иконах Восточной православной церкви. «На трехчастной Синайской иконе II века в «Рождестве Христовом» Богоматерь представлена в темно-голубом мафории, а в «Распятии» — в красно-коричневом» («Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси», М., 1972, прим. на с. 2В1). Но поскольку в той части Синайской иконы, на которой изображено Рождество Христово, Богоматерь возлежит, как и положено роженице, то едва ли древний Ея иконописец стал бы обряжать ее в мафорий, то есть в верхние одежды, а ограничился бы более соответствующим моменту исподним одеянием, и в таком случае имеем полное соответствие с требованиями древнерусских иконописных подлинников, где исподнее у Богородицы всегда лазоревого, то есть светло-синего или темно-голубого цвета.

Итак, законный, традиционный, освященный авторитетом Соборов Русской Православной Церкви цвет святоносного Покрова Богородицы всегда располагается в цветовом диапазоне между красным и коричневым, то есть в красно-коричневом диапазоне. Распространяемые ныне иконки с изображением лика Богородицы в одеждах других, не канонических цветов представляются поэтому очередной сознательной уступкой прозападному, противоправославному влиянию.

Так не увеличиваем ли мы многократно грехи наши, потакая хуле на последнюю надежду Православной Руси — на святоносный и все же красно-коричневый омофор Богородицы?

Владимир ДЬЯЧКОВ,
Москва

ПУСТЬ КРЕСТЬЯНИН САМ ВЫБЕРЕТ, ЧТО ЕМУ ЛУЧШЕ

Так называемые «рыночные реформы» в аграрном секторе России — лишь аббревиатура, пропагандистское прикрытие методичного уничтожения сельскохозяйственного производства, своего рода «демобольшевизм», разрушающий агропромышленный комплекс страны. Умопомрачительные налоги, астрономические цены на сельхозтехнику и корма, удобрения и строительные материалы, постоянно обесценивающиеся кредиты — это и многое другое свидетельствует о продолжении перестроя в экономике, о целенаправленной стратегии перманентного развала сельского хозяйства и смежных с ним отраслей.

«Свобода экономического выбора», рекламируемая новой властью, на деле оборачивается дальнейшим обнищанием человека-труженика, человека-творца.

И мы, закрыв глаза и стиснув зубы, покорно хороним в руинах развалившегося государства и все то положительное, что сумели создать своим талантом и трудом лучшие представители крестьянства.

Думаю, что в нынешних условиях и А. В. Чаянов, как реалист, пересмотрел бы свой взгляд на перспективу развития аграрного сектора экономики. Тем более что он никогда не был апологетом (как выставляют его нынешние интерпретаторы в нашей стране и за рубежом) малых форм организации крестьянского труда. Он отдавал приоритет комбинированию самых различных форм хозяйствования — в этом и заключается суть его идей.

На словах «сверхновые демороссы» тоже за многообразие. А тем временем из сельской глубинки уже доносится тревожное мычание коров, разгоняемых по подворьям, и звуки затачиваемых ножей... От сплошной коллективизации к сплошной фермеризации, — неужели еще и это придется пережить крестьянину?

Соединение разнообразных форм хозяйствования тоже может оказаться комбинацией из трех пальцев, если сельский товаропроизводитель останется всего лишь штифтом в нынешней системе производственных отношений, если он не сумеет реализовать свою выгоду. А для него «...самая выгодная выгода состоит в том, — по выражению Ф. М. Достоевского, — чтобы по своей глупой воле пожить». «Глупая воля» — конечно, преувеличение, но в рыночной экономике свобода нужна как никогда. И нужны такие люди, которые сумеют ею воспользоваться с большой пользой не только для себя, но и для коллективов, которые они представляют.

Но вот беда: попытки закрепить в отношениях с крестьянином существующий статус-кво продолжаются и в условиях объявленных рыночных отношений. Глаза селянина, идущего по светлому пути к западной цивилизации, полны тоски и растерянности: рынок для него обернулся наглой и осатанелой мордой грабителя.

Новые демократы — лидеры рыночного необольшевизма через стихийный рынок вновь стригут и подбирают деревню «ценовыми ножницами», налогами и высокими процентными ставками за кредиты, заставив платить крестьянство 56-процентный налог на приобретенные средства производства и за реализуемую ими собственную продукцию. В дополнение к этому после второго января с. г. цены на удобрения, средства защиты растений и животных, технику, строительные материалы возросли в 20—35 раз!

Когда же сам сельский товаропроизводитель делает робкую попытку поднять цену на свой продукт, то слышит дружное: «Куркуль проклятый, живоглот! Не сметь!..»

При каких же главных условиях может быть реализована идея экономической самостоятельности крестьянина?

Во-первых, товаропроизводитель должен иметь свободу для использования принадлежащих ему или арендованных им производственных ресурсов; самостоятельно определять производственную программу; выбирать поставщиков и потребителей; назначать цены на продукцию; распоряжаться полученной прибылью, остающейся после уплаты налогов и других платежей; решать другие вопросы, связанные с хозяйственной и экономической деятельностью.

Во-вторых, предприниматель должен нести экономическую ответственность за результаты хозяйственной деятельности. Причем эта ответственность должна обеспечиваться как текущими доходами, так и личной собственностью, включая домашнее имущество.

В-третьих: необходимо такое ценообразование, при котором уровень цен на сельскохозяйственную продукцию должен устанавливаться на рынке спроса и предложения.

Если государство будет размещать заказы на производство отдельных видов продукции, то оно должно учитывать рыночную конъюнктуру. Цены должны не отталкивать, а привлекать производителей продукции.

В-четвертых: обязательно наличие конкуренции сельскохозяйственных товаропроизводителей. Только конкуренция сможет активизировать производство продукции, улучшить ее качество, снизить издержки производства и стабилизировать цены.

В-пятых: невмешательство органов государственной власти в производственную деятельность крестьян. Это обусловлено двумя обстоятельствами: биологической природой предметов труда и невозможностью контролировать на расстоянии те процессы, которые в них протекают. Над сельскохозяйственным товаропроизводителем не может быть органа прямого управления потому, что он является обособленным субъектом и юридическим лицом. У него должны быть лишь партнеры по хозяйственной деятельности, а отношения между ними будут экономическими по содержанию и договорными по форме.

Переход к рынку означает отказ от господства вертикальных и постепенное смещение к горизонтальным экономическим связям товаропроизводителей. Но это совершенно не значит, что роль государства в управлении сельскохозяйственным производством должна быть сведена до нуля. Экономическая роль государства в условиях рынка важна и необходима. Именно государство должно определять общие «правила игры» на рынке, индикативно планировать стратегию развития национальной экономики в целом и отдельных регионов, осуществлять проекты и программы, имеющие общегосударственное значение, поддерживать жизнеспособность производства. Регулировать налогами излишне высокие, раздражающие общество доходы, определять и устанавливать расходы государства на пенсии, образование, здравоохранение, социальную поддержку населения и т. п.

Только при соблюдении указанных условий будут созданы реальные предпосылки для активизации производственной деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей. Только при

этих условиях может быть реализована идея мобилизации личной инициативы человека. Ведь еще в XVIII веке «один из трех источников», «трех составных частей» А. Смит выдвинул фундаментальный тезис, сохраняющий свое значение и сегодня: нужно предоставить человеку свободно преследовать в экономической деятельности свою выгоду, и это будет наилучшим обрвзом способствовать общественному благу путем роста богатства нации.

Многие сегодня говорят и пишут: «Альтернативы рынку нет...» Едва ли этот тезис можно оспорить, но у нас должна быть своя логика рыночного развития. Нет экономики вообще, а есть экономика конкретной страны. У нас часто рассматривают экономику западных стран в рамках капитализма вообще, но укладывается ли она в это «всеобщее», вненациональное ложе?

Размышляя над феноменом Японии, Голландии, Германии, Швеции и ряда других стран, неизбежно приходишь к выводу: их экономика прежде всего национальна и приспособлена к нравственным устоям своего народа.

Наши же «бегущие впереди паровоза» экономисты ломят напрямую к капитализму, принуждая копировать условную, умозрительную западную модель развития отечественной экономики. Но ведь еще Д. И. Менделеев — большой авторитет в области развития аграрного сектора экономики, в свое время предупреждал: «...Велико заблуждение тех, которые думают, что предстоящее России можно выполнить легко и просто узаконяемыми предписаниями, скопированными с примера Западной Европы».

Интересуясь историей, экономикой, особенностями материальной и духовной культуры сибиряков конца прошлого и начала нынешнего века, я уже давно пришел к выводу: русская национальная экономика, занимавшая в начале XX века первое место в мире по темпам прироста промышленной и сельскохозяйственной продукции, имела свои, совершенно оригинальные типы хозяйства. В основу их и в промышленности, и в строительстве, и в сельском хозяйстве был положен артельный труд.

Многочисленными в Сибири были и артельные лесопромышленные и золотодобывающие предприятия.

Все железные дороги России, в том числе и знаменитую Транссибирскую магистраль, построили артельные люди.

Тяготела к артели и крестьянская община. Перед империалистической войной на территории Тобольской губернии действовало свыше тысячи артельных маслоделен, оснащенных по тем временам лучшим технологическим оборудованием. От зари до зари работали в губернии около пятисот кооперативных маслобоен, оборудованных дробильными станками, вальцовыми давилками, механическими и гидравлическими прессами...

Устройство крестьянской жизни в России и особенно у нас в Сибири было основано на гуманных высоконравственных началах мирской взаимопомощи. И фигур, тяготевших к возвышению над народными нравственными началами, желающих отделиться от «мира», было немного. Чаще всего это были кулаки, ростовщики-мироеды. Но в «миру» их не жаловали. Большинство же зажиточных крестьян жили в ладу с миром и совестью.

Они, как правило, вкладывали основные суммы в строительство церквей и часовен, общественных складов, мостов, плотин. Брали в аренду землю выморочных хозяев и платили за них общинные подати. Воспитывали сирот в своих семьях, если у последних не

оказывалось родственников; субсидировали проведение сельских праздников и гуляний. Несли значительно большие расходы, связанные с общественными обязанностями: почтовой гоньбой, содержанием в надлежащем виде дорог, мостов, гатей и пр.

Они же чаще всего выступали в роли блюстителей общественной нравственности; следили за порядком не только на сельских улицах, но и на крестьянских подворьях. Обладая определенным авторитетом, имели право сказать: «Что же это у тебя, Онисим, воз с сеном со вчерашнего вечера в ограде стоит? Смотри, на нем уж и куры несутся...»

Замечательный столяр и плотник из деревни Таловки Вешкурцев А. Ф. часто рассказывал: «Мне помог укрепиться в жизни Вешкурцев Ефим Нестерович, наш же деревенский зажиточный мужик. За один год работы в его хозяйстве я заработал: лес на дом, конюшню, амбар и баню; мерина, кобылу и жеребенка; корову, нетель и теленка; пять овечек, да двести рублей деньгами. А когда я срубил дом и хозяйственные постройки, он мне дал еще пятьдесят рублей на кирпич для печей и стекло. Справедливо ли Вешкурцев со мной рассчитался? Да мне бы и за десять лет такого богатства не заработать... Почему помог мне? Ну и не только мне.., а впрочем, я так позднее рассудил: «Добрая-то слава слаще мягкого пирога», — ведь мы жили одним миром, все на виду... Да к тому же семья у нас была большая, многомужицкая. В случае чего всегда могли прийти на помощь тому же Ефиму Нестеровичу...»

Известны своей благотворительностью в Таловке были также Белоногов Сысой Егорович и Пахомов Даниил Маркович. В деревенском обиходе их называли просто: Сысоюшко, Данилушко, Ефимушко. Вспомните, что и своего любимого сказочного героя народ называл не иначе как Иванушко.

Когда созрели необходимые условия для кооперации, эти же мужики возглавили маслодельные, сыродельные, маслобойные и другие артели. Кстати, и прадед мой Ергин Леоний Иванович был общественным доверенным лицом маслодельного товарищества в соседнем селе Денисово.

Миром, артельно решались многие дела в общинах, ибо: «Один горюет, а артель воюет»; «Артельный котел гуще кипит»...

Конечно же, между артельным мировоззрением русского крестьянина и семейной фермерской психологией отделившегося сегодня колхозника лежит глубокая нравственная и социальная пропасть.

Вот что по этому поводу писал А. Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни», которыми в конце прошлого века зачитывалась вся просвещенная Россия: «Есть еще одно очень важное, имеющее огромное значение обстоятельство, которые бывает причиною несостоятельности одиночных хозяев. Это неспособность к работе, неспособность к хозяйству, неспособность только вследствие недостаточной умственности в известном направлении. Это обстоятельство чрезвычайно важно и еще более подтверждает необходимость и важность артельного хозяйства».

Здесь А. Н. Энгельгардт имеет в виду честного, работящего мужика, который, как бы мы сказали сегодня, хочет, но не может. В артельном же деле по указке старшего такой работник может принести огромную пользу. А что, у нас сегодня нет этих проблем?

И далее: «Все дело в союзе. Я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь, в деревне, выросшее, окрепшее.

Мало того, я, веря в русского человека, убежден, что это так и будет, что мы, русские, именно совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйствования. В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства. Что мы можем сделать, идя по следам немцев? Разве не будем постоянно отставать?..»

В принципе, по модели А. Н. Энгельгардта и шло развитие сельского хозяйства России, несмотря на политику правительства, направленную на развал общины и создание крепких обособившихся хозяйств. К Февральской революции практически каждая сельская семья участвовала в том или ином виде кооперации.

Новая экономическая политика 20-х годов вновь дала мощный толчок ее развитию. На рынке схлестнулись две силы: артель и предприниматель. Конкуренция между ними быстро привела к решению продовольственной проблемы. Потребовались буквально считанные годы, чтобы Россия вышла на довоенный уровень производства сельскохозяйственной продукции.

В конце 1929 года была объявлена сплошная коллективизация. В первые недели во многих регионах России в коллективные хозяйства вступали целыми деревнями, наивно полагая, что это дальнейшее развитие артельных начал. Здесь сработал принцип: «К миру приставай, от мира не отставай». Но когда дело дошло до обобществления кур, радость быстро переплавилась на печаль. В общем, как сошлись, так и разошлись...

Вторая волна коллективизации уже была насильственной...

Таловский Ефимушко не дожил до нее, а Сысоюшко и Данилушко первыми попали под ее ржавый лемех и были запаханы «со всеми чадами и домочадцами» в торфяниках Васюганья.

Как нам сегодня, потерянным и заблудшим, найти дорогу к храму добра, справедливости и сострадания? Как восстановить разорванную связь времен? Как утолить материальные потребности народа? Как наполнить обмелевшую реку духовности? На все эти вопросы, как мне кажется, ответ один — национальному, подлинно российскому правительству надо опираться в своей политике на исторические традиции и нравственные устои русского народа.

Но такой политики пока не предвидится: «демократы», как расшалившиеся школьники, «затопывают» и «захлопывают» голоса «господ мужиков», срываясь на свист и улюлюканье...

Важно не то, какие формы организации труда лучше. Важно, чтобы крестьянин имел возможность сам их выбирать. Пусть это будет крупная ассоциация, колхоз, совхоз, кооператив, крестьянское хозяйство. И что для крестьянина лучше — пусть выберет сам. Может, и ошибется, без этого не бывает, но он сам же и исправит свою оплошность.

Если окажут крестьянину поддержку, тогда можно утверждать однозначно: у этого выбора будет человеческое лицо. И это будет выбор народа.

Максим ОСКОЛКОВ,
г. Тюмень

ПРАВИТЕЛЬСТВО ИРАКА ОТВЕРГАЕТ ШАНТАЖ И ПРОВОКАЦИИ

Опасность новой агрессии против Ирака по-прежнему сохраняется: в августе 1992 года Совет Безопасности (СБ) ООН под давлением США и их союзников запретил иракским самолетам летать над южным Ираком и там приземляться (!). Эту территорию по «поручению» ООН контролируют ВВС США, Великобритании и Франции. Предлог — защита «прав шиитов», проживающих якобы только на юге Ирака. Как и в 1991 году, Запад пытается вновь разыграть «национально-религиозную» карту в Ираке и с ее помощью не оставляет надежд на расчленение этой независимой страны.

Более того, к антииракским провокациям открыто присоединилось и нынешнее российское руководство: несколько кораблей ВМФ России с сентября 1992 года участвуют в так называемом «патрулировании» прибрежных вод Ирака наряду с военно-морскими соединениями США, Великобритании, Франции, Нидерландов и Бельгии. Отметим, что резолюция СБ ООН, практически «отторгающая» богатый нефтью и газом южный Ирак в пользу НАТО, не предусматривает «патрулирование» иракского побережья Персидского залива (?!).

Таким образом, налицо очередной агрессивный акт Запада в отношении суверенного государства. В связи с этим чрезвычайный и полномочный посол Иракской Республики в России созвал в сентябре 1992 года пресс-конференцию для российских и иностранных журналистов, в ходе которой была изложена позиция иракского правительства в отношении прежних и нынешних провокаций НАТО «от имени» ООН против Ирака. Однако «демократизированная» российская пресса ни словом не обмолвилась об этой пресс-конференции. Хотя Ираку в этой прессе «достается» чуть ли не ежедневно...

Наш журнал предлагает читателям заявление посла Ирака на вышеупомянутой конференции (публикуется с сокращениями).

...Кувейтские события были лишь предлогом в направленной против Ирака активности упомянутых государств с целью изолировать его от государств мира, не дать ему развиваться научно и технически. Если внимательно присмотреться к обстановке перед событиями 2 августа 1990 года — это день вступления иракских войск в Кувейт, — можно обнаружить, что США и Великобритания установили экономическую и научную блокаду, подтолкнув верных им местных арабских правителей к проведению экономической и нефтяной политики, вредящей хозяйству Ирака, лишающей его большой части нефтяных доходов, в которых он так нуждался для восстановления нормальной жизни, выйдя победителем из войны с Ираном.

Иракский президент С. Хусейн предупреждал об опасности такой политики для региона во время арабского совещания на высшем уровне (Багдад, май 1989 года) и через личные контакты с кувейтскими и саудовскими ответственными лицами. Но кувейтские руководители остались глухи к этим призывам, упорно продолжая политику, нанесшую огромный ущерб иракской экономике и послужившую причиной возникновения известных вам кувейтских событий.

США, Великобритания и Франция, используя Совет Безопасности ООН, в условиях исчезнувшего Советского Союза провели через Совет Безопасности целый ряд резолюций и установили вокруг иракского народа блокаду, приведшую на сегодня к смерти тысяч детей, женщин и стариков. Между тем Ирак выполнил многие пункты резолюций Совета Безопасности ООН. Но эти три государства по-прежнему используют Объединенные Нации и Совет Безопасности, чтобы блокировать Ирак, противоправно навязывая ему свое господство и опеку. Эти государства продолжают давить на Совет Безопасности, добиваясь сохранения блокады в той же степени жесткости, — факт, говорящий о том, что они вынашивают замысел любыми путями сменить в Ираке один режим власти другим.

Последний из заговоров, которые Америка, Англия и Франция устроили против Ирака, выдвигая банальные поводы, — создание запретной зоны на юге «ради защиты» шиитского населения Ирака. В этом заложены применение военной силы и подготовка новой и опасной вооруженной агрессии, направленной против независимости, территориальной целостности и национального единства Ирака, что представляет серьезную угрозу для международного мира и безопасности в регионе. Его подлинная цель — расчленить Ирак по этническому и религиозному признакам, установить господство над ним, разграбить его богатства и поработить его народ. Эти государства позволяют себе толковать международное законодательство, резолюции Совета Безопасности ООН в обход самого Совета Безопасности, оставляя за собой право на применение силы в осуществлении особых колониальных целей. Защита шиитского населения южного Иракв — всего лишь малоубедительный предлог для раздела Ирака и создания там малых государств под иностранным контролем, которые сионистское образование (Израиль) может подчинить себе.

Иракский народ, тысячелетия живший в единстве арабов и курдов и всех других общин и меньшинств, исповедующих самые разные верования, отвергает этот заговор; под руководством президента С. Хусейна он выступит против него со всем мужеством и героизмом. Этот заговор не ждет ничего, кроме неминуемого провала.

Из заявления официального представителя Совета революционного командования Республики Ирак 21 августа 1992 г.

21 августа 1992 года уполномоченный представитель Совета революционного командования Республики Ирак выступил с заявлением по поводу угроз в адрес Ирака, заявив, в частности, следующее.

Измышления британского премьер-министра по поводу внутреннего положения в Ираке и заявление, которое он сделал в прошлый вторник относительно намеченных Соединенными Штатами, Великобританией и Францией шагов с целью не допустить облета иракской авиацией юга страны, являют собой часть антииракского плана, осуществление которого формально взяла на себя Великобритания по соображениям, имеющим отношение к избирательной кампании Буша.

На заседании Совета Безопасности 11 августа 1992 года, когда

слушался клеветнический доклад бывшего министра иностранных дел Нидерландов о внутреннем положении в Ираке, в частности на юге, постоянный представитель Ирака опроверг все клеветнические утверждения указанного доклада и показал истинное положение вещей. Несмотря на высказанные рядом членов Совета Безопасности (в частности, Китаем) сомнения в целесообразности обсуждения вопроса, три государства — Соединенные Штаты, Великобритания и Франция — настаивали на проведении сепаратных акций, выходящих за рамки Совета Безопасности и ООН.

Эти государства осуществляют зловещий колонизаторский план создания еще одного очага смуты и разбоя в южной части страны. Ранее — год назад — они уже проделали это на севере, превратив его в пристанище для чужеземных сил, шаек убийц и грабителей, проводя колонизаторскую линию на расчленение Ирака, реставрацию в нем прежних колониальных порядков.

Весь народ Северного, Среднего и Южного Ирака объединен вокруг своего испытанного за четверть века патриотического руководства. Он не хочет опеки, не хочет колониально-сионистского раздела. Утверждения британского премьер-министра, якобы заботящегося об иракских гражданах, вызывает у всех в Ираке гнев и насмешку. Джону Мейджеру следует помнить, как поступили иракский народ и население Южного Ирака, в частности, с оккупационными британскими войсками во время революции 20-го года. И если эти факты истории забыты Джоном Мейджером, то иракским народом — нет.

Если правители Соединенных Штатов и иже с ними алчные заправилы-колонизаторы думают, что могут устанавливать на юге Ирака такой же режим, что в прошлый год установили на севере, — они ошибаются, условий для этого уже не будвт. Те, кто планирует эту откровенную агрессию, должны хорошенько просчитать следующие за подобным актом пагубные последствия.

ВРЕМЯ ЖЕЛТОЙ ТРАВЫ*

Такое ощущение, что этого не было никогда, а если и было, то в совершенно другой жизни...

ВГИК. Гудящие коридоры. Мы, разные, но одинаково напряженные, у дверей аудитории, где проходят вступительные экзамены. Там решаются судьбы. Нет, не только наши, но и судьбы кинематографа, искусства (так почти все мы тогда думали). И только об этом говорили, спорили. Не о будущих гонорарах, не о том положении, какое можем, в случае успеха, занять, не о славе (а если и о славе, то как о чем-то сопутствующем и неизбежном). На не понимавших Тарковского смотрели, как... Да никак не смотрели. За слова «Шукшин слабый режиссер» можно было получить по роже — тут же, у заветных дверей.

Хотя и тогда были другие, про которых все знали, что они поступят. И не только они — «дети», «внуки», «племянники», но и ребята из Прибалтики, Средней Азии, с Кавказа, которые с подчеркнутым чувством собственного достоинства держались несколько особняком. Им достаточно было все сдать на троечки и преспокойненько войти в кинематограф, потому что они направленцы. И мало кто из нас задумывался, почему парню из Сызрани или Тамбова направление не полагается. А если кто и спрашивал «почему», то получал ответ: «Так вы же из России». И нам приходилось бороться с «детьми», с «направленцами», а потом — за два-три места — между собой. И редко находился мастер вроде Озерова или Хуциева, который мог постоять за полюбившегося ему абитуриента.

И были мы разные: актеры, строители, математики, «дембеля», только что вернувшиеся из Афгана. Но в одном мы были одинаково цельными — кинематограф понимали как служение (народу, Родине: этих высоких слов не говорили, но всегда подразумевали).

Что дальше? Кому-то из нас повезло, и начались учеба, просмотры, репетиции, съемки... Подрабатывали сторожами, грузчиками. А нашей мастерской так вообще подфартило: почти год у мастера — ассистентами, да еще и снимались. И свою не очень сытную жизнь воспринимали как нормальную. И как на ненормального смотрели на гонца, который предлагал за те еще пять тысяч снять рекламу для табачной фабрики. Не потому, что все были противниками курения, а потому, что кинематограф понимали как служение.

Были, конечно, свои трудности. Например, нужны для съемки актеры со славянской внешностью — бежали в «Щепку»* или в «Щуку»**, потому что единственная русская актерская мастерская Бондарчука всех выручить не могла. А потом и ее не стало... Пошли одни «направленцы».

Были и другие осложнения, в том числе и с различными разновидностями цензуры. Тем не менее постыдным считалось ставить или снимать застойную, а затем перестроечную потребу. Брались только за то, что накипело, что болит. Рвались в авторский кинематограф, а если и снимали что-то не свое, то это были Бунин, Чехов, Платонов, Казаков, Распутин... На последние гроши докупали пленку, за свой счет ездили в глубинку, чтобы не снимать только в пределах Садового кольца.

Но больше, конечно, было хорошего: мы же, в конце концов, снимали!

Настоящие трудности начались позднее, когда вышли на диплом. Перестройка клонилась к своему неизбежному закату, цены росли, деньги на съемки отпускались те же, а студии вообще были уже не заинтересованы в наших короткометражках. Поэтому многие так и не сняли дипломных работ.

«Боже, как давно это было, помнит только мутной реки вода...» — это из нашего «Воскресения», под которое мы иногда сиживали тесными компаниями.

...Встречаемся. «Дети», «направленцы» и мы, остальные, «левые» и «правые», либералы и консерваторы, сейчас мы все почти на равных — без работы. Без настоящей работы. Кто-то снимает клипы и далеко пошел, даже брюшко появилось. Кто-то лабает рекламу и радуется, что получил хороший заказ: нарочито весело улыбаясь и отводя глаза, говорит: «Все-таки реклама «Смирнов-

* Осипов Владимир Ильич. Родился в Самаре, окончил режиссерский факультет ВГИКв (мастерская народного артиста СССР профессора Ю Н Озерова). Снимался в картинах «Сталинград», «Сто солдат и две девушки», «Дорога в Парадиз», «Сезон обнаженного сердца» и др. Режиссер фильмов «Русские идут», «Вече», «Преображение».

* Театральное училище имени Щепкина.

** Театральное училище имени Щукина.

ской», настоящей, нашей...» Знакомый оператор валютным жестом угощает всю нашу компанию: «Деньги честные, профессией заработал». Но предпочитает не распространяться, с каких съемок он их привез. Но мы-то знаем, что это за репортаж о финской сенокосилке. И он знает, что мы знаем. И все молчим. Заговор. Против самих себя. И глушим ее, родимую. И о кино не как о профессии, а как о служении — ни слова. А если и заговорим, то не о наших любимых Довженко, Виго, Антониони, а так, руганем пóходя американскую бодягу и еще — по стакану.

Как-то встретился со своим добрым знакомым и давним оппонентом — оператором из Литвы. Сколько мы с ним переломали копий в спорах, когда заваривалась эта перестроечная смута. Он все твердил, что империя должна быть разрушена, дайте нам свободу, и мы заживем, как финны и шведы, а вы, русские, нас дáвите... Так вот, он приехал из свободной Литвы в Москву в поисках работы: «У нас в Вильнюсе сейчас только один фильм снимается». Спрашиваю, почему же не поехал поближе, в страны дружественной Балтии? «Там свои-то без работы сидят, а с инородцами вообще... — и рукой махнул, и, вздохнув, добавил: — Лучше бы был Советский Союз». Такие дела...

Кто-то, быть может, скажет: Осипов, кончай ныть, у тебя-то все в порядке. Ну, во-первых, не ною. Во-вторых, шесть частей* за почти два года, и шесть частей неигрового кино, которому я учился, а документального, и то благодаря такому служителю, как бывший директор ЦСДФ Борис Карпов и молодому отечественному предпринимателю Алексею Голубеву, вложившему деньги в «Вече»**. Но если кто думает, что можно прожить только на эту режиссерскую зарплату, то глубоко заблуждается. Ведь как актер я давно продался: снимусь в любой халтуре, даже не прочитав сценария. Лишь бы деньги платили. И лучше сразу. Потому что по окончании фильма они ничего стоить не будут.

Но, конечно, мне еще везет: не торгую в переходах, не берусь пока за молоток и рубанок, чтобы за щедрый кусок подрядиться на ремонт офиса какой-нибудь фирмы «Бумба-юмба», как многие из вас, дорогие мои коллеги — защитники «Белого дома». Мне, в конце концов, не так обидно, ведь я не голосовал и не боролся за нынешнюю власть, не ходил на демтусовки да и вас предупреждал, к чему все это приведет. Хотя, конечно же, во многом мы все виноваты.

Как боролись с государственным давлением на кинематограф! Забывая при этом, что во времена этого давления рождались «Летят журавли», «Андрей Рублев», «Неоконченная пьеса...» Доборолись. Сейчас не довлеет. И денег не дает на искусство. А если и дает, то... Задумали такой цикл — «Хозяин». И взялся наш однокурсник снимать фильм о ставленнике Ельцина на одной из окраин, то бишь о главе администрации. Такой был госзаказ. Пока снимал, с тем приключилась, как писали газеты, некрасивая история... Но депутат ВС — неподсуден...

И еще об одном. Как мы презирали телевидение! И не только за то, что работа там дисквалифицирует. Останкинскую телебашню мы называли идеологическим шприцем. Сейчас этот шприц принципиально изменился, превратившись в империю лжи. Но кто из нас, положа руку на сердце, откажется там подработать, если пальчиком поманят? Про себя я с уверенностью ничего сказать не могу, даже после того, как там отвергли мою первую документалку о русских беженцах*.

* Одна часть — 8—10 минут экранного времени.

** «Вече». 1 часть. Фильм о всенародном вече, что состоялось 17 марта 1992 года в Москве на Манежной площади.

Да, на сегодняшнем «Мосфильме», как сказал Николай Бурляев на заседании Русской Академии, вряд ли бы нашлось место Шукшину и Тарковскому...

Но ведь сняла же Р. Григорьева «Мальчиков» по Достоевскому, ведь показали же на «Дебюте» изумительнейшую картину «Время желтой травы» (эти фильмы про нас, мальчиков времен желтой травы). Киностудия «Отечество» ежегодно организует Всероссийские фестивали православного кино. Состоялся же благодаря ТО «Русский фильм», возглавляемому Бурляевым и Таланкиным, I Международный фестиваль славянского кино «Золотой витязь», куда, кстати, Жалакявичюс в последний момент из «свободной» Литвы прислал с проводником своего «Зверя, выходящего из моря» по Замятину.

И не зря же в мае 92-го, в дни Праздника славянской письменности и культуры, мы собрались в кинотеатре «Повторного фильма» у Никитских ворот на организационное собрание славянских кинематографистов. И были с нами собратья из Польши, Белоруссии, горящей Сербии и раздираемой новым расколом Украины... Верно говорил тогда Михаил Ножкин, что нам нечего бояться на своей земле и отступать некуда, коли в кремлевской святыне уже отплясывают Хануку. Слушая Ножкина, лишний раз убеждался, что действительно — нечего. И еще тысячу раз убеждался, всматриваясь в крепкие, мужские, невырожденческие лица больших русских актеров Владимира Заманского, Юрия Назарова, Александра Михайлова. И уже казалось не трагичным, а анекдотичным, что официальный Союз кинематографистов в эти дни — дни «Золотого витязя», дни славянской письменности и культуры, дни святых равноапостольных Кирилла и Мефодия! — организовал в Доме кино неделю еврейского фильма. Вот уж воистину: «По делам их узнаете их...»

Так что же нам делать? У кого есть силы — бороться, у кого есть только терпение — пережидать. Но не идти против совести, не снимать то, к чему душа не лежит, даже если на это миллионы выложат. Ведь самим же потом стыдно будет.

Владимир ОСИПОВ

ДЕМОКРАТЫ ПРЕДАЮТ РУССКИХ

...Во время погрома, взлетая с крыш подожженных домов, стреляла в людей раскаленная черепица. От горящих балок и пылающих факелами деревьев фонтанировали искры. Летели в арыки оголенные провода, отчего даже мелкие, заряженные электричеством лужицы разили тех, кто защищал свой дом, имущество, свою жизнь.

Толпа воющих от радости молокососов и анашистов с велосипедными цепями в руках шла мимо воинской части, а через пять минут — и Управления внутренних дел Узбекистана. Ни армия,

* См.: «МГ» № 8 за 1992 год.

ни милиция не вмешались. Не было, видите ли, команды из Москвы. Тогда, в девяностом, был еще жив СССР, вот пусть Москва, решило местное начальство, за все и отвечает.

А грабили бы сестер и братьев самих узбекских милиционеров, и тогда тоже ждали бы команды из Москвы?

...Защищая семьи, мужчины начали стрелять. В воздух. Холостыми. И погромщики, трусливо взвалив на велосипеды награбленное, кинулись на ту улицу, где не стреляли, а откупались.

Начался массовый рэкет. Но директора магазинов стояли уже у дверей и угодливо протягивали шпане крупные суммы денег.

Однако ювелирному магазину да универмагу, в котором было обнаружено крупное хищение, не повезло. Плюс районному Управлению внутренних дел, где лежало уголовное дело на проворовавшихся. Помещения их сожгли, впрочем, как и дома тех жителей, у коих не нашлось средств для откупа.

Вобрав в себя взятки, толпа в чулочных намордниках покатила дальше, а в это время от дома к дому испуганной стаей почтовых голубей метались по городу телефонные звонки.

— Ольга Ивановна, — звонили из старого города в новый, — идет погром, спасайтесь. Предупредите других.

Ольга Ивановна тоже кидалась к телефону, чтобы эта страшная весть долетела до следующей семьи. Может, такие же звонки в тот день не могли долететь до Москвы? Могли. И долетали.

Но горбачевская Москва отмалчивалась. Москва, выходит, была заодно с погромом и подленьким молчанием своим давала «добро» на то, чтобы били другую часть народа.

Боже, как страшно! До чего же страшно жить на свете, когда тебя предают. Страна — своих граждан.

Я уверена, погромы были организованы той цепочкой политиков, которые задумали оторвать Азию от России, которые задумали показать, что Средняя Азия, несмотря, видите ли, на многолетний патронаж России, осталась в средних веках и на кой ляд она нам? Мол, подбрюшье и есть подбрюшье, что с него взять? И без боли хотя бы за одну человеческую судьбу, которой предстоит попасть в эту гигантскую вихревую воронку, разорвали на куски наши прекрасные земные просторы.

Даже писатель с мировым именем занялся их дележкой, почему-то не чувствуя, что еще одна гулаговская дележка Родины вновь принесет людям только страдания. И дело ли писателя наклоняться над картой страны, чтобы отсекать от нее карандашиком ту или иную часть с населяющими ее людьми. Не напоминает ли это нынешнюю продажу домов в Москве вместе с его жильцами?

Напоминает. А значит, нас продают теперь везде. И все. Кто только может.

Горе стране, если в ней уже кусочничают, рвут все, что можно, на куски, не только дипломаты, но и писатели. Жаль только, что всесветная известность сделала бесчувственной душу знаменитого патриарха, в мысль его — холодной и бесприютной для миллионов людей, как айсберг.

Погромы, прокатившиеся по стране, я уверена, нужны были для того, чтобы, до смерти напугав, заставить русских кинуть заработанные квартиры и заполнить пустующие «ниши» в российских деревнях в качестве дешевой рабочей силы. Это дела политиков, которые решили использовать высокообразованных русских людей, пустивших корни в других республиках, на сельскохозяйственных

работах как рабов. Против их воли. Потому в этот страшный для Андижана геростратов день и держали армию на замке.

По отношению ко всему земному шару американцы играют роль старшего брата, и что же, кто их за это осудит? Напротив, и нас уговаривают распахнуть перед ними душу, границы, земли. И нас уговаривают отдать им тайгу, озера, земли, мол, когда отдадим, когда все наше контролировать будут, тогда наконец-то станем колонией и жить будем лучше.

В общем, Америка теперь у нас вроде как ЦК. И вот Борис Николаевич, желая отличиться уже перед этим ЦК, во всех уголках бывшей империи ищет каких-то американских подданных, будто сами не нашлись бы, и впрямь живи они в России.

Почему же президент с таким же рвением не ищет русских детей, оставшихся в детских домах Карабаха, Молдовы, Узбекистана? Выходит, опять ждем приказа ЦК, и пока это новое вашингтонское ЦК не распорядилось, палец о палец не ударим?!

В школе-интернате № 31 в селе Уйгур Пахтаабадского района Андижанской области, например, среди 239 узбекских детей живет одна-единственная русская девочка Таня Большакова. Одиннадцати лет. В замурзанном платье. Таня не имеет права отпороть нарукавнички для стирки, в детском доме не разрешается их отпарывать. Девочка не может постирать и платье, ей не во что переодеться.

Платье у девочки одно. На ногах — стоптанные туфли, не по размеру колготки. Прямо-таки маленькая беззащитная Козетта. Но не французская, а русская.

Наша демпресса сообщила, что на проезд и проживание в лучшем отеле страны пресловутой мексиканской актрисы Вероники Кастро демократы потратили четыре миллиона рублей.

В газете «День» № 44 1992 года Станислав Говорухин пишет: «Был недавно на одной презентации. Этих презентаций в нашей голодной стране больше, наверное, чем во всех процветающих странах Запада, вместе взятых. Так вот. Презентация как презентация. Икра черная, икра красная, крабы, кета, осетрина, куропатки, киви, шампанское, коньяк, виски...»

В школе-интернате № 31 никогда не дают детям конфет. Их в Узбекистане просто нет. Почти для всех детей. Даже у коих есть родители.

В свои одиннадцать Танюша почти не умеет читать. Она ведь давно по детским домам, кто с нею, скажите, будет возиться? Девочка пишет только каракулями.

Но даже так ей нынче не писать. Единственную русскую девочку никто не собирается возить в райцентр в русскую школу. И не потому, что в этом интернате плохие люди. Люди-то нормальные, и за детьми они смотрят неплохо. Но в детском доме проблемы с бензином, впрочем, как и у всей республики.

Тане некому почитать сказку. В интернате только один педагог говорит по-русски, завуч школы Юлдаш Хаджибеков, преподаватель русского языка и литературы. Он, кстати, любит Таню, каждый день интересуется ее делами, старается хоть добрым словом облегчить трудную жизнь девочки.

Разговаривают с Таней по-русски еще три воспитанницы интерната — Нафиса, Фатима, Зухра. Остальные дети говорят только на своем родном языке, на узбекском, и зловредные мальчишки

травят Таню за то, что она в любой ситуации хочет остаться русской.

Увидев меня, автора журнала «Молодая гвардия», Таня кинулась ко мне, как к посланцу Родины, неизвестно зачем предавшей ее.

— Тетенька, — навзрыд плакала девочка, умоляя о малом, — помогите мне учиться на русском языке. Хоть немного помогите...

Даже в войну страна вывозила в первую очередь из зоны бедствия детей. Теперь же Родина бросила Таню на произвол судьбы в мире чужих ценностей и не всегда общечеловеческих. Разве паранджа, на ношении которой вновь настаивают исламисты, была когда-нибудь деталью туалета в Европе?..

— Чтобы я не слышал русскую речь в стенах этого учреждения! — воскликнул как-то директор Андижанского медицинского училища, и преподаватели в ужасе переглянулись — ведь в училище учатся и русские ребята.

Но со мнением русских в области ныне не очень-то считаются, хотя все дома, заводы, школы, стадионы, кинотеатры, санатории, больницы, фабрики построены в городе двумя народами: русским и узбекским. Вернее, всеми населяющими город народами. Однако вывески на всех учреждениях висят теперь лишь на узбекском языке...

Это ли не погром, присвоение чужого? Это ли не продолжение того страшного погрома, что начал катить по городу в мае 1990 года? Оголенные провода, упавшие в те дни на землю, до сих пор бьют током почти каждую в этом городе жизнь.

Женщина коренной национальности, осердившись на какое-то недоразумение, перегнулась через дувал и крикнула русской:

— Все твое скоро будет мое. Уезжай. Тебя Ельцин зовет в Сибирь. Не уедешь, найдешь себе тут скоро лишь два метра земли.

Ольга Ивановна молчком ушла в свою квартиру, за которую проработала на узбекской земле почти пятьдесят лет, долго и безысходно плакала, совершенно не понимая, за что с нею так.

Но вскоре и той злобной соседке пришлось горько задуматься над подобной же проблемой. Когда на поле раздора в Оше не поладили узбеки с киргизами и последние схватились не только за вилы, но и за автоматы, обезумевшие от ужаса узбекские женщины с малыми детьми на руках вскарабкивались на высоченные деревья и привязывали малышей к ветвям, чтобы хотя бы в кроне чинар упрятать их от пуль и поножовщины.

Однако узбекский народ нашел-таки в себе силы и хоть как-то защитил своих на киргизской земле, а вот с русскими все гораздо сложнее...

— Даже если русских на куски будут резать, почему в России за них никто не заступится? — удивляются иногда и сами «коренные».

Что же у нас в России ныне за руководители, если они придали своему народу статус лишь юродивого, которого можно только бить, гнать, заплевывать? За что они своим народом во всех уголках земного шара полы вымыли?

Да и писатели, даже этот, с мировым именем, туда же... Неужели Вы, Александр Исаевич, легонько отрезая карандашиком от страны целые регионы, не понимали, что натравливаете одни народы на другие да сиротите инвалидов, престарелых, детдомовских детей, в общем, всех, у кого уже нет сил или еще их нет, чтобы уехать.

Господа, а ведь вы циники, коль решили, что Россия должна жить без Тани Большаковой и Дениса Литвинова из школы-интерната № 2 города Андижана, начавшего мыкать свою горькую судьбинушку с дома грудника. Кому нужен будет этот человек, когда он начнет взрослую жизнь без образования, воспитания, жилья? Что придется делать в жизни Денису Селиванову, мать которого умерла? Сердце обливается кровью, когда глядишь на Лизу Мельникову... Так что же мы за люди, нация, что за народ, если своим детям готовим такие судьбы? Неужто так уж полюбился нам этот треклятый капитализм, что во имя его никто — рядом и не совсем рядом — уже не дорог?

Взять хотя бы «Закон о гражданстве РСФСР», принятый 6 февраля 1992 года, что он провозглашает?

«Гражданами России признаются все граждане СССР, постоянно проживающие на территории РСФСР, на день вступления в силу настоящего Закона...»

А что же выпадает тем русским, кто не жил на территории РФ до 6 февраля 1992 года?

По этому закону русский человек может получить гражданство в России только в том случае, если у него там родственники лишь по прямой восходящей линии: бабушка, дедушка, мать, отец, внуки, правнуки, супруг, супруга. А поскольку у Тани Большаковой в России ни бабушки, ни внуков, значит, она по нынешнему законодательству навсегда выброшена в сферу интересов мусульманского мира. И если даже вдруг Таня появится в России, то должна будет написать ходатайство на имя президента, которое, в свою очередь, будет направлено в комиссию по вопросам гражданства. И вопрос этот решится положительно только после нескольких лет проживания в России...

Выходит, русские, что будут спасаться от погромов в Средней Азии, попадут тут же в другой погром.

А свой дом? Многие дома, купленные приехавшими, в деревнях сожгли. Отношение к ним такое, будто прибыли на русскую землю представители чужеродного африканского племени.

Видимо, потому московские демократы уже при виде беженцев брезгливо морщатся:

— Без жилья и хлеба на вокзалах? Пусть идут на фермы!

И плевать интернационалистам-демократам на то, что среди беженцев высокообразованные люди: режиссеры, музыканты, переводчики. В конце концов — дети, инвалиды, старики. Ельцинское правительство предает их с еще большим размахом.

— Тогда сидели бы дома, — непременно находится тот, кто легко все решает за других. — Их никто сюда не звал.

Да, сюда не звали, но и там жить не дали голосованием за суверенитеты, разделами, переделами, желанием всех обойти и выиграть хоть какую-то ерунду.

Города наши центральные, до одури начитавшиеся демпрессы, в которой здорово отлажен только один механизм — механизм предательства и цинизма, а потому разучившиеся жалеть, стали такими лихими да крутыми по отношению к бедолагам. Еще бы! Как легко быть заносчивыми, когда в квартиры не бросают бутылки с зажигательной смесью, норовя попасть на детские кроватки.

Совсем нетрудно ныне ельцинской Руси показывать пример продажности и равнодушия к целой ветви своего же народа.

Отвернувшись от таких ретивых, ничтожных и глухих, мне хочется встать на колени перед преданными, оболганными и протянуть

руки в мольбе: простите, мои дорогие, тех, кто еще ничего не понял, кто жив только сном и животом своим, над кем не свисали жалящие до смерти оголенные провода и не вспыхивали фонтаном искры от горящего дома!

И меня простите, люди русские, за то, что не сумела я каждому человеку своей нации втолковать, что обобраны они до нитки и там, и здесь, что в жуткой пляске демоволков — стали первыми жертвами. Но ежели все будут молчать и потворствовать неправедному, то — не последними, кого в расцвете сил, с детства или в бессильной старости уже навсегда выбросили за черту жизни.

Так имеем ли мы право восхищаться идеями, предложенными стаей человекообразных демократов, если уже знаем, что идем к их воплощению через погибель миллионов? Неужто согреет наши души такой стервозно-подлый капитализм, такой черный передел страны, земли и человеческих сердец?

Лариса БАБИЕНКО
Андижан — Москва

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

ПРОТЕСТУЮ!

«Молодая гвардия» и «Наш современник» — мои любимые журналы, освещающие на своих страницах правду о событиях, происходящих в нашей стране сегодня. Спасибо вам, «молодогвардейцы», за ваши очерки и публицистику, за «Трибуну публициста». Я — библиотечный работник и потому знаю, как любят ваш журнал мои читатели. Почти никогда номера «Молодой гвардии», особенно свежие, не залеживаются на полках.

Мне хотелось бы поделиться с вами многими своими мыслями, поговорить о той боли, что испытываю сейчас, глядя на все происходящее в нашей с вами стране. Анархия, безвластие, растущая преступность, но самое страшное, думаю, еще впереди. Нет веры в будущее. И не только у меня, но и у многих окружающих меня людей. Кажется, что страну, которую упорно подталкивают к пропасти, уже не спасти...

Однако пишу я вам по поводу возмутившей меня в газете «Аргументы и факты» (1992, № 38) рекламы на книгу, которая выходит (а теперь, наверное, вышла!) в издательстве «АиФ». Это книга Людмилы Винниковой «Маньяк является в дождь» — о сексуальном маньяке А. Чикатило, отрывок из которой и напечатали на своих страницах «АиФ».

В такой сложнейшей ситуации, в какой находится наша страна, где преступность растет не по дням, а по часам, автор книги преследует вполне определенные цели: заработать деньги — все средства хороши! — и дать новые советы, как убивать хладнокровно и с садистской жестокостью. Как библиотечный работник, **я протестую против издания подобной литературы. Прекратите развращать молодежь! Сколько можно демонстрировать секс и порнографию по телевидению и в печати! Куда, в какую пропасть катимся!**

Е. А. СУРОДИНА,
зав. библиотекой
Володарск

Владимир ЗАБОРСКИЙ,
капитан 1-го ранга в запасе,
военный корреспондент журнала «Молодая гвардия»

КУДА ПЛЫВЕТ ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ?

Одной из главных причин обострения отношений между «незалежной» Украиной и Россией является принадлежность Черноморского флота. Властные украинские структуры — Верховный Совет, правительство, особенно Министерство обороны предприняли в начале 1992 года в нарушение всех правил цивилизованных международных отношений яростные попытки «прихватизировать» Черноморский флот и всю его инфраструктуру в Крыму и Причерноморье. Цель этой «экспроприации» ясна: лишить Россию Черноморского флота — значит отбросить ее на три века назад, в допетровские времена, разрушить ее оборонительный «южный пояс» (и всего СНГ), предопределив тем самым распад России. Именно это является вожделенной мечтой зарубежных кукловодов и режиссеров спектакля под названием «перестройка».

Продолжающиеся провокационные действия украинской стороны по дестабилизации обстановки на Черноморском флоте заставили наконец Президента России, ее правительство хоть как-то стыдливо отреагировать на «незалежный» беспредел украинских самостийников. Президентами России и Украины в ходе кратковременной встречи в Ялте в августе 1992 года скоропалительно заключено «эпохальное» соглашение по Черноморскому флоту.

Оба президента без излишней скромности посчитали соглашение «договоренностью большого политического значения», позволяющей избежать обострения отношений между двумя братскими славянскими народами. Оценки соглашения в прессе и других средствах массовой информации неоднозначны и даже противоречивы — от восторгов и похвальных панегириков до полного отрицания вплоть до заявлений, что «восторгаться таким соглашением о «безродном» флоте можно только после сильного перегрева на крымской жаре» («Правда», 1992, 7 августа). А как оценивают это соглашение военно-морские профессионалы? Оценка эта однозначна: в своей основной идее оно не только не облегчает решение проблем Черноморского флота, но еще более их запутывает и осложняет. При этом такое «запутывание» отрицательно отразится прежде всего на интересах России.

Соглашение готовилось за спиной Военно-Морского Флота, фактически без участия офицеров Главного штаба ВМФ, и поиски «авторов» этого документа скорее всего приведут в коридоры доблестного Российского МИДа и их украинских «самостийных» сотоварищей. Видимо, обоим президентам был подсунут на подпись

не согласованный с военно-морскими специалистами проект согла-шения.

Если это так, то и весь спрос за допущенные ошибки и нелепо-сти в соглашении должен быть с его авторов, поскольку по своим формулировкам, в большинстве своем весьма неудачным, ряд по-ложений соглашения позволяет их двояко истолковывать и при-менять соответствующую двойственность действий по ним, что может способствовать (и уже способствует) всяческим осложне-ниям, а возможно, и срыву соглашения в процессе его выпол-нения.

Начинается соглашение с торжественного утверждения необходи-мости «раздела» Черноморского флота на ВМФ России и ВМС Украины — как вопроса окончательно и бесповоротно решенного. Правда, где-то в начале 1992 года после первых попыток «неза-лежной Украины» забрать, а вернее, нагло захватить под свою юрисдикцию Черноморский флот Президент России во всеуслы-шание клятвенно провозгласил: «Черноморский флот был, есть и будет Российским!» Впрочем, много чего успел наобещать своим избирателям наш президент, даже на рельсы грозил лечь, если цены кто-либо вздумает повысить. Сегодня мы сполна познали цену такому обещанию — цены вздуты под предлогом перехода к «процветанию» на недосягаемую высоту (в сто и более раз), но президент на рельсы не лег и теперь уже не собирается это делать. По-иному он смотрит теперь и на раздел Черноморского флота, вопреки своим прежним заявлениям.

Следует пояснить, что с самого «рождения» «независимой» Украины командованием ВМФ России было предложено выделить для формирования украинских ВМС часть кораблей Черноморского флота — около 20 процентов корабельного состава. Более того, предлагалось помочь Украине в формировании национальных ВМС и предусматривалось взять на себя в рамках военной орга-низации Содружества часть возлагаемых на Черноморский флот задач — в основном по поддержанию оперативного режима и охраны экономической и прибрежной зон западной части Черного моря. Министерство обороны Украины от этих предложений кате-горически отказалось и в возмутительной форме потребовало пере-дачи Украине всего флота со всей его инфраструктурой. Перегово-ры по этому вопросу зашли в тупик. Этот тупик не преодолен и ялтинским соглашением. Вопрос, как делить флот, остается нере-шенным до сих пор.

По большому же счету раздел Черноморского флота на какие-то составляющие части не укладывается в рамки здравого смысла. Это пагубно скажется на флоте, усложнит управление, обострит вопросы всех видов обеспечения и потянет за собой длиннейший шлейф трудноразрешимых оперативных, материально-технических, кадровых, социальных и прочих проблем. Деление флота ведь не заключается в примитивной раздаче кораблей, это лишь видимая часть «айсберга». Но как быть со всей инфраструктурой флота, предназначенной для обеспечения деятельности боевых кораблей, авиации, морской пехоты, береговых войск — то есть всей систе-мой базирования, судоремонта, управления и связи, поставки до-вольствия, подготовки личного состава и др.? Как все это поде-лить? Резать по живому? Как, например, разделить систему управ-ления и связи флота, если в ней задействованы пункты управления и приемно-передающие центры всей единой системы управления

ВМФ от Североморска до Камчатки? Это хорошо понимают военно-морские профессионалы, но не понимают дилетанты-политики.

Положение ялтинского соглашения о сохранении единого Черно-морского флота на ближайшие три года (до 1995 года), статус ко-торого должен был быть определен до 1 октября 1992 года, явля-ется единственным положительным моментом всего соглашения, поскольку сохраняет целостность флота и предписывает сторонам спокойно в течение трех лет разобраться в этом сложном и запу-танном клубке проблем.

Что же касается положений соглашения о выводе Черноморского флота из состава ОВС СНГ (то есть состава ВМФ России), о пере-подчинении его одновременно обоим президентам (!), о назначе-нии «согласованно» (!) объединенного командования флотом, то все это является невиданной «новацией» в практике сотворения надуманных военных и военно-морских структур и относится к разряду полного абсурда.

Военным понятно, что не может быть «единого» флота без на-циональной принадлежности, что невозможно управлять и коман-довать «единым» флотом одновременно двум президентам раз-личных государств.

Прошло четыре месяца после ялтинского соглашения, которое российский МИД считает величайшим достижением своей политики в отношении «ближнего зарубежья». На самом же деле проблемы Черноморского флота не только не решены, но продолжают еще более обостряться, что и предсказывалось командованием ВМФ.

Обстановка на флоте (да и в целом в Крыму) продолжает оста-ваться напряженной и сложной, а само соглашение, видимо, будет просто похоронено.

Мятежный сторожевой корабль, «сбежавший» из Крымской базы в Одессу, успешно там гнил до декабря 1992 г., после чего воз-вратился в Севастополь для ремонта. Экипаж во главе с команди-ром, возжелавшим, видимо, снискать лавры новоявленного «лейте-нанта Шмидта», также успешно разлагался: пьянствовал, дебоши-рил, чем принес новоиспеченному «командованию» несуществую-щих ВМС Украины первые ЧП, даже уже со смертельным исходом среди личного состава.

Продолжаются беспрецедентные, наглые попытки со стороны Украины «прихватизировать» флот. И так же, как и ранее, наш президент и правительство все это смиренно сносят, делают вид, что ничего не происходит, а вернее — стыдливо утираются от самостийных плевков.

Вот перечень наиболее крупных акций, предпринятых за послед-нее время украинской стороной в лице ее Министерства обороны по завладению российским флотом:

— захват двух севастопольских военно-морских училищ, готовя-щих офицеров-ракетчиков и инженеров-механиков по ядерным энергетическим установкам для атомных подводных лодок. Все это сопровождалось истерической вакханалией спешного принятия преподавательским составом и курсантами украинской присяги, гонениями на не желавших присягать офицеров училищ, отчисле-нием не принявших украинской присяги курсантов (160 чел.);

— попытка захвата крымских судоремонтных заводов ВМФ, кото-рые, кстати, подчинены не командованию флота, а Главнокоман-дующему ВМФ через соответствующее центральное управление;

— блокирование в Донузлаве построенного для Тихоокеанского

флота плавающегго дока;

— попытка захвата в январе с. г. бригады подводных кораблей и склада имущества в Измаиле, а также поликлиники флота в Севестополе.

Кроме училищ, судоремонта, жилья, украинская сторона замахивается на системы технического, медицинского обеспечения ЧФ, изменяет финансирование задолго до окончания переходного периода, оговоренного ялтинским соглашением.

Чего стоит, к примеру, приказ министра обороны Украины, еще совсем недавно нашего «сталинского сокола», генерал-полковника авиации К. Морозова, подписанный им вскоре после ялтинского соглашения (№ 160 от 12.9.92 г.). Цитирую выдержки из приказа:

«С 12 сентября 1992 года войсковые части и учреждения центрального подчинения, расположенные на территории Украины, как ниже указано (следует перечисление частей и учреждений), включить в состав Вооруженных Сил Украины.

Считать с момента подписания настоящего приказа не имеющими юридической силы все приказы и указания министра обороны России и командования СНГ в отношении вышеуказанных частей и учреждений».

Силен К. Морозов! Взял да и подчинил себе более пятидесяти российских частей и учреждений центрального подчинения, расквартированных в Крыму. И наплевать ему на российского министра обороны, президента, да и на саму Россию. Последовал ли соответствующий приказ генерала армии П. Грачева, дезавуирующий этот «самостийный» приказ К. Морозова? Демократические средства массовой информации об этом промолчали. Правительство России тоже сохранило спокойствие и никак не прореагировало на такую эту выходку.

Жесткое, бесцеремонное давление украинской стороны на командование флота, беззастенчивое вмешательство самостийников в дела флота продолжаются. И только стойкость командующего флотом адмирала И. Касатонова и поддержка его главнокомандующим ВМФ адмиралом флота В. Чернавиным, а также подавляющим большинством офицерского корпуса ЧФ позволили противостоять такому давлению. Надо прямо признать: окажись на месте И. Касатонова какая-нибудь слабовольная «фигура» вроде небезызвестного генерала Неткачева в Приднестровье — Россия давно бы лишилась своего Черноморского флота с его главной базой — Севастополем.

Но адмирал И. Касатонов назначен (с повышением) первым заместителем Главнокомандующего ВМФ и убыл в Москву к новому месту службы, передав командование флотом временно начальнику штаба флота вице-адмиралу В. Ларионову.

Новый командующий флотом долго не назначался — для этого нужен, видите ли, «консенсус» двух президентов. Отвергнуты кандидатуры нескольких достойных адмиралов: своей принципиальностью они не устраивают украинскую сторону, которой нужна безвольная податливая фигура, желательно с «прорУховским» радикал-националистическим мировоззрением. А наш президент присущее ему упорство в этом вопросе почему-то не проявляет *. И плывет непонятно чей флот, подчиненный сразу двум президентам двух разных государств, неведомо куда.

* Командующим ЧФ в январе с. г. назначен вице-президент Э. Балтин, который, будем надеяться, не сойдет с позиции И. Касатонова.

Учитывая неопределенность, сложность и взрывоопасность обстановки на Черноморском флоте и в Крыму, а также непринятие соответствующих мер со стороны Российского правительства, офицеры Черноморского флота обратились в Верховный Совет Российской Федерации и далее — к VII Съезду народных депутатов России с просьбой рассмотреть вопрос об обстановке на флоте, статусе города Севастополя, о положении в Крыму, приложив к своему обращению целый пакет документов по указанным вопросам. После очередного запроса депутата В. Саенко VII Съезд поручил 9 декабря 1992 года Верховному Совету РФ разобраться с этими вопросами и определиться со статусами Крыма и Севастополя, уже двести лет являющегося главной базой Черноморского флота и с прошлого века — городом особого режима и центрального подчинения. На следующий же день, как передало «Радио России», украинские самостийники-руховцы подняли дружный вой, обвинив Россию в нарушении «международных соглашений о целостности границ», имперских амбициях и пр.

Если уж говорить о целостности границ — обратимся к историческим фактам и соответствующим документам, часть из которых представлена офицерами Черноморского флота в Верховный Совет РФ.

Видимо, никто не оспорит всем известный факт, что такое «независимое» государство, как Украина, тем более в современных границах, никогда не существовало.

Что касается Крыма, то он, как и все Причерноморье (Новороссия), отвоеван у турок нашими выдающимися полководцами и флотоводцами — П. Румянцевым-Задунайским, Г. Потемкиным-Таврическим, А. Суворовым-Рымниковым, А. Орловым-Чесменским, Ф. Ушаковым. Никогда Крым в состав Украины не входил, пока в 1954 году первопроходчик-перестройщик Н. Хрущев по собственной инициативе не передал Крымскую область Украине.

Общеизвестным является и тот факт, что Севастополь с момента его основания, то есть с присоединением Крыма к России (апрель 1783 г.), всегда был городом и крепостью особого режима и центрального подчинения. Так, в 1804 году Севастополь объявляется главным портом Черноморского флота, а царским указом от 20 марта 1805 года к должности Главного командира Черноморского флота присоединяется звание «Николаевского и Севастопольского губернатора». В августе 1873 года Государственный Совет России выделил город Севастополь с прилегающей к нему территорией из пределов Таврической губернии с подчинением его особому градоначальнику, который подчинялся непосредственно Центру. Наконец, 29 октября 1948 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Севастополь был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом и отнесен к категории городов республиканского подчинения.

При передаче Крыма в состав Украины в 1954 году этот Указ не был признан утратившим силу, Севастополь до 1968 года оставался под юрисдикцией России и два десятилетия финансировался из ее бюджета. Лишь с 1968 года, когда севастопольская городская организация КПСС по чьему-то келейному распоряжению перешла в состав Компартии Украины (на что, естественно, не требовалось санкции высшего органа государственной власти Российской Федерации), Киев в одностороннем порядке прибрал Севастополь к рукам, объявив его городом украинского респуб-

ликанского подчинения. Тогда же «капитулировал» Российский Совмин, с радостью сбросив с себя бремя по финансированию Севастополя. Но исполнительная власть, какой является Совет Министров, не вправе отменить решение власти законодательной. Так что де-юре Севастополь и после 1968 года остался и остается российским («Правда», 5.11.1992).

Пока страна не была разрушенной, пока функционировал мощный Советский Союз, крепла и росла, как утверждали наши идеологи, нерушимая дружба народов и их сотрудничество, мало кто обращал внимание, в какую республику входит Крым, кому подчиняется Севастополь. Сейчас обстановка иная, и можно сказать, мы являемся свидетелями разворачивающейся на богоданной крымской земле драмы, которая остро затронет судьбы людей, флота, края, если ее не удастся остановить.

В условиях продолжающейся экспансии украинских властей в отношении Крыма, Севастополя и Черноморского флота необходимы решительные меры по предотвращению назревающего взрыва и решению всех крымско-черноморских проблем Верховным Советом и Правительством России, как это и решено VII Съездом народных депутатов России. Офицерское собрание флота направило 21 января с. г. президентам России и Украины требование сохранить единый ЧФ с его главной базой Севастополем. В противном случае черноморцы будут решать назревшие вопросы имеющимися средствами («Красная звезда», 23.1.1993).

Несмотря на сложность обстановки в Крыму и на Черноморском флоте, все же есть надежда, что время все расставит по своим местам и до унизительного для России захвата ее прославленного Черноморского флота, его главной базы Севастополя, отторжения Крыма дело не дойдет. Схлынет волна умопомешательства, под которую попали некоторые политические деятели Украины и России, — и будет единым не только Черноморский флот, но и наши братские народы снова обретут свою вековую дружбу и сплоченность в едином многонациональном государстве, как это было в течение всей нашей тысячелетней истории.

ДИКОСТЬ НА ПРЕЗИДЕНТСКОМ УРОВНЕ

Этому трудно подобрать соответствующее название. Поэтому наш заголовок в данном случае можно считать чисто условным. Даже такие слова, как «измена», «предательство», не в полной мере передают суть факта, о котором идет речь.

Когда в ходе VII Съезда народный депутат Михаил Астафьев предал гласности текст соглашения между Россией и США об уничтожении оружия, были предположения, что это фальшивка. Однако официальные лица уже на следующий день подтвердили подлинность документа.

Мы считаем, что во избежание недомолвок и несмотря на ограниченность газетной площади текст соглашения является слишком важным и показательным, чтобы подвергать его каким-либо сокращениям.

Публикуем текст полностью.

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ ОТНОСИТЕЛЬНО БЕЗОПАСНЫХ И НАДЕЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК, ХРАНЕНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЯ ОРУЖИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, ниже именуемые Сторонами,

желая содействовать безопасным и надежным перевозке и хранению ядерного, химического и другого оружия в Российской Федерации в связи с их уничтожением,

намереваясь исходить из основ сотрудничества, предусмотренных в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в целях содействия предоставлению помощи от 4 апреля 1992 года,

согласились о нижеследующем:

Статья I.

Стороны сотрудничают для оказания содействия Российской Федерации в достижении следующих целей:

а) уничтожение ядерного, химического и других видов оружия;

б) безопасные и надежные перевозка и хранение такого оружия в связи с их уничтожением; и

с) установление дополнительных поддающихся контролю мер против распространения такого оружия, которое подвержено риску распространения.

Статья II.

1. Стороны через свои Исполнительные органы заключают надлежащие соглашения об осуществлении для достижения целей, предусмотренных в Статье I настоящего Соглашения. Эти соглашения об осуществлении включают среди прочего:

а) описание планируемых мероприятий;

в) положения о последовательности осуществления мероприятий;

с) положения, касающиеся доступа к предоставляемым материалу, обучению и услугам в местах их использования, если это возможно, для мониторинга и инспекций; и

д) другие надлежащие положения.

2. В случае каких-либо расхождений между настоящим Соглашением и любыми соглашениями об осуществлении преимущественную силу имеют положения настоящего Соглашения.

Статья III.

Каждая Сторона назначает Исполнительный орган для осуществления настоящего Соглашения. Для Российской Федерации Исполнительным органом в отношении ядерного оружия является Министерство по атомной энергии. Для Соединенных Штатов Америки Исполнительным органом является Министерство обороны.

Статья IV.

Если в настоящем Соглашении или в соглашении об осуществлении не предусмотрено иное, условия настоящего Соглашения применяются ко всем материалам, обучению и услугам, предоставляе-

мым в соответствии с настоящим Соглашением или соглашениями об осуществлении, а также ко всем связанным с этим видам деятельности и персоналу.

Статья V.

1. Российская Федерация содействует въезду государственных служащих Соединенных Штатов Америки и персонала подрядчиков Соединенных Штатов Америки на территорию Российской Федерации и выезду из нее с целью осуществления деятельности в соответствии с настоящим Соглашением.

2. Воздушные и морские суда, кроме коммерческих воздушных и морских судов, выполняющих регулярные рейсы, используемые Соединенными Штатами Америки в связи с деятельностью согласно настоящему Соглашению в Российской Федерации, освобождаются в соответствии с международным правом от таможенных досмотров, таможенных сборов, платы за посадку, навигационных сборов, портовых сборов, дорожных сборов и любых других сборов, взимаемых Российской Федерацией или какими-либо ее органами.

3. Если перевозка в Российскую Федерацию осуществляется Соединенными Штатами Америки самолетом иным, чем коммерческий самолет, выполняющий регулярные авиарейсы, то план его полета предоставляется в соответствии с процедурами Международной организации гражданской авиации, принятыми для гражданских самолетов, с включением в раздел примечаний этого плана полета подтверждения, что соответствующее разрешение получено. Российская Федерация обеспечивает стоянку, охрану, обслуживание и топливо для самолета Соединенных Штатов Америки.

Статья VI.

Без предварительного письменного согласия Соединенных Штатов Америки Российская Федерация не передает право на любой материал, обучение и услуги, предоставляемые по настоящему Соглашению, или право владения ими никакому лицу, кроме сотрудника, служащего или представителя Стороны настоящего Соглашения, и не допускает использования таких материалоа, обучения или услуг для целей, отличных от тех, в которых они были предоставлены.

Статья VII.

1. В том, что касается судебного преследования и исков, помимо исков по договорам, Российская Федерация не имеет претензий и не возбуждает судебного преследования против Соединенных Штатов Америки и персонала, подрядчиков и персонала подрядчиков Соединенных Штатов Америки за ущерб имуществу, принадлежащему Российской Федерации, или гибель персонала Российской Федерации или ущерб его здоровью, причиненные в результате деятельности согласно настоящему Соглашению.

2. Ответственность за урегулирование исков третьих сторон, возбужденных в результате действий или бездействия служащих Соединенных Штатов Америки или подрядчиков и персонала подрядчиков Соединенных Штатов Америки при исполнении ими своих служебных обязанностей, принимает на себя Российская Федерация.

3. Положения настоящей статьи не препятствуют предоставлению

Сторонами компенсации в соответствии со своим национальным законодательством.

4. Стороны могут в случае необходимости провести консультации в связи с исками и судебным преследованием по настоящей статье.

5. Ничто в настоящей статье не должно быть истолкоаано как препятствующее судебному преследованию или искам против граждан Российской Федерации или лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации.

Статья VIII.

Деятельность Соединенных Штатов Америки по настоящему Соглашению осуществляется при условии наличия выделенных средств.

Статья IX.

Государственным служащим Соединенных Штатов Америки, находящимся на территории Российской Федерации для осуществления деятельности, связанной с настоящим Соглашением, предоставляются такие же привилегии и иммунитеты, какие предоставляются административно-техническому персоналу в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года.

Статья X.

1. Соединенные Штаты Америки, их персонал, подрядчики и персонал подрядчиков не обязаны платить каких-либо налогов или аналогичных сборов Российской Федерации или любых ее органов в отношении деятельности, осуществляемой в соответствии с настоящим Соглашением.

2. Соединенные Штаты Америки, их персонал, подрядчики и персонал подрядчиков могут ввозить или вывозить из Российской Федерации любое оборудование, принадлежности, материалы или услуги, необходимые для осуществления настоящего Соглашения. На такие ввозимые или вывозимые товары или услуги не распространяются какие-либо лицензии, прочие ограничения, таможенные пошлины, сборы, налоги или какие-либо другие сборы, и они не подвергаются досмотру со стороны Российской Федерации или каких-либо ее органов.

Статья XI.

В случае заключения одной из Сторон контрактов на приобретение товаров и услуг, включая строительство, для осуществления настоящего Соглашения, таковые заключаются в соответствии с законами и правилами этой Стороны. Товары и услуги, приобретаемые в Российской Федерации Соединенными Штатами Америки или от их имени при осуществлении настоящего Соглашения, не облагаются Российской Федерацией или ее органами какими-либо налогами, таможенными пошлинами, сборами или аналогичными сборами.

Статья XII.

Российская Федерация принимает все зависящие от нее разумные меры для обеспечения безопасности материалов, процесса

обучения или услуг, предоставляемых согласно настоящему Соглашению, и защищает их от захвата или незаконного завладения.

Статья XIII.

По запросу представители Правительства Соединенных Штатов Америки имеют право проверять порядок использования любых материалов, обучения или других услуг, предоставляемых в соответствии с настоящим Соглашением, в местах их расположения или использования, если это возможно, и имеют право проводить инспекции любой и всей соответствующей отчетности или документации в течение срока действия настоящего Соглашения и в течение трех лет после его истечения. Эти инспекции проводятся в соответствии с процедурами, подлежащими согласованию Сторонами.

Статья XIV.

Настоящее Соглашение вступает в силу с момента его подписания и будет оставаться в силе в течение семи лет. В настоящее Соглашение могут быть внесены поправки, оно может быть продлено по письменной договоренности Сторон, и его действие может быть прекращено любой Стороной путем направления другой Стороне за 90 дней письменного уведомления о таком намерении. Независимо от прекращения настоящего Соглашения или соглашений об осуществлении обязательства Российской Федерации в соответствии со Статьями VI, VII, IX, X, XII настоящего Соглашения продолжают применяться неограниченное время, если не будет иной письменной договоренности между Сторонами.

СОВЕРШЕНО в г. Вашингтоне 17 июня 1992 года в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

ЗА РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ (Б. ЕЛЬЦИН)

ЗА СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ (ДЖ. БУШ)

«Время» № 2, 1992 г.

* * *

В очередной раз человек, которому хоть немного дороги национальные интересы страны... повергнут в уныние и недоумение в связи с соглашением между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки «относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия». Документ подписали два президента — Б. Ельцин и Д. Буш.

...Конечно, мы не можем согласиться с тем, что по этому договору Соединенным Штатам предоставляются права бесконтрольно ввозить любые материалы и оборудование — в то время, как нашей стороне в этой важной сфере не предоставляется никаких прав на территории США.

Весьма тревожным и унизительным для нашей стороны является положение договора (статья VII), по которому Российская Федерация не имеет претензий и даже не может возбуждать судебного преследования против Соединенных Штатов, персонала, подрядчиков США за ущерб имуществу, принадлежащему России, гибель — именно так и записано: «гибель персонала Российской Федерации или ущерб его здоровью, причиненные в результате деятельности, согласно настоящему Соглашению».

Некоторые современные виды оружия, как известно, сложнее уничтожить, чем произвести. Представьте себе: в ходе такой работы произошел взрыв, произошла утечка ядовитых веществ — пострадали, а то и, не дай Бог, погибли люди, произошло заражение большой территории... И за все это американская сторона никакой ответственности не несет.

Более того, по этому соглашению американцы как бы з а в л а д е в а ю т всеми вопросами, связанными с уничтожением оружия на российской территории. Под этой маркой можно беспрепятственно вывозить не только остатки ценных материалов, но, как я понимаю, и секреты технологий.

Я вовсе не хочу сказать, что призыв к этому содержится в договоре. Потому и подвергается тщательному правовому анализу каждая строчка, каждая буква любого международного соглашения, дабы не создать лазеек для всякого рода злоумышленников и авантюристов. Условия же этого договора, с моей точки зрения, открывают для Соединенных Штатов легальный, защищенный дипломатическим иммунитетом канал возможного вывоза любых секретов и ввоза любого, в том числе и разведывательного, оборудования. США, безусловно, заинтересованы в исследовании состояния дел у нас в этой области — этого не ведают разве что только наши прекраснодушные либералы, под чьи рукоплескания и происходит крушение государства.

Соглашение по оружию надо оценивать не отдельно, а в русле внешней политики, которая привела к тому плачевному положению, когда на наших глазах рушатся все традиционные представления о национальных интересах и о их защите, когда любой человек, говорящий об этом, тут же обвиняется в имперских амбициях. Дескать, демократия несовместима с таким «устаревшим» понятием, как национальные интересы. Абсурд! Наличие незамерзающих портов, выходов к морю, определенное количество вооружений — все эти компоненты государственной силы одинаково важны и для монархии в XVIII веке, и для демократии конца XX века.

Посмотрите на политику Соединенных Штатов — как и в прежние времена, они всячески стремятся к достижению вполне конкретных материальных, территориальных и стратегических выгод. И это не первое соглашение с Америкой, вызывающее такое возмущение. Вспомните «дипломатический ход» Шеварднадзе, который, будучи министром иностранных дел СССР, втайне от общественности и парламента отдал Америке огромные районы континентального шельфа. США совершенно откровенно получили здесь уступку своим многолетним притязаниям.

Мы видим, как другие государства, несмотря на провозглашение «общечеловеческих ценностей», используют все юридические тонкости в своих интересах. Что вполне естественно. Неестественно как раз то, что наша внешняя политика полностью сошла с орбиты служения национальным интересам своей страны, витает в облаках опасных абстракций...

Международному сообществу, как видно, глубоко безразлично утверждение подлинной демократии в нашей стране. Ему больше

свойственно извечное стремление устраинить с международной арены сильного соперника, каким всегда была Россия, овладеть богатейшим регионом, который был закрыт от влияния США. С попустительства нашего правительства, под рукоплескания российских либералов это и осуществляется.

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ,
кандидат исторических наук.
Под диктовку. — «Литературная Россия», 11 декабря 1992 г.

ИЗ ДОСЬЕ «МГ»

Игорь ГУРОВ,
юрист

КАЗАЧЕСТВО И ЧЕЧНЯ

Совет атаманов Союза казаков заявляет Верховным Советам СССР, союзных республик и республик Северного Кавказа о недопустимости реализации конституционных прав одних народов за счет грубого попрания таких же законных прав других народов.

Из «Декларации казачества России», принятой 30 ноября 1990 года

Как «демократические», так и «капэесэсовские» средства массовой дезинформации одинаково рьяно продолжают публикацию клеветнических измышлений относительно истории Терского казачества и его трагической судьбы после октября 1917 года, поощряя чеченцев и ингушей к активным антирусским действиям. В опубликованном 15 марта 1992 года постановлении Верховного Совета России, признающем незаконными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению, в качестве единственных «мучеников» на Северном Кавказе выставляются чеченцы и ингуши, пострадавшие в 1944 году, но ни слова не говорится о жертвах кровавого геноцида, учиненного при активном участии чеченцев и ингушей в 1918—1924 годах над древним субэтносом русского народа — Терским казачеством. А подписанный Б. Ельциным 26 апреля 1991 года Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в ст. 6 даже провозгласил «территориальную реабилитацию» народов, официально объявленных «репрессированными», с организацией «мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения», а также возвращение «репрессированных народов» в «места прежнего проживания на территории РСФСР».

Однако ни в одном правительственном документе не содержится даже малейшего упоминания об антиконституционности ликвидации Терской области в начале 1920-х годов и о восстановлении прав терских казаков на свои исконно исторические земли и на административное самоуправление.

Поскольку конфликт в данном регионе затрагивает жизненные интересы целого ряда небольших этносов и субэтносов Северного Кавказа, то необходимо немного рассказать о происхождении и историческом развитии каждого из них.

ТЕРСКИЕ КАЗАКИ (ТЕРЦЫ)

Ряд историков считают терских казаков прямыми потомками древнего населения Семендерской (Терской) Хазарии (представлявшего собой результат метисизации коренных сарматских племен с пришлыми гуннами), которое обрусело в период существования на Тамани и в Восточном Крыму хорошо известного Тмутараканского княжества (X—XII вв.). В конце XV века в их состав влились бежавшие на Кавказ «сторожевые казаки» и крестьяне Великого княжества Рязанского. Не удивительно поэтому, что воеводы Ивана Грозного (1533—1584 гг.) после завоевания Астраханского ханства (1556 г.) встретили на Тереке издавна живших там «казаков» и заключили с ними военный союз. Это были «гребенские казаки» — оседлое христианское племя, говорящее на русском языке. Поселения их располагались за Тереком «на гребнях», то есть на восточных и северных склонах Терского хребта, у впадения реки Аргунь в Сунжу, откуда и пошло их название — «гребенские казаки». По легендам, хранящимся в народной памяти, их предки поселились в этих местах задолго до Ивана Грозного. Гребенцы оказали активную помощь царским воеводам в строительстве пограничной крепости Терки (другое название — Терский городок), основанной в 1567 году сначала в устье реки Сунжи, а затем, в 1599 году, перенесенной в устье реки Терек близ впадения в него притока Тюменки. Сохранилось также предание о переговорах Ивана Грозного с гребенскими казаками, записанное Л. Н. Толстым (Толстой Л. Н. Собр. соч., т. 3. М., 1961, с. 176).

Следует отметить, что гребенцы заселяли преимущественно бассейн среднего течения Терека и его притока Сунжи. В XVI веке сюда же переселились донские казаки с реки Калитвы.

С конца XVI века на Северный Кавказ двинулось значительное число казаков — переселенцев с Дона, Волги, Хопра. Они составили низовое, собственно «терское» казачество, которое сформировалось позднее гребенского (в XVI—XVIII вв.) при активном участии выходцев из соседних народов. Значительные группы православных осетин и черкесов, а также бежавших от османского и персидского гнета грузин и армян принимались в казачество и, обрусев, окончательно сливались с ним.

Немалую роль в укреплении взаимоотношений казаков и горцев сыграло «аталычество» — отдача ребенка на воспитание. «Бывало, что в семье казака воспитывался сирота — ногаец, калмык или горец. Повзрослев, такие лица получали все казачьи права, становились настоящими казаками, и за них могли выйти замуж девушки-казачки» (Заседателева Л. Терские казаки. М., 1974, с. 289).

Эта многонациональная по своему происхождению общность и составила основу знаменитого Терского казачьего войска, станицы которого издревле располагались в долинах Терека, Сунжи и их притоков. Официальной датой образования Терского казачьего войска считается 1577 год.

Русское правительство снабжало казаков вооружением и припасами и использовало их для борьбы против крымских и ногайских татар и горских князьков. Однако судьба не баловала терцев. Уже в 1653 году географию многочисленных терских и гребенских городков основательно перекроил поход персидских войск и их союзников, вошедший в историю как «Кызылбашское разорение», когда были опустошены все казачьи Гребни. Причем более 10 казачьих городков остались невосстановленными и исчезли совсем, поскольку их население было либо уничтожено, либо уведено в плен, а немногие уцелевшие влились в состав жителей других станиц.

В 1685 году терские казаки были временно оттеснены с гор, а в 1707 году большинство старых казачьих городков было уничтожено кубанским султаном Каибом. В 1712 году уцелевшие гребенцы были переселены вниз по Тереку.

Во время персидского похода Петра I в 1722 году на реках Астрахани и Сулаке были также поселены донские казаки с семьями, получившие название Аграханского войска (позже «Семейное войско»). В том же году была основана крепость Кизляр.

Терцы активно использовались русским правительством при создании им Кавказских укрепленных линий. Они возводились с 1735 по 1850 год и состояли из укреплений и казачьих станиц (таких, как Моздок, Грозная, Владикавказ, Георгиевская, Усть-Лабинская, Екатеринодар и др.), выполнявших роль крепостей, между которыми на расстоянии 25—30 километров располагались отдельные форты или редуты, а через каждые 3—5 километров — наблюдательные посты (пикеты).

В 1763—1777 годах была создана Азовско-Моздокская линия, часть которой обороняли терские казаки, пополнявшаяся выходцами из России — украинцами, татарами, горцами, армянами и грузинами. Тогда же сюда было переселено большинство волжских казаков (1770—1777 гг.), а в 1860 году была образована Терская область (окончательно сложилась как структура с четким управлением и границами в 1860 году), управлявшаяся командующим Кавказским корпусом.

В начале XIX века были созданы новые укрепления и Сунженская линия (в 1817—1823 гг.) с крепостью Грозная (1818) и рядом других, контролирующих выходы из горных ущелий. Были сделаны новые попытки пополнить казачьи полки за счет горцев, перешедших на русскую службу. В 1823 году в состав казачьих войск были включены Бабуковский аул (ставший станицей Бабуковской) Волжского казачьего полка и «Моздокские казачьи братья» (из осетин и черкесов) в составе Горского казачьего полка.

В 1832 году терцы вошли в состав Кавказского линейного войска из 6 терских и 4 кубанских полков. В 1836 году они снова были объединены в Терско-семейный и Кизлярский полки, позже — в Горский и Моздокский. В 1894 году численность терских казаков составляла 162 тысячи человек, в 1916-м — 255 тысяч человек, проживавших в 70 станицах и множестве хуторов Терской области. Главными занятиями их в мирное время были земледелие, виноградарство и виноделие, охота и рыболовство. Во главе войска стоял наказной атаман, он же начальник Терской области, подчинявшийся наместнику царя на Кавказе.

В 23-м томе словаря Брокгауза и Ефрона Терскому казачеству дается следующая характеристика: «Терские казаки составляют

особое сословие и управляются на основе особых положений. Войсковая территория чересполосна с землями туземцев и частных владельцев и тянется преимущественно по левому берегу Терека от Владикавказа до Каспийского моря и по берегам рек Подкумка, Кумы, Малы, Сунжи, Ассы, Фортанки. Русские не казачьего сословия живут преимущественно в городах и слободах, а также в казачьих станицах или особыми селами и хуторами. Переселенцы — большей частью — малороссы».

ОСЕТИНЫ

Осетины происходят от древнего аборигенного населения Северного Кавказа, которое с VII века до н. э. стало подвергаться ассимиляции пришлыми ираноязычными племенами — сначала скифами, а затем сарматами. Непосредственными предками осетин являются северокавказские аланы, которые были тесно связаны со скифо-сарматами.

С VII до X в. н. э. значительная часть средневековой Алании, простирающейся от Дагестана до верховья Кубани (включая земли равнинной части нынешней Чечено-Ингушской АР), входила в состав Хазарского каганата. В течение длительного времени северокавказские аланы (которые в русских летописях известны как «ясы», а в грузинских как «осси») вели упорную борьбу с Арабским халифатом, Византией и Хазарским каганатом. В этот период среди алан широко распространилось христианство, особенно в 921—925 гг.

Однако в 1222 году Алания подверглась сильному разгрому со стороны монголов Чингисхана. В результате этого нашествия и других, повторявшихся в дальнейшем, разорительных походов монголо-татар, а также катастрофического по своим последствиям вторжения в их земли в 1395 году полчищ Тимура (Тамерлана) произошло насильственное вытеснение алан-оссов из плодородных равнин в горные районы (в четырех труднодоступных ущельях по течению Терека и его притоков — Гизельдона, Фигдона, Ардона, Уруха), также заставившее часть из них перебраться на южный склон Главного Кавказского хребта (нынешняя Юго-Осетинская АО), где еще в эпоху раннего средневековья появились первые аланские поселения.

Впервые о своем желании вступить в российское подданство осетины заявили посольству стольника Толочанова, направлявшемуся из России в Имеретию в 1651 году. С этой же целью в 1749 году в Петербург направилось первое осетинское посольство. В связи с победой над Турцией в русско-турецкой войне 1768—1774 годов (после Кучук-Карнарджийского договора 1774 года) Осетия присоединилась к России.

Усиление связей с Россией способствовало культурному возрождению осетин: заметно укрепилась православная вера (исключение составляли лишь западные осетины-дигорцы, принявшие ислам в XVI веке под влиянием Кабарды); в конце XVIII века возникла осетинская письменность на основе русской графики, с помощью российских властей были созданы первые школы для обучения осетинских детей. В 1840—1860-х годах царское правительство отменило в этом регионе крепостное право.

Поскольку русское правительство, оттеснив враждебные кабар-

динские и черкесские племена от гор, дозволило дружественным ему осетинам селиться по обоим берегам Терека и вокруг Владикавказа, их численность увеличилась: с 37 750 человек в 1833 году до 110 914 в 1880 году.

Дружественные отношения осетин с терскими казаками объяснялись тем, что это был единственный народ Северного Кавказа, сумевший на протяжении многих столетий сохранить православную веру в качестве своей официальной религии.

НОГАЙЦЫ

Ногайцы — потомки тюркских и монгольских племен, смешавшихся с половцами и воспринявших их язык. Происхождение свое они ведут от той части Золотой Орды, которая в конце XIII века находилась под властью темника Ногая, а в XIV веке образовала отдельную Ногайскую Орду. Позднее, в XVI веке, она распалась на ряд более мелких орд, разбросанных на огромном пространстве от Черного моря до Иртыша.

В 1557 году Большая Ногайская Орда под руководством мурзы Исмаила приняла русское подданство (их потомки известны сейчас как астраханские татары). Его противники откочевали с частью ногаев на Кубань и стали вассалами крымского хана.

После присоединения к России Крымского ханства (1783 г.) мелкие ногайские орды, проживавшие в Причерноморье, эмигрировали в Турцию, Болгарию и Румынию, а оставшиеся слились с крымскими татарами. Что же касается северокавказских ногайцев, то в 1788 году после упорного сопротивления, оказанного русским войскам, они в основном перешли в российское подданство, будучи сконцентрированными в основном на территории Кизлярской степи в Прикаспии.

Следует отметить и тот факт, что из обрусевшего ногайского рода происходил и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе генерал А. П. Ермолов.

ЧЕЧЕНЦЫ (НАХЧИ)

Происхождение чеченцев до сих пор вызывает много споров, поскольку об их древнейших судьбах не имеется никаких достоверных данных, кроме собственных чеченских легенд о чужеземцах-арабах, прибывших из Передней Азии и основавших этот народ. Очевидно, чеченцы (как и отпочковавшаяся от них в начале XIX века небольшая этническая группа, получившая позднее название ингушей) — это потомки арабских завоевателей, совершавших в VII—VIII веках походы против Хазарского каганата. Возможно, какая-то незначительная группа арабских воинов действительно осела или затерялась в труднодоступных ущельях Северного Кавказа и, смешавшись с частью хазар и представителями местных дагестанских народов, дала начало племени «нахча» или «вайнахскому народу», как до XVIII века называли предков чеченцев и ингушей. Жили нахчи исключительно в горной части Северного Кавказа между Дарьяльским ущельем у верховья реки Шаро-Аргуна.

Сильные степные племена (сначала болгары, хазары и аланы, а затем — кабардинцы, ногайцы и кумыки) не пускали их селиться на равнины и в степи вплоть до XV—XVI веков. Лишь в XV веке спустившиеся с Акинских гор нахчи основали первые два селения на равнине, а начиная с XVI века расселились по некоторым долинам реки Сунжи и ее притоков. Занимались они тогда в основном скотоводчеством и жили патриархальным бытом, сразу попав в зависимость от кабардинских и кумыкских князей, которым долгое время по причине своей малочисленности платили дань. Однако позже они освободились от этой зависимости, сплотились и, в свою очередь, стали нападать на соседей. Таким образом, к XIX веку чеченские племена приобрели репутацию особо воинственных и непокорных.

В конце XVII — начале XVIII века в Чечню из Дагестана был принесен ислам, который к середине XIX века стал там господствующей религией, что во многом объясняло последующую кровавую конфронтацию чеченцев с терскими казаками. Уже в начале XVII века нахчи-чеченцы вступили с русскими в борьбу за сферы влияния на Кавказе.

В 1732 году из крепости Святой Крест (на реке Сулак) на территорию Чечни был направлен воинский отряд. В малой Чечне у аула Чечень произошло вооруженное столкновение русских с чеченцами. По реляции начальников с тех пор за племенем нахча укоренилось этническое название чеченцев.

В 1785 году при первых попытках России присоединить Чечню там развернулось вооруженное движение под руководством чеченца Ушурма, взявшего себе имя шейха Мансура, длившееся 6 лет (1795—1791 гг.). После нескольких неудачных попыток взять терские города Кизляр и Моздок движение это было подавлено, а сам Ушурма попал в плен. Активное участие приняли чеченцы в кавказских войнах XIX века, сражаясь на стороне Гази-Магомеда, Гамзата и Шамиля против русской армии и постоянно пополняя фанатичные банды фундаменталистского «движения мюридов». И хотя к 1859 году вооруженное сопротивление горцев было в основном подавлено, чеченцы и позднее неоднократно затевали всевозможные мятежи и погромы.

ИНГУШИ (ГАЛГАИ)

Ингуши — довольно молодой этнос. В конце XVIII — начале XIX века из среды чеченских племен выделились так называемые галгаи, или галгаевцы. Ядром нового объединения стали собственно Галгаи — союз трех селений, расположенных в ущелье реки Ассы, к которому позже присоединились другие группы чеченцев — феаппи, занявшие в галгаевских селениях подчиненное положение. Свое современное название — ингуши галгаевские чеченцы получили в середине XIX века от аула Ангуш, расположенного у выхода из Тарского ущелья. В 1810 году они подписали договор с Россией о добровольном принятии российского подданства и заняли нейтральную позицию в происходящих тогда на Кавказе кровопролитных войнах. В этот период их численность не превышала нескольких тысяч человек.

В 1817 году главнокомандующий русскими войсками генерал А. П. Ермолов начал проводить тактику окружения непокорных горных районов Кавказа сплошным кольцом кордонов, прорубая

просеки в труднодоступных лесах и переселяя горцев на равнину под надзор русских гарнизонов. Одними из первых искусственному переселению на плоскость подверглись галгаевцы. В 1817 году Ермолов заложил на реке Сунже редут Назрань, куда он, дабы обезопасить Владикавказ от нападений враждебных чеченцев, выселил галгаев-ингушей, в то время дружественных России (отсюда происходит еще одно их название — «назрановцы»).

В 1830 году большая часть ингушей снова была выселена из гор на равнину в окрестности Назрани. Переселения впоследствии неоднократно повторялись, так что к концу XIX века в горах, на коренной своей территории, осталось менее 25 процентов общего количества ингушей. Обособление ингушей-галгаев от основной массы чеченцев, вызванное их неучастием в чеченской войне против русских, привело к тому, что в середине XIX века их стали выделять в особый народ.

В дооктябрьский период у ингушей, как и у всех остальных чеченцев, господствовали натуральное хозяйство и патриархально-родовой строй. Ингуши целыми аулами жили на арендованных у терских казаков землях, за которые им ежегодно приходилось платить 400—500 тысяч рублей. Быстрый, лавинообразный прирост народонаселения в чечено-ингушских селениях приводил к тому, что в них (особенно в горных аулах) непрерывно возрастал класс безземельных селян, которые спускались с гор в долины и активно пополняли армию люмпенов — ударную силу будущей «революции». До 1917 года 89 процентов всех ингушей и 77 процентов чеченцев арендовали землю у терских казаков и российской казны.

ДРУГИЕ НАРОДЫ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Образованная в 1806 году, окончательно сложившаяся в 1860 году и существенно расширенная в 1905 году, Терская область являлась полиэтничным административным образованием с преобладающим влиянием русской нации. В ее состав входили земли нынешних Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Северного Дагестана и Южного Ставрополья. На территории Терской области и в примыкающих к ней районах верховья Кубани проживали также кабардинцы и черкесы, карачаевцы и балкарцы, кумыки и немцы, грузины и армяне, персы, татары и другие.

Кабардинцы и черкесы — потомки древних абхазо-адыгских племен, известных в русских летописях под именем касогов, живших до XIII века в низовьях Кубани, которые особенно усилились в XV—XVI веках, распространив свою власть на предкавказские равнины. К середине XIX века их насчитывалось около 300 тысяч человек, однако большинство абхазов и адыгов эмигрировало в Турцию и ве ближневосточные владения во второй половине XIX века.

В терских городах проживали также армяне, грузины, персы, евреи, греки и т. д.

Укрепив свою власть на Кавказе, русская администрация в 1820-е годы запретила здесь чрезвычайно распространенный торг невольниками. По самым минимальным оценкам, на протяжении XVIII века ежегодно с Кавказа в Константинополь, Египет и Левант (Ливан) вывозилось до 12 тысяч рабов! Турки вывозили «живой

товар» главным образом через порты Поти и Анапу. Кроме того, на Каспии также существовал другой пункт работорговли — кумыкское село Эндерей, откуда невольников отправляли в Персию. Особым спросом пользовались красивые девушки, предназначавшиеся для султанских гаремов, а также юноши. Любители поохотиться за живым товаром среди представителей горских народов не переводились до середины XIX века.

В 1905 году Терская область (с центром во Владикавказе) делилась в административном отношении на четыре казачьих отдела (Пятигорский, Моздокский, Кизлярский, Сунженский) и шесть преимущественно национальных округов: Владикавказский (осетины), Назрановский (ингуши), Нальчикский (кабардинцы и балкарцы), Хасавьюртовский (кумыки), Грозненский и Веденский (чеченцы).

ТЕРЕК ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917-го

Февральский, а затем октябрьский перевороты 1917 года стали отправной точкой в трагедии терского казачества. Созванный по инициативе северокавказской организации РСДРП(б) 2-й областной съезд народов Терека, открывшийся 16 февраля 1918 года в Пятигорске, провозгласил Советскую власть на Тереке, а 4 марта объявил Терскую область автономной советской республикой в составе РСФСР. А чеченцы при помощи грозненских большевиков созвали в селе Гойты «съезд чеченского народа» и избрали свой руководящий орган — Гойтский народный совет во главе с Т. Эльдеохановым и А. Шериповым. Ингуши под руководством Г. Ахриева и З. Тутаева тогда же «реорганизовали» Ингушский национальный совет. Оба эти национальных органа заявили о своей полной поддержке Советской власти.

В массах же терского казачества и части дружественного им осетинского населения с весны 1918 года началось «контрреволюционное брожение», вызванное авантюристической политикой большевистского руководства. В июне 1918 года «контрреволюционерами» был убит председатель Терского совнаркома — большевик С. Буачидзе.

Противники большевиков концентрировались в районе города Петровска (ныне — Махачкала), куда летом 1918 года прибыл сформированный из остатков русских войск в Персии отряд в составе 18 сотен терских казаков под начальством офицера-осетина Л. Ф. Бичерахова. В этот период белое повстанчество широкой волной охватило всю территорию кубанского казачества, не оставив в стороне и Терскую область. Одной из главных причин этого всеобщего взрыва согласно свидетельствам очевидцев было то, что во время боевых действий красные войска подвергли полному разгрому станицы казаков: летом 1918 года ими были уничтожены тысячи жителей станиц Терской, Сунженской, Фельдмаршальской и хутора́ Терского Войска. Многие казачьи семьи остались без крова, вынуждены были бежать. Но это были только первые и далеко не самые кровавые эпизоды новой советской политики на Тереке.

30 августа 1918 года произошли провокационные покушения на Ленина и Урицкого, и центральный СНК издал 5 сентября 1918 года свое знаменитое постановление «О красном терроре», согласно которому предписывалось защитить «Советскую власть от классо-

вых врагов путем изолирования их». Указывалось также, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейскому заговору и мятежам». Не миновал красный террор и Терскую область.

Вот что писал в книге «Красный террор» русский эмигрант С. Мельгунов: «За Урицкого и Ленина действительно погибли тысячи невинных людей. Тысячи по всей России были взяты заложниками. Какова их судьба? Напомним хотя бы о гибели генерала Рузского, Радко-Дмитриева и других заложников в Пятигорске. Они в количестве 32 были арестованы в Ессентуках «во исполнение приказа Народного Комиссариата внутренних дел тов. Петровского», как гласило официальное сообщение, заканчивавшееся угрозой расстрела их «при попытке контрреволюционных восстаний или покушения на жизнь вождей пролетариата». Затем были взяты заложники в Кисловодске и в других местах. Всего числилось 160 человек, собранных в концентрационном лагере в Пятигорске...

В № 157 местных «Известий» от 2 ноября был опубликован следующий приказ ЧК, возглавляемой Г. Артабековым: «Вследствие покушения на жизнь вождей пролетариата, в гор. Пятигорске 21 октября 1918 по постановлению ЧК расстреляны нижеследующие заложники и лица, принадлежащие к контрреволюционным организациям». Дальше шел список в 59 человек, который начинался ген. Н. В. Рузским (героем первой мировой войны). Тут же был напечатан и другой список в 47 человек, где вперемежку шли: сенатор, фальшивомонетчик, священник. Заложники, как сообщалось, «были расстреляны». Это ложь. Заложники были зарублены (Красная Армия на Северном Кавказе испытывала «большой недостаток в огнеприпасах»). А вещи убитых были объявлены «народным достоянием»... И в дальнейшем процветала та же система заложничества».

Терская область в это время была охвачена пламенем антибольшевистского восстания, вспыхнувшего после появления в районе города Пятигорска отряда Бичерахова.

Вокруг этого отряда начали группироваться терское казачество и антибольшевистские элементы. Общее число повстанцев в этом районе определялось в 15 тысяч бойцов. Лишь в ноябре на помощь красным войскам в Терской области (состоявшим главным образом из «революционных рабочих» города Грозного, а также горцев-чеченцев и ингушей, которым большевики пообещали отдать казачьи земли) были двинуты особая колонна с Кубани и подкрепления из Ставрополья, нанесшие ряд чувствительных поражений терским казакам и отрядам Бичерахова и в короткое время (к концу ноября 1918 года) очистившие от них всю область.

По поводу этого поражения издававшаяся на Кубани белогвардейская газета «Наш голос» 1 декабря 1918 года писала: «Десятитысячная армия вдребезги истомленных непрерывными боями людей вынуждена была сдаться красноармейцам. Командующий армией генерал Мистулов застрелился. Терское краевое правительство, временно образовавшееся в Моздоке, бежало в горы. В связи с событиями на Тереке туда направляются корпус генерала Покровского и партизанские отряды полковника Шкуро».

К концу 1918 года лишь 4—5 тысяч бойцов казачьих и горских отрядов армии Бичерахова продолжали оказывать сопротивление. Однако торжество большевиков было недолгим. В январе — феврале 1919 года армия Деникина при поддержке терского казачества полностью разгромила войска Кавказско-Каспийского фронта и заняла всю Терскую область. Уцелевшие большевики бежали в горы, где стали формировать «партизанские отряды» из ингушей и чеченцев.

Массовое участие чеченцев и ингушей в красном движении объяснялось несколькими причинами. Во-первых, большевистские вожди обещали им предоставить даром на плодородных равнинах огромные земельные наделы, дома и имущество, принадлежавшие казакам (большевики, как и наши сегодняшние «демократы», всегда были «добрыми» за чужой счет). Во-вторых, чеченцам и ингушам в случае победы большевиков представлялась возможность пограбить и понасильничать в казачьих станицах (чем они не преминули воспользоваться в 1920 и 1921 годах). В-третьих, под видом классовой борьбы очень удобно было сводить счеты в традициях застарелой кровной мести. И, наконец, в-четвертых, большевики, руководствуясь знаменитым тезисом «о праве наций на самоопределение», обязались создать в будущем для каждого из этих народов по отдельной советской республике, а поскольку «самоопределение» в чеченских ущельях было не слишком удобно, то в качестве «довеска» к этим горским автономиям приписывались никогда не принадлежавшие им обширные казачьи территории на равнинах.

Заручившись, таким образом, поддержкой горцев, прокоммунистические «повстанческие войска» и части 11-й армии в марте 1920 года отбросили белогвардейцев от Владикавказа и окончательно заняли всю Терскую область. Вот тогда-то «красные чеченцы» и «красные ингуши» разгулялись на славу. Да так круто, что сам будущий «Великий Кормчий» — И. В. Сталин вынужден был их утихомиривать.

«Советская власть, — говорил он в своем докладе на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 года, — стремилась к тому, чтобы интересы казачества не попирались. Она не думала, товарищи казаки, отбирать у вас земли. У нее была одна только мысль — освободить вас от ига царских генералов и богатеев. Она вела эту политику с начала революции. Казаки же вели себя более чем подозрительно. Они все глядели в лес, не доверяли Советской власти. То они путались с Бичераховым, то якшались с Деникиным, с Врангелем.

А в последнее время, когда мира с Польшей еще не было, а Врангель наступал на Донецкий бассейн, в эту минуту одна часть терского казачества вероломно — иначе нельзя выразиться — восстала против наших войск в тылу. Я говорю о недавнем восстании Сунженской линии, которое имело целью отрезать Баку от Москвы. Эта попытка временно удалась казакам. Горцы в этот момент оказались, к стыду казаков, более достойными гражданами России.

Советская власть долго терпела, но всякому терпению бывает конец. И вот, вследствие того, что некоторые группы казаков оказались вероломными, пришлось принять против них суровые меры, пришлось выселить провинившиеся станицы и заселить их чеченцами. Горцы поняли это так, что теперь можно терских казаков безнаказанно обижать, можно их грабить, отбирать скот, бесчестить женщин. Я заявляю, что если горцы думают так, то они глубоко ошибаются» (Сталин И. В. Собр. соч., т. 4, с. 399—400).

Еще раньше — 29 февраля 1920 года — созванный в Москве опереточный 1-й Всероссийский съезд трудового казачества объявил о «ликвидации казачьего сословия». В резолюции съезда специально указывалось, что «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русской народности». А поскольку большевистское «право наций на самоопределение» на такую «народность», как русская, не распространялось, то все автономные казачьи области автоматически ликвидировались, а их земли совершенно произвольно делились между союзными республиками и национально-административными автономиями.

Созванный большевиками для этой цели 17 ноября 1920 года «Съезд народов Терской области» официально провозгласил уничтожение Терской области и создание на ее месте Горской АССР, образование которой было утверждено декретом ВЦИК от 20 января 1921 года. Внутри указанной «республики» создавались национальные округа, которые в дальнейшем должны были послужить основой для образования отдельных автономных областей. Города Грозный и Владикавказ становились самостоятельными административными единицами.

Одновременно большевистское руководство приступило к осуществлению программы организованного грабежа зажиточного казачества. Под предлогом «ликвидации последствий аграрной политики царизма» Политбюро ЦК РКП(б) 14 октября 1920 года приняло постановление, согласно которому наделение землей горцев должно было проходить за счет «кулацкой части казачьего населения». Состоявшиеся на местах весной-летом 1921 года окружные партконференции постановили решать аграрный вопрос на Северном Кавказе путем «отчуждения излишков казачьих земель для постоянного наделения ею безземельных горцев». А чтобы при изъятии горцами указанных «излишков» казаки не возмущались, решением Кавказского бюро ЦК РКП(б), которое тогда возглавлял Г. К. Орджоникидзе, 17 апреля 1921 года 70 тысяч казаков в течение суток были выселены со своих родных мест! 35 тысяч из них были уничтожены по дороге на железнодорожную станцию. Не щадили даже женщин, детей, стариков. А в опустевшие дома казачьих станиц селились спустившиеся с горных ущелий семьи «красных ингушей» и «красных чеченцев».

Поскольку с наиболее активной частью терского казачества было покончено и искусственно создавались более обширные, чем ранее, территории с горским населением, большевики уже в 1922 году приступили к постепенному расчленению Горской АССР. Сначала от нее в качестве автономных областей отделились Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Затем 30 ноября 1922 года в автономную область выделилась Чечня. Город Грозный с близлежащими станицами был преобразован в губернию. Наконец, 7 июля 1924 года Горская АССР была упразднена, а на ее территории были образованы две автономные области — Северо-Осетинская и Ингушская и один округ — Сунженский. Город Владикавказ выделялся как самостоятельная административная единица, непосредственно подчиненная РСФСР, и продолжал оставаться административным центром и Северо-Осетинской, и Ингушской автономных областей. В 1925 году, при организации Северо-Кавказского края, город Грозный и Сунженский округ вошли в его состав на правах самостоятельных округов. Однако 4 февраля 1929 года они

были включены в состав Чеченской автономной области. В январе 1934 года состоялось объединение Чеченской и Ингушской областей. 5 декабря 1936 года Чечено-Ингушская и Северо-Осетинская автономные области были преобразованы в автономные республики. В 1923—1925 годах для чеченцев и ингушей была создана письменность, и к 1940 году число грамотных среди первых возросло до 85 процентов (в 1920-м — 0,8 процента), среди вторых — до 92 процентов (в 1920-м — 3 процента).

Для управления автономными областями в большевистских партшколах были выращены кадры национальной бюрократии. В 1930—1931 годах на территориях бывшей Терской области проведена сплошная насильственная коллективизация, сопровождавшаяся новыми жестокими репрессиями против терского казачества (тысячи их семей были высланы в Сибирь), а в 1933 году весь Северный Кавказ пережил страшный голод, организованный Лазарем Кагановичем, от которого пострадали прежде всего хлеборобы-казаки. Не обошли стороною терцев и кровавые чистки 1937—1938 годов.

До 1936 года терское казачество находилось на положении «постоянно подозреваемого» в контрреволюционных настроениях. Лишь в 1936 году казакам разрешили служить в армии. А в 1937 году в юго-восточной части Ставропольского края создается Кизлярский национальный округ — автономия для ногайцев и части терских казаков.

На землях же, отошедших под горские автономии, в 1926—1928 годах была проведена кампания по примирению семей, находившихся в кровной вражде, и организована борьба против имевшего место прежде всего среди ингушей и чеченцев систематического насильственного умыкания женщин и других пережитков.

В годы войны ингушей и чеченцев постигла трагическая судьба. Они повторили все то, что когда-то сами проделали над терскими казаками. По приказу Сталина и Берии 23 февраля 1944 года началось выселение ингушей и чеченцев в Казахстан и Киргизию. Всего было выселено 310,6 тысячи чеченцев и 81,1 тысячи ингушей. Позднее к ним добавилось еще около 70 тысяч демобилизованных из армии солдат и офицеров. Чечено-Ингушская АССР ликвидировалась. Большая часть ее территории вместе с частью Ставропольского края и упраздненным Кизлярским национальным округом была объединена в образованную 22 марта 1944 года Грозненскую область. Незначительный район — территория бывшего Сунженского и частично Назрановского округов — передавался в состав Северо-Осетинской АССР *.

В период хрущевской «оттепели» чеченцы и ингуши были реабилитированы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года Чечено-Ингушская АССР была восстановлена за счет территорий расформированной Грозненской области и значительной части Северо-Осетинской АССР, от которой отрезали восточные районы с такими городами, как Назрань (бывшая Коста-Хетагурово), Малгобек, Карабулак и т. д. Не обошлось и без знаменитого хрущевского сумасбродства. В состав Чечено-Ингушской АССР включались не только незаконно приписанные к ней в

* К сожалению, автор статьи не указывает причины выселения ряда народов Северного Кавказа в 1944 году. Причины эти состоят в том, что большинство населения данных народов активно сотрудничало в 1942—1943 годах с гитлеровскими оккупантами, которые, как в свое время и большевики, тоже обещали горцам создание независимого северо-кавказского государства. — **Ред.**

1929 году город Грозный и казачий Сунженский округ (вернее, его часть), но и никогда не входивший в иее до 1957 года Шелковский район, издревле населенный терцами и ногайцами. Однако небольшая часть бывшего Сунженского округа осталась в пределах Северной Осетии, что явилось предметом постоянных претензий на него со стороны ингушей. С середины 1950-х годов и до последнего времени в пограничных осетино-ингушских районах периодически возникали всевозможные конфликты и распри.

Следует также отметить, что значительная часть уничтоженной в 1957 году Грозненской области, также населенная терскими казаками и ногайцами, была почему-то передана Дагестанской АССР (имеется в виду Кизлярская степь). И, наоборот, в 1920—1930-х годах исконные равнинные районы Южного Дагестана (Куба, Шеки и т. д.) почему-то оказались включены в состав Азербайджанской ССР. Эти антиисторические переделы территорий являются постоянной причиной возникновения кровавых этнических конфликтов.

В эпоху «перестройки» резко возросла напряженность в отношениях между осетинами и казаками, с одной стороны, и ингушами и чеченцами — с другой. Вся центральная пресса — как «демократическая», так и коммунистическая, при освещении событий на Северном Кавказе стала в один голос повторять чечено-ингушскую версию местной истории в духе однобокой русофобской «гласности». Ко времени подоспел и очередной шедевр «перестроечной» литературы — повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», предназначенный для того, чтобы вышибать жалостливую слезу над страданиями сосланных чеченцев и ингушей из глаз сердобольных и исторически неграмотных советских обывателей.

Поднятая «яковлевско-коротичевской» прессой русофобская волна захлестнула ныне всю страну и раздула из тлеющих искр бушующие пожарища межнационвльных конфликтов. Многие представители кавказских автономных образований заполнили «большую прессу» статьями с придуманными ими астрономическими цифрами о численности горцев до их якобы «поголовного истребления русскими войсками» и эмиграции в Турцию в середине XIX века. По этим расчетам, к началу XIX века в Кавказских горах и предгорьях якобы обитало 6 миллионов адыгов, черкесов и кабардинцев, 4 миллиона лакцев и т. д. Если эти цифры сложить, получится, что численность кавказских горцев в 5—10 раз превышает численность населения всей России того времени?!

Все чаще стали раздаваться требования изгнать всех русских с Северного Кавказа, а на их место переселить миллионы турок, курдов и арабов из стран Передней Азии, в жилах которых, возможно, течет какая-то доля кавказской крови. Одетые с иголочки молодые люди горских национальностей, получившие университетское образование по специальным квотам для представителей «национальных меньшинств» (в русских областях) или «коренных национальностей» (в автономиях), а чаще всего просто купленное за взятки, развернули разнузданную пропаганду в попытке убедить себя и других в том, что все русское — второстепенное, неполноценное, чуждое, враждебное, всячески доказывая при этом, насколько местные языки и культуры древнее русского языка и русской культуры, насколько лучше жилось бы горцу, не притесняй его, беднягу, старший брат — русский...

Усиливается в регионе и влияние исламского фундаментализма.

На состоявшейся в августе 1990 года сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР депутат Бейсултанов от имени «Народного фронта Чечено-Ингушетии» и «Вайнахской демократической партии» потребовал предоставить ЧИАССР статус союзной республики, сохранив большинство ингушей в ее составе. А на части территории, принадлежащей Северной Осетии, Ставропольскому краю и Дагестанской АССР, по его мнению, следует образовать Вайнахскую ССР, заселив ее избыточным чечено-ингушским населением и потомками 15 тысяч чеченцев-карабулаков, выехавших в середине века в Турцию и на Ближний Восток.

Такие поползновения не могли не вызвать законного возмущения представителей терского казачества, которые созвали ряд общевойсковых кругов, потребовав своей полной реабилитации и отмены всех преступных актов Верховного Совета РСФСР, направленных против казачества (начиная от постановлений ВЦИК 1918 года и заканчивая хрущевскими указами № 721/4 и № 724/4 от 1957 года), а также восстановления казачьего самоуправления и «принятия государственных мер по совмещению административно-территориальных и этнических границ в местах исторического проживания казаков». Однако эти призывы не находят места на страницах «перестроечной» прессы.

Вызывает заслуженную обеспокоенность и решение 9 тысяч чеченцев записаться добровольцами в отряды «республиканской гвардии», к формированию которой в январе 1991 года призвали Ельцин и Хасбулатов. Слишком свежи еще воспоминания об интернациональных карательных частях красных латышей, мадьяров, ингушей и чеченцев, заливших кровью просторы России в годы гражданской войны. Кто знает, не готовятся ли наши «демократические вожди» бросить в бой чеченские батальоны карателей с тем, чтобы подавить сопротивление русского народа и установить в стране диктатуру необольшевиков-демороссов?!

Светлогорск
Калининградской обл.

Алексей ЧИЧКИН

ЭНВЕР ХОДЖА: ЭПОХА И ЛИЧНОСТЬ

(Албанский преемник Сталина)

Энвер Ходжа — один из немногих политических деятелей, которые по-прежнему «в тени» отечественной и зарубежной публицистики. До настоящего времени не имеется сколь-нибудь полной историографии его жизни и деятельности.

С 1944 по 1990 год Албания и ее лидеры пребывали в практически полной изоляции, ничуть не сомневаясь в правильности выбранной ими политики «строительства коммунизма, опираясь на собственные силы и используя опыт партии Ленина—Сталина». Этот лозунг, провозглашенный Э. Ходжей в 1947 году, определял внутреннюю и внешнюю политику Албании без малого 50 лет... Экзотика? Не только.

Ревностное отношение албанцев к собственной истории и ее «неповторимости», наряду с многовековым непринятием ими зарубежных моделей экономического и политического развития, не могли не воплотиться в стремлении «бросить вызов миру, погрязшему в грехе и лицемерии». Так охарактеризовал албанскую политику 50—70-х годов Э. Сноу, американский политолог и биограф Мао Цзэдуна. «Основателем» такого курса, его теоретиком и практиком был Э. Ходжа. Он не допускал к себе зарубежных биографов, десятки лет не выезжал за рубеж, предпочитая частые поездки по стране, речи в защиту «великих идей Ленина—Сталина» и резкие обличения «хрущевско-брежневских ренегатов», «клики Тито», еврокоммунистов, маоистов, сионистов, рок-музыки, религии...

В письме Шарлю де Голлю (май 1968 г.) Энвер Ходжа писал, в частности, что «мы, албанцы, хотим воплотить в жизнь то, чего не успел сделать Сталин, чего ему не позволили сделать... Наше почитание Сталина — это не идолопоклонство и не язычество, как пытаются представить современные ревизионисты и империалисты. Создать жизнеспособное государство, как показывает история, невозможно без жизнеспособной идеологии, без веры нации в эту идеологию, без доверия нации к тем, кто олицетворяет собой такое государство и такую идеологию... Национально-государственное строительство, независимое развитие страны — именно эти факторы объединяют нацию и позволяют «пренебречь» так называемой «многопартийностью», которая, по сути, прикрывает тотальное господство транснациональных эксплуататорских классов. Для них государство, нация — это ширма, а в ряде случаев — серьезное препятствие в деле уничтожения национально-государственной независимости... Сталин это понял давно и хотел превратить многонациональный Советский Союз и Партию в единое, державное, стабильно независимое государство. Он хотел обеспечить преемственность исторических традиций России в рамках новой, обширной страны, где ликвидированы эксплуататорские классы с их «транснациональной», антигосударственной идеологией. Можно представить, каких успехов добился бы Советский Союз в случае реализации сталинских планов... Ошибка, однако, Сталина в том, что он опоздал с обнародованием своих планов, опоздал с разоблачением тех, кто неистово сопротивлялся этим планам. Они же, эти негласные адепты троцкизма и космополитизма, погубили и оболгали Сталина. Последствия его гибели и шельмования скоро скажутся в СССР, и не только в этой стране» (Переписка Энвера Ходжи. Тирана, 1985, том 3).

Вряд ли можно отказать Энверу в даре предвидения, в обоснованности его оценок деятельности И. В. Сталина. В то же время Ходжа оказался и фаталистом: через несколько лет после своей кончины он тоже был подвергнут (как и Сталин!) перезахоронениям и шельмованию. А распад СССР совпал по времени с окончанием «перестройки» в Албании, превратившей эту некогда независимую социалистическую страну в концессионную территорию американских, британских и итальянских корпораций. Безусловно, то, что произошло в СССР, Албании, Югославии и других странах Восточной Европы, в мировом коммунистическом движении, является закономерным итогом долговременной и поэтапной стратегии Запада и его явных и «теневых» союзников в руководстве СССР, восточноевропейских стран и многих компартий. Согласно оценке ЦК Компартии Китая, «разрушение СССР и почти «одномоментные» перестройки в Восточной Европе — это результат заговора и подрывных действий мирового империализма в союзе с внутренней контрреволюцией» (Проблемы Дальнего Востока, 1990, № 5, с. 5).

Вышеприведенное письмо Э. Ходжи к де Голлю, как и вся жизнь Энвера, руководившего послевоенной Албанией, свидетельствуют прежде всего о честности, принципиальности Энвера Ходжи, о его личной и идеологической непохожести на современных ему деятелей, в том числе советских и восточноевропейских. Вероятно, именно эти факторы дают ответ на многие вопросы, например: почему в течение 30 лет албано-советской полемики (1960—1989 гг.) у нас никогда не порочили Ходжу (в отличие, например, от Мао Цзэдуна) и вообще редко вспоминали о причинах разрыва отношений между Албанией и СССР? Почему на протяжении этих лет почти полностью замалчивалась внутренняя и внешняя политика Албании, идеологическая ориентация ее руководства? Почему никогда не сообщалось о том, что в Албании отмечали многие наши праздники (7 ноября, 23 февраля, 9 мая и другие), дни рождения и кончины Ленина и Сталина как исторические даты Албании? Почему не сообщали и о том, что в этой стране в 40—80-х годах устанавливались памятники героям Сталинграда, советским воинам-освободителям, хотя Красная

Армия не участвовала в освобождении Албании? Почему, наконец, с 1960 по 1986 год (включительно) глушили передачи Албанского радио на русском языке?..

Подробные ответы на эти и им подобные вопросы — в жизни и деятельности Энвера Ходжи, в единстве его слов и дел. Идеи и заветы Энвера ныне подвергаются оголтелой клевете в Албании и за ее пределами, что сродни неутихающей антисталинской истерии. Ходжу, как и Сталина, проклинают за приверженность национально-государственной идеологии, за их самостоятельность во внутренней и внешней политике, за отказ подчиниться транснациональным антигосударственным доктринам. Последствия воплощения этих разрушительных доктрин весьма ощутимы не только в бывшем СССР и Албании, но и в «бывших» Югославии, Чехословакии, Восточной Германии, а также в Румынии и Польше, Болгарии и Венгрии, Эфиопии и Анголе, Мозамбике и Панаме, Никарагуа и на Гренаде...

Очень трудно отделить новейшую историю Албании от жизни и деятельности Э. Ходжи — «албанского Сталина», по определению многих политологов и нынешних албанских лидеров.

Он родился в октябре 1908 года в южной Албании (г. Гирокастра) в семье служащих. Отец был известным адвокатом, преподавал французский язык в Корчинском лицее. Мать — учитель музыки, организатор первых музыкальных школ в южной Албании. В то время Албания являлась турецкой колонией, и семья Ходжа была в числе тех, кто составлял либеральную оппозицию турецкому господству. Албанские либералы считали, что к немедленному провозглашению независимости Шкиперии («Страны орлов», в переводе с албанского) ее народ не подготовлен, и призывали националистов ориентироваться на Западную Европу — на парламентскую демократию и многопартийность. Но тогда это очень трудно было осуществить: 500-летнее турецкое господство (вплоть до 1912 года), социально-экономическая и культурная отсталость страны, сохранение родоплеменных отношений в ряде ее районов не могли быть основой «европеизации» албанского национализма, не способствовали терпимости его лидеров (Кемаль, Фрашери) к иным воззрениям. Эстафету такой «безапелляционности» впоследствии унаследовал Э. Ходжа.

В 1926 году Ходжа окончил начальную школу в Гирокастре, а в 1930 году — лицей в городе Корче. Он увлекался музыкой, французской литературой, писал стихи, организовывал диспуты, поэтические вечера. К 25 годам Энвер уже владел французским и турецким языками, публиковался в прессе и, по его словам, «начал также штудировать Маркса, Энгельса и Ленина».

Поскольку именно Советская Россия первой отказалась от тайных договоров прежних лет о разделе Албании и признала ее независимость (1917—1919 гг.), интерес албанской общественности к послеоктябрьской России становился если не всепоглощающим, то, во всяком случае, все более пристальным. И Э. Ходжа — не исключение.

В 1930 году он поступил на факультет естественных наук Университета в Монпелье (Франция), который окончил с отличием в 1934 году. Одна из улиц этого города с апреля 1985 года, после кончины Ходжи, носит его имя. И пока не переименована...

В том же 1934 году Энвер познакомился во Франции с деятелями албанской секции Французской компартии (А. Кельменди, О. Нишани, А. Рустеми и др.), с М. Кашэном, М. Торезом, А. Барбюсом, Л. Арагоном. Он стал сотрудничать в «Юманите», редактировал албанский коммунистический бюллетень. По свидетельствам очевидцев, Э. Ходжа восхищался деятельностью Сталина, ВКП(б), считая, что Албании нужна именно такая партия. Он усердно переводил на албанский важнейшие речи Сталина, постановления большевистской партии, выступления лидеров Коминтерна.

К тому времени в Албании не без помощи Муссолини утвердился монархический режим А. Зогу. Он запрещал образование политических партий, все более подчиняя Албанию интересам фашистской Италии, заключив с ней неравноправные договоры. Зогу захватил власть в 1924 году, свергнув республиканское правительство Ф. Ноли, установившее дипотношения с СССР. А в 1929 году А. Зогу самопровозгласился «королем албанцев». Отсталость, архаичность страны становилась перманентной, и это усиливало «большевизацию» албанской оппозиции и эмиграции.

Энвер Ходжа, будучи членом Французской компартии, в 1935—1936 годах побывал в Бельгии, где вступил в Бельгийскую компартию, публиковался в ее печатных органах, гневно разоблачая троцкистов, бухаринцев и «албанских монархо-фашистов» (то есть Зогу и его окружение). Греческая и итальянская секция Коминтерна помогли ему наладить связи с коммунистическим подпольем в Албании, которое стремилось сформировать «албанскую» ВКП(б) и возглавить антимонархическое движение. Массовые забастовки рабочих, «народные коммуны» во многих албанских городах, манифестации безземельных крестьян в Албании (1934—1937 гг.) свидетельствовали, по словам Ходжи, «о пробуждении национально-классового самосознания албанцев». Весной 1936 года он возвратился в Албанию, где до осени 1937 года преподавал французский язык в Корчинском лицее. К тому времени Э. Ходжа был избран в руководящий состав коммунистических групп в Корче и Тиране, стал руководителем аналогичной группы в своем родном городе — Гирокастре.

Лидер корчинских коммунистов А. Кельменди умер в 1938 году в парижской больнице от чахотки, и Ходжа возглавил эту группу, не без поддержки греческой, французской секций Коминтерна и лично Г. Димитрова. Однако уже после кончины Ходжи, за рубежом, а с 1991 года и в Албании появляются публикации, где говорится о «заговоре» Ходжи и его единомышленников (Х. Капо, М. Шеху, Х. Леши и др.) против Кельменди с целью узурпации руководства коммунистическим подпольем в Албании. Так или иначе, к 1938 году Ходжа фактически возглавил коммунистическое движение в южной Албании.

В официальной биографии Э. Ходжи (Тирана, 1988 г.) утверждается, в частности, что «успехи ВКП(б) и сталинская конституция убедили албанских коммунистов в главном: опыт Октябрьской революции и ленинско-сталинской партии — это учебник борьбы и побед для всех трудящихся». В своих многочисленных статьях Энвер призывал албанцев «учиться у товарищей сталинцев». И он не только призывал, но и сам учился. И небезуспешно. Освоив еще в конце 20-х русский язык, Ходжа объявил его обязательным для изучения во всех школах и вузах Албании (с 1948 г.). А кампании по «очистке родины и партии от перерож-

денцев и иностранных шпионов» были в Албании 1947—1980 годов даже более частыми, чем аналогичные в СССР или Китае...

За активностью Ходжи стали внимательно наблюдать в руководстве Коминтерна. С его помощью Ходжа в начале 1938 года был переправлен во Францию, в Монпелье, где выступал с лекциями для албанских и греческих эмигрантов. Там же он познакомился со многими из своих будущих соратников — П. Перистэри, Г. Нуши, А. Баллуку, М. Пеза и др. Вскоре он вернулся в Албанию, но был арестован «за подстрекательство к мятежу и перевод на албанский подрывных брошюр Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина». Однако Энвер бежал из-под ареста. Ходжу арестовывали несколько раз, но ему устраивали побеги. Нелегальное положение, запрет на работу в Албании превращали Энвера в «неуловимого страдальца за народное дело», ставшего к тому времени известным оппозиционером.

По настоянию лидеров албанской секции Французской компартии и по его собственной просьбе, содержащейся в письме на имя М. Кашэна и Г. Димитрова, в марте 1938 года Ходжа был направлен в СССР, где находился до апреля 1939 года. В Москве он учился в Институте Маркса—Энгельса—Ленина и в Институте иностранных языков. Продолжал заниматься переводами на албанский речей и книг Сталина, Молотова, Вышинского. В апреле 1938 года он впервые встретился со Сталиным и Молотовым. Эта встреча явилась важнейшим событием в жизни и способствовала идейной убежденности Э. Ходжи, пообещавшего своим собеседникам сплотить албанских коммунистов в единую большевистскую партию. Это обещание он впоследствии сдержал.

Для Сталина и его ближайшего окружения было приятной неожиданностью познакомиться с человеком из далекой, отсталой страны, который «по-большевистски» мыслил и действовал, который хотел власти именно в сталинском ее понимании. Впоследствии Э. Ходжа часто приезжал в гости к Сталину, побывал на всех его дачах, присутствовал на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). У Ходжи сложились доверительные отношения с Молотовым и сыном Сталина — Василием, который после войны «секретно» сообщал Энверу о возможном заговоре против своего отца. Отношения Энвера с В. Сталиным и Молотовым стали настолько искренними, что Ходжа в 1957 году предложил им, а также Маленкову, Булганину, Сабурову и Шепилову навсегда переселиться в Албанию. На имя Молотова в 1958 году был даже выписан под № 3 билет члена Албанской партии труда (так с 1949 года называлась Компартия Албании); билеты под № 1 и 2 принадлежали И. В. Сталину и Э. Ходже...

Но вернемся к предыдущим событиям. В апреле 1939 года Албанию оккупировали войска Муссолини. Король А. Зогу, захватив золотой запас страны (свыше 4 миллионов долларов), бежал в Грецию, а с 1941 года обосновался в Лондоне, где и умер в 1951 году. По решению Исполкома Коминтерна Ходжу переправили в Албанию вместе с двумя помощниками из ЦК ВКП(б). Они обеспечивали Энверу связь со Сталиным, а в 1956 году им было предоставлено албанское гражданство, вопреки протестам Хрущева и его коллег...

Присутствие на XVIII съезде ВКП(б), перевод на албанский «Краткого курса истории ВКП(б)», как и пребывание в СССР, знакомство и беседы со Сталиным и его ближайшим окружением — эти события сделали Э. Ходжу убежденным сталинистом, личным союзником Сталина и врагом всех его врагов. Таким Ходжа оставался в течение всей своей дальнейшей жизни и карьеры...

Итальянский оккупационный суд заочно приговорил Ходжу к смертной казни. Но он был не из пугливых. Вернувшись в апреле 1939 года на родину, Энвер, как гласит его официальная биография, «проводил активную работу по сплочению всех коммунистических и антифашистских групп в Объединенный Народный фронт». Он писал прокламации и статьи, работал на нефтепромыслах, лесоразработках, в морских портах, организовывал профсоюзы, участвовал в акциях протеста против итальянских оккупантов. Однако руководители некоторых коммунистических групп считали, что Э. Ходжа стремится «явочным порядком» возглавить создававшуюся компартию, а его сторонники не согласовывают своих действий с другими группами. В коммунистическом подполье нарастали разногласия. Но его лидеры, ведомые Коминтерном, на рубеже 30—40-х годов не обостряли взаимных противоречий. Тем не менее Албанская компартия не была создана ни в 1939-м, ни в 1940 годах.

Э. Ходжа и его сторонники считали советско-германский пакт 1939 года вынужденным, тактическим шагом Сталина и Молотова. Они неистово отстаивали эту позицию на протяжении 1940—1980 годов. То, что делали «сталинцы», являлось для Ходжи непреложной истиной и примером для подражания. Э. Ходжа и иже с ним сообщали в Москву об «идеологическом разброде» и «неправильном понимании» некоторыми коммунистами внешней политики СССР в 1939—1940 годах. Позиции Энвера в коммунистическом подполье укреплялись, а с ними возрастал авторитет албанского «сталинца» в руководстве Коминтерна и ВКП(б). Ходже была дана санкция на формирование партизанских отрядов, которые в 1943 году объединились в народно-освободительную армию под его руководством.

В июне 1941 года Германия и ее союзники напали на СССР. Ходжа призвал «соединить борьбу албанского народа с Отечественной войной народов СССР». В Албании участились диверсии и другие акты саботажа против итальянцев, партизанские отряды все чаще вступали в бои с оккупантами и коллаборационистами. Наиболее активным партизанское движение было в южной Албании, его руководителями являлись Ходжа, Шеху, Баллуку, Леши, Пеза. В других районах страны влияние и активность партизан были менее значительными, что объяснялось географическими и политическими причинами. Именно в этих районах лидеры коммунистического подполья были недовольны своеволием Ходжи. Кроме того, оппоненты Энвера (К. Дзодзе, Л. Murташи, П. Кристо и др.) поддерживали тесные связи с И. Б. Тито и югославскими партизанами, что, в свою очередь, не нравилось Энверу Ходже. Ибо он считал, что Тито рассматривает Албанию как «задворки Югославии». О своих подозрениях Ходжа сообщал Димитрову, Тольятти, Сталину и Молотову.

Отряды, руководимые «энверовцами» и оснащенные советским, английским и трофейным (итальянским) оружием, не спешили соединиться с партизанами центральной и северной Албании: Ходжа всячески укреплял свое влияние на юге страны. Тем не менее обстановка требовала создания единой компартии и объ-

единенного антифашистского фронта. По настоянию Ходжи и его сторонников, подпольная конференция коммунистов Албании была созвана в Тиране 7 ноября 1941 года. Конференция провозгласила создание Компартии Албании. Ее первым секретарем был избран соперник Ходжи К. Дзодзе. Его заместителем стал Энвер. Он же был утвержден в качестве главнокомандующего партизанскими формированиями. Начальником генштаба был назначен соратник Ходжи М. Шеху, воевавший за республиканскую Испанию. Впоследствии Шеху стал премьер-министром Албании, но в 1981 году «покончил самоубийством», как гласила официальная версия. Однако она была в 1982—1983 годах опровергнута самим Ходжей, публично назвавшим бывшего, похороненного с почестями премьера «агентом советского социал-империализма и югославского ревизионизма, перерожденцем и врагом народа». И Шеху был неодинок... Репрессиям подверглись не только его семья, но даже и троюродные родственники Шеху и его жены.

8 ноября 1941 года Энвер направил телеграмму Сталину и Молотову, в которой присягал (уже в который раз!) на верность ВКП(б) и Красной Армии. Он подчеркнул, что 7 ноября — отныне национальный праздник Албании. Так оно и было до 1991 года — года албанской «перестройки»...

Ходжа лично переводил все выступления Сталина, направлял ему на русском копии решений албанского ЦК. Просил советов, делился впечатлениями, давал характеристики и своим друзьям, и оппонентам. Это нравилось Сталину. Ибо в СССР придавали немаловажное значение Албании и Албанской компартии, особенно в связи с намерением Ходжи превратить компартию в «копию» ВКП(б). И ему это впоследствии удалось.

В конце 1942 года Ходжа женился на 20-летней Неджмие Руфи, дочери рабочего нефтепромыслов из города Кучова (в честь 70-летия Сталина этот город был назван в 1949 году «Сталин»). Она взяла фамилию Ходжа и затем, на протяжении 40—80-х годов, являлась единомышленником своего мужа во всех его начинаниях. Была членом Политбюро, секретарем ЦК, председателем Демократического фронта Албании (так с 1946 года назывался созданный под руководством компартии в 1943 году Национально-освободительный фронт). Ее уволили в отставку 21 декабря 1990 года — в 111-ю годовщину со дня рождения Сталина: дата его рождения была провозглашена с 1949 года общенациональным праздником Албании. А официальная дата его кончины (5 марта) стала днем всеалбанского траура. Так продолжалось до 1990 года... В июле 1991 года Н. Ходжа была арестована (до этого она пыталась вместе с детьми уехать в Ливию). Не избежали печальной участи и дети четы Ходжа — сыновья Сокол (полковник госбезопасности, родился в 1942 году), Илир (министр оборонной промышленности, родился в 1945 году) и дочь Иляна (архитектор, родилась в 1948 году). Они арестованы в октябре 1991 года. Иляна руководила проектом по сооружению музея Э. Ходжи в Тиране. Музей построили в 1986 году. В 1991 году в нем проходил первый всеалбанский конкурс красоты...

Осенью 1942 года Ходжа приехал в Москву, где встретился со Сталиным, Молотовым, Ждановым, Маленковым, Микояном и Димитровым. Он заверил своих старших товарищей в неотвратимости разгрома фашизма и его пособников, в построении социализма в Албании на основе учения Ленина—Сталина. Ходжа добивался, однако, главного: получить «индульгенцию» на пост первого секретаря ЦК. Однако его собеседники пока не торопились делать ставку только на него. Энвер понял, что его претензии не ко времени. Зато Ходжу познакомили с деятелями многих компартий — Д. Ибаррури и Б. Берутом, М. Ракоши и Ван Мином, Г. Георгиу-Деж и К. Готвальдом, О. Куусиненом и Н. Захариадисом, В. Ульбрихтом и О. Гротеволем. Таким образом, он был введен в круг зарубежных сталинистов, многие из которых затем возглавили страны «народной демократии».

Ходжа выступил по Московскому радио, побывал на участке Степного фронта, беседовал с членами его Военного совета. В этой поездке Ходжу сопровождали Хрущев и Маленков. Энвер еще находился в Москве, когда СССР выступил с Заявлением (декабрь 1942 г.), в котором подчеркивалась необходимость восстановления независимости Албании и отвергались территориальные претензии Италии и Греции к этой стране. Данное Заявление было ударом по планам Черчилля, которые предусматривали раздел Албании между Италией, Грецией и Югославией после войны. Итак, Москва четко высказалась за суверенитет Албании, что не могло не способствовать дальнейшей «сталинизации» Албанской компартии и ее лидеров.

После разгрома нацистов под Сталинградом и Курском (1943 г.) и успешных операций Албанской народно-освободительной армии (АНОА), стратегическая инициатива полностью перешла в Албании к коммунистам. Кроме того, под влиянием событий на советско-германском фронте, успехов союзников в Северной Африке и их высадки в Сицилии Италия летом 1943 года капитулировала (Муссолини был арестован), а осенью того же года она объявила войну Германии. Итальянские войска в Албании сдавались АНОА, которая перешла в наступление. Однако итальянцев сменили немцы, предпринявшие затем попытки разгромить АНОА и ЦК компартии. Но это им не удалось: в Албанию увеличивались поставки советского и английского оружия, а группы военных советников из СССР (во главе с генералом Соколовым) и Великобритании (полковники Маклин, Хьюз и др.) существенно помогали руководству АНОА. Это признавал и Э. Ходжа, отмечая в своих мемуарах «профессионализм и дружелюбие советских друзей», но также «высокомерие и неискренность британцев». Ходжа считал, что Лондон планирует оккупировать Албанию и Грецию и восстановить в этих странах монархию. В Греции так оно и произошло. А в Албании этого не случилось. И не в последнюю очередь — благодаря решительной поддержке Москвой албанских коммунистов и их армии. Об этом также писали и не раз говорили Ходжа и его коллеги.

По инициативе Э. Ходжи в освобожденных районах Албании создавались первичные органы власти — советы партизан и трудящихся. Поскольку изгнание оккупантов и их приспешников происходило с юга на север (и далее — в Югославию), единомышленники Энвера, как и он сам, фактически становились руководителями новой Албании, что увеличивало их влияние в ЦК партии и за рубежом.

Роспуск Коминтерна приветствовался К. Дзодзе, оппонентом Ходжи. Но Энвер в очередном письме Сталину, Молотову и Димитрову (июнь 1943 г.) выразил озабоченность ликвидацией Коминтерна и выступил за создание «под руководством ВКП(б)

нового органа, координирующего мировое коммунистическое движение». Позднее, в 1946 году, такой орган был создан (небезызвестное Коминформбюро), и Ходжу пригласили в руководство преемника Коминтерна.

В 1944 году немецкие войска в Албании были разгромлены, их остатки ушли в Югославию. АНОА участвовала в освобождении северо-западной Греции, а также Черногории, Македонии, Косово. С октября 1944 года Э. Ходжа стал премьер-министром и одновременно министром иностранных дел. Его коллега М. Шеху был назначен министром обороны и начальником генштаба. Верховным главнокомандующим Энвер оставался вплоть до своей кончины.

Албания была освобождена без участия советских или англо-американских войск. Однако Э. Ходжа без устали подчеркивал, что «албанский народ считает Советский Союз своим освободителем. Ибо победа в Великой Отечественной войне и последующая помощь СССР Албании были решающими факторами нашей победы». В 70—80-е годы Энвер неистово критиковал тех зарубежных лидеров, которые утверждали, что их страны избежали фашистского порабощения «сами по себе». Тито и Чаушеску, Ким Ир Сен и Мао Цзэдун осуждались Ходжей за «игнорирование выдающейся роли Сталина и СССР во второй мировой войне и в первое послевоенное десятилетие» (Воспоминания об Энвере Ходже. Тирана, 1987).

На Потсдамской конференции (1945 г.) Сталин предостерег Черчилля от реализации греко-британских планов раздела Албании. О своей поддержке новой Албании Сталин заявил Ходже в период его визита в СССР в июне 1945 года. Энвер присутствовал на Параде Победы, побывал в Сталинграде, получил заверения в советской экономической и научно-технической помощи. Уже в августе 1945 года в Албанию прибыли первые советские пароходы с продовольствием, оборудованием, машинами, медикаментами. В страну стали прибывать из СССР геологи, нефтяники, конструкторы, преподаватели, врачи. Сотни албанских студентов начали обучаться в советских вузах. В том же году Э. Ходжа заявил, что Албания пойдет по пути СССР, ей предстоят индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и «культурное перевоспитание народа». Слов на ветер «албанский Сталин» не бросал и постарался к 80-м годам осуществить задуманное.

С 1946 по 1958 год СССР владел военно-морской базой в албанском порту Влора — это была единственная советская база в Средиземноморье. Именно через Влору и коммуникации южной Албании оказывалась советская поддержка коммунистическим повстанцам в Греции, где гражданская война (в связи с британской оккупацией) продолжалась до 1950 года. Правительство Греции угрожало Албании войной, обращалось с жалобами на албанских лидеров в ООН. Но Москва твердо гарантировала поддержку Тиране; Молотов, Шепилов и Вышинский защищали Албанию в ООН, препятствовали антиалбанским резолюциям Совета Безопасности. И все же Албанию не принимали в ООН до 1955 года, она вступила в эту организацию наряду с Венгрией, Финляндией, Румынией, Болгарией.

Э. Ходжа был приглашен, по настоянию Сталина и Молотова, на Парижскую и Лондонскую сессии Совета Министров иностранных дел антифашистской коалиции (1946—1947 гг.). Он выступал на русском и французском языках, резко осуждал политику западных держав и поддерживал СССР по всем вопросам. Ходжа заявлял, в частности, что реваншисты Греции и Сербии хотят расчленить Албанию, но она станет «костью в их горле». Столь образная риторика произвела впечатление и не могла не нравиться тогдашним советским лидерам.

...М. Джилас, заместитель Тито, приехав в Москву в 1947 году, был сразу же вызван к Сталину. Тот спросил гостя: «А что за деятель этот Ходжа?» Джилас ответил, что «Ходжа — талантливый, принципиальный, но немного авантюрный по натуре. Он считает, что только жесткая, партийно-армейская власть с ним во главе способна управлять Албанией». Сталин подытожил: «По нашему мнению, Ходже можно доверять. Он искренен в своих идеях и делах. И к тому же образованный и молодой» (Stalin—Tito. Odnosi: 1944—1953, Rijeka, 1983).

Ходжа писал Сталину, что Тито, выдвигая идею Балканской конференции, «хочет поработить Албанию... во всем советуется с Трумэном и Черчиллем... Титовская Югославия может захватить Балканы, если СССР не вмешается». Такие письма Сталину и Молотову из Тираны были частыми. Впоследствии в своих мемуарах Ходжа отмечал, что тогдашний лидер албанского ЦК К. Дзодзе был единоверцем Тито и всецело поддерживал идею своего «патрона» насчет Балканской конференции. Дзодзе договорился с Тито о таможенном союзе и готовился организовать референдум о присоединении Албании к Югославии. Причем населенное албанцами Косово (автономный край в составе Сербии) будет затем объединено с «югославской» Албанией.

Ходжа пишет также, что Тито, Джилас и Кардель уговаривали его поддержать идею конфедерации и югославского «аншлюса» Албании. Но Энвер был непреклонен. Он наряду с другими коммунистическими деятелями Европы постарался убедить Политбюро ЦК ВКП(б) в опасности титовских «экспромтов» и в том, что «титовский» Белград обманывает сталинское руководство. Это ускорило развязку: в 1948 году ВКП(б) и Коминформбюро после отказа титовцев приехать на совещание европейских компартий обвинили лидеров Компартии Югославии в ревизионизме и экспансионизме. А когда в 1949 году Тито разрешил Вашингтону и Лондону использовать территорию Югославии для окружения коммунистических повстанцев в Греции, чаша терпения Москвы переполнилась. Тито был назван американским шпионом и фашистом, а югославский ЦК — бандой убийц и наймитов империализма... В Москве создали Комитет освобождения Югославии от клики Тито, его первое представительство открылось в Тиране (этот Комитет был распущен в 1954 году, но его тиранское отделение существовало вплоть до 1982 г.). Энвер поддержал антиюгославскую кампанию и, более того, заявил в 1950 году о готовности Албании воевать с Грецией, Югославией и Италией, если США применят атомное оружие против КНДР или Китая... И хотя Хрущев, распустивший Коминформбюро в 1956 году, публично извинился перед Тито и Югославией, Э. Ходжа и Албанская компартия остались верны решениям этого «транснационального» органа. Вплоть до 1990 года... Ходжа в 1982 году издал книгу «Югославия и Тито: ревизионистская теория и капиталистическая практика». Яснее не скажешь...

В Москве тоже сделали свой выбор. Ходжа и его сторонники, в духе рекомендаций из Москвы, в 1947 году заставили своих оппонентов отказаться от власти: Энвер стал первым секретарем ЦК, а М. Шеху — его первым заместителем. Позднее, в 1954 году, Шеху был назначен премьер-министром, после того как Ходжа окончательно убедился в лояльности своего протеже. Но в 1981 году Энвер разуверился в искренности премьера...

Н. С. Хрущев, который в 50-е годы прославлял Ходжу и Шеху, в своих мемуарах утверждает, что прежний руководитель Албанской компартии К. Дзодзе «был очень хорошим товарищем, которого югославы всецело поддерживали... Тито говорил мне, что Шеху своими руками задушил этого человека» (Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 2, с. 115). Так или иначе, Э. Ходжа стал лидером партии, и в том же 1947 году его именем был назван первый в Албании автомеханический комбинат, построенный в Тиране в 1946 году с помощью СССР. Впоследствии имя Ходжи было присвоено несметному количеству заводов, колхозов, улиц, школ, горных вершин, а также столичному университету. Но и это количество уступало масштабам «сталинизации» названий всевозможных объектов Албании 50—80-х годов, включая города и водохранилища. Десятилетиями «не забывали» в этой стране и Маркса, Энгельса, Ленина, Молотова, Жукова, Жданова, Димитрова, Тельмана, Кашэна, Ибаррури, Георгиу-Деж... Массовыми тиражами издавали классиков русской и советской литературы...

Летом 1947 года Ходжа вновь приехал в СССР. Сталин вручил ему орден Суворова, который Энвер всегда надевал, когда появлялся на официальных мероприятиях. Албании был предоставлен льготный кредит на закупки разнообразных советских товаров. Ходжа заявил на обеде в Кремле, что «Сталин и Советский Союз — наши спасители и товарищи. Мы, албанцы, клянемся вам в вечной дружбе и преданности». И это были не только слова. В 1950 году Албания вступила в СЭВ, а в 1955 году — в Варшавский Договор. В конце 40-х годов для участия в восстановлении советских городов, носящих имя Сталина (Сталинград, Сталиногорск, Сталино), прибыли албанские добровольцы...

I съезд Албанской компартии (вскоре переименованной в партию труда), состоявшийся в 1948 году, декларировал приверженность опыту СССР и ВКП(б), солидаризировался с Коминформбюро и призвал албанцев выполнять «сталинские пятилетки». На этом съезде присутствовал и выступил Шепилов. В 1948—1951 годах в стране и партии бушевала кампания «борьбы с врагами народа и агентурой Тито». Все прежнее руководство ЦК во главе с К. Дзодзе было расстреляно. Родственники изменников также подлежали репрессиям. Согласно уголовному кодексу Албании (1948 г.) максимальный срок ссылки или тюремного заключения составлял 30 лет. А за анекдоты про Ходжу или Сталина грозила высшая мера...

С 1947 года встречи Сталина и Ходжи стали ежегодными. Он приезжал в гости к «хозяину» в марте или октябре. Энвер стал в буквальном смысле другом и единомышленником Сталина, товарищем его сына — Василия. Подружился с Молотовым, Жуковым, Шепиловым, Лысенко. С. Аллилуева вспоминает, что, например, когда ее отец и Ходжа беседовали, никто не имел права их беспокоить: Сталин даже нагрубил Берии и Мехлису, попытавшимся «отвлечь» Сталина от беседы с Ходжей (то было на

даче Сталина в Сочи). Несколько морозоустойчивых сортов кипарисов и роз Ходжа доставил в Немчиновку в 1948 году и почти час поучал Сталина, как за ними ухаживать. Сталин тоже не забывал делать «презенты» своему албанскому ученику (Stalin and his daughter, Birmingh, 1987).

В канун 100-летия со дня рождения Сталина (1979 г.) Э. Ходжа издал книгу «Со Сталиным во главе. Встречи и беседы», в которой, в частности, содержатся интересные характеристики членов Политбюро ЦК КПСС тех лет: «Хрущев — не так глуп, как кажется, он хитер и многолик... Каганович, по-моему, наиболее загадочная и беспринципная фигура, наряду с Берией... Берия устал ждать безраздельной власти. Ненавидит всех, кто близок к Сталину, особенно Молотова и Василия Сталина. Он талантлив, начитан, но и в не меньшей степени циничен... Сталин всем им знает цену». Э. Ходжа считает, что «Молотов был, пожалуй, наиболее преданным Сталину человеком. Берия и Хрущев постарались их рассорить в 1949 году*... Только Молотов мог стать истинным продолжателем дела Сталина... Если бы он возглавил после Сталина партию, перерождение КПСС и СССР было бы невозможно». В день похорон Молотова (12 ноября 1986 г.) в Албании был траур. Траурные митинги состоялись в Дипломатической академии имени Молотова, а также в городе Молотов на севере Албании...

Весной 1949 года, во время официального визита Энвера в СССР, Москва предоставила Албании новые льготные займы и кредиты. Выступая в Москве на торжественном заседании в связи с 70-летием Сталина, Энвер подчеркнул: «Вы, великий Сталин, спасли СССР и весь мир от гибели. Ваша жизнь и деятельность — это воздух для албанцев, это счастье для нашей партии и страны. И Албания навечно с Вами!» Сталин знал, что Ходжа говорит искренне, и верил ему.

II съезд АПТ (1952 г.) объявил о завершении восстановления страны и ее планомерном развитии. Первый пятилетний план Албании был разработан в советском Госплане под руководством его тогдашнего председателя М. Сабурова. Сталин и Ходжа внесли в этот план ряд корректив, после чего его направили в Албанию, где были в разгаре коллективизация сельского хозяйства, строительство электростанций и предприятий, перерабатывающих разнообразное албанское сырье. Все это осуществлялось при непосредственном участии советских специалистов. Начали развиваться связи Албании с Китаем, Вьетнамом, ГДР и другими странами «народной демократии». В начале 50-х годов в Тиране и Дурресе были сооружены заводы-дубликаты ЗИС и ЗИМ — подарок Сталина Албании. С помощью СССР строились железные дороги и школы, новые города и поселки, оснащалась албанская армия...

К XIX съезду КПСС (1952 г.) Ходжа стал уже авторитетным «сталинцем». В 1952 году в Тиране учредили Музей Ленина и Сталина. Последние работы Сталина («Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР») были опубликованы в Албании с пространными «большевистскими» комментариями Энвера. Впоследствии эти работы вошли в 36-томное собрание сочинений и писем Сталина, вышедшее в Ал-

* Подробнее см: «Молодая гвардия», 1992, № 3—4, с. 142—143; № 10, с. 167—177.

бании в 60—70-х годах на 10 (!) языках, с предисловиями и комментариями Ходжи. В 80-х годах это собрание было издано на хинди, курдском, арабском, турецком...

Краткий курс истории ВКП(б) издавался в Албании три раза, начиная с 1952 года. Причем в последний раз, в 1982 году, эта книга была выпущена в 2 томах: в I — пространная и резкая полемика Ходжи с «хрущевскими и титовскими ренегатами» и с «ревизионистами всех мастей» под названием «История КПСС — от ленинизма до оппортунизма», во II — собственно Краткий курс (с примечаниями Энвера)...

Как и прежде, речь Ходжи на XIX съезде КПСС изобиловала панегириками Сталину, СССР и проклятиями в адрес США, Запада и Тито. Энвер обратил внимание, что отчетный доклад делал Маленков, а Сталин выступил только на закрытии съезда, отсутствовал на многих его заседаниях. Энвер обратил внимание и на то, что пост генсека был негласно ликвидирован, и Сталин стал членом Бюро и секретарем ЦК. Его фамилия значилась под № 103 в списке членов ЦК, то есть указывалась по алфавиту, а не по авторитету.

...Из последующих разговоров со Сталиным, его сыном Василием и с Молотовым Ходжа все понял. Заговор против Сталина был фактом, это осознали и делегаты съезда, и его зарубежные гости (см.: Авторханов А. Загадка смерти Сталина и гибель его сына Василия. Магадан, 1991; E. Snow. Talks with Mao Tze-dong, Hong Kong, 1983). Ходжа, еще будучи в Москве, дал санкцию на очередную «чистку» в Албании, которая продолжалась до 1955 года. Он вернулся в Тирану в январе 1953-го...

Энвер узнал о кончине Сталина 1 марта 1953 года. Именно в этот день начала вещание радиостанция «Свобода», которая сообщила о «судьбоносном» событии наряду с другими западными радиостанциями. 2—3 марта посольства Китая и Албании в СССР конфиденциально подтвердили «западную клевету». На следующий день такое же сообщение пришло из Белграда. Ходжа получил также письмо от В. Сталина с жуткими подробностями кончины его отца. Василий доверил их только Энверу...

Ходжа понял, что теперь он остался один. Что ему надо быть очень осторожным с новыми лидерами в Москве и более жестким в собственной стране. В течение двух недель траура Энвер никого не принимал, нигде не появлялся. 5 марта 1953 года он, соболезнуя послесталинскому руководству и советскому народу, под предлогом внезапной болезни не приехал на похороны Сталина. Отсутствовал в те дни в Москве и Мао Цзэдун. Он тоже получил письмо от В. Сталина, а затем вступил в переписку с Э. Ходжей. Позже к ней «подключились» Ракоши и Георгиу-Деж. Они, видимо, тоже кое-что знали*...

Однако вскоре умирает Кл. Готвальд (17 марта), и Ходжа едет в Прагу, где, в частности, пытается выяснить, что с В. Сталиным. Излишнее любопытство любимца Сталина ускорило развязку с Василием: он был арестован, почти 10 лет отсидел в Лефортовской и Владимирской тюрьмах. Затем Василия сослали в Казань, где он скоропостижно умер в марте 1962 года...

(Окончание следует)

---

* Подробнее см.: «Молодая гвардия» № 10 за 1992 год.

Литературная критика

Николай ФЕДЬ,
доктор филологии

СПОР О ТЕНИ ОСЛА, ИЛИ ЛИТЕРАТУРА СОЗИДАНИЯ?

Чего только не пережила литература за последние годы, какие только задачи перед ней не ставили, каким фетишам не призывали поклоняться. И как следствие — она находится в болезненном состоянии, в упадке. Но о литературе надо судить по законам литературы. Сегодня такой подход особенно важен, поскольку в своих витиеватых спорах, а чаще в пререканиях о литературе мы все реже вспоминаем о ее главном достоинстве — х у д о ж е с т в е н н о с т и.

В последние два-три года многие настолько увлеклись, так сказать, хлебом насущным, что начали забывать о хлебе духовном — высоких идеалах и нравственных принципах. Чертополохом зарастет литературная нива, где нет больше человеческой боли, чувства стыда и вины за происходящее — тут правит бал серость, пошлость и дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый. В конце 80-х годов среди обилия ремесленнических поделок встречались сочинения, в которых «текущий момент» возбудил интерес читающей публики. Вспомним канувший в Лету роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» (1987 г.). В чем причина его кратковременного успеха? В живописании темных сторон жизни, которые тогдашняя наивная публика приняла за полную историческую правду — и поверила Рыбакову. Кстати, он не лукавил в своих заблуждениях, о чем поведал в одном из своих интервью. Объясняя свое понимание художественной правды, литератор проливал свет на главный идейный замысел романа «Дети Арбата», а именно: он стремился к изображению только одной стороны действительности — негативной, отрицательной, черной. В «Огоньке» за 1988 год (№ 30, с. 10) Рыбаков писал: «Одна книга не в состоянии отразить жизнь во всех ее элементах, это задача всей литературы. О 30-х годах написано много (Катаев, Эренбург, Шагинян, Леонов, Малышкин, Крымов и др.). Однако они описывали только светлое. А вот о темном не писали. Пробел надо восполнить. Нынешние книги о 30-х годах вместе с книгами названных мною авторов и должны дать более полную, объективную картину времени». До столь пронзитель-

ного вздора, конечно, дойти нелегко, но можно при большом желании. Итак, две правды — «белая» и «черная», соответственно и кисти с белой и черной краской. Автор «Детей Арбата» и «Тридцать пятого и других годов» взял черную — и пошла губерния писать в черном цвете и свете. Но самое восхитительное здесь то, что Рыбаков хочет нас уверить, что именно так создается произведение искусства. Полноте! «Дети Арбата» — по сути, первое крупное по объему литературное сочинение благонамеренного советского автора, которое критикует Сталина и которое послужило толчком не только активизации так называемого общественного мнения, но явилось сильным оружием (в известном смысле) «архитекторов нового мышления» вкупе с «цепными псами» и «прорабами» перестройки в их борьбе за ту власть, которая управляет ныне государством и плодами которой мы сегодня с радостью наслаждаемся... Хотел этого или не хотел писатель Рыбаков — вопрос праздный.

Суть совсем-совсем в другом: подобные примеры подтверждают ту печальную истину, что некоторая часть интеллигенции, в очередной раз предав интересы народа, тихонько скулит (как увидим далее!) и, забившись в пыльный угол, жалуется на свою разнесчастную судьбу... И не на этой ли волне началась уценка подлинных ценностей вплоть до выворачивания наизнанку таких понятий, как «патриотизм», «гуманизм», «ответственность перед историей». Недавно, бия себя в грудь, писатель Виктор Астафьев сокрушался: «Ах, какие мы жестокие, ах, какие мы такие-сякие! Отчаянно сопротивлялись врагу, не жалели жизней наших людей. Ах, как бесчеловечно». Что так? Оказывается, в период Великой Отечественной войны во имя человеколюбия следовало, сохраняя жизни советских солдат, сдавать врагу наши города и веси, пятясь, пока не упрешься задней частью фигуры в каменную уральскую гряду. Но ничего больше не осталось бы, как, стеная, созерцать агонию растерзанной и угнетенной Родины... По логике же Астафьева, это и есть гуманизм в его истинном значении, а мы, мол, преступно следовали лозунгу «Ни шагу назад!». Что ответить старому писателю? У каждого времени свои мученики и свои, прости, Господи, пророки.

Увы, сегодня у многих, даже серьезных авторов отсутствует целостное восприятие действительности, их характеризует эмоционально-импульсивное восприятие реальности. Авторская половинчатость и неуверенность неминуемо порождают бледные образы, тривиальные сюжеты. Благие намерения тут не играют роли, поскольку реальное воздействие произведения выходит за пределы субъективных пожеланий литератора. Вместе с тем все решительнее заявляют о себе разрушительные силы, заволакивающие достижения искусства туманом демагогии и политиканства. Вообще все имеет свою логику. Каждой эпохе присущи свои парадоксы. Наше время, пожалуй, можно назвать запрограммированно-рациональным: небывалый расцвет порнографии, мрачный юмор, умные споры о мелочах и прочее. Громкий смех, радостное изумление, восторженное восприятие красоты иным начинают казаться наигранными и неестественными до неприличия... Многое становится иным. Впрочем, кое-что и не меняется. Как и прежде, многие, пишущие стихи, романы и пьесы, и сегодня все так же клянутся правдой — и только правдой. Кому, скажем, доводилось услышать или прочитать примерно такие признания: «В моем произведении мало такого, что встречается в жизни, а то, что в нем написано, — вымысел». Или: «С фактами и событиями, о которых идет здесь речь, я поступил произвольно, придав им иной смысл». Либо: «Эта книга — в некотором роде — история моей души, объективная реальность дана в ней сквозь призму моих личных переживаний...»

Нет, теперь пишут правду и только правду, каковым, то есть «правдистом», является и Анатолий Ананьев в своем очередном романе «Лики бессмертной власти» («Октябрь», 1992, № 3—5). Это, надо полагать, историко-философское сочинение — тут и Грозный, и воины, и монахи, и всякие рассуждения, долженствующие быть философскими. Однако философствования настолько мелки, а нищета мысли настолько очевидна и образы так безлики и неестественны, что в романе ничего и не осталось, кроме параллелей и повторений чужих мыслей, выдаваемых, однако, за свои, ананьевские. Сразу же становится ясно, «Иоанн» Грозный — это Сталин, а Малюта Скуратов — естественно, Ежов, он же Берия; что между Феодосием Печерским и... Павликом Морозовым много общего (оба якобы предали: один — отца, другой — мать). А еще глубокомысленно и доверительно Ананьев сообщает, что свобода — необходима, но весьма не просто достижима в «этой стране»; плохо без просвещения и собственности; что Запад — нормально, а Россия — нет и т. д. и т. п. В общем и целом «Лики...», кроме мстительной неприязни по отношению к нашему трагическому, героическому и противоречивому прошлому, ничего существенного не содержат.

Хотя кое-что имеется — это описание митрополита в изысканных, очень благородных выражениях: «Нисходил митрополит в минувшее, разгребая завалы тьмы и лжи, чтобы добраться до истины»; в то время как автор «перед собой» зрит «эту могучую в своем духовном порыве фигуру митрополита, тихо и отрешенно будто бы сидящего в кресле с закутанными в меховые шкуры ногами», — «разверзаются» «шторы эпохи», и «спрессованная в сгусток картина жизни с ее удручающим реализмом... встает, как рассвет, и охватывает горизонт»... Порою кажется, что Ананьев обитает в пустыне, питается исключительно акридами и кореньями, а посему не может, «как это свойственно всякому простому человеку, признать главенство жизни над всеми другими потребностями души и тела», а поэтому «должен был подавить в себе суть человеческого естества». Искренне поражаешься дерзости этого сочинителя, способного во всеуслышание заявить, что власть, «этот вечный сеятель зла, это крапивное семя», «может прорасти до глобальных размеров».

Тут я вынужден с превеликим сожалением прервать цитирование, но ненадолго и лишь для того, чтобы вовремя заметить, что Анатолий Андреевич непревзойденный мастер открывать истины на голом месте, придавая ослепительный блеск всему, что выходит из-под пера его. Кто знал до нынешнего дня, что «кроме национальных, есть еще и общечеловеческие ценности»? Или — что «отдавая, человек обретает»? Ах, Боже мой, а вот это: «чтобы творить добро, нужно прилагать усилия»? Откуда, скажите, у человека такая сила слова и такая бездна воображения? А стиль — что ни выражение, то или афоризм, либо почти готовая пословица. В таком духе сочинены «Лики бессмертной власти», книга первая под названием «Царь Иоанн Грозный».

Пожелаем же автору, чтобы он, изрядно попотев, довел роман до конца, достойного его ума и дарования.

Все знают, что Анатолий Ананьев вольноречив, равно как плодовит необыкновенно, но только «Литературная газета» недавно с изумлением обнаружила в нем великий дар графомана. И обнародовала свое сенсационное открытие: автор романа «Лики бессмертной власти» явил собой «совершенно особый тип графомана». Не будем оспаривать мнение уважаемой газеты, однако ж заметим, что его публицистические способности несколько уступают его блестящему художественному дару — и по яркости, и по глубине своей. Может быть, дает о себе знать возраст и политические страсти, терзающие жизнь его. Помнится, в зрелые годы он так лихо отделал в «Литературке» А. Солженицына как литературного власовца, что неподкупные апологеты соцреализма Альберт Беляев и Валентин Оскоцкий разинули рты от жгучей зависти. А теперь — не то, нет прежней прыти и резвости пера. Разве что вот это ананьевское изречение в передаче «Добрый вечер, Москва!», да и то произнесенное с вороватo бегающими глазками: советские воины шли в бой с фашистами не осененные знаменами, а под к р а с н ы м и т р я п к а м и. М-да... Но, заметьте, всего этого честнейший и правдивейший Анатолий Андреевич достигает, следуя одной только своей благородной натуре... Как тут не вспомнить Салтыкова-Щедрина, заглянувшего в бездну человеческой натуры: «...исследованию надлежат не только те поступки, которые человек беспрепятственно совершает, но и те, которые он несомненно совершил бы, если б умел или смел. И не те одни речи, которые он не выговаривает, но думает. Развяжите человеку руки, дайте ему свободу высказывать в с ю свою мысль — и перед вами уже встанет не совсем тот человек, которого вы знали в обыденной жизни, а несколько иной, в котором отсутствие стеснений, налагаемых лицемерием и другими жизненными условностями, с необычайной яркостью вызовет наружу свойства, остававшиеся дотоле незамеченными...» Как увидим, Ананьев далеко не единственный «не тот человек, которого мы знали».

Художественный потенциал ныне популярных беллетристов ничтожен. Но не в этом главный вред, приносимый ими литературе. Опасность в том, что они разлагают художественный процесс изнутри, разлагают своей агрессивностью, судорожным желанием власти, презрительным отношением к народу и стране, которым обязаны всем. Зато верно служат новым хозяевам, откровенно демонстрируя свое верноподданничество вплоть до политических доносов. Надолго ли? О, нет — как только власть утратит свою силу, они первыми же и предадут ее, как это делали не раз. Что слава, купленная лестью и политиканством? Дым, мираж, фата-моргана. Как быстро все меняется. Давно ли солидные дяди и тети, именующие себя писателями-апрелевцами, на весь мир клеймили позором «просоветских агентов», разбивших очки у их полугениального собрата. Но сгинула окололитературная артель «Апрель» вместе с разбитыми очками ее буйных членов... А сколько было интервью, «круглых столов», восторженных рыданий отнюдь не экзальтированных критикесс и многозначительных прорицаний литературствующих экономистов и историков по поводу ультрабольшевистских опусов М. Шатрова, апологии предательства в «Зубре» Д. Гранина и «большой

правды» прочих «Белых одежд» и «Ночевала тучка золотая» вкупе с «Колоколами и скрижалями». Где они? Многие ли помнят сегодня эти и подобные пьески, повести, романы? Но Рождественский, о Муза, но Вознесенский, Солоухин и Исаев — почему молчит их громкоголосая лира? Или ей чужды беды народные? Вообще, наши некогда активнейшие литературные витии заметно потускнели.

Любопытно, что часть литераторов, приближавших демократию, пришли в ужас от реальных трудностей и противоречий. «Никогда я еще не жил в таком одиночестве, — сокрушается писатель Виктор Лихоносов. — Даже в годы разрыва с писателями, крайкомовской травли, чудовищных «государственных» подозрений было легче: всегда находилась отдушина и на чье-то плечо можно было опереться. Теперь люди сами попали в такую же общественную нищету и печаль. Никто уже просто так не позвонит. И не потому, что забыл, равнодушен или заелся, нет. Просто рука бессильна сжать трубку, а пальцы не слушаются: что звонить? Нечего сказать радостного, приятного. Вокруг нас густые заросли предательства. Предательство стало нормой отношений и стимулом выживания. Ну, чужаки, далекие от тебя вдейно, ладно уж, тут какие могут быть надежды? А вот когда человек объединяется с кем-то под омофором спасения России, русской культуры, изображает страдальца и воина и тут же, за углом, петляет, как заяц, продает своих, отрекается, совершенно по-вражески закладывает мины в родном гнезде, обогащается на русском несчастье и про несчастье на всех перекрестках орет — камни начинают плакать. Вообще с помощью прессы предательство переросло в геройство, в доблесть демократии, сокрушившей всякое понятие о чести и благородстве. Самые патриотические издания народ не читает. Его задушили намыленной веревкой. Никто никого не слушает, никто никому не верит, никто никому не нужен». Егора Яковлева, бывшего главного редактора «Московских новостей» и шефа «Останкина», трудно заподозрить в антипатиях к современной власти. Что же он? «Мне кажется, что, объявив в 85-м году, что мы превыше ценим общечеловеческие ценности, на самом деле именно их мы разучились ценить, потеряв на «морально-нравственном фронте» за шесть лет перестройки едва ли не больше, чем за 70 предыдущих лет». Весьма любопытное признание. Тем более что сегодня: «Я не знаю, что такое демократия. Сам себя демократом не считаю». Вот чем оборачиваются политические мечтания недавних времен «прорабов перестройки»!

Впрочем, это никак не изменило их сущности: бездарные, аморальные люди не имеют настоящей веры и прочного духовного фундамента. Вот и гость телевизионного «Бомонда» Андрей Дементьев, главный редактор «Юности», заговорил с надрывом о сегодняшнем духовном захолустье, где сладострастно подличают, пакостничают, доносительствуют, где пещерная зависть готова до смерти исклевать свою жертву. Но симптоматичен, а равно неожидан его ответ на вопрос ведущего «Бомонда»: кто же виновник всех этих недобрых метаморфоз с людьми, одолевающей их порчи? «Система!» — вскричал поэт-редактор. Но не та — всеми обруганная, тоталитарная, а нынешняя, именующая себя демократической, то есть пирамида власти, которую венчает собой Президент Ельцин. Избиратели обмануты, а новые властите-

ли, унаследовав худшее от своих предшественников, подгребают все под себя... Таково умозаключение поэта-интеллектуала, изрядно потрудившегося для создания атмосферы безответственности, бездуховности и несправедливости.

Сегодня снова, как и в первой трети XX столетия, творческая интеллигенция России оказалась в глубоком духовном тупике, в упадке. Лукавые идеологи «нового мышления» использовали ее в своих политических целях, а потом бесцеремонно выставили вон, обвинив в апатии и недостаточной активности по окончательному развалу державы в условиях «демократии». Где теперь все эти поводыри недовольных прежним образом жизни — адамовичи, поповы, бурлацкие, яковлевы? Они со своими «общечеловеческими ценностями» — с властями предержащими, с недоброжелателями простого человека, с туго набитой мошной, но только не с бедным народом и не с настоящими писателями, учеными, деятелями культуры.

Роль советской интеллигенции 80-х годов, в очередной раз соблазненной «дьяволом власти», заслуживает серьезного осмысления и изучения. Может, более серьезного, чем проблема интеллигенции 20—30-х годов. По крайней мере тогда, несмотря на бурное становление интеллигенции нового типа — интернациональной, — она еще сохраняла здоровое национальное ядро и тем самым препятствовала откровенному разгулу русофобии. В начале 90-х годов писатели и ученые России рабски сносят и этот позор. В сентябре 1989 года на конференции так называемых демократических движений и организаций кариатида ельцинской власти — некто Г. В. Старовойтова — заявила: «Россия могла бы разделиться на несколько республик с равными правами: Сибирь, Урал, Европа, Север, Дальний Восток. Русские плохо знают историю. У нас сегодня нет России. Вероятно, у русских в наибольшей степени, чем у других народов, прервана этнокультурная традиция, нарушена нормальная сохранность исторической памяти. Это народ, расселенный на огромных пространствах, чрезвычайно сильно стратифицированный, с утраченной культурной традицией... Это народ с искаженным, болезненно извращенным этническим самосознанием...» Поразительно, что ни один известный деятель культуры России даже не возмутился гласно этим хамством!

Но не будем слишком удаляться от живого литературного процесса. Да, состояние литературы вызывает серьезную тревогу. Расставшись с идеей большого искусства, полученного в наследство от XIX века, с его вечными ценностями, литература по степени ошарашивания читателя так называемыми шоковыми эмоциями физиологического натурализма уступает только кинематографу. По части же нравственной и духовной — оба (литература и кино) в глухом кризисе. Главная причина скрыта глубоко: она в дефиците самого человека, в распаде его цельности, в дегуманизации нашей недуховной жизни. Теперь литература в большинстве своем — распространитель социального банкротства. При ее усилиях теряется тот нравственный, тот культурный облик человека с высокоразвитой духовностью, который отличал и характеризовал Россию и другие родственные ей народы. Но почему-то молчит «демократическая интеллигенция» при виде того, что специальная человеческая, духовная, освещенная разумом сфера — в крайне тяжелом состоянии; вместе с

тем как бы не замечает и то, какая опасность ждет, если весь этот запутанный узел будут запутывать дальше. Но он, этот узел, продолжает запутываться-затягиваться, удушая общество. За последние 50 лет не было подобного нынешнему беспредела, когда бы 95 процентов населения России ежечасно, ежедневно теряло надежды, подвергалось насилию, циничному издевательству и обнищанию. Действительно, похоже на оккупационный режим. Странно, дико, но это явь. Вот выдержки из письма, опубликованного «Литературной Россией» 25 сентября 1992 года. Автор — Николай Иванов, писатель: «...Не ел 19 дней. Все, что мне удалось нажить за полвека, — это книги. Хорошие и разные. Я ходил вокруг них как охотник. Иногда брал с полок несколько штук и торопился на улицу, чтобы продать. Но всякий раз возвращался. Не мог п р е д а т ь книги, выстраданные в очередях на Кузнецком. Однажды, когда стала сильно кружиться голова, я донес с полдюжины книг до метро. Коробейник с лоснящимся червонным лицом охотно взял их за сто рублей. Но за деньгами велел прийти завтра. Ни завтра, ни послезавтра его почему-то на месте не оказалось. А звали его, к сожалению, Антон. Как Чехова. На книги я больше не покушался. Продолжая поститься, я все же писал роман. Вернее, дописывал. По полстранички в день, по десять, по пять строчек... До края оставалось рукой подать. Очень хотелось довести дело до конца. Знакомые литераторы, крутые профессионалы, с именем, чуть раньше прочитали черновой вариант. Один отозвался коротко: «Здорово!» Другой сказал, что это событие и, подумав, добавил, что подобной вещи не было давно... Сказано это было не по дружбе, а по совести, поскольку я не назвал литераторам (как они ни допытывались) имя автора. Хорошие и щедрые слова о рукописи согревали меня... Было большим искушением кому-нибудь позвонить. Но я знал: очень многим так же плохо, как и мне. Свое положение тщательно скрывал от всех. Стыдился своей беспомощности. И еще мне было стыдно за государство, которое получало от моих книг немалую прибыль и теперь так надругалось надо мной. И еще была гордость... Спасло меня чудо. Позвонили из издательства и сказали, что выбрасывают уже сверстанную мою книжку из плана (это уже в третий раз за полтора года) и что мне причитаются в связи с этим какие-то маленькие деньги. В иное время я, конечно, ни при какой погоде не стал бы их получать. Но очень хотелось довести дело до конца. Ехал в издательство 3,5 часа вместо прежних сорока минут. Денег хватило ненадолго...»

На фоне всеобщего ожесточения, шатаний и трагизма жизни повесть Григория Бакланова «Свой человек» («Знамя», 1991, № 11) — о мелочах и честолюбии мелочных людей — воспринимается как банальная пастораль, к тому же с избитым сюжетом. Кстати, подобные упражнения античные мудрецы определяли как спор о тени осла... Но, поскольку весь сюжет сводится к жизни и мнениям главного героя, нам придется вкратце сказать о нем. Евгений Степанович Усватов — первый заместитель председателя некоего «Комитета искусств» и олицетворение, скажем так, панбрежневизма. Разумеется, Бакланов относится к нему с ненавистью и не скрывает этого. И все-таки порою автор несправедлив к своему герою, особенно когда едко издевается над ним за мысли и поступки, достойные всяческих похвал и подража-

ния. Это касается прежде всего отношения Евгения Степановича к прекрасному полу. Вот как рисуется, как говаривали в пещерные доперестроечные времена, его моральный облик: «И он опять увидел ту студентку, ту молодую женщину, которую отметил еще раньше... стройные, сильные, золотистые от загара ноги... Губы ее были в молоке, и она с таким вкусом жизни отхлебывала (!), какого давно уже в себе не знал. И он позавидовал этой молодой жизни, потянуло к ней». Далее столь презираемый автором Евгений Степанович, напрочь позабыв о «вставленной нижней челюсти, от которой происходили определенные трудности при жевании», снова увидел ее: «перекрестив загорелые ноги, стояла она, чуть изогнувшись, и так хорош, так красив был изгиб молодого ее тела, так хороша она была вся». Вот он, тоталитаризм со всеми его моральными уродствами. Трудно удержаться, чтобы не отметить свежесть восприятия и тонкий узор психологизма почтенного автора. Между тем герой «суетился так близко, что запах пота ее (редкая, изысканная, интимная подробность! — **Н. Ф.**) уловил от мокрой одежды, от ее молодого тела. Ему ударило в голову». Решительно невозможно предположить, чем бы все это закончилось, если бы жена Елена не «глянула на него проницательно из-под тяжелых, наплывших век... И под ее взглядом блудливые его мысли завиляли». Признаться, последние слова меня буквально поразили: как мог редактор передового журнала. демократически мыслящий человек, можно сказать, один из прочных столпов перестройки, написать такое? Да по нынешним временам «блудливые мысли» выдаются за проявление гражданской доблести! Поначалу я заподозрил злые козни красно-коричневых, которые только и помышляют, как бы напакостить славному и непомерно мужественному Бакланову. Но потом отказался от этой мысли: наш сочинитель — тонкая штучка, он-то знает, что выше означенные «блудливые мысли», то бишь моральная раскованность, ныне в чести. Все лучшее, что ни есть в обществе — от кооператоров-перекупщиков до американизированных гигантов мысли, — вполне определенно высказалось за сексуальную свободу. Сам А. Н. Яковлев, мудрейший из академиков, интеллект которого почти равен интеллекту Бурбулиса, хотя заметно ниже полторанинского, не проронил ни слова против снятия морального табу, учиненного большевиками над этой самой свободой. Правда, «лучший немец» Горбачев занял в этом вопросе двусмысленную позицию, но это не имеет значения. Ведь российские власти пекутся о сексуальном предмете больше, чем о хлебе насущном. Читайте: «Отвергая моральный кодекс сталинской эры, который заклеймил гомосексуализм как преступление, Президент России Борис Ельцин в среду предложил новый уголовный кодекс, который снимет длительный запрет на мужскую любовь». А напечатано данное сообщение не в какой-нибудь современной российской газетенке, которая перевирает даже фамилию собственного редактора, а в солидной американской «Лос-Анджелес таймс» (выпуск «Ньюс-факс»). Наконец-то наступил крах большевистского сталинизма в вопросах «морали и нравственности, которые человечество вынашивало веками и которые позволили ему возвыситься над дикостью», — как браво витийствовал все тот же А. Яковлев в Конституционном суде России. И пусть оппоненты дружным хором обвинили его в лицемерии, назвали его выступление «исповедью ренегата» и

прочее, но что из этого? Важно то, что сей исторический человек не желает быть «болваном, не меняющим свои взгляды» (Бальзак) даже в вопросах нравственности... Так что при всей и бесспорной свежести взгляда Бакланова на проблему «мужчина и женщина» все-таки хотелось бы, чтоб при подготовке к изданию полного собрания сочинений автор привел морально-бытовую линию брежневского чинуши в соответствие с требованиями текущего момента.

Однако же Усватов — мерзкий честолюбец и властолюбец. Смотрите: «Сладок был миг, когда он подъезжает к этому зданию и, уже открыв дверцу машины, поставив ногу на асфальт, договаривает шоферу последние распоряжения, а дальше — с замкнутым государственным выражением лица, ни на кого и ни на что не отвлекаясь, торопясь, но достоинства не теряя...» — проследовать к нужному подъезду, а там вновь испытать «ни с чем не сравнимое чувство, что ты причислен к немногим...». Правда, когда автор решил пригвоздить героя к позорному столбу оторванности от народа, то получилась в огороде бузина, а в Киеве дядька: «...он за приспущенным стеклом машины представлял собой привычное зрелище (з р е л и щ е? — **Н. Ф.**) для тех, кто толпится на автобусных остановках... Выражением лица, манерами, повадкой он был точная копия людей его ранга...» Оказалось, что этот достойный презрения номенклатурный вельможа и отпетый брежневец еще и... антисемит. Автор описывает такой возмутительный случай: когда один из спутников пропел на мотив похоронного марша нелестные для Аэрофлота строчки, Усватов «возмущенно покачал головой и отвернулся. Уж, кажется, никто не упрекнет его ни в национализме, ни тем более в антисемитизме. Но есть у них эта бестактность в крови, нескромность, неумение видеть себя со стороны. Есть, есть эта черта. И вообще, почему среди них столько юмористов?» Не зря же и сыну, который вздумал жениться на еврейке, он говорит: «Нам с матерью небезразлично, что у нее значится в пятом пункте...» Разумеется, было бы несправедливо обвинять почтенного автора в злонамеренности или пустом чванстве, но к лицу ли ему самомнение и мелочность?.. В повести есть и другие не менее сильные и глубокие места. Например, с исключительным пафосом автор передает эпизод в театре, где присутствует Брежнев и его ближайшее окружение. Сколько тут чисто баклановской злой иронии. Генсек устроил тогда как бы спектакль в спектакле, отпустив ряд реплик и вызвав тем самым гомерический смех в зале и... сильнейшее смятение в душе Усватова: «Он видел сплошные маски вместо лиц, там, в ложе, сидели живые пародии на самих себя: перекошенный набок рот Громыки, или ему показалось, что там Громыко, старческие, выпученные глаза Тихонова на сплюснутом лице, и этот огромный рот, изрыгающий нечленораздельное...». Боже мой! Ювеналов бич разит наповал, и не важно, кому принадлежит эта беспощадная инвектива: Бакланову ли, прежде чуть ли не каждодневно обивавшему пороги ЦК, а теперь внезапно прозревшему в преклонном возрасте, или его герою, который до этого происшествии упорно не желал прозревать... Да так и не прозрел. Как бы то ни было, Усватов расстроился чрезвычайно, он даже оставил машину и пешком поплелся Тверским бульваром. И совершенно неожиданно встретился со старым приятелем по фамилии Оксман, который

тоже побывал на премьере. «Там такую комедию Леня разыграл!» — возопил Оксман, этот, как следует из всего повествования, мудрец и прорицатель. «Не бойся, — высокомерно роняет Оксман, с улыбкой глядя на обеспокоенного разрушением власти Усватова, — рухнет не скоро. Миллионы заинтересованы, чтобы гнило как можно дольше. От верху до низу — миллионы временщиков, и каждый хочет при жизни получить свой кусок. Я сегодня в театре посмотрел на них. Это прочно. И опирается на самые примитивные инстинкты, а в природе все примитивное — самое жизнеспособное». Далее следует прозрачный намек на антисемитизм. «Ты по душе не антисемит, я знаю, — заявляет Оксман и со значением добавляет: — Во всяком случае, не был им. Но служба потребует, и это станет твоим искренним убеждением, ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. А она требует, служба требует от тебя (антисемитизма? — **Н. Ф.**). Сегодня ты любимый сын времени, свой человек». Столь известному страстотерпцу и неустрашимому вольнодумцу, каким, говорят, прослыл в кругу московских критикесс Бакланов, казалось бы, не с руки столь настойчиво муссировать в повести «русско-еврейский вопрос»... Впрочем, мир «Своего человека» на удивление холоден и бесцветен (излюбленные краски автора — черная и серая) и в то же время утомителен и скучен. Здесь не живет надежда, не согревает душу доброта и не питают дух высокие идеалы. А ведь настоящее искусство не может родиться в подвале сумеречного сознания, куда не проникают лучи чистосердечности и сострадания.

Между тем Бакланов в восторге от своего сочинения, о чем мы узнали из его остроумной, равно как достославной беседы с редактором «Книжного обозрения». «Я, например, куда ни зайду, постоянно моего героя встречаю, — вскричал он, — Евгения Степановича Усватова, единого во многих лицах. Хоть в малом по рангу учреждении, хоть в высоком. То надменен и суров, всю советскую власть олицетворяет, то весь распахнут от доброжелательства. А то вдруг сентиментален до слез: это когда о себе заговорит, себя ему всегда жаль, все ему мнится, что недополучил он чего-то от жизни, завистью окружен. И так он в свою роль вжился, так самому себе лгать привык — а ведь система вся ложью, как кровью, связана, — так он актерствует, что подумаешь, на него глядя: он и с женой в постели позирует». Даже в гневе Григория Яковлевича не покидает остроумие! «А когда, — продолжает он, — такой человек жизнь оседлает, вот тут ложись и помирай. Ум его не созидательный, ум аппаратный, все усилия направлены на то, как бы кого пересидеть, а жизнь, народ, от имени которого он присвоил себе право выступать, это все — средство для достижения главной его цели. И под внешней мягкостью, под сентиментальностью такая другой раз жестокость сокрыта, что сына своего не пожалеет». Таков он, Евгений Степанович, по словам автора. Но и этого мало: Бакланов искренне убежден, что он создал литературный т и п по примеру русских классиков. Лучше пусть он скажет об этом сам: «Этот тип чиновника вырабатывался столетиями, а наша эпоха придала ему свои завершающие черты. Разве же он исчез из нашей жизни? Нет, он здесь — свой человек. Помните, у Сухово-Кобылина в пьесе «Дело» рассуждение о том, что было, мол, на Россию татарское нашествие, подступал француз, а теперь

нашествие чиновников? И лежит она под рогожкой разутая и раздетая... Вот об этом и написана повесть, этот тип чиновника я исследовал».

Надо полагать, сие прелюбопытнейшее и несколько забавное признание непременно войдет в антологию «Писатели о своей скромности», из коей пишущая братия будет брать уроки благодушия и совестливости. Что до меня, то должен со всей откровенностью признаться: несмотря на свою неизменную симпатию к личности Анатолия Ананьева и преклонение перед его литературными и общественными подвигами, я убежден в том, что он и в подметки не годится Григорию Бакланову: такова нравственная и творческая высота его... Один только Сергей Павлович Залыгин приближается к его уровню по части редкостных умозаключений и показу реалий действительности со всею возможною правдивостью и свирепым реализмом, да и он... Впрочем, судите сами.

В конце октября 1992 года («ЛГ», 10.92) мы имели счастливую возможность познакомиться с некоторыми фактами из биографии и суждениями о текущем моменте Сергея Залыгина, редактора «Нового мира». Глубокомысленное словопрение, имевшее место между Залыгиным и критиком Золотусским, безусловно, заслуживает самого пристального изучения. Но мы остановимся лишь на одном событии — посещении московским редактором писателя А. И. Солженицына, которое имеет непосредственное отношение к нашей теме. В остроумной и занимательной форме повествует Залыгин о достославных происшествиях, случившихся с ним в Вермонте, а также о других событиях, сколь невероятных, столь и правдивых... Общеизвестно, что популяризации Солженицына, внедрению в сознание нашего читателя имиджа великого писателя, Сергей Залыгин посвятил всю свою оставшуюся жизнь, однако мало кто знает, что порою он и сам создает сочинения, не уступающие солженицынским. Но не будем забегать вперед, остановимся сначала на личных впечатлениях гостя Вермонта. «В Вермонте, — говорит Сергей Павлович, — состоялась с а м а я з н а ч и т е л ь н а я в с т р е ч а в м о е й ж и з н и (разрядка моя. — **Н. Ф.**). Я много видел на своем веку знаменитых людей. Среди них были политики и литераторы, ученые». Вряд ли найдется человек, который усомнится в правдоподобии этого умозаключения. Поэтому все дальнейшие рассуждения Залыгина — суть глубокая и голая правда и только правда. «Но, — продолжает он в том же духе, — Солженицын — особая статья». «Особая статья», надо полагать, нечто из ряда вон выходящее, согласно которому виденные Залыгиным «знаменитые люди» мало чего стоят. Что же это такое — «особая статья»? «В этом человеке, — читаем далее, — соединилось почти несоединимое: удивительное органическое народное чутье на интеллигентность и столь же органическое чутье интеллигента на народ и народность. При этом он не смешивает интеллект с интеллигентностью — так мне кажется. А это надо уметь».

Всего-то? А мы думали, тоска по Родине гложет великого, денно и нощно терзают душевные муки в связи с настоящей трагедией русского народа, принимает живое участие (словом и делом!) в его, народа, судьбе... Отнюдь нет! Вместо этого нам подсовывают «чутье», «органическое чутье» и всякую интеллигентскую дребедень. Тут наш редактор либо лукавит, либо мало

смыслит в настоящей сути знаменитых людей, помнящих свое родство. Зато довольно ценную мысль высказал он в следующих словах: «Вот толкуют про «Красное колесо»: скучно написано, затянуто. Но если вы хотите познать предреволюционную историю России, есть два варианта — прочитать 20 томов Солженицына или 200 томов других самых разных авторов». Прекрасно! Но ведь только что сказано же: «скучно написано» — и, добавим, не только «Красное колесо». Как же осилить 20 томов скуки, явного и затаенного недоброжелательства и обилия извращенных истин? Может быть, «200 томов других самых разных авторов» хотя бы живее изложено? «Как личность Нестора видна в его летописях, так и в «Красном колесе» за каждой строчкой стоит автор, хотя это документы, и почти ничего больше, — настаивает Залыгин. — Я думаю, что ни один писатель никогда не ставил перед собой столь же грандиозных задач». Но мы-то знаем цену документу, «за каждой строчкой» которого «стоит автор»! Да и сравнение личности Нестора с личностью Солженицына — будь он хоть трижды «особая статья» — несколько хромает. И уж совершенно некорректно по отношению к писателям всех времен и народов утверждать, будто «ни один писатель никогда не ставил перед собой столь же грандиозных задач». Откуда, позвольте спросить, это известно автору?! Как бы то ни было, Сергей Залыгин — человек редчайшей учености, которой он овладел еще в отрочестве, затем укреплял чтением книг по мелиоративному делу и своих собственных сочинений, пока в конце концов не засел за разрекламированные творения А. И. Солженицына. Из его признаний явствует, что последние дали ему в смысле исторических и прочих знаний больше, чем «200 томов других самых разных авторов».

Вот каким способом освоил Сергей Павлович всю премудрость цивилизованной части человечества, уверенно делая открытия на литературном поприще. Скромность не позволяет ему особенно распространяться на этот счет, но кое о чем он нечаянно проговорился. И опять же связано это с вермонтскими происшествиями и вермонтскими же блинами, которыми его угощали радушные хозяева поместья в начале 1992 года. Так вот, вспоминает Залыгин, во время оно Солженицын познакомился с содержанием его повести «На Иртыше». Если верить Сергею Павловичу, повесть произвела на него сильное впечатление, столь сильное, что, оторвавшись на несколько минут от поставленных «перед собой столь же грандиозных задач», Александр Исаевич заявил: «...вы сняли с меня эту задачу — сказать о коллективизации». Так самым необыкновенным способом был очарован Солженицын Сергеем Павловичем. Если перевести это на простой человеческий язык, то это будет звучать приблизительно так: «Вы, товарищ-господин Залыгин, единственный, кто сказал настоящую правду о коллективизации, ту правду, которую мог сказать я, Солженицын, но теперь, после вашей повести, мне нет надобности браться за эту тему». На это Залыгин никак не отреагировал. Согласен, значит. Снять-то, конечно, он снял с Солженицына «эту задачу», но и навредил изрядно делу, забыв в гордыне своей об общечеловеческих ценностях. Посмотрите же, что получилось: на своем «Иртыше» Залыгин перебежал дорогу автору «Пира победителей» — и человечество недосчиталось шедевра о коллективизации. Каково! И пусть только попробует чудом выживший недемократически мыслящий критик робко пискнуть из своего пыльного укрытия, что, мол, о коллективизации писали Акулов, Можаев, вроде бы Шолохов... Цыц, авторитарный отголосок, замри и внимай: все это не то, совсем не то, что могло бы выйти из-под пера Солженицына... Теперь становится понятно, почему «Новый мир», пожалуй, единственный из некогда уважаемых московских журналов продолжает клеветническую кампанию против Шолохова.

Отношение к этому великому человеку — это отношение к России и ее народу — ко всему, что ни есть светлого, истинно человеческого, благородного в этом немилосердном мире. Особенно сегодня — в «годину смуты и разврата», а в нашем случае — в историческую пору вермонтских посиделок Залыгина. Недавно возмущенная заметкой («О некоторых обстоятельствах публикации «Тихого Дона») в девятой книжке «Нового мира» за 1988 год дочь писателя Светлана Михайловна Шолохова обратилась с просьбой к главному редактору напечатать ее письмо-протест. Она выражала надежду на то, что ее материал найдет место на страницах журнала. Обращаясь к Залыгину, Светлана Михайловна отмечала: «Я написала это письмо потому, что долго ждала, чтобы наши многочисленные шолоховеды сказали наконец правдивое слово о Шолохове, о его нелегкой жизни, о его несостоявшихся книгах, дали достойный отпор клеветникам... Но, к сожалению, даже появлявшиеся из года в год на протяжении почти 60 лет все «новые» и «новые» инсинуации, обвинения в плагиате, явно клеветнические, явно враждебные, пышущие мелкой, подленькой завистью посредственности к таланту, никак не могущие простить Шолохову его талантливости, даже эти наветы опровергли отнюдь не наши литературоведы, а скандинавские, во главе с уважаемым норвежским профессором Гейром Хетсо. А у них были те же возможности, те же ЭВМ, которые беспристрастно констатировали, что ни по одному параметру, ни в одном произведении Шолохова нет ни малейшего совпадения с трудами Крюкова, которого так усиленно «проталкивает» в авторы «Тихого Дона» А. Солженицын... Какие только голоса не вопили, не поносили Шолохова, начиная с рапповцев и кончая А. Солженицыным и его подпевалами! Истина установлена, а извиниться хотя бы перед памятью Шолохова ни у кого мужества не хватило».

Письмо С. Шолоховой не увидело свет. Другу суматохи и необременительных забот, главному редактору «Нового мира» не хватило духу возвыситься над личными пристрастиями. Но, честно говоря, как литератор он поступил искренне: ему непонятен и чужд огромный, бурлящий страстями и надеждами, ослепительно сияющий и трагический шолоховский мир. Зато близок (да простится наша бесхитростная простота!) и, как говорится, сродни солженицынский стиль восприятия истории и жизни... Это не осуждение, а констатация того бесспорного факта, что литература и политика переплетаются друг с другом — как бы ни пытался уверить нас в обратном С. Залыгин, а равно другие, не менее выдающиеся «инженеры человеческих душ», о которых мы не без удовольствия упоминали.

Стирание граней между художественной литературой и публицистикой, опошление самой идеи творчества, подмена вкуса безвкусицей, попытки низвести художника до паяца, танцующего на

политических лозунгах, — все это вызывает потребность напомнить о некоторых великих старых истинах. От художника всегда ждали чего-то большего, чем просто написания картины, оперы, поэмы или романа: в них должна быть некая одухотворяющая, постоянно действующая скрытая сила, способная служить более значительным целям жизни, то есть высоким духовным потребностям. В этом и волшебная сила искусства, и его великая тайна...

В наше смутное время искусство призвано быть средоточием напряженной мысли, обостренного чувства и трагического мировосприятия. Поэтому наиболее талантливые писатели, связанные с жизнью своего народа, пишут тревожные и грустные, но чуждые пессимизму произведения — любовь к жизни главенствует в них. Речь идет о социально-нравственном исследовании действительности, о глубоком философском осмыслении бытия. Ибо истинные художники не просто глубоко исследуют жизнь, но вместе с тем дают возможность почувствовать тот идеал, к которому человек интуитивно стремится.

Вспомните, как был потрясен драматизмом жизни Чингиз Айтматов. Поэтому чувством тревоги и горестных размышлений пронизан его роман «Плаха». О произведении Айтматова немало говорили и писали, но, кажется, недостаточно обращали внимание на главное в нем — на трагическое ощущение современности. Отсюда стремление переосмыслить некоторые древние мифы, отсюда же попытка нового прочтения освещенных веками истин. В сумерках прошлых столетий пытается Чингиз Айтматов разглядеть истоки происходящего в конце XX столетия, а в завалах моральных и философских доктрин отыскать ответы на мучащие нас вопросы: что есть жизнь, что есть истина, добро и зло, надежда и вера?

Герой романа Авдий Каллистратов считает, что «любовь — антитеза смерти». Легенда о Христе и его Голгофе соотносится писателем с трагической судьбой тех, кто исповедует высокую мораль. Мучительно трудно постигает Авдий истину, жестоко терзают его душу вопросы: «Что, если существует на свете закономерность, согласно которой мир больше всего и наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа?» «Быть может, стоило подумать: а что, если это есть форма существования и способ торжества таких идей? Что, если это так? Что, если именно в этом — цена такой победы?» Мысль автора подвергает бесстрашному анализу состояние современного бытия и в ужасе останавливается перед трагической ситуацией апокалиптического масштаба, равного предсмертному ощущению волчицы Акбары при виде приближающегося человека, «страшнее которого нет»...

Приближающийся человек... Кто он? Каковы его идеалы, в чем его вера? Каков его мир и кто в этом мире мы сами? Кто мы и куда идем? Поздние произведения Ю. Бондарева обнажают весь драматизм трудного послевоенного времени. Они свидетельствуют о глубоких разочарованиях в идеалах социальной справедливости и идее «всеобщего братства»; в них сквозит пронзительная горечь обманутых надежд и одиночества, вопиет потрясенное и истерзанное сознание. Струящаяся со страниц его последнего романа «Искушение» тихая печаль рождает до жути доходящее ощущение, что все мы так или иначе причастны к

дьявольскому вертепу лицемерной цивилизации конца XX столетия... Мир бесов — это мир перевернутых сущностей. Мир, в котором преступление выдается за благородный поступок, ложь — за правду, предательство — за любовь к отечеству, а развал государства, разгул преступности и обнищание народа — за торжество демократии... Такие мысли приходят на ум при чтении «Искушения». Произведение как бы продолжает тему «Бесов» великого Достоевского в новых исторических условиях. Но если бесы Достоевского злобно копошатся за порогом власти и лишь вынашивают свои планы по разрушению России, то бесы Юрия Бондарева, узурпировав власть, осуществляют свои замыслы в крупных масштабах. Это генеральный секретарь и его главный советник — «виртуоз нового мышления», заведующий отделом науки высокой инстанции и секретарь райкома партии, министр и вице-президент Академии наук... Не молчат, стало быть, Музы в «годину смуты и разврата» — они взывают к чести и разуму.

Вспомним, однако, старую как мир истину: в истории бывают периоды, когда в писательских репутациях художество едва ли принимается в расчет. И тогда открываются широкие возможности для проявления амбиций ловкого интерпретатора, искусного ремесленника, по природе своей враждебных высокому духу искусства. Увы, наше искусство переживает именно такое глухое время, лишенное внутреннего света мироощущения. Из искусства уходит чувство радости бытия, идея величия и бессмертия человеческого духа, восхищение красотой и страсть — этот могучий дар, дающий человеку возможность ощутить всю глубину бытия, истины, любви, свободы и трагической неизбежности, наконец. Но каково в создавшейся ситуации художнику, писателю, ученому — и чем он талантливее, тем большему унижению подвергается. Талантливость русского человека стала предметом ненависти. И это на своей Родине! Увы, несчастна та страна, которая отдает лучших своих сынов на поругание.

Есть тут вина, повторим, и русской интеллигенции. Разве своей нерешительностью, а нередко вялостью, инертностью не способствовала она укреплению деструктивных сил в обществе? И разве не поддалась ее колеблющаяся часть дешевому соблазну самооплевывания и покаяния? Но перед кем и за что каяться?! В нынешней ситуации закономерен вопрос: какой России служить нашему современнику — а-ля солженицынской, базирующейся на катастрофически иллюзорных мечтаниях радикальной интеллигенции со всей ее высокопарной болтовней; или России, обогащенной тысячелетним историческим опытом, включающим трагические и предельно мужественные страницы последнего семидесятилетия? России нужны сильные и смелые мужи, способные постоять за ее честь и свободу до конца... Настоящего писателя не покидает высокое дыхание творческой энергии даже в кризисные периоды истории. «И если в этом хаосе, в котором давно уже, но теперь особенно, пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса и хотя бы и не мечтая о руководящей нити? Главное, как будто всем еще вовсе не до того, что это как бы еще рано для самых великих наших художников. У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся... Но есть, необходимо, и жизнь вновь склады-

вающаяся, на новых уже началах. Кто их подметит и кто их укажет? Кто хоть чуть-чуть может определить и выразить законы и этого разложения и нового созидания?» Только время может дать ответы на вопросы Ф. М. Достоевского.

Декабрь 1992 г.

Иван ЩЕБЛЫКИН,
доктор филологических наук

ЗИГЗАГИ ПРИСПОСОБЛЕНЧЕСТВА

(Социально-философский смысл образа Грацианского)

К 40-летию публикации романа Л. Леонова «Русский лес»

...И черви умножались,
Они дрались за пищу остальную.

М. Ю. Лермонтов

Лучшим произведением Леонида Леонова (как, впрочем, всей советской литературы 50-х годов) явился, бесспорно, роман «Русский лес». Не буду касаться социально-политической подоплеки романа. Меня интересует прежде всего его нравственно-этическая сторона. Думаю, она не утратила своей актуальности, напротив, воспринимается сегодня намного острее, нежели в начале 50-х годов, когда появилась книга Л. Леонова. Имею в виду главным образом проблему человеческого миметизма, приспособления личности к окружающей социальной среде за счет сознательного (но скрытого) отказа от норм добропорядочности и чести. Старая, конечно, как мир проблема. Однако в раскрытии этого злокачественного свойства человеческой психики Л. Леонов оказался в особенности убедителен и глубок. Речь идет о Грацианском — сатирическом персонаже, конфликт которого с Иваном Вихровым составляет сюжетную основу «Русского леса».

Я не оговорился, поименовав Грацианского сатирическим персонажем, хотя в целом «Русский лес» — произведение не сатирического пафоса. Но писатель так тонко и колоритно обличает двурушничество Грацианского, столь масштабно и заостренно раскрывает социальную опасность подобных типов, что слово «сатира» вполне подходит для определения авторской позиции в обрисовке героя.

Кто же такой Грацианский и почему понадобилось в характеристике его свойств прибегать к методу сатирической типизации?

Грацианский — профессор столичного лесотехнического института, «светило», крупнейший авторитет в лесоводческой науке, рьяно отстаивающий идею покорения природы во имя нужд социалистической индустрии. Прикрываясь лозунгами «все для социализма», все для планового производства, Грацианский, по сути, пропагандирует хищнический принцип хозяйствования, в особенности губительно сказывающийся на состоянии русских лесов. Но именно последнее и завуалировано, скрыто в деятельности почтенного борца за «демократию» и «прогресс», каким любил себя представлять Александр Яковлевич Грацианский.

Как ни прискорбно, представление ему удавалось. Разрушительная, антинародная деятельность Грацианского и его приспешников (действие происходит в 30—40-е годы XX века) обретала нешуточный размах, смыкаясь с бездумной политикой лесных ведомств на местах. В итоге истинные радетели русского леса, ученые и практики, выступавшие за разумное потребление леса (вырубка не должна превышать прироста), были дискредитированы и смяты. Им приклеили ярлык «противников» социалистического строительства, безнадежно погрязших в дебрях «буржуазно-идеалистических» теорий, каковыми считались кантианство, махизм, спенсеровщина и... вакулианство («подразумевался, — как иронически замечает автор, — застарелый институтский сторож Вакула Трепперещенко, непримиримо и вопреки доводам просвещения веривший в загробную жизнь»).

Во всех этих смертных грехах с легкой руки Грацианского как раз и обвинялся Иван Вихров, профессор того же института, действительно олицетворявший собою совесть русской науки, разработавший в своих трудах методику долгосрочного, надежного лесопользования. Однако благодаря многоопытным, хитроумным стараниям Грацианского репутация Вихрова в течение четверти века «не просыхала ни на одни сутки». Дело дошло до того, что у Вихрова едва не отняли кафедру, а дочь его Полина (жившая отдельно с матерью) искренне была убеждена, что ее отец — олицетворение всего «старого», вредного, мешающего росту «нового». И неудивительно: в грязных, шулерских по сути, но блестящих с виду печатных рецензиях Грацианского на книги Вихрова всегда получалась некая, как замечает Л. Леонов, «востренькая штучка, вроде путевки на виселицу». Лишь во время войны, став взрослой, побывав на фронте, Полина смогла понять, какой чудовищной травле подвергался ее отец... за то, что был патриотом своей земли, желал блага Отечеству!

Правда, в годы Великой Отечественной войны, когда с помощью Морщихина выявилась (да и то случайно) политическая нечистоплотность Грацианского, Вихрову удалось восстановить свою репутацию, обрести уверенность в работе. Ему предлагают даже директорскую должность в родном институте. Но такой поворот в развитии сюжета не очень убеждает. Возможно, здесь сказалась своеобразная дань социалистическому реализму, ориентированному на изображение конечного торжества положительных героев. Поэтому вопрос о том, почему грацианские побеждали в нашей жизни (а я думаю, что это происходит и сейчас), остается.

Вот как отвечает на этот вопрос один из исследователей творчества Л. Леонова: «Пока Вихровы проявляют повышенную щепетильность, в новой жизни их все более бесцеремонно оттесняют из ряда сфер интеллектуальной деятельности грацианские, для которых не существует таких понятий, как доброта, совестливость, побуждение к истине. Иван Матвеевич, вступая в схватку с бывшим приятелем студенческих лет, обязан принять и его методы борьбы, а значит, в чем-то уподобиться своему противнику. Но на это он органически не способен, ибо порядочен, добр и деликатен. Отсюда все вихровские беды» *.

Ученый глубоко прав, указывая на специфически русский

* Ершов Л. Ф. История русской советской литературы. М., Высшая школа, 1982, с. 301.

склад характера Вихрова, природная скромность которого не позволяла ему вооружиться «кулаками» для защиты своей правоты. Слабостью это не назовешь, но и о могутности в подобных случаях говорить не приходится.

Однако есть еще одна причина, вследствие которой грацианским часто удается праздновать шумные победы над своими противниками на нашей земле. Речь идет о широкой, к несчастью, усилившейся в наши дни, консолидации миметизма, его внутренней спайке, в результате чего полезные, благородные устремления порядочных трудолюбивых людей часто остаются безрезультатными.

Наша критика в недостаточной мере обращала внимание на эту сторону в романе Л. Леонова. О миметизме Грацианского говорят обычно как об одном из личных качеств героя. Между тем это всеобщее свойство зла, душа и форма всех современных разрушительных деяний, сердцевинная суть той многоликой силы, которая грозится поглотить (и уже поглощает) усилия разума, света и добра. Нет нужды доказывать, что такая сила имеет международную географию, свои каналы сплочения, а также способы влияния на развитие событий в современном мире.

Миметизм (приспособление с целью паразитизма на нуждах народа и внутреннего разложения страны) заразителен и опасен своей похожестью на все доброе и прекрасное. Миметизм и стал, как показывает Л. Леонов, в новых исторических условиях главным средством подавления национально-патриотического сознания в России, дискредитации и уничтожения ее наиболее талантливых сынов.

Презирая народ, будучи далекими от идеалов и морали трудовых масс, Грацианский и ему подобные составляли в 30—40-е годы едва ли не авангард социалистических преобразований. Легко понять, в каком плачевном состоянии оказались многие идеи общественного прогресса, когда к ним прикоснулись руки грацианских. Достаточно вспомнить хотя бы бешеную травлю, какой подвергалась в 20—30-е годы (под флагом борьбы за обновление деревни) «середняцкая» часть крестьянства, психология истинных тружеников, чьими усилиями крепла и развивалась веками Отчизна. В ходу была и пресловутая теорийка о «затхлости», вековом «застое» русской «избы», «патриархальной» наивности и никчемности русского «мужика», распространяемая газетами, книгами, научными исследованиями и т. п. Осуществлялось выпалывание ростков национального самосознания. Грацианские во всей этой вакханалии были на первых ролях (кстати, и миф о «есенинщине» — один из самых скабрезных, оскорбляющий не только честь великого поэта, но и достоинство народа, — также дело рук грацианских, подтверждающее смертельную опасность для отечественной культуры непредсказуемых зигзагов миметизма).

Роман Л. Леонова неопровержимо свидетельствует: уже тогда, в 30—40-е годы, грацианские уповали на «перешивку тулупа», то есть на переделку страны и мира на свой лад, с помощью, как ни парадоксально, «мысли» и присущей людям естественной потребности в обновлении. Расчет этот далеко не наивный, если принять во внимание, что человечество десятки раз обманывалось в своих ожиданиях, ошибалось, вверяя свои судьбу и чаяния самым «умным» и самым «решительным» реформаторам.

В чем же тут секрет, трагическая «тайна всемирной истории» (Н. Г. Чернышевский)? Да, видимо, в том, что мысль, идея, оторванная от органической жизни народа, не контролируемая народной совестью и сердцем, возбуждаемая только поиском «обновления» или — хуже того — соображениями сиюминутной выгоды, способна перевернуть все и даже привести к тому концу, о котором говорит сам Грацианский как о возможном варианте человеческого развития — когда «горы сорвутся с тысячелетних стоянок», моря поднимутся «от лон своих».

Грацианский, сладострастно предвкушая неисчислимые бедствия человечества, исходит, разумеется, из традиционных представлений о всеобщем Апокалипсисе. Но сегодня можно уже и не прибегать к библейским пророчествам. Ныне невооруженным глазом видно, что один из очень возможных вариантов научно-технических и политических перемен может привести к искомому Грацианским итогу, если в развитии цивилизации возьмут верх силы зла, силы международного миметизма.

Небесполезно в этой связи обратиться к одиннадцатой главе леоновского романа, где Полина беседует с отцом о смысле человеческой жизни, о том, что является целью человеческих стремлений. «Говорят, к счастью, а по-моему, неверно: к чистоте стремиться надо, — чтоб друг всегда за спиной стоял, а не враг, и чтоб люди даже из жизни уходили не с проклятьем, а с улыбкой...» Вихрову нравятся пылкость и благородство дочери, но он говорит о трудностях борьбы, без учета которых не может быть движения к совершенству, к чистоте. Он рассказывает древний миф о Горгоне, которая ужасом и «сладостью» окаменяла людей. Горгона, как поясняет Вихров, — «вся сумма низменных страстей», руководивших многими поступками «вчерашнего человечества» — иначе сказать, сумма зла. И только «один отважный среди людей нашелся — Персей, кто порешился на поединок» с Горгоной, исчадьем зла. Но и он отвернулся, когда заносил свой разящий меч над Горгоной, ибо невозможно смотреть на нее «невооруженным глазом». Иначе сказать, нельзя одолеть зла налегке, без подготовки, без знания его силы и коварства. Персей победил Горгону только с помощью «волшебного зеркала», «шлема-невидимки» и «летучих башмаков». Реальная жизнь не совпадает с мифом: горгоны в ней продолжают «окаменять» людей. Правда, Горгона (по замечанию Вихрова) «уже не та... Но что же имеется у тебя самой, на вооружении твоей души против зла с тысячелетним возрастом?»

Этот вопрос Вихрова обращен не только к Поле, но и к читателю, ибо борьба со злом не столь проста, как кажется. Об этом свидетельствует образ Грацианского. Грацианский, в сущности, та же Горгона, но Горгона реальная, низведенная из области мифа в земную действительность, Горгона, творящая зло по законам «тысячелетней мудрости». Вредя Вихрову, Грацианский вместе с тем проявлял к жертве своих клеветнических выпадов «какую-то просветленную, даже братскую терпимость». Как спрут, он охватывал и омертвлял малейшие инициативы талантливых людей, с помощью своих подручных создавая вокруг своего имени ореол непогрешимости. И даже — гениальности. Хотя в действительности таланты Александра Яковлевича, как и его писания, были, по ироническому замечанию автора, «исчезающе

мелки». Истинная вредоносность Грацианского и его клевретов состояла в том, что, овладев командными высотами в науке, они добивались внедрения (в данном случае в лесное хозяйство) таких методов и проектов, которые в три-четыре десятилетия могли обескровить страну, лишить государство его, казалось бы, неисчерпаемых природных богатств.

Не буду задаваться тяжелым, мучительным для всякого русского человека вопросом о том, в какой степени это удалось сделать грацианским. Ясно, многое удалось. Теперь у них на очереди другая задача — разрушение самого генофонда нашего народа.

Правда, сегодня грацианские действуют иначе («перестроились»!). Они сменили прежние неистовые лозунги о непримиримости классовой борьбы на проповедь «мировой гармонии» и «мировой цивилизации», приоритета общечеловеческих интересов над интересами государства, нации, народа... Но эта новая пропаганда еще опаснее старой: прикрываясь лозунгами общечеловеческого братства, неустанно твердя о необходимости жить в едином «европейском доме», грацианские открыто засоряют родники нашей национальной культуры, отечественных традиций и лучших качеств в характере народа; трудолюбия, беззлобия, стремления к совершенству и нравственной чистоте. Равнение на культуру Запада вне ее социальной определенности, культ изощренной формы во имя так называемого интеллектуализма, понимаемого часто превратно — как суммы формальных умений, жажда «беспрестанного отрицания» (Л. Леонов), стремление безостановочно «изменяться» и «сомневаться» — сомневаться, чтобы разрушать, изменяться, чтобы не дать прорасти и устояться новому, — такова тактика миметизма, таково обличие зла в современных условиях. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться за примерами к бесчисленному множеству так называемых свободных, «радикальных» изданий.

При этом очевидно: Грацианские берут ныне курс не столько на устранение Вихровых, сколько на духовное растление масс, разложение их духовно-интеллектуальным блудом, в котором полностью оказываются стерилизованными такие понятия, как патриотизм, Отечество, общественный и нравственный долг человека, любовь к истине и добру.

Что же можно противопоставить грацианщине? Сознание самих себя, незамутненность народных идеалов, которые духовно питают человека как чистый лесной родник питает многоводную реку. Но возможно ли упование на народный родничок, который и сам за последние десятилетия подвергся изрядным замутнениям? Да и напор его подземных ключей теперь упал едва ли не до критической отметки: события 1917 года, гражданская война, продразверстка, «раскулачивание», голод 30-х годов, смертельная схватка с фашизмом (1941—1945 гг.) и последовавшие затем десятилетия бесчисленных бездумных хозяйственно-экономических реформ при очевидной гегемонии грацианских в сфере идеологии, культуры и пропаганды — все это подорвало в конечном итоге самые основы существования русского народа. Сейчас речь идет уже о его физическом выживании. Преобладание среди русского населения семей с одним и двумя детьми ставит в повестку дня вопрос о резком сокращении граждан русской национальности, примерно наполовину в ближайшие тридцать лет.

Легко представить положение России, русских, количество которых со 130—150 миллионов (до революции 1917 года) упадет в недалеком будущем до 40—50 миллионов в лучшем случае. Кстати, сам Леонов предупреждал не так давно об этой надвигающейся катастрофе русского народа.

И все-таки у нас нет другого пути, как идти к народу, помогать ему стать самим собою, надеяться на его консолидацию, возрождение его былой могутности, дающей силу и всему остальному: экономике, управлению, правовым порядкам...

Да, идти к народу! Не на Запад в надежде на подачки (они обернутся гибелью для нашего народа), а в глубь к самим себе, к своим природным истокам, к нашей матери-кормилице земле, лесам нашим, недрам, озерам и водам, загубленным бесхозяйственностью, нерадением. И — возрождаться! Возрождаться трудом, совестью, взаимовыручкой, добрым отношением друг к другу, пониманием своей национальной и исторической общности. Только деятельное ч у в с т в о народа, только практическая причастность к источникам его коллективной силы и чистоты может спасти нас.

В этом смысле мне представляется поистине символической одна из заключительных сцен романа «Русский лес». Подходила к концу Великая Отечественная война. Страна в разрухе и нужде — кругом скудость и нехватки. Но в душе Ивана Вихрова, любимого героя Леонова, все же забрезжил, затеплился огонек надежды на лучшее. Он оказался свидетелем любопытной сцены в вагоне поезда — пассажиры, по преимуществу простые люди — солдаты, колхозники (среди них и Вихров), — угощаются лесными яблочками, которые щедро раздает безымянный старик в «овчинном обшлаге» (эпизодическое лицо). Располагающая к единению простота, с какой старик доставляет своим спутникам пусть маленькое, но все-таки добро, не просто умиляет Вихрова, но и открывает перед ним большой смысл сущего — своего рода главный закон жизни. Вихрову ясно (это ощущение передается и читателю), что необходимо перенести в духовно-интеллектуальные сферы ту спайку, ту взаимощедрость (дающий — не оскудевает!), которая столь естественно выказывается людьми из народа. Пока этого не произойдет, покуда не осуществится приобщение всех и каждого к о т е ч е с т в е н н ы м народно-нравственным началам, — нечего и думать о возрождении былых преимуществ страны, в том числе и духовного потенциала общества.

«Русский лес» — эпохальное предупреждение миру об опасности злых, разрушительных сил, предупреждение о том, что они, эти силы, не ушли в прошлое; с другой стороны, роман Л. Леонова — конкретное, исторически точное раскрытие тех перспектив (признание идеи Отечества как главной животворящей силы истории), в русле которых возможно действительное, а не воображаемое исцеление нашего государства и общества.

г. Пенза

Гонорар за публикацию статьи автор перечисляет в фонд журнала «Молодая гвардия».

Автора! Автора!

БАЛЛАДА О ПЫЛЬНОМ МЕШКЕ И О ТРОЯНСКОМ ЦАРЕВИЧЕ ПАРИСЕ

Вольное, несколько переиначенное и осовремененное изложение анонимным автором истории мифологического Париса, которого отец Приам бросил не с моста, а, как известно, кинул на горе Иде еще младенцем на съедение волкам, ибо боялся, что сбудется страшный сон его жены Гекубы. (А приснилось ей, что она вместо царственного дитя родила горящий факел, от которого должна сгореть Троя.) Но младенец, как повествует миф, был подобран пастухом, воспитан им. Впоследствии Парис ограбил спартавское царство, украл у царя Менелая жену — красавицу Елену, что послужило причиной жестокой троянской войны.

* * *

Вот мост через тихую местную реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замера, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

А вот и Парис, что с моста сброшен в реку,
С которого сбросить нельзя человека.
Вот дача, где сперли мешок из-под риса,
Который, по слухам, надет на Париса.

А вот и охрана, что так иль иначе,
Наверное, знает про угол той дачи,
А также про пыльный мешок из-под риса,
Которым и трахнули ночью Париса,
Который был сброшен с моста прямо в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замера, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

Вот шеф самый Главный Большого Совета,
Который все знает про то и про это,
Который все тайны изволил нарушить,
Когда попросил нас Министра заслушать,
Министра, который, увы, как ни странно,
Поверил в нелепые бредни охраны,
Которая явно винила Париса,
Залезшего где-то в мешок из-под риса,
Который был сброшен с моста прямо в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замера, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

А вот и Высокий Чиновник Ефроний,
Герой «криминальных» и прочих историй,
Который, права этикета поправ,
Воскликнул с трибуны: «Парис, ты не прав!»,
Не любящий Главного Шефа Совета,
Который все знает про то и про это,
Который все тайны изволил нарушить,
Когда попросил нас Министра заслушать,
Министра, который, увы, как ни странно,
Поверил в нелепые бредни охраны,
Что с чьей-то подачи винила Париса,
Гулявшего где-то в мешке из-под риса,
Который был сброшен с моста прямо в реку,
В которую глупо бросать человека,
Поскольку бросают туда, где река
Богата булыжником и глубока.

А вот и известная дама Хаиса,
Державшая пыльный мешок из-под риса,
В чем ей помогал неустанно Ефроний,
Герой «криминальных» и прочих историй.
Они, чтобы выполнить лучше задачу,
Стояли с утра за углом этой дачи,
А с ними был пыльный мешок из-под риса,
В который они и воткнули Париса,
Который затем ими сброшен был в реку,
В которую сбросить нельзя человека,
Совсем не подумав, что эта река
Для утопления ужасно мелка.

Отсюда совсем не является странным,
Что байки Министру напела охрана,
И он побоялся расследовать дело
Про очень некстати ожившее тело,
И кинулся к Главному Шефу Совета,
Который все знает про то и про это,
Который умеет проблему понять
И так убежденно все это подать,
Что Шефу не будет Парис возражать,
А будет лишь фигу в кармане держать.

От редакции: посылая этот текст в редакцию, автор баллады то ли по забывчивости, то ли из скромности не назвал свое имя. Тем не менее мы публикуем балладу, надеясь, что сам он, либо другие читатели откликнутся на публикацию новыми стихами, балладами, песнями, посвященным «троянским героям» нашего времени.

КАК ЕЛЬЦИН СТАЛ ЭЛЬЦИНЫМ?

Новорожденный еженедельник «Литературные новости», орган ассоциации писателей «Апрель», названный так, наверное, в честь апреля 1986 года, когда была взорвана Чернобыльская АЭС (конечно, не этими литераторами, но кто его знает), едва вылупившись из скорлупы, сразу же прокукарекал сенсацию. Процитирую дословно:

«Эльцин Борис Моисеевич. (Дядюшка.) С 1918 г. (в самый разгар уничтожения русского народа иудеями под лозунгом борьбы с антисемитизмом) член коллегии Наркомата внутренних дел. Затем председатель Екатеринбургского (Свердловского) губисполкома. В 1937 г. расстрелян как троцкист неизвестным патриотом. Поэтому племянник (Б. Н. Ельцин) является членом «Мемориала». (См. Архив ВОСР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6865.) «Справочник патриота-черносотенца» из газеты русского национально-освободительного движения «Московский трактир» № 1. Вопреки закону о печати не указаны даты выхода, учредители, фамилия главного редактора...»

Я так понимаю, что «ЛН» начали борьбу, дабы вырвать нашего родного и любимого Президента из «Московского трактира», найти у него библейские корни и приобщить к числу пророков.

В схватку со стороны «ЛН» вступил великий телеэстрадник с самой русской фамилией Александр Иванов, который категорично утверждает:

Конечно, Ельцин — он еврей,
Поскольку умный и решительный.

Заключительный удар наносит главный редактор «ЛН» Эдмунд Иодковский. У него нет и тени сомнения в национальной принадлежности Бориса Николаевича, только он предпочитает говорить об этом в узком кругу единомышленников, на редколлегии, но не с «черносотенными гадами» из «Московского трактира».

Сомнений нет, Александр Иванов прав: Ельцин — умный и решительный. Владимир Ильич Ленин тоже был умным и решительным, и если бы прожил столько же лет, как и Борис Николаевич, то наверняка из твердокаменного красно-коричневого марксиста стал бы прекрасным демократом, и его мумия не лежала бы сейчас на Красной площади.

Может быть, болезнь вождя совпала с ломкой его убеждений. Вот Борис Николаевич оказался покрепче: был коммунистической бабочкой, стал демократической гусеницей. Жаль, что Владимир Ильич окуклился раньше, чем успел доразвиться до архитектора перестройки.

Кстати, у Владимира Ильича тоже обнаружились библейские корни от времен Адама. Как документально утверждает Г. М. Дейч в своей брошюре «Еврейские предки Ленина» (Нью-Йорк, 1991), дедушкой Владимира Ильича по материнской линии был Израиль Бланк иудейского вероисповедания, который перед поступлением в Императорскую медико-хирургическую академию перешел в православие и сменил имя — стал Александром Бланком. (См. ЦГИА СССР, фонд № 1297 — Медицинский департамент Министерства внутренних дел, опись 10, 1820 г., ед. хр. 10, лл. 206/208.)

Нельзя отрицать, что многое в поведении Владимира Ильича и Бориса Николаевича сходно. Один ораторствовал с броневика, другой с танка (что поделаешь — прогресс). И тот и другой посадили Россию на голодный паек. У обоих планы грандиозные. У Ленина — построить социализм. В переломный период Янаев предложил гэкачепизм, а Борис Николаевич создал новое учение — гэкаотчепизм.

И теперь в нашей СНГоевой стране, нам, ее гражданам — СНГоевистам и нашим детям — СНГоевятам, хочешь не хочешь, приходится строить гэкаотчепизм.

Интересно, что газета «День» — антагонист «ЛН» — поддерживает ее линию в вопросе о ельцинских корнях. За это говорит чудное четверостишие, опубликованное в «Дне» (№ 43, 92 г.) на близкий нашему президенту мотив:

Сегодня все как на параде,
Все к бурбулизму на пути —
В гайдаро-шохинской «бригаде» —
Беня Ельцин впереди!

Поводом, чтобы перекрестить Бориса в Беню, видимо, послужила книга «Сладостный дар» живущей в США русской писательницы Аллы Кторовой. Выдержки из книги были опубликованы в «Дне» несколько ранее (№ 36, 92 г.):

«Фамилия эта (Ельцин. — *В. Р.*) неискушенному в ономастике рядовому гражданину страны кажется типично русской, и только ономаст-профессионал может понять, насколько она русифицированно затемнена... До того, как она замелькала на страницах прессы, фамилия «тянула» на написание окончания через «ы», то есть Ельцын. Чередование «ы» и «и» в окончаниях некоторых российских фамилий играет важную роль, и имяновед-специалист, произведя ономастический анализ, отнесет фамилию Ельцина к пласту тех, которые образованы не от названия города Елец (в этом случае было бы Ельцов, Елецкий — персонаж оперы «Пиковая дама» или Ельчанинов, представитель старинного дворянского рода), а от еврейского антропонима, деминатива (уменьшительного) женского имени Ельця...»

Отсюда, как утверждает исследователь, и пошли еврейские фамилии типа Ельцин, Елкин, Елчин, Елшин... «Что же касается фамилии Ельцин, то она встречается и в США, попав в Америку вместе с эмигрировавшими сюда в конце XIX века евреями...»

Я лично убежден, что наш родной и любимый Б. Н. Ельцин своей фамилией произошел от елки (не путать с дубом и липой). Кстати, молодой московский историк-архивист Д. А. Панов, тонко уловив требование момента, оперативно выпустил брошюрку «Опыт поколенной росписи рода Ельциных» (Пермь, 1992), чем, по сообщениям печати, весьма обрадовал президента. Мне тоже было приятно. Еще бы: наш президент не имеет отношения ни к эмигрировавшим в США евреям Ельциным, ни к китайской династии Цин. Исторический оперативник утверждает, что предки Бориса Николаевича раньше назывались Елцынами, затем в одном колене Ельцынами, и лишь фамилия родителя нынешнего президента (может быть, под влиянием интернациональных идей

Великого Октября) стала писаться на современный манер — Ельцин.

Зубоскальство демократических пародистов из «ЛН» — это наверняка претензии придать крепость малому народу. Патриоты же из «Дня», видимо, хотят подчеркнуть удивительную схожесть двух революций: Октябрьской 1917 года и Августовской 1991 года. Поэтому, чтобы ни у кого не было и тени сомнения, что елка обычная, из русского леса, а не какая-то там экзотическая голубая ель из питомника, надобно высочайшим указом изменить только одну букву: вместо Ельцин писать на русский манер Ельцын по типу Скобельцын, Птицын, Курицын, Синицын...

В наше время обвальных переименований изменение всего лишь одной буквы — сущий пустяк. Зато тогда никакие «Литературные новости» и «Дни» не подкопаются. А то уже «Московские новости» (№ 40, с. 13, 92 г.) ухитрились фамилию известного академика Скобельцына написать на ельцинский манер через «и».

Валерий РОДИКОВ,
народный депутат
Свердловского райсовета Москвы

На первой странице обложки: рисунок художника Д. Б. Каменщикова.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы несут ответственность за точность представляемой информации.

Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Техничесий редактор Н. Строева

Сдано в набор 11.01.93. Подп. в печ. 09.02.93.
Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 14,07. Уч.-изд. л. 17,5.
Тираж 69 000 экз. Заказ 2167.
Типография акционерного общества «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.